ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2021. Том 9, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2021, vol. 9, no. 1

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2021

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор МГУ им.М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почкаев Роман Юлианович, к.ю.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдинова Эльмира Гаделзянова**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Academic Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Нанзатов Б.З., Тишин В.В. К истории татар Внутренней Азии: опыт идентификации племенных названий	8
Луняк Е.Н. Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов	28
Гринберг М. К вопросу о том, как «железные псы» Батуидов разломали «золотую юрту» своих «хозяев»	43
Гайденко П.И. Насилие татар над митрополитом Максимом и разграбление Киева в 1299 г.: причины, обстоятельства и последствия событий, которых «не было»	76
Publici L. Western Immigration in the fourteenth-century Golden Horde: The Case of Venetian Tana	90
Талах В.Н. Татарско-генуэзские договоры 1380 и 1381 года в историческом контексте	108
Ерофеева И.В. «Добрый» или «святой» Джанибек-хан (1342–1357) в устной исторической памяти кочевников-казахов	149
Трепавлов В.В. Акцентология тахт эли: Орда больш́ая или больш́ая?	166
Halperin Ch.J. Ivan IV and the Tatars	188
Татауров С.Ф. Археологическая карта Сибирского ханства: вопросы датировки и интерпретации	201
Нагаминэ Х. К вопросу о взаимоотношениях между Казахскими ханствами, Цинской и Российской империями. Рецензия на книгу: <i>Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty</i>	210

Хроника

Uzelac A. International Online Conference “The Mongols in Central Europe: The Profile and Impact of Their thirteenth-century Invasions” (Budapest, November 26–27, 2020)	224
---	-----

CONTENTS

Original papers

Nanzatov B.Z., Tishin V.V. Toward the History of Tatars of Inner Asia: An Attempt to Identify Tribal Names	8
Luniak Ye.M. Batu Khan's Invasion in the Imagination of French Medieval Authors	28
Grinberg M. To the Question How the "Iron Dogs" of the Batuids Broke down the "Golden Yurt" of Their "Masters"	43
Gaydenko P.I. Tatar Violence over Metropolitan Maxim and the Sack of Kiev in 1299: Causes, Circumstances, and Consequences of Events That "Did Not Happen"	76
Pubblici L. Western Immigration in the fourteenth-century Golden Horde: The Case of Venetian Tana	90
Talakh V.N. Genoese-Tatar Treaties of 1380 and 1381 in Their Historical Context	108
Erofeeva I.V. "Good" or "Saint" Janibek Khan (1342–1357) in the Oral Historical Memory of the Nomads-Kazakhs	149
Trepavlov V.V. Accentology of the Takht Eli: The Great Horde or the Greater Horde?	166
Halperin Ch.J. Ivan IV and the Tatars	188
Tataurov S.F. Archaeological Map of the Siberian Khanate: Dating and Interpretation Issues	201
Nagamine H. On the Mutual Relations between the Kazakh Khanates and the Qing and Russian Empires. Book Review: <i>Noda J., Onuma T.</i> A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty	210

Chronicle

Uzelac A. International Online Conference "The Mongols in Central Europe: The Profile and Impact of Their thirteenth-century Invasions" (Budapest, November 26–27, 2020)	224
---	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(5)+811.512.1

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27

К ИСТОРИИ ТАТАР ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ:
ОПЫТ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ**Б.З. Нанзатов¹, В.В. Тишин²**^{1,2} *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**Улан-Удэ, Российская Федерация*¹ *nanzatov@yandex.ru*, ² *tihij-511@mail.ru*

Цель исследования: в статье предпринимается попытка соотнесения названий племен татар, упоминаемых в «Тайной истории монголов» и «Джамӯ ат-таварих» Рашīд ад-Дīна ат-Табībба, а также высказаны отдельные замечания, касающиеся локализации отдельных племенных групп, и отмечены известные в последующие времена исторические группы населения среди тюркских и монгольских народов, которые могли иметь историческую связь с рассмотренными группировками. В свое время подобную работу провел П. Пельо в его исчерпывающем исследовании. Однако расширение источниковой базы позволяет сегодня предложить некоторые коррективы для построений, предпринятых им и другими исследователями.

Материалы исследования: авторы опирались на два главных источника – монгольская хроника XIII в. «Тайная история монголов» и сочинение начала XIV в. «Джамӯ ат-таварих», известное под авторством Рашīд ад-Дīна ат-Табībба. В качестве вспомогательных источников привлекалась монгольская летопись XVII в. «Алтан Тобчи», в исследуемых фрагментах, в сущности, повторяющая содержание «Тайной истории...». Вместе с перечисленным, авторы в меньшей степени обращались к различным тюркоязычным текстам и китайским источникам, данные которых привлекались фрагментарно. Для фонетических реконструкций привлекались лингвистические данные, представленные известными сведениями об использованных языках, а также этнонимикой и ономастикой монгольских и тюркских народов. Были в известной степени использованы также этнографические материалы.

Результаты исследования и научная новизна: опираясь на данные Рашīд ад-Дīна о шести племенах татар Внутренней Азии, подтверждение чему было обнаружено в недавно открытом документе юаньской эпохи, авторы, сопоставляя наименования, представленные в «Тайной истории монголов» и «Джамӯ ат-таварих», привлекая дополнительные источники, реконструируют наименования *тодокли 'ут*, *алчи*, *чагдйн*, *кюйин*, *тэрээт/*тэрэит*, оставляя дискуссионным наименование **баркуй*. Для ряда этнонимов предлагается широкое обоснование семантики. Однако не все они подвержены единой системе образования, что демонстрируется в тексте статьи.

Ключевые слова: татары, Внутренняя Азия, кочевнические народы, этнонимика, ономастика, фонетическая реконструкция

Для цитирования: Нанзатов Б.З., Тишин В.В. К истории татар Внутренней Азии: опыт идентификации племенных названий // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 8–27. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), №121031000243-5; проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1)

TOWARD THE HISTORY OF TATARS OF INNER ASIA: AN ATTEMPT TO IDENTIFY TRIBAL NAMES

B.Z. Nanzatov¹, V.V. Tishin²

^{1,2} *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *nanzatov@yandex.ru*, ² *tihij-511@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article attempts to correlate the names of the tribes of the Tatars mentioned in both the “Secret History of the Mongols” and Rashīd ad-Dīn al-Ṭabīb’s “Jāmī al-Tawārīkh”. Also, it contains separate remarks regarding the localization of certain tribal groups and later historical population groups among the Turkic and Mongol peoples, which could have a historical connection with the considered groups. At one time, P. Pelliot conducted similar work in his exhaustive study. Since then, the extension of the source base allows one to offer some adjustments of the reconstructions undertaken by him and other researchers.

Research materials: The authors relied on two main sources: the Mongolian chronicle of the thirteenth century, the “Secret History of the Mongols”, and the composition of the early fourteenth century “Jāmī al-Tawārīkh”, recognized as a work of Rashīd ad-Dīn al-Ṭabīb. The “Altan Tobchi” was also used as auxiliary source, being a Mongol chronicle of the seventeenth century that essentially repeats the content of the “Secret History” in the studied fragments. In some cases, the authors turned to various Turkic texts and Chinese sources. Linguistic data offered from the known information about the languages used, as well as the ethnonymy and onomastics of the Mongolian and Turkic peoples, were used for phonetic reconstructions. Ethnographic materials were also used to a certain extent.

Research results and novelty: Based on the data of Rashīd ad-Dīn al-Ṭabīb about the six tribes of the Tatars of Inner Asia, evidenced by a recently discovered document of the Yuan epoch, the authors compared the names given by the “Secret History of the Mongols” and “Jāmī al-Tawārīkh”, then involved the use of an additional source, and as a result reconstructed the names of *Totoqli’ut*, *Alči*, *Čaya’an*, *Küyin*, *Täräät* / **Täräit*, leaving the name **Barquy* as debatable. For a number of ethnonyms, a broad justification of semantics is proposed. However, not all of them are subject to a single formation system, which is demonstrated in the text of the article.

Keywords: Tatars, Inner Asia, nomadic peoples, ethnonymy, onomastics, phonetic reconstruction

For citation: Nanzatov B.Z., Tishin V.V. Toward the History of Tatars of Inner Asia: An Attempt to Identify Tribal Names. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 8–27. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27

Thanks: The research was carried out within the state assignment (project “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)”, № 121031000243-5; project “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”, № 121031000241-1)

Введение

Настолько же, насколько древнюю историю имеет этноним *татар*, многочисленна и литература, посвященная вопросам его происхождения, значения, лингвистической идентификации его носителей в те или иные исторические периоды и вопросам их взаимосвязи (см., напр.: [2; 11, с. 45, 89–91, комм. 2; 37; 55, ص ٢٠٥٨–٢٠٦٢; 30; 54; 8]). История употребления слова *татар* в домонгольское время в различных источниках суммирована недавно, в частности, С.Г. Кляшторным [8]. В отношении носителей этнонима *татар* домонгольской эпохи фрагментарные и не всегда определенные сведения, разбросанные по источникам различного происхождения и относящиеся к широкому периоду VIII–XIII вв., не дают возможности сложить их в какую-то цельную картину. В связи с этим в историографии получило место условное деление *татар* домонгольской эпохи на «восточных», связанных с территорией, в основном, этнической Монголии, и «западных», регистрирующихся в источниках в Гань-су и Восточном Туркестане [21, с. 28].

Авторы данной работы хотели бы коснуться именно «восточных» татар, обратив внимание на исторический период, непосредственно предшествовавший образованию в степях Внутренней Азии империи Чингисхана. Основное внимание уделено нами разбору этнонимов, зарегистрированных источниками в отношении татар. В связи с историческими событиями XII–XIII вв. главнейшими из них, ввиду упоминания внутренних подразделений, входящих в племенное объединение татар, остаются два – «Тайная история монголов» и «Джәмү ат-таварүх» Рашид ад-Дина ат-Табатабаи.

Специальную попытку соотнести друг с другом татарские этнонимы, встречающиеся в этих двух источниках, предпринял в свое время П. Пельо [32, р. 2–9]. Однако и он признал некоторые вопросы дискуссионными. В дальнейшем к отдельным этнонимам обращались другие исследователи. Однако, насколько нам известно, столь же серьезных попыток, подобных П. Пельо, не предпринималось.

Первое упоминание здесь племенных группировок *татар* встречается в эпизоде «Тайной истории...» (§ 53), повествующем о том, что монгольский Амбакай ха'ан выдал свою дочь замуж к *Ayiri'ud Buiru'ud tatar* (кит. *та-та-эр* 塔塔兒 *А-и-ли-у-ти* 阿亦里兀惕 *Бэй-лу-у-ти* 备鲁兀惕), жившим на реке *Urši'un* (кит. *у-эр-ши-вэнь* 兀兒失温)¹, между озерами *Buuir* (кит. *бу-е-эр* 捕鱼兒, см. ниже) и *Kölän* (кит. *Ко-лянь* 阔连, см. ниже), но был захвачен *tatar* **jü'in irgän* (кит. *чжу-инь и-эр-цзянь* 主因亦兒堅) [49, р. 10]. Два наименования, *Ayiri'ud* и *Buiru'ud*, употреблены в тексте нераздельно, потому неясно, одно это племя, имеющее двойное название, или два разных племенных названия [49, р. 299].

¹ Совр. р. Урсун [32, р. 3].

Этот эпизод есть у Рашīд ад-Дūна, где говорится, что Амбакай посватал за сына дочь предводителя племени *чаган татар* (ркуп. *джагайн-тāтāр*) *қайрқұт-?ў?рұқұт* (в переводе восстановлено как *Кайрикут-Буйрукут*) [17, с. 23, прим. 5, 6]².

В другом эпизоде «Тайная история...» (§ 153) называет в 1202 г., в битве при **Dalan Nemürges* (кит. *да-лань не-му-эр-гэ-сы* 答阑捏木兒吉思, букв. 'Seventy Felt Cloaks', 47° 18 СШ, 119° 30 ВД), племена **ča'a'an tatar* (кит. *ча-а-хань та-ма-эр* 察阿安塔塔兒), **alči tatar* (кит. *а-лэй-чи та-ма-эр* 阿勒赤塔塔兒)³, **duta'ud tatar* (кит. *ду-та-у-ми та-ма-эр* 都塔兀惕塔塔兒) и **aluqai/aruqai tatar* (кит. *а-лу-хай та-ма-эр* 阿鲁孩塔塔兒) [49, р. 76, note 1, р. 567]. После названия **duta'ud* (кит. *доу-та-у-ми* 都塔兀惕), при его первом употреблении, в тексте не стоит расширительного этнонима *tatar* (кит. *та-ма-эр* 塔塔兒) [49, р. 566].

Рашīд ад-Дūн, когда говорит о *татахах*, называет шесть племен (روقة [q^awm]), перечисляя их. В крупнейших изданиях труда персидского автора варианты их названий, приведенные в перечне, выглядят следующим образом: *татары-тутукуліут*, *татары-алчи*, *татары-чаган*, *татары-куин*, *та-тары-терат*, *татары-баркуй* [16, с. 103];

راتاء [twtwqlywt tātār], راتاء [alčy tātār], راتاء [čgān tātār], راتاء [kwyyn tātār], راتاء [tr'āt tātār], راتاء [brqwy tātār] [55, ص ٧٩];

Tutuqli'ut Tatar, Alchi Tatar, Chaghan Tatar, Küyin Tatar, Nira'ut Tatar, Buruqui Tatar [44, р. 44].

Как видно, названия, представленные в разных изданиях, не сильно отличаются, а имеющиеся разночтения легко объяснимы ввиду особенностей графики и орфографии арабского письма⁴. Однако, так или иначе, из данных списков видно, что далеко не все шесть названий Рашīд ад-Дūна могут найти явные параллели в «Тайной истории...».

В связи с упоминанием у Рашīд ад-Дūна шести племен *татар* следует указать на один древнеуйгурский текст юаньского времени из Кочо. Здесь упоминается известный по памятникам древнетюркской рунической письменности этноним *toquz tatar bodunin* [twqwz t'tr pwdwnyn], букв. 'народ девяти татар' (10r), в качестве восставшего против уйгурского правителя [51, р. 133, 135, 137, 141], но дальше – *altı tatar bodunı* ['lty t'tr pwdwny], букв. 'народ шести татар', как подчиненный «китайскому государству» (*qıdaj elkä sanlıy* [qyd'y 'yl k' s'n lyq]). При этом упоминается, что он «возвысился» или «возник» (форма деепричастия *törüp* [twygrp] (14v(45)) [51, р. 134, 136, 139, 141, 143, 148].

Не решая вопроса о соотношении между собой встетившихся здесь наименований *toquz tatar* и *altı tatar*, как и *otuz tatar* и *toquz tatar* в памятниках древнетюркской рунической письменности, следует указать, что *altı tatar* хорошо соотносится со сведениями Рашīд ад-Дūна. Кроме того, мы можем

² Мы не смогли обнаружить это место ни у У.М. Тэкстона, ни в критическом издании М. Рошана и М. Мосави, поэтому не имеем возможности проверить перевод и написание.

³ Ю.А. Зуев пишет про *ča'an alčın tatar* как один этноним [6, с. 238], однако такое написание в источниках не встречается.

⁴ В примечаниях издатели отмечают варианты разночтения в разных рукописях и возможные варианты иной реконструкции, их мы коснемся ниже.

сделать вывод о том, что числовые маркеры в этнонимах указывают именно на количество племен в конкретной обозначенной им группировке⁵.

Рашīд ад-Дīн отмечает, что «наиболее конкретный» (مخصوص رت) [mhšwštr] йурт упомянутых им шести татарских племен был в районе озера رويود رولان [bwywt nāwwt] [55, ص ٧٩]. Соответственно, уже исходя из контекста, совершенно невозможно согласиться с С.Г. Кляшторным, видевшим у персидского автора указание на владения *татар* в других частях Внутренней Азии [8, с. 25, 30].

Признавая, таким образом, сведения Рашīд ад-Дīна достоверными, именно его данные предлагается взять за основу для идентификации племен, упомянутых в «Тайной истории...».

Разбор этнонимов

Тотокли'ут: ويلقوتوت [twtwqlywt], варианты написания в разных рукописях (см.: [16, с. 103, прим. 4, с. 108, прим. 5; 55, ص ١٥٧٨]), не оставляют сомнения в правильности реконструкции.

П. Пельо предложил сопоставить этноним с древнетюркским титулом *tutuq* [32, р. 5–6, 7, 272, 274–275] (правильно – *totoq*, что подтверждается тибетской транскрипцией *to-dog* [47, s. 341, приведена литература]). П.Б. Голден и Ю.А. Зуев [30, р. 371; 5, № 2, с. 18] представляли слово как *tutuq* + тюрк. + *li* + монг. аффикс множественности + *Ut*, букв. 'имеющие [своим военнотрудовителем] тутука'. Однако, поскольку облик аффикса +*IX* в значении обладания, принадлежности и т.п. фиксируется не ранее XI в., здесь можно ожидать также форму +*IXG*, то есть **totoq-liḡ/*tutuq-liḡ* + *+Ut* > **tutuqliḡut* > *tutuqli'ut*. Упоминаемые в «Юань ши» 元史 в составе личных имен слова *To-mo-li* 脱脱里 (< **totoqli* / **totoyli*), *To-mo-li-mai* 脱脱里台 (< **totoqlitai* / **totoylitai*) (см.: [32, р. 6–7]), передают полуширокий огубленный гласный /o/ в первом и втором слоге.

П. Пельо не исключал возможности формального сопоставления этнонима с *duta'ut* (кит. 都塔兀惕 *dū-tā-wù-tì* «Тайной истории...» (ср. в «Алтан тобчи» *dutayid* [26, р. 115]), который можно рассматривать как форму множественного числа от *duta'u/n* 'incomplet', 'insuffisant' (ср.: [42, р. 166]), либо восстанавливать в монгольском источнике **tota'ut* = **toto'ut*, **tutu'ut*, что как-будто подтверждается встречающимся в «Юань ши» 元史 написанием *mo-mo-mə* 脱脱忒 < **Totōt* < **Toto'ut* = **Tutu'ut* [32, р. 5, 7].

⁵ В связи с этим нельзя принять выдвинутую недавно гипотезу А.К. Камалова, согласно которой в наименовании *otuz tatar* в эпоху раннего Тюркского каганата и *toquz tatar* в последние годы Восточно-тюркского каганата и в начальный период Уйгурского каганата числительное отражает соответственно факт инкорпорирования *татар* сначала в тридцатиплеменный союз, возглавляемый тюрками, а затем – в токуз-огузский союз, возглавляемый уйгурами (создан после 630 г.). Аналогично упоминание приставки *девять* по отношению к различным племенам токуз-огузского союза в китайских источниках (*цзю син тун-ло* 九姓同羅, *цзю син ба-е-гу* 九姓拔曳固 / 九姓拔野古) обозначает принадлежность последних к девятиплеменному союзу [7, с. 199–202]. Согласиться с такой интерпретацией не позволяет также невозможность субстантивации числительного и использования его качества управляющего определения в изафетной конструкции в тюркских языках.

В китайской транскрипции *ду-та-у-ми* 都塔兀惕 первый иероглиф совпадает с таковым в обозначении должности *ду-ду* 都督 (> др.-тюрк. *totoq*) в танскую эпоху: 都, пиньин. *dū* < ран. ср.-кит. **tə*, позд. ср.-кит. **tuǎ*, ран.-манд. **tu* [43, p. 82]. В китайско-монгольской надписи 1362 г. слово *do-doy*, обозначающее титул, в написании уйгуро-монгольским письмом соответствует *до-до* 朵朵 в китайской части [47, s. 340]. В «Алтан тобчи» /d/ и /t/ на письме регулярно различаются [26, p. xi]. Хотя графика старомонгольского письма не знала различия между узким /u/ и полушироким /o/, однако, раннемандаринское звучание иероглифа указывает на узкий гласный, который, видимо, нужно восстанавливать и в «Тайной истории...», и в «Алтан тобчи». В том наречии, на котором сложился, по крайней мере, письменномонгольский язык, в первом слоге наличие фонемы /o/ было невозможно – на месте лабиализованного в твердоядных словах могло быть только /u/, и так же в заимствованиях [3, с. 315–316]. Вариативность обозначения гласного непервого слога, оказавшегося в безударной, слабой позиции, также известна в старомонгольских памятниках [3, с. 109–110]. Появление вторичного /u/ на месте ожидаемого /o/ в первом слоге также может найти объяснение на монгольском материале (см., напр.: [15, с. 13–14]). Возможна позднейшая контаминация с монг. *duta'u/n*, но нужно признать, что уже к XIII в. формы **totoqli'ud* / **totoyli'ud* и **totoγud* (< **tutaγud*), **tuta'ud* (< **tutaγud*) > **dutaγud* ~ *duta'ud* (> *dutaγid*) существовали параллельно.

Л. Беше предлагает поправить чтение на *tutaγut* и видеть здесь форму множественного числа от слова *tutaq*, сопоставляемого с осм. 'handle; pot holder; pincers, tongs, hostage', а также в значении эвфемизма 'vagina' [27, p. 38]. Ван Пэнлинь пишет об образовании этнонима *tūtūqlūt* в результате редупликации < *tūtū-* [52, p. 59], но, какое слово он берет за основу, неясно. Р.П. Храпачевский сопоставляет эту группу татар – *тутукулйут* (по русскоязычному изданию 1952 г.) с монгольским *туткалу* 'охрана, пограничники', где *+ут* – аффикс множественного числа [21, с. 36].

Алчи: چالچا [ʼālčy], вар. چنا [ʼnɟy] [16, с. 103, прим. 5; 55, ص ١٥٧٨], что четко соотносится с **alčī* (кит. *а-лэй-чи* 阿勒赤) [49, p. 76].

П. Пельо обосновывал ошибочность второй транскрипции, указав на возможную трактовку только как *alčī* 'celui qui prend', что, однако, сам подвергал сомнению ввиду мысли о невозможности наличия тюркского слова у оз. Буир-Нур в тот период. В качестве формальных аналогий он приводил этнонимы *alčīn* у узбеков и среди племен Младшего жуза казахов [39, p. 56–57, note 4; 32, p. 4–5]. (ср., напр., список узбекских племен в «Маджму'ат-таварūх», где چالچان [ʼālčyn], и «Тухфат ат-таварūх-ū хāн-ū», где چالچان [ʼlčyn] [Султанов, с. 29, табл. 1, с. 40, табл. 2]).

Л. Беше предлагает сопоставить с др.-тюрк. *alčī* 'crafty' [27, p. 35].

В качестве одного из вариантов можно предположить также рассмотрение *alčī* как палатализованной (на монгольской основе) формы от изначального тюркского *altī* 'шесть' > **alčī* > *alčī*, уже без осмысления слова как числительного.

Чагāн: چاغان [čǧān] [16, с. 103; 55, ص ٧٦], что соответствует ča'a'an (кит. *ча-а-хань* 察阿安) (< прамонг. *čaγaγan*) [49, p. 76, 566; ср.: 3, с. 248], буквально монг. 'белый'. П. Пельо отмел все возможности мнимого сопоставления

этого наименования с китайским названием *бай да-да* 白鞑靼, букв. ‘белые татары’, как именовали *онгутов* [32, р. 4; 11, с. 45, 92, комм. 6; ср. интерпретацию Б. Ёгеля: 37, с. 50, 52–55].

Однако, к этой версии возвращается Л. Беше, трактующий монг. *ᠰᠠᠭᠠᠨ* ‘white; pure, good; noble’ не как эквивалент тюрк. *aq*, имеющего в отличие от монгольского синонима значение ‘western’, а именно как его перевод. Соответственно, **Aq Tatar* означает ‘Southern Tatars’ или ‘Western Tatars’, либо здесь имеются в виду *онгуты*, жившие южнее и немного западнее оз. Буир-Нур [27, р. 37].

Выше упоминалось об эпизоде роковой поездки Амбакай ха’ана к татарам, жившим между оз. Буир-нур и Далай-нор (= *Kölä*) («Тайная история...», § 53), по Рашīд ад-Дīну, именно к *чагāн татар*.

Следует отметить, что среди чахаров (*цахар*) Внутренней Монголии существует племя *цагаан татар* [14, 173-дугаар тал.]. По устным сведениям, цагаан-татары есть в составе онниутов (< *оңууд*), расселенных к востоку от чахаров.

В связи с тем, что в этом двусоставном наименовании первое слово должно обозначать более малую общность, принадлежащую к более широкой, обозначенную вторым словом (ср. ниже *тэрээт*, которое употребляется в китайских источниках относительно более ранней эпохи без расширительного наименования), нельзя не обратить внимание на то, что само выражение *чагаан татар* может интерпретироваться двояко: и как ‘племя *чагаан*, принадлежащее к объединению/общности *татар*’, и буквально как ‘белые татары’. Интересно, что этноним *сагаан* (букв. ‘белый’) обнаруживает широкое распространение среди бурят. Так, одним из одиннадцати племен *хори* является *сагаан/сагаангууд* [22, с. 179]. В русских документах 1652/53 г. упоминается «Цаганского роду князец Багун с ево улусными людьми» [18, с. 198]. «Багунова сотня», как было отмечено Б.О. Долгих, впоследствии распалась на несколько административных родов: Булагаты родов Онгоева, Колтубаева, Онкотоева, Бараева, Ноетского и Иркидеева [4, с. 289]. Действительно, бурятские этнографические и фольклорные материалы, собранные в XIX–XX вв., не упоминают среди булагатов племени *сагаан*, однако имя *Сагаан* как эпоним, распространено во всех версиях булагатских родословных (см.: [1]). Персонифицированный образ этого племени как предок Сагаан в генеалогиях является предком таких племенных группировок как *батлай* (батулинцы) и *обогон* (*обогони олон*, «багунова сотня»). В XVII в. именно группа племен обогон была записана как «Цагановский род». О происхождении Обогона существует несколько преданий, не имеющих явных противоречий [1, с. 130–132]. Один из авторов настоящей статьи предлагал гипотезу о связи бурятского эпонима *Обогон* с якутским эпонимом *Омогой* [13, с. 148]. Однако в разрезе данного исследования можно допустить и возможную связь с наименованием *цагаан татар*, что в принципе не противоречит и якутской версии о предках якутов долины Туймада, произошедших от Омогоя и Элley. Отцом Элley по якутским генетическим преданиям является Татаар-Тайма [23, с. 76–84]. С другой стороны, в одной из версий преданий об Омогое говорится о татарах как о разжигателях войн, избегая которых бурят Омогой покинул свои земли и ушел вниз по р. Лене [23, с. 59–69]. В этом случае возможна связь и с эхиритской группой племен, предком которой был *нуудаг-*

Сагаан, от чьих сыновей (Сэхир и Сахир) произошли племена *тогто*, *олзон* и *баяндай*.

Кюйин: نبيوك [kwyun] (вар. [nw??n]) [16, с. 103, 111, прим. 3; 55, ص ٧٤, ١٥٨٣]. Только формально может быть сопоставлено с **jü'in* (кит. *чжу-инь* 主因) (§ 53) [49, р. 10; 6, с. 141–142]. Следуя П. Пельо, слово **jü'in* встречается в «Тайной истории...» пять раз (§§ 53, 247, 248, 266 [2 раза]) и только один из них в отношении какой-то общности – находившейся между монголами и татарами, и захватившей в плен Амбакая. В остальных случаях это слово употреблено в связке с этнонимами *qara-kitad* и *jürčäd*, т.е. киданями и чжурчжэнями. Что касается иероглифа 紂, по предположению П. Пельо, он должен был звучать как *яо*, но в некоторых словарях дается чтение *ди*. Даже допуская возможность интерпретации второго варианта как результата палатализованного произношения, например, в иноязычной среде, и соглашаясь считать племенные названия *чжу-инь* 竹因, *чжу-вэнь* 竹溫 и др. записью такого искаженного варианта, исследователь признает, что соотнесение их с نبيوك [kwyun], *Küyin* ~ *Güyin* Рашūd ад-Дūна имеет некоторые сложности. Даже если рассматривать иероглиф 紂 в качестве сокращения от *цзю* 紂, употреблявшегося в ляоских, цзиньских и юаньских текстах, при цзиньском произношении *gü*, само объяснение чередования *j-* и *g-* остается без объяснения [38, р. 128–129; 32, р. 9].

П. Пельо указал на идентичное написание названия реки نبيوك [kwyun], которую сопоставляют с двумя гидронимами: 1) р. Куин-гол, правый приток р. Толы; 2) р. Хойн-гол (Куй-гол), левый приток р. Имин-гол в Барге [16, с. 73, прим. 3; 44, р. 23, note 12; 55, ص ٤٠]. Французский востоковед предлагал исправление نبيوك [kwyun] > نتيوك* [kwytn], т.е. **Küytän* > **Kütän*. В качестве формальных примеров он приводит имя персонажа «Тайной истории...» (§ 58) *Kötön-Baraqa* (кит. *ко-туань ба-ла-хэ* 阔端巴剌合), которому в «Алтан тобчи» соответствует *Küytän-Barqa-ba'atur*. Рашūd ад-Дūн упоминает человека по имени نتيوك [kwyty] *Kütäi* из этого племени (см.: [55, ص ٨٩]), хотя теоретически имя восходит к форме *Küi*. Также П. Пельо указывает на отмеченного в «Алтан тобчи» *Kütäi-Säcän* (или *Kütäi-Säcän*). В качестве одного из вариантов решения дилеммы исследователь предложил развести название реки, возводимое к монг. *köytän* > *köitän* “froid”, и этноним *küytän*, выступающее как множественное число от *küytäi* [32, р. 7–8].

И. де Рахевильц, также отмечая возможность сопоставления термина *Küyin* / *Jüyin* (кит. *куй-инь* 奎因) с кит. *цзю-цзюнь* 紂(=紂)軍, служившим названием особых войск, набранных из иноплеменников, допускал считать слово производным от глагола **jüyi-* (> **jüi-*) ‘to assemble, put together from various pieces, arrange according to colour; to attach to’ + отглагольный аффикс -н. Тогда *jüyin* значило бы ‘something assembled (i.e. put together, combined) from different sources or made up of different kinds’. Это соответствует значению иероглифа *цзю* 紂 (= 紂) ‘to join, band together, unite (in a group, confederacy, etc.)’ [49, р. 300–302; см. также: 49, р. 892–894].

Ю.А. Зуев произвольно пишет о «Куян/Куин-Татарах», предлагая различные сопоставления для формы со вторым широким гласным [5, № 1, с. 21].

Вероятно, некоторый ответ может дать привлечение списков узбекских племен. Так, в «Маджму‘ат-таварих» приводятся наименования *джыйит* جتيد [jyt] и *джуйут* جويوت [jwywt], в «Тухфат ат-таварих-и хан-и» – *джыйит* جتيد [jyt] и *джуйут* جويوت [jywt], которые должны соответствовать *джид* и *джуют* из списка Н.В. Ханыкова, и также *хеит* и *чуют* у Ч.Ч. Валиханова [19, с. 30, табл. 1, с. 40, 41, табл. 2, с. 48]⁶. Однако здесь, в последнем случае, скорее следует ожидать описку в случае с [h] и [j], графически различающихся лишь точкой.

Тэрэйт/*тэрэит (?): رتأت [tr'āt] [55, ص ٧٩], تيارت * [trāyt] (< تيارند [nrāyt] [16, с. 103, прим. 6] (ср.: تثارند [nrāst] [55, ص ١٥٧٨], У. Тэкстон отмечает и варианты *nira'ut* < توارند [nrāwt] или *ayira'ut* < تواريا [ʔyrāwt] [44, р. 44, note 2]. Последнее формально очень заманчиво сопоставить с монг. **ayiri'ud* (кит. *а-и-ли-у-ти* 阿亦里兀惕 [49, р. 10]), о которых см. ниже.

Слишком явным кажется соответствие известным китайским транскрипциям *ди-ле* 敵烈 (ср. Tereits? [53, р. 96]) и *ди-ла* 敵刺 [32, р. 8], что отмечено недавно Р.П. Храпачевским [21, с. 36–37, 43–44]. В «Ляо ши» 遼史 известно также название *ди-ле-дэ* 敵烈得 и варианты *ди-ле-дэ* 迪烈得, *де-ле-дэ* 迭烈得 [53, р. 90, 107; 21, с. 115, прим. XXV, с. 146, прим. CXXII, CXXIV]. Трактовка «трехсложных» вариантов как форм множественного числа, в противовес «двусложным», необязательна. Реконструкция «кратких» форм (*ди-ле* 敵烈, пиньин. *dí-liè* < позд. ср.-кит. **thiajk-liat*, ран.-манд. **ti'-[lje]* [43, р. 75, 193], *ди-ла* 敵刺, пиньин. *dí-lá* < позд. ср.-кит. **thiajk-lat*, ран.-манд. **ti'-[la]* [43, р. 75, 181]) показывает, что обе транскрипции передают звучание, облик которого ближе к позднесреднекитайскому, которое при этом содержит конечный элемент *-t*. Соответственно, они отражают полные формы, а написания с третьим иероглифом связаны уже с произношением эпохи Ляо 遼, когда отпадение согласных элементов финалей обусловило необходимость увеличения количества иероглифов для усиления точности транскрипций иноязычных слов [см.: 20, с. 814–817].

Реконструируемое, таким образом, на основании двух источников наименование **tärāt* (< **tärād*) может быть рассмотрено как форма множественного числа от **tärä'ä/n* < **tärägä/n*. Также возможная форма **trāyt* (< ркп. تيارند [nrāyt]) показывает **tärä'id* < **täräyid*, что отсылает к форме единственного числа **täräi* (ср., напр.: تيارك [krāyt] [55, ص ٢٩٢٠; 32, р. 207–209] < **käräyid* < *käräy* + *+d* [27, р. 25–26]), либо **täräyi/n* < **tärägi/n* (поскольку процесс образования дифтонгов в монгольских языках из комплекса *-VyV-* [также < *-VGV-*] начался задолго до XIII в. [3, с. 193, 215–216]). Однако оба написания могут лишь отражать вариации произношения монофтонгизированного дифтонга /äy/ как долгого [ā] с сильно редуцированным вторым гласным, способным приобрести *i*-образный облик [см., напр.: 15, с. 59–65]. Гипотетическое написание **trāwt* (< ркп. ارنتو [nrāwt]) также может быть формой множественного числа **tärä'üid* от **täräg* + *+Ud*, **tärä/n* + *+GUD*, **tärägün*. Впрочем, этот вариант ненадежен. При формальном рассмотрении элементы *-äi* и *-yi/n* могут быть интерпретированы как аффиксы родительного падежа [41, р. 74], отсылающие, соответственно, к гипотетиче-

⁶ Т.И. Султанов, наоборот, сопоставляет *джийит* с *чуют*, а *джуйут* – с *хеит*.

ским именным основам **tār* и **tārä/n*. Однако достоверных типологически близких этнонимов, образованных как форма генитива, неизвестно.

Нельзя не заметить, что восстанавливаемый облик сопоставим с реконструкцией известного в суйско-танскую эпоху наименования *те-лэ* 鐵勒, пиньин. *tiě-lè* < ран. ср.-кит. **t^het-lək*, позд. ср.-кит. **t^hiat-ləǎk* [43, р. 308, 184], *мэ-лэ* 特勒, пиньин. *tè-lè* < ран. ср.-кит. **dək-lək*, позд. ср.-кит. **thəǎk-ləǎk* [43, р. 304, 184]. За неимением альтернативы в историографии чаще всего по умолчанию принимается гипотеза Дж. Хамильтона, согласно которой *те-лэ* 鐵勒 < ср.-кит. **t'iet-lək*, *мэ-лэ* 特勒 < ср.-кит. **d'ək-lək* < **tägräg* 'cerceau, grande roue légère' [31, р. 25–26, 51, note 6]. Ее слабость состоит лишь в том, что реконструируемое «алтайское» слово ни в какой форме нигде достоверно не зарегистрировано [29, р. 93–94]. Между тем, возможность ассимиляции в среднекитайском звучании финали *-t* перед инициальной *l-* следующего иероглифа позволяет видеть здесь и **täräk* ~ **täräg*.

Воздерживаясь от каких-либо поспешных интерпретаций, можно думать, что в предполагаемых **tärägä* или **tärägi* отражена какая-то монголизированная форма того же слова с характерным звонким консонантизмом ауслута и «удлинением» за счет добавочного гласного.

Этот же этноним, по-видимому, отражает этноним *тэртэ* у западных бурят [ср.: 12, с. 57]. Данная форма явно образовалась, когда слово осмыслялось как цельная конструкция, а его изначальное значение было утрачено. Порядок фонетических трансформаций объяснить можно лишь гипотетически, но, по-видимому, они происходили с формой, уже имевшей во втором слоге стяженный гласный, и обусловлены его попаданием в слабую позицию и нахождением между сонорным и шумным согласным.

В XIX в. носители этого этнонима, были компактно расселены на левобережье Ангары, в среднем течении реки Иркут, в долине реки Джиды, в долине реки Унга. Этноним *тэртэ*, в русских документах употреблялся как *тырteeвский/тыретский* – по отношению к тункинским и закаменским бурятам, и *тыретский* – по отношению к унгинским. От последнего произошел топоним *Тыреть*.

Примечательно в этой связи, что у Рашīд ад-Дūна встречается упоминание о том, что когда *татары* объединились с племенами *дōрбэн*, *салджиут* и *катакин*, все они жили по рекам, при слиянии образующим реку ۋارقنار ۋاروم [ʾānqrh mwrān] [16, с. 101–102; 44, р. 43], т.е., по мнению, комментаторов русскоязычного перевода, имеются в виду левобережные притоки р. Ангары [16, с. 102, прим. 1], вблизи страны Баргуджин-тукум. Действительно, описание этой местности в тексте не позволяет предполагать здесь ошибку. Места расселения бурятских *тэртэ* в долинах р. Иркут и р. Унга, впадающих в Ангару с запада, соотносятся с этими сведениями.

Однако у персидского автора сама эта информация, судя по всему, относится к периоду, когда племена *икирэс*, *королас*, *татар*, *катакин* и *салджиут* провозгласили Джамуху гурханом [16, с. 165; 44, р. 88]. В «Тайной истории...» (§ 141) само событие датируется 1201 г. и локализуется в местности *Alqui Bulaq* ('Sarsaparilla Spring'), где река Кан (совр. Гэнь-хэ 根河) впадает в реку Эргунэ (Аргунь) [49, р. 62–63, 515–517; 50, р. 88–89]; представителем *татар* здесь назван *Jali'n Buqa* из *алчи татар* [49, р. 62, 516–517].

«Ляо ши» 遼史 именует рассматриваемую группировку полностью *ба-бу ди-ле-дэ* 八部敵烈得 (цз. 13, 15, 23, в 997 и 1014 гг.) [53, р. 262, 585, 587; 21, с. 112, 115, прим. XXVI] или *ди-ле ба-бу* 敵烈八部 (цз. 33) [53, р. 48, 92, 592], т.е. ‘тераиты восьми племен’ или ‘восемь племен тераитов’. Перевод может быть уточнен, поскольку в другом месте (цз. 23, 46) они именуются как *ба ши-ле* 八石烈敵烈 (цз. 23, в 1073 г.), т.е. ‘тераиты восьми *ши-ле* 石烈 (= «подплемен»)’ [53, р. 97, 444–445; 21, с. 123, 191, комм. 36, с. 148, прим. XXXVI]. В последующем эти искусственно созданные образования могли как стать самостоятельными племенами [53, р. 48], так и сохраниться в составе племени *ди-ле* 敵烈 в качестве социальных единиц низшего таксономического ранга.

Первое их упоминание относится, по-видимому, к 965 г. [53, р. 581]. Локализовать их принято около р. Урсун и оз. Хулун-Нор в Хэй-лун-цзяне [53, р. 90, 262, note 84]⁷. В цз. 33 «Ляо ши» 遼史 упоминаются *де-лу ди-ле* 迭鲁敵烈, где 迭鲁, пиньин. *dié-lǔ* < позд. ср.-кит. **thiat-luǎ́*, ран.-манд. **tjɛ́-lɔ* [43, р. 79, 200] < **tǎlüg* (?). Эта группа локализуется предположительно к северо-западу от г. Жэхоль [53, р. 90, 554, note 95]. В источнике упоминаются также *бэй ди-ле* 北敵烈, т.е. «северные», локализуемые предположительно в совр. восточной Внешней Монголии [53, s. 91].

В связи с ними интересно упоминание вождя, возглавившего летом 1003 г. все племена *цзу-бу* 阻卜, по имени *Те-ла-ли* 鐵刺里, что Р.П. Храпачевским восстановлено как *таралик* [21, с. 113, прим. XXXVI]. Ср., однако, пиньин. *tiě-là-lǐ* < позд. ср.-кит. **tʰiat-lat-li*, ран. манд. **thjɛ́-[lá]-lí* [43, р. 308, 181, 188], что, все же при учете передачи первым иероглифом мягкорядного слога [32, р. 9, 175], должно дать что-то близкое к **tǎrlig* ~ **tǎrǎlig* [ср. иначе: 20, с. 818], вероятно, сопоставимое с др.-тюрк. *tǎrlık* ‘something which absorbs sweat’, монг. *terlig* ~ *terelig* ‘cotton-padded gown’ [34, р. 204]. Судя по контексту источника, его группировка не тождественна *да-дань го цзю бу* 達旦國九部 ‘государство татар девяти племен’, приславших посольство с миром к лясскому двору летом 1005 г., на несколько дней позже, чем *Те-ла-ли* 鐵刺里 [21, с. 113, прим. XXI].

Заслуживает упоминания также полководец племени *ди-ле-дэ* 迪烈得 по имени Бо-гуа 勃栝, разбивший в 1015 г. лясские войска после их переправы через реку Хэ-ла 曷剌 < **qara* [21, с. 116, прим. XXX]. Его имя может быть не только восстановлено как *Buqa* [21, с. 116, прим. XXXI], но и сопоставлено с упоминаемым в древнеуйгурском документе юаньского времени предводителем *altı tatar bodun* по имени *toquz buqa bǎgār* [51, р. 134, 136, 139, 141, 143, 148, note 25].

***Баркуй (?)**: ىوقرى [brqwy] > ىرىقوتو **[byrqwt]* [44, р. 44, note 2] (ср.: ىوقرى [ywrqwy], ىوقرى [nrqwy] [16, с. 103, прим. 7], что допускал П. Пельо [32, р. 8–9]). Это племя Рашид ад-Дин упоминает лишь один раз, не сообщая никаких дополнительных сведений. Возможны несколько сопоставлений.

⁷ Ср. выше локализацию *Ayiri’ud Buiru’ut tatar* в «Тайной истории...». Прежде здесь, у оз. Цзюй-лунь 俱伦, локализовалась *ши-вэй* 室韋, самая западная группа которых в эпоху Уйгурского каганата граничила с уйгурами [5, № 1, с. 4].

Во-первых, слово сопоставляется с монг. *buiru'ut* (кит. бэй-лу-у-ти 备鲁兀惕) [49, p. 10] и *?ṽ?pṽkṽt* в сочетании *ḱāṽrkṽt-?ṽ?pṽkṽt* [16, с. 23, прим. 6]. В «Алтан тобчи» предводитель татар, которому Амбакай (в тексте – Амагар) отдавал свою дочь (sic!), именуется «нойон всех родов (*уруг*) *büyirüküd*⁸ татарского народа» (*bügüd uruṽ nou(a)n büyirüküd tatar irg(ä)n-ä*) [26, p. 20].

П. Пельо предлагает связать это название с древнетюркским титулом *bujruq*, что давало бы “Tatar du buirug”, учитывая достаточную встречаемость этого титула в личной ономастике эпохи (ср.: Буйрук хан у найманов, Маркуз Буйрук хан, Хурча’уз Буйрук хан у кераитов [32, p. 233]). Ср. касательно *Buiru'ut* перечень узбекских племен в «Тухфат ат-таварүх-и хан-и», где كرىوب [bwyrk], т.е. **büyrük* (ср. в другом списке كاريوب [bwyräk], т.е. **büyräk*) [19, с. 41, 42, табл. 2, с. 48, табл. 3].

П. Пельо предпочитает трактовку *Ayiri'ud Buiru'ut* не как двух этнонимов, а как этнонима с эпитетом, не сумев, однако, подобрать значение для **Ajirīq* (> **Ayiriq*) или **Ayiri'un* [32, p. 3–4].

Возможна трактовка наименования по территории проживания. Следует отметить, что уже П. Пельо выразил сомнения по поводу сопоставления лежащего в основе слова *bujruq* корня *bujur-* и названия озера *buyir* [32, p. 238].

Л. Беше все же рассматривает первое слово как этноним, сопоставляя его с тюрк. *ajrīq* ‘other; separate, independent’ и отмечая некоторую синонимичность с др.-тюрк. *öñi* ‘other than, different’, уйг. *öñü* ‘other, different’, вычленяемого им в *önggüd ~ önggüt* [27, p. 36, 31].

В отмеченном у Рашīд ад-Дīна *ḱāṽrkṽt-?ṽ?pṽkṽt* первое слово может рассматриваться в соответствии с явлением спорадического падения в монгольских формах инициального *q-* [40]: **qayirīyud ~ *qayiriyud > ayiri'ud*, с исходной формой **qayiriy*, либо **qayiriyun < *qayiri- + -GUn*. В основе может лежать глагол *qajir-* (~ *qajri-*) ~ *qadīr ~ qazir* ‘сгибаться, гнуться’, ‘поворачиваться, поворачиваться назад’, с диалектной переходностью [24, с. 194–196]. Это коррелирует с тем, что Махмūd ал-Қашғарī относит язык *татар*, у него являющихся тюрками, к *j*-диалекту [36, p. 85]. При такой трактовке семантически интересно соотношение значений обоих глаголов, лежащих в основе элементов сочетания: *qajir-* (~ *qajri-*) ‘сгибаться, гнуться’ (‘гнуть, гибать’?) и **bujur-* (> **buyir-* > **büyir-*) ‘приказывать, отдавать приказы’.

Скорее всего, учитывая контекст, это не племенное название, а наименование правителя или правящей группировки (исходя из показателей множественного числа) у *чагāн татар* (см. выше).

В написании у Рашīд ад-Дīна возможно предложить другие трактовки: *يوقرى* [brqwy] > **[yqrwy]*, что дает интерпретацию **jarquj* или **irquj*, или даже *يوقرى* [brqwy] > **[rqrwy]* или **[rqrwy]* или *يوقرى* > **[rqrwy]*, возвращающую к **aruqai* (кит. а-лу-хай 阿鲁孩) из «Тайной истории...» [49, p. 76]. Восстановить именно форму с /r/ позволяет «Алтан тобчи», которая в соответствующем фрагменте дает написание *aruqai* [32, p. 3; 26, p. 115; 35, 158. о., 153 jeg.]. Уже П. Пельо отметил ошибочность восстановления *paruqai*, связанного с

⁸ В рукописи *büyirügüd*, но восстанавливать *-k-* предполагается, исходя из ожидаемого *-ügü-* > *-ü'ü-*.

особенностями монгольской старописьменной орфографии, где /a/ и /n/ отличаются точкой [32, p. 8–9].

По-видимому, лишь гипотетическое исправление написания у Рашīд ад-Дūна является единственной возможностью найти сопоставление для этого последнего этнонима, упомянутого в «Тайной истории...» и оставшегося «без пары». Можно предположить, что написание برقوي [brqwy] было продиктовано неосознанной ассоциацией со сходным написанием названия племени **barqu/n* (мн. *barqut*): وقري [brqw], وغري [br̥gw], توقري [brqwt], توغري [br̥gt] [55, ٢٨١⁹ (Index)].

П. Пельо затруднялся в этимологизации этого этнонима, отметив лишь формальные *aruqai* и *aruuqan*, “agréable” [32, p. 5].

Л. Беше предложил сопоставить с др.-тюрк. ОТ *aruq* ‘tired out; exhausted; emaciated, weak for the lack of food’ +j – древнетюркский аффикс диминутива, что дает общее значение для *aruqai* ‘little exhausted’ [27, p. 35–36]. Последний в древнетюркскую эпоху достоверно не зафиксирован, потому логичнее предположить монгольский отыменный аффикс +*Ai*, зарегистрированный в словах тюркского происхождения [34, p. 279].

Если исходить из явно «монгольского» облика слова, которое мы можем восстанавливать и в «Тайной истории...» – *aruqai* или **aruyai* (поскольку рукопись «Алтан тобчи» нерегулярно различает написание увулярного /q/ и фрикативного /ɣ/ [26, p. xi] и нерегулярно отражает графически дифтонгизацию комплекса -*VɣV*- > -*V’V*-, ср. выше *dutayid*), тогда и в **arqui* (~**aruyi*) «Джāмī ат-тавārūх» следует обратить внимание на морфемный состав слова.

В первом случае нам не подходит отглагольный аффикс, обозначающий имена со значением результата действия, который имеет форму -*qai* при добавлении к основам на +*ra*- (с падением гласного при присоединении морфемы), и -*ɣai* при добавлении к основам на +*Vji*- (который отбрасывается) [41, p. 45], почему остается либо отыменный аффикс, обозначающий имена со значением качества +*qai* [41, p. 42], либо аффикс +**qai* (< адвербальный аффикс +*ki* + аффикс мужской аффикс генитива +*Ai*), дающий значения ‘of the [производящая основа]’ [33, p. 203].

В случае с персидской формой можно предполагать формально либо аффикс +*yūi*, добавляющий к именам «женские» значения [41, p. 42], либо -*quj*, образующий в ранних памятниках отглагольные имена со значением потенциального действия, в классических текстах четко обозначая объект или предмет действия [41, p. 94]. Нельзя не отметить встречающееся в надписи Тоньюкука неясное *arqij* в сочетании *arqij qarɣu-γ* (вин. падеж) ‘стража Аргуя / в Аргуе (?)’ (Тон, II, Вост., стк. 3(53)) [46, s. 121, anm. 317]. На тувинской стеле Бай-Булун I предположительно читается *aruyj* (Е 42, стк. 6), толкуемое И.В. Кормушиным по аналогии как ‘дозорная стража’ [9, с. 167–168; 10, с. 130]. Ср. др.-уйг. маних. *arqu*, карах.-уйг. *arɣu* ‘valley’ [28, p. 215]⁹. К. Рёрборн отмечает, однако, в одном из древнеуйгурских манихейских текстов форму [’’gwqw], что предполагает объяснительный характер этимологии, сделанной на основе толкования Махмұда ал-Қашғарұ [45, s. 178].

⁹ Ср. у Махмұда ал-Қашғарұ *qiruyj* ‘Sperber’, возможный монголизм [48, p. 373–374]. В тюркских памятниках подобный облик конца слов может объясняться как вторичный: ср.: *qaruyj* > *qarɣu:j* > *qarɣu*: ‘a watch-tower with a beacon on the top to give raid warnings’ [28, p. 653].

Допустимо сопоставление с монг. *aru*, отраженном в халх., калм., даг. *ap*, бур. *apa* ‘задняя или теневая сторона’, ‘зад; спина’, ‘(топонимич.) северный’ [25, с. 58], что соотносится с тюрк. *arqa* ‘originally “the back” of a person, animal, or thing; hence metaph. “a backer, someone who stands behind and supports a person”’ [28, p. 215], и, как добавляет Ф. Рыбацки, ‘auch: “Schar, Gruppe, Gemeinde (buddh. oder man.), Partei; alle ganz”’ [47, s. 151]. Впрочем, -γ- может выступать как разделительный согласный перед аффиксом генетива +*Ai* [33, p. 203]. «Географическая» семантика нашла распространение только в монгольских языках. Нельзя ли это сопоставить с *бэй ди-ле* 北敵烈 (см. выше)?

Впрочем, без противоречия всем допустимым этимологиями, здесь может быть допущено и формальное сопоставление с этнонимом *arγun* (~ *arγu*), известным, например, среди казахов [19, с. 24]. См., например, у Б.Я. Владимирцова список соответствий тюркских и монгольских слов, где вторые содержат конечный элемент +*Un* [3, с. 325].

Заключение

Представленный опыт соотнесения наименований племен татар Внутренней Азии, по крайней мере, на период второй половины XII – начала XIII вв., встречающихся в двух предоставляющих основной материал по этому вопросу источниках – «Тайной истории монголов» и сборнике летописей Рашīд ад-Дīна, – не является безупречным и содержит, по меньшей мере, одно допущение, которое представляется пока единственной возможностью решить вопрос о соответствии числа наименований, представленных в обоих текстах, подтвержденного древнеуйгурским документом. Одна из возможностей парировать этот недостаток состоит в соображении, что при упоминании отдельных «племен» в конкретных контекстах источники могли в отдельных случаях вести речь не о таксономически эквивалентных социальных формированиях, а упоминать о подразделениях более низкого таксономического уровня, входящих в каждое из этих шести племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят, Ч. 1: Эхириты и булагаты. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. 363 с.
2. Бартольд В.В. Татары // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т., Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 559–561.
3. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.; Л.: Издательство Вост. ин-та, 1929. xii + 436 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Издательство АН СССР, 1960. 621 с.
5. Зуев Ю.А. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // Shygys. 2004. № 1. С. 11–21; № 2. С. 3–26.
6. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
7. Камалов А.К. К интерпретации этнополитонимов *отуз-татар* и *токуз-татар* древнетюркских рунических текстов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляш-

торного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г. Санкт-Петербург / Чулуун С. (ред.). СПб.; Улан-Батор, 2016. С. 195–204.

8. *Кляшторный С.Г.* Древние государства татар в Центральной Азии // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 22–35.

9. *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.

10. *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.

11. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / Мункуев Н.Ц. (пер.). М.: Главная редакция восточной литературы. 1975. 288 с.

12. *Нанзатов Б.З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Радиан, 2005. 160 с.

13. *Нанзатов Б.З.* Идинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 136–156.

14. *Очир, Тайжигуд Аюдайн.* Монголчуудын гарал, нэршил. Улаанбаатар: ИСНС, 2008. 294 х.

15. *Рассадин В.И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.

16. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Хетагуров Л.А. (пер.), Семенов А.А. (ред.). М.; Л.: АН СССР, 1952. 221 с.

17. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Смирнова О.И. (пер.), Семенов А.А. (ред.). М.; Л.: АН СССР, 1952. 316 с.

18. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 / Румянцев Г.Н., Окунь С.Б. (ред.). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 494 с.

19. *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.: вопросы этнической и социальной истории. М.: Наука, 1982. 133 с.

20. *Тишин В.В.* Рецензия на книгу: Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 4. С. 807–828.

21. *Храпачевский Р.П.* «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. Материалы китайских источников X–XIV вв. М.: Перо-Lidergraf, 2015. 318 + 16 с.

22. *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. 662 с.

23. *Эргис Г.У.* Саха былгыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ = Исторические предания якутов: в 2-х ч. Ч. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 323 с.

24. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«К») (~«К»). Выпуск первый / Благова Г.Ф. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

25. Этимологический словарь монгольских языков, Т. 1: А–Е / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. (ред.). М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2015. 224 с.

26. Altan Tobči: A Brief History of the Mongols by BLo-bzañ bsTan-'jin / Cleaves F.W. (ed.). Cambridge (MA): Harvard University Press, 1952. xxvi + iv + 161 + 193 p.

27. *Bese L.* On some ethnic names in 13th century Inner-Asia // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. T. XLII. Fasc. 1. P. 17–42.

28. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii + 989 p.

29. *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. xvii + 483 p.

30. *Golden P.B.* Tātār // *Encyclopaedia of Islam*, Vol. X: Tā'-U[...] / Bearman P.J., Bianquis T., Bosworth C.E., Donzel E. van, and Heinrichs W.P. (eds). Leiden: Brill, 2000. P. 370–371.
31. *Hamilton J.* Toquz-Oyuz et On-Uyyur // *Journal Asiatique*. 1962. T. CCL. Part 1. P. 23–63.
32. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Pelliot P. et Hambis L. (tr.). Leiden: E.J. Brill, 1951. T. I. xxvii + 485 p.
33. *Kempf B.* On the origin of two Mongolic gender suffixes // *Ural-altaische Jahrbücher* (Neue Folge). 2006. Bd. 20. P. 199–207
34. *Khabtagaeva B.* Mongolic Elements in Tuvan. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. xi + 341 p.
35. *Ligeti L.* A mongolok titkos története. Mongolból fordította (előszóval, utószóval, jegyzetekkel ellátta). Budapest: Gondolat, 1962. 241 o.
36. *Maḥmūd al-Kāšgarī.* Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk). Part I. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. xi + 416 p.
37. *Ögel B., Temir A., Sümer F.* Tatar // *İslām Ansiklopedisi: İslām Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati*, Cilt XII.1: Takirat – Tuğraî. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. S. 50–61.
38. *Pelliot P.* L'édition collective des œuvres de Wang Kouo-wei // T'oung Pao, Second Series. 1928. T. XXVI. № 2–3. P. 113–182.
39. *Pelliot P.* Une tribu méconnue des Naiman: les Bätäkin // T'oung Pao, Second Series. 1943. T. XXXVII. Livr. 2. P. 35–72.
40. *Pelliot P.* Les formes avec et sans q- (k-) initial en turc et en mongol // T'oung Pao, Second Series. 1944. T. XXXVII. Livr. 3/4. P. 73–101.
41. *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. xii + 195 p.
42. *Poppe N.* On some proper names in the Secret History // *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1966. Bd. 47. S. 161–167.
43. *Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. vii + 488 p.
44. *Rashiduddin Fazlullah's* Jami'u't-tawarikh. A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols / Thackston W.M. (tr.). Cambridge, MA: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998. Part 1. xlv + 244 p.
45. *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch: Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien, 3. Lieferung: anta – asanke. Wiesbaden: Franz Steiner, 1981. S. 149–229.
46. *Rybatzki V.* Die Toñuquq-Inschrift. Szeged: University of Szeged, 1997. 132 p.
47. *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv + 841 s.
48. *Rybatzki V.* Mongolische Lehnwörter bei Maḥmūd al-Kāšgarī? // Maḥmūd al-Kāšgarī'nin 1000. Doğum Yıldönümü Dolayısıyla Uluslar arası Dīvānu Lügātī't-Turk Sempozyumu 5–7 Eylül 2008, İstanbul = The Dīvānu Lügātī't-Turk International Symposium: In Commemoration of Maḥmūd al-Kāšgarī's 1000th Birthday, 5th–7th September 2008, İstanbul. Ayrıbasım. Offprint / Develi H., Kaçalın M.S., Kırıl F., Ölmez M., Çulha T. (eds). İstanbul: Eren, 2011. P. 367–380.
49. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century / Rachewiltz I. de (tr.). Leiden; Boston: Brill, 2004. Vol. I–II. cxxvi + 1347 p.
50. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century, Vol. 3: Supplement / Rachewiltz I. de (tr.). Leiden; Boston: Brill, 2013. xxiii + 226 p.

51. Tieshan Z., Zieme P. A memorandum about the king of the On Uygur and his realm // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2011. Vol. 64. Part 2. P. 129–159.
52. Wang Penglin. *Linguistic Mysteries of Ethnonyms in Inner Asia*. Lanham: Lexington Books, 2018. 296 p.
53. Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng. *History of Chinese Society: Liao (907–1125)*. Philadelphia: The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949. xv + 752 p.
54. Yıldırım K. Tatar Adının Kökeni Üzerine // *Türkiyat Mecmuası*. 2012. C. 22. S. 171–189.
55. Rashīd al-Dīn Faẓl-āllāh Hamedānī [دیشر نیدلا لصف الله ینادمه]. *Jāmī al-Tawārīkh* [جامعہ خیراوتلا] / Roshan M., Mousavi M. (eds) [دمحم نشور؛ طصمفی یوسوم]. 1–4 شخب. Tehrān [نارعت]: Nashr āl-barz [رشذ زربلا], ۱۳۷۳. ص 2977, [87].

Сведения об авторах: Баир Зориктеевич Нанзатов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 17.12.2020 Принята к публикации 26.02.2021

Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Baldaev S.P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat*, Ch. 1: *Ekhurity i bulagaty* [Genealogical Tales of the Buryats, Part 1: The Ekhurits and Bulagats]. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1970. 364 p. (In Russian)
2. Barthold V.V. *Tatary* [The Tatars]. Barthold V.V. *Sochineniia*, Vol. 5: *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [Writings, Vol. 5: Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples]. Moscow: "Science", 1968, pp. 559–561. (In Russian)
3. Vladimirtsov B.Ia. *Sravnitel'naia grammatika mongol'skogo pis'mennogo iazyka i khalkhaskogo narechiia. Vvedenie i fonetika* [Comparative Grammar of the Mongolian Written Language and the Khalkha Dialect: Introduction and Phonetics]. Moscow; Leningrad: Oriental Institute Publishing House, 1929. xii + 436 p. (In Russian)
4. Dolgikh B.O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v 17 veke* [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia during the seventeenth century]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 621 p. (In Russian)
5. Zuev Iu.A. Kaganat se-ian'to i kimeki (k tiurkskoi etnogeografii Tsentral'noi Azii v seredine VII v.) [Sie-yen-tuo Qaghanate and Kimeks (on the Turkic ethnogeography of Central Asia in Middle Ages in the middle of seventh century)]. *Shygys*. 2004, no. 1, pp. 11–21; no 2, pp. 3–26. (In Russian)
6. Zuev Iu.A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays of a History and Ideology]. Almaty: Daik-Press, 2002. 338 p. (In Russian)
7. Kamalov A.K. K interpretatsii etnopolitonimov otuz-tatar i tokuz-tatar drevnetyurkskikh runicheskikh tekstov [On the interpretation of ethnopositims Otuz-Tatar and Tokuz-Tatar of old Turkic runic texts]. *Tyurko-mongol'skiy mir v proshlom i*

nastoyashchem. Materialy nauchnoi konferentsii pamyati Sergeya Grigor'evicha Klyashtornogo (1928–2014) 16–17 fevralya 2015 g. Sankt-Peterburg [Turko-Mongolic World in the Past and Present. Proceedings of the Scholarly Conference in Memory of Sergei Grigorievich Klyashtorny (1928–2014) February 16–17, 2015 St. Petersburg]. Chuluun S. (ed.). Ulan-Bator, 2016, pp. 195–204. (In Russian)

8. Klyashtorny S.G. *Drevnie gosudarstva tatar v Tsentral'noy Azii* [Early Tatar states in Central Asia]. *Zolotoordynskoye obozreniye=Golden Horde Review*. 2013, no 1, pp. 22–35. (In Russian)

9. Kormushin I.V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia* [Yenisey Turkic Epitaphs. Texts and Studies]. Moscow: “Science”, 1997. 303 p. (in Russian)

10. Kormushin I.V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Grammatika. Tekstologiya* [Yenisey Turkic Epitaphs. Grammar. Textual Criticism]. Moscow: “Science”, 2008. 342 p. (In Russian)

11. *Meng-da bei-lu* (“*Polnoye opisaniye mongolo-tatar*”). *Faksimile ksilograf* [Meng-da bei-lu (“Complete Description of the Mongol-Tatars”) Facsimile, Xylograph]. Munkuev N.Ts. (tr.). Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature, 1975. 288 p. (In Russian)

12. Nanzatov B.Z. *Etnogenez zapadnykh buriat (6–19 vv.)* [Ethnogenesis of the Western Buryats (from the sixth to nineteenth century)]. Irkutsk: Radian Press, 2005. 159 p. (In Russian)

13. Nanzatov B.Z. *Idinskiye buryaty v 19 veke: etnicheskii sostav i rasseleniye* [The Ida Buryats in the nineteenth century: Ethnic composition and settlement]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2017, vol. 20, pp. 136–156. (In Russian)

14. Ochir, Tayzhiud Ayudayn. *Mongolchuudyn garal, nershil* [Mongolian Ethnonyms and Genesis]. Ulaanbaatar: IISNC, 2008. 294 p. (In Mongolian)

15. Rassadin V.I. *Ocherki po istoricheskoi fonetike buriatskogo iazyka* [Essays on the Historical Phonetics of the Buryat Language]. Moscow: “Science”, 1982. 198 p. (In Russian)

16. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Compendium of Chronicles]. Khetagurov L.A. (tr.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952, vol. 1, part 1. 221 p. (In Russian)

17. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Compendium of Chronicles]. Smirnova O.I. (tr.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences of USSR, 1952, vol. 1, part 2. 315 p. (In Russian)

18. *Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek*. [Collection of Documents on the History of Buryatia. The seventeenth century]. Rumyantsev G.N. and Okun S.B. (eds). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1960. Vol. 1. 494 p. (In Russian)

19. Sultanov T.I. *Kochevyie plemena Priaral'ya v 15–17 vv.: voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii* [Nomadic Tribes of the Aral Sea Region from the fifteenth to seventeenth century: Questions of Ethnic and Social History]. Moscow: “Science”, 1982. 133 p. (In Russian)

20. Tishin V.V. Book Review: Khrapachevsky R.P. “Tatary”, “mongoly” i “mongolo-tatary” IX–XII vekov po kitayskim istochnikam (“Tatars”, “Mongols” and “Mongol-Tatars” in the 9th–12th centuries according to Chinese Sources). *Zolotoordynskoye obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 4, pp. 807–828. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.807-828. (in Russian)

21. Khrapachevskii R.P. “Tatary”, “mongoly” i “mongolo-tatary” 9–13 vekov po kitaiskim istochnikam. *Materialy kitaiskikh istochnikov 10–14 vv.* [“Tatars”, “Mongols”, and “Mongol-Tatars” from the ninth to thirteenth century according to Chinese Sources. Materials of Chinese Sources from the tenth to fourteenth century]. Moscow: “Perolidergraph”, 2015. 318. 16 p. (In Russian)

22. Tsydendambaev Ts.B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye* [Buryat Historical Chronicles and Genealogies]. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1972. 662 p. (In Russian)
23. Ergis G.U. *Sakha bylyrgy sehennere uonna kepseennere = Istoricheskiye predaniya yakutov* [Historical Traditions of the Yakuts]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960, part 1. 323 p. (In Yakutian and Russian)
24. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K" (~"G") i "Q" (~"K")* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic Stems Starting with Letters "K" (~"G") and "Q" (~"K")]. Blagova G.F. (ed.). Moscow: "Languages of Russian Culture", 1997, vol. 1. 368 p. (In Russian)
25. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov*, T. 1: A–E [Etymological Dictionary of Mongolic Languages, Vol. 1: A–E]. Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., and Shevernina Z.V. (eds). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. 224 p. (In Russian)
26. *Altan Tobči: A Brief History of the Mongols by BLo-bzañ bsTan-'jin*. Cleaves F.W. (ed.). Cambridge (MA): Harvard University Press, 1952. xxvi + iv + 161 + 193 p.
27. Bese L. On some ethnic names in 13th century Inner-Asia. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1988, vol. 42, fasc. 1, pp. 17–42.
28. Clauson G. *An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii + 989 p.
29. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. xvii + 483 p.
30. Golden P.B. Tātār. *Encyclopaedia of Islam*, Vol. X: Tā'–U[...]. Bearman P.J., Bianquis T., Bosworth C.E., Donzel E. van, and Heinrichs W.P. (eds). Leiden: Brill, 2000, pp. 370–371.
31. Hamilton J. Toquz-Oyuz et On-Uyyur. *Journal Asiatique*, 1962, vol. 250, part 1, pp. 23–63. (In French)
32. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou*. Pelliot P. et Hambis L. (tr.). Leiden: E.J. Brill, 1951, vol. 1. xxvii + 485 p. (In French)
33. Kempf B. On the origin of two Mongolic gender suffixes. *Ural-altaische Jahrbücher (Neue Folge)*. 2006, vol. 20, pp. 199–207.
34. Khabtagaeva B. *Mongolic Elements in Tuvan*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. xi + 341 p.
35. Ligeti L. *A mongolok titkos története. Mongolból fordította (előszóval, utószóval, jegyzetekkel ellátta)*. Budapest: Gondolat, 1962. 241 p. (In Hungarian)
36. Maḥmūd al-Kāshgarī. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982, part 1. xi + 416 p.
37. Ögel B., Temir A., and Sümer F. Tatar. *İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugatı*, Cilt 12.1: Takirat – Tuğrâi. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979, pp. 50–61. (In Turkish)
38. Pelliot P. L'édition collective des œuvres de Wang Kouo-wei. *T'oung Pao, Second Serie*. 1928, vol. 26, fasc. 2–3, pp. 113–182. (In French)
39. Pelliot P. Une tribu méconnue des Naiman: les Bātākin. *T'oung Pao, Second Series*. 1943, vol. 37, fasc. 2, pp. 35–72. (In French)
40. Pelliot P. Les formes avec et sans q- (k-) initial en turc et en mongol. *T'oung Pao, Second Series*. 1944, vol. 37, fasc. 3–4, pp. 73–101. (In French)
41. Poppe N. *Grammar of Written Mongolian*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954, xii + 195 p.

42. Poppe N. On some proper names in the Secret History. *Ural-Altaische Jahrbücher*. 1966, vol. 47, pp. 161–167.
43. Pulleyblank E.G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press, 1991. vii + 488 p.
44. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh*. *A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. Thackston W.M. (tr.). Cambridge, MA: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998, part 1. xlv + 244 p.
45. Röchborn K. *Uigurisches Wörterbuch: Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien*, Part 3: *anta – asanke*. Wiesbaden: Franz Steiner, 1981, pp. 149–229. (In German)
46. Rybatzki V. *Die Toñuquq-Inschrift*. Szeged: University of Szeged, 1997. 132 p. (In German)
47. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv + 841 p. (In German)
48. Rybatzki V. Mongolische Lehnwörter bei Maḥmūd al-Kāšgarī?. *Maḥmūd al-Kāšgarī'nin 1000. Doğum Yıldönümü Dolayısıyla Uluslar arası Dîvānu Lügātî't-Türk Sempozyumu 5–7 Eylül 2008, İstanbul = The Dîvānu Lügātî't-Türk International Symposium: In Commemoration of Maḥmūd al-Kāšgarī's 1000th Birthday 5th–7th September 2008, İstanbul. Ayırbaşım. Offprint*. Develi H, Kaçalin M.S., Kıral F., Ölmez M., and Çulha T. (eds). İstanbul: Eren, 2011, pp. 367–380. (In German)
49. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century*. Rachewiltz I. de (tr.). Leiden; Boston: Brill, 2004, vol. 1–2. cxxvi + 1347 p.
50. *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century*, Vol. 3: *Supplement*. Rachewiltz I. de (tr.). Leiden; Boston: Brill, 2013. xxiii + 226 p.
51. Tieshan Z. and Zieme P. A memorandum about the king of the On Uyгур and his realm. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2011, vol. 64, part 2, pp. 129–159.
52. Wang Penglin. *Linguistic Mysteries of Ethnonyms in Inner Asia*. Lanham: Lexington Books, 2018. 296 p.
53. Wittfogel K.A. and Fêng Chia-shêng. *History of Chinese Society: Liao (907–1125)*. Philadelphia: The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949. xv + 752 p.
54. Yıldırım K. Tatar Adının Kökeni Üzerine. *Türkiyat Mecmuası*. 2012, vol. 22, pp. 171–189. (In Turkish)
55. Rashīd al-Dīn Faḫr-āllāh Hamedānī. *Jāmī al-Tawārīkh*. Roshan M. and Mousavi R. (ed.). Tehrān: Nashr āl-barz, 1373, part 1. 2977 + [87] p. (In Persian)

About the authors: Bair Z. Nanzatov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511@mail.ru

*Received December 17, 2020 Accepted for publication February 26, 2021
Published March 29, 2021*

БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ В ОТОБРАЖЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Е.Н. Луняк

*Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя
Нежин, Украина
lunyak@ua.fm*

Цель исследования: рассмотреть проблему отображения монголо-татарского нашествия под предводительством хана Батыя в Европу (1237–1242) в произведениях французских средневековых авторов XIII–XVI вв.

Материалы исследования: опубликованные источники на латинском, французском и русском языках (произведения Иоанна де Плано Карпини, Альберика де Труафонтен, Матвея [Мэтью] Парижского, Андрэ Тэвэ, Бенуа Риго и Блеза де Виженер).

Результаты и научная новизна исследования: рассмотрена эволюция взглядов французских средневековых авторов на проблему монголо-татарского вторжения в Европу от появления первых сведений об этих завоевателях (Альберик де Труафонтен, Матвей Парижский) до становления научного подхода к изучению этого вопроса в историописании XVI в. Изучены пути проникновения в средневековую Францию сведений о монголо-татарском нашествии в страны Восточной Европы (особое внимание при этом обращено на дипломатическую миссию Иоанна де Плано Карпини [1245–1247] в Монгольскую империю и участие архиепископа из Руси Петра Акеровича в Лионском соборе [1245]). Отмечена важность монгольского вопроса для политики Французского королевства середины XIII в. Проанализированы попытки правительства Людовика IX Святого наладить контакты с монгольскими ханами. Сделан вывод, что в последующее время свидетельством разрушительного характера татарского владычества на русских землях стал значительный приток невольников из Руси в портовые города Южной Франции, отмеченный в XIV–XV вв. Особое внимание уделено становлению научного подхода во французской исторической мысли XVI в., когда такие исследователи, как Андрэ Тэвэ, Бенуа Риго и Блез де Виженер, на основе критического анализа источников пытались воссоздать картины монголо-татарского вторжения в Европу в середине XIII в., заложив тем самым основы для развития историографии этого вопроса во Франции.

Ключевые слова: хан Батый, монголо-татары, Русь, Европа, Франция, средневековые авторы

Для цитирования: Луняк Е.Н. Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, №. 1. С. 28–42. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.28-42

BATU KHAN'S INVASION IN THE IMAGINATION OF FRENCH MEDIEVAL AUTHORS

Ye.M. Luniak

*Nizhyn Gogol State University
Nizhyn, Ukraine
lunyak@ua.fm*

Abstract: Objective: A consideration of the problem of imagining the Mongol-Tatar invasion of Europe (1237–1242) led by Batu Khan in the works of French medieval authors from the thirteenth to the sixteenth centuries.

Research materials: Edited sources in Latin, French, and Russian, including works by Giovanni di Pian di Carpine, Alberic de Trois-Fontaines, Matthaeus Parisiensis (Matthew Paris), André Thevet, Benoit Rigaud, and Blaise de Vigenère.

Results and novelty of the research: The author considers the evolution of the views of French medieval authors on the problem of the Mongol-Tatar invasion of Europe from the appearance of the first information about the conquerors (Alberic de Trois-Fontaines, Matthaeus Parisiensis) to the formation of a scholarly approach to the study of this issue in the research of historians of the sixteenth century. In particular, the author deals with the ways that information about the Mongol-Tatar invasion of the countries of Eastern Europe penetrated into medieval France. Special attention has been paid to the diplomatic mission of Giovanni di Pian di Carpine (1245–1247) to the Mongol Empire and the participation of the archbishop of Rus', Petro Akerovich, in the First Council of Lyon (1245). The importance of the Mongol issue for the policy of the French Kingdom in the middle of the thirteenth century is noted too. The attempts of the government of Louis IX to establish contacts with the Mongol Khans are analyzed as well. It is concluded that in subsequent times, a significant influx of slaves from Rus' into the port cities of Southern France, noted in the fourteenth and fifteenth centuries, might be seen as evidence of the destructive nature of Mongol domination on the Rus'ian lands. Particular attention has been paid to the formation of a scholarly approach in French historical thought of the sixteenth century, when researchers such as André Thevet, Benoit Rigaud, and Blaise de Vigenère tried to recreate the picture of the Mongol-Tatar invasion of Europe in the middle of the thirteenth century based on a critical analysis of the sources, thereby laying the basis for the development of this topic's historiography in France.

Keywords: Batu Khan, Mongols and Tatars, Rus', Europe, France, medieval authors

For citation: Luniak Ye.M. Batu Khan's Invasion in the Imagination of French Medieval Authors. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 28–42. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.28-42

В 1240 г. под натиском монголо-татар пала столица Руси Киев. Восточные завоеватели продолжили свой поход на запад, опустошив в следующем году земли Галицко-Волынского княжества, сделав вторжение в соседние с Русью страны и причинив существенное разорение Польше, Венгрии, Чехии, Хорватии. Передовые отряды монголо-татар показались на рубежах Германии, вызвав сильный переполох и панику в Западной Европе, где армия татар ассоциировалась с порождениями преисподней. Собственно говоря, на infernalную привязку указывало и само понятие «тартары (*Tartares*)», которое закрепилось за пришельцами с востока в европейских языках. Только в

XX в. название татар во Франции получило современный вид, утратив одну букву – *les Tatares*.

Разгром ордами Батыя польско-немецкого войска князя Генриха Благочестивого в битве под Легницей 9 апреля 1241 г., а также многочисленных сил венгерского короля Белы IV и его брата хорватского герцога Коломана на реке Шайо в районе долины Мохи 11 апреля 1241 г. только способствовал возрастанию панических, если не апокалиптических, настроений в Европе.

Император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен ввиду огромной опасности полного разгрома христианского мира завоевателями из Азии был вынужден обратиться к правителям европейских стран и своим подданным с тревожным посланием: «Время пробудиться от сна, открыть глаза духовные и телесные. Уже секира лежит при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью целому христианству. Уже давно мы слышали о нем, но считали опасность отдаленною, когда между ним и нами находилось столько храбрых народов и князей. Но теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотом христианству против свирепого неприятеля» [8, с. 141].

В этом послании Фридрих II указывал своим вассалам, что им надлежит уклоняться от прямых столкновений с сильными и многочисленными отрядами монголо-татар, но в то же время укреплять города, замки и другие оборонительные сооружения, так как захватчики пытаются избегать ведения длительных штурмовых и осадных мероприятий возле хорошо укрепленных мест [14, р. 66–67, 71].

Император Священной Римской империи Фридрих II хорошо осознавал необходимость таких приготовлений, так как ещё в 1238 г., когда войска Батыя находились очень далеко от его владений, он получил от него дерзкое письмо с требованием признать его верховенство и тем сохранить свою власть. О содержании этого письма сообщал известный французский хронист Альберик де Труафонтен: «Татарский король императору Фридриху написал требование, чтобы тот позаботился себе выбрать какую-нибудь должность при его дворе и своей землей управлял бы и дальше. На что император, говорят, ответил, что раз он разбирается в птицах, то смог бы быть хорошим сокольничим (*Rex Tartarorum imperatori Frederico scripsit mandans, ut sibi in hoc consuleret, quatinus officium aliquod in sua curia eligeret et de se terram teneret. Ad quod imperator respondisse fertur, quod satis scit de avibus et bene erit falconarius*)» [9, с. 399; 10, р. 943].

Однако, если в 1238 г. император мог позволить себе отшутиться, получив послание от Батыя, то в 1241 г. ему было уже не до шуток. Татарская армия уже стояла на границах Германии. Против них срочно была собрана армия под предводительством принца Конрада Гогенштауфена, сына императора, преследовавшая цель не допустить вторжения монголо-татар в Германию.

Слухи об их дикости, жестокости и многочисленности просто поражали воображение тогдашнего западноевропейского обывателя. В «Великой хронике» написанной современником событий, английским хронистом Матвеем (Мэтью) Парижским, в которой рассказывается о походе монголо-татар в Европу, содержится красноречивая миниатюра, показывающая, как степные воины расчлениают, поджаривают на вертеле и едят взятых в плен врагов (рис. 1).

Рис. 1. Миниатюра из «Великой хроники» английского хрониста Матвея (Мэтью) Парижского, показывающая зверства монголо-татар над побежденными врагами

Fig.1. Miniature from the “Greater Chronicle” by the English chronicler Matthew Paris showing the atrocities of the Mongol-Tatars over the defeated enemies

Также в «Великой хронике» Матвея Парижского содержится весьма любопытное свидетельство, датированное около 1239 г., от некоего венгерского епископа о монголо-татарах, вторгшихся на Русь. Анонимный венгерский епископ прочно ассоциирует завоевателей с многолюдными варварскими библейскими народами Гог и Магог, вырвавшимся из многовекового заточения и несущими в Европу войну и опустошение: «...Они едят жаб, собак, змей и все, без различия. Я спросил, каким образом они вышли из-за гор, за которыми они находились. Они сказали, что их войско растягивается на двадцать дней пути в длину и ширину; двенадцать тысяч людей постоянно надзирают, верхом на лошадях, за войском. Лошади у них хорошие, но глупые. Они следуют за ними в большом количестве без наездника; так, что когда один из них едет на лошади, за ним следует 20 или 30 лошадей. Их кольчуги сделаны из кожи, и они прочнее сделанных из железа; как и то, чем они покрывают лошадей. Пешими они ничего не способны делать, поскольку голени у них короткие, а туловище длинное. Они стреляют из лука лучше, чем венгры и куманы, и у них более мощные жилы. Каким бы образом они не нападали на землю, убивают всех жителей этой земли, за исключением маленьких детей; которым Зингитон (*Zingiton*) [имеется в виду Чингизхан – Е.Л.], господин их, имя которого переводится как царь царей, выжигает на их лице свое клеймо. И есть сорок два советника, которым Зингитон вверил свою печать. Никто из его войска не осмеливается говорить громко, и никто из всего войска не осмеливается спросить, куда идет наш господин или что он намеревается сделать? Они пьют молоко лошадей и сильно от него пьянеют. Мы не можем узнать ничего нового о них, что было бы достоверным; поскольку им предшествует некий народ, называемый морданами (*Mordani*) [очевидно, речь здесь идёт о вспомогательных отрядах, набранных из мордовских племен Поволжья – Е.Л.], которые убивают всех, без различия. И никто из них не смеет надеть обуви на свои ноги прежде, чем не убьет человека... Несомненно, они опустошили все земли и разрушили все, что им встретилось на пути...» [9, с. 402–405].

Подобное описание монголо-татарских воинов (*Tartari*) можно увидеть и в хронике вышеупомянутого Альберика де Труафонтен, свидетельствующего об их вторжении в Венгрию: «Их внешний вид, согласно свидетельству тех, кто их видел воочию, является следующим: голова у них пухлая и шея короткая; грудь – сильно выпуклая; руки – очень толстые; ноги – маленькие и толстые. Их сила изумительна. Они не ведают сострадания и никого не боятся, у них нет веры, и они никому не поклоняются, кроме своего царя, который зовется царем царей и владыкой владык» [9, с. 409–411].

Стоит отметить, что тот же Альберик де Труафонтен на страницах своей хроники, повествуя о начале 1220-х гг., когда осуществлялся Пятый крестовый поход, отражал иное представление о монголо-татарах, связывая их с подданными восточного христианского царя Давида, намеревающимися, согласно пророчествам того времени, помочь западным христианам в войне с мусульманами на Ближнем Востоке [9, с. 120–123].

Конечно же, все подобные ожидания разрушились после лучшего знакомства европейцев с этими азиатскими завоевателями, которые стремительно продвигались на запад, покоряя одну страну за другой.

Монголо-татар отныне в Европе отождествляли с библейскими народами Гог и Магог, пришествие которых должно было ознаменовать начало конца света.

Естественно, общеевропейская тревога распространялась и на территорию Французского королевства. Молодой Людовик IX, канонизированный впоследствии как святой, получал одно за другим угрожающие известия о приближении грозных завоевателей к странам Западной Европы. Свидетельством большой встревоженности во Франции является письмо магистра Ордена тамплиеров в этой стране Понса д'Альбона (*Pons d'Albon*)¹ к Людовику IX, в котором предводитель французских тамплиеров призывает короля подготовиться к отражению нашествия монголо-татар. Понс д'Альбон извещает монарха о гибели польского князя Генриха и большом разорении этой страны: «Они опустошили землю князя Генриха II Силезского и убили его вместе с множеством баронов и шестью нашими братьями, а также тремя шевалье, двумя сержантами и пятью сотнями наших людей; и лишь трое из наших братьев, которых мы знаем хорошо, смогли избежать этой участи... Они разрушили две лучших наших башни и три города, которые мы имели в Польше, а также было разрушено всё, что мы имели в Богемии и Моравии...» [4, с. 194; 13, р. 253; 17].

Далее Понс д'Альбон уведомлял короля, что магистр Венгрии Рэмбо де Каромб (*Raimbaud de Caromb*) говорит об объединении всех христиан в этой стране против захватчиков и взывает о помощи. Руководитель французских тамплиеров предупреждал Людовика IX, что в случае поражения христианских правителей в Центральной Европе дорога на Францию для этих завоевателей будет открыта [4, с. 194; 13, р. 253; 17].

Неудержимое продвижение монголо-татарского войска в Центральной Европе шокировало французских современников. Об этом свидетельствует

¹ В латинских документах той эпохи он упоминается, как «брат Понтий де Альбон, домов войска Храма во Франции управитель (*Frater Pontius de Albon, domorum milicie Templi in Francia preceptor*)», хотя встречаются и другие варианты написания его имени: Понтиус де Обон (*Pontius de Aubon*), Понтиус де Амбон (*Pontius de Ambon*) [см.: 17].

текст приписки «О татарском вторжении (*De invasione Tartarorum*)» в одной из французских хроник того времени, где под 1241 годом сообщается о разорении и опустошении после нашествия на Польшу земель Венгерского королевства. Неизвестный хронист при этом горестно отмечает: «Земля, которая называется Семиградье, полностью опустошена и разрушена (*Terra que Septem-castra dicitur totaliter vastata et destructa est*)» [11, p. 599]. Как известно, Семиградье – это одно из средневековых названий региона, чаще именуемого Трансильванией. Далее автор свидетельствует о продвижении восточных завоевателей через земли Моравии (*Marovia*) и Венгрии (*Ungaria*) к укрепленным немецким городам на венгерской территории и о тщетных попытках местных жителей остановить это вторжение. Особенно хронист отмечает горестную судьбу Польши: «Насколько обезлюдившей пребывает вся провинция Польши. Ее жители перебиты мечом, города разрушены, священники скитаются, девы ее умерщвлены, а сама земля подавлена горечью (*Quomodo manet tota Polonie provincial desolata populo! Cuius incole occisi gladio, civitates destructe sunt, sacerdotes vagantes, virgins eius extincte, et ipsa terra oppressa amaritudine*)» [12, p. 599]. Здесь же хронист упоминает слухи, возможно безосновательные, о вероломстве «одного из королей или главнейших людей (*unus ex regibus vel principibus perfidorum*)» Венгрии, имея в виду половецкого хана Котяна, который, как известно, был убит в Пеште накануне монголо-татарского вторжения венгерской знатью, опасавшейся, что он может переметнуться к Батыю.

Матвей Парижский упоминал в своей хронике три больших части монголо-татар. Одна из них, по его словам, прошла через Польшу, другая – опустошила окраины Богемии, а третья – принесла разорение в Венгрию [11, p. 108].

И хотя непосредственная опасность для Франции миновала, когда в 1242 г. Батый принял решение об отводе своих войск на Восток в низовья Волги, общее впечатление на западе о разгроме, учинённом монголами в Восточной Европе, на многие десятилетия оставалось очень сильным. Ужасы Батыевого нашествия вполне могли повториться.

Римский папа Иннокентий IV, получивший тиару в 1243 г., должен был постоянно учитывать монгольский фактор в своей политике. Вопрос о противодействии монголо-татарам, в решении которого наиболее были заинтересованы восточноевропейские правители и церковные иерархи, был поднят на Первом Лионском соборе, проходившем с 26 июня по 17 июля 1245 г. И хотя основной причиной проведения собора стала политическая конфронтация между папой и императором Фридрихом II, нашествие орд Батыя и разорение Восточной Европы оставалось на нём одной из главных тем.

Еще до начала собора в Лионе Иннокентий IV принял решение об отправке к монгольским правителям нескольких дипломатических миссий, целью которых было проведение разведывательной деятельности, а также возможное обращение монгольской знати, и прежде всего великого хана, в христианство. Эти посольства должны были совершить свои путешествия разными путями. В 1245 г. к монгольским властителям были отправлены посольства Асцелина Ломбардского и Симона де Сен-Кантен, Андрэ де Лонжюмо, Лоренцо Португальского, Иоанна де Плано Карпини. В отечественной литературе наиболее известной является именно миссия последнего [7]. В

1245–1247 гг. Иоанна де Плано Карпини в сопровождении Бенедикта Поляка посетил хана Батые и ставку великого хана Гуюка неподалеку от столицы монгольской империи Каракорума. Путь миссионеров при этом в обе стороны проходил через земли Руси [22, р. 346]. Поэтому они собственными глазами видели опустошение страны, принеся эту информацию на запад.

В контексте монгольской угрозы для Европы следует вспомнить про участие в Лионском соборе Петра, архиепископа из Руси, которого традиционно в научной литературе именуют Петром Акеровичем. Вполне логичной выглядит версия, высказанная украинским историком Иваном Васильевичем Паславским, что загадочная миссия Петра Акеровича во французский Лион могла осуществиться в фарватере антимонгольской политики князя Даниила Галицкого, направленной на поиск союзников в Европе и организацию крестового похода против монголов [6]. Вне всякого сомнения, визит Петра Акеровича во Францию преследовал цель убедить западных монархов и католическую церковь в том, что монгольская угроза для Европы продолжает сохраняться и, используя ужасающие картины разорения Руси войсками Батые, склонить европейских правителей к совместному выступлению против монголо-татар.

Об участии в Лионском соборе архиепископа Петра из Руси писал в то самое время вышеупомянутый английский хронист Матвей Парижский, в труде которого ярко были показаны злодеяния монголо-татар в Европе. Именно архиепископ Петр подробно и красочно рассказывал католическим иерархам о разорении своей страны, из-за чего ему самому пришлось покинуть родные края [1; 6].

Понимая, что монголы представляют собой огромную милитарную силу, Людовик IX сделал попытку привлечь их на свою сторону в проведении ближневосточной политики. В 1253 г. он отправил посольство Гийома де Рубрук в ставку Батые для проведения переговоров о возможном союзе. Правда, Батый отказался вести переговоры с посланником французского монарха, отправив его дальше на восток в Каракорум к великому хану Менгу (иначе Мунке). Тот передал через Гийома де Рубрук послание для французского короля, требуя от него полной покорности. В 1255 г. Гийом де Рубрук вернулся в свой монастырь [7].

В плане ознакомления французского средневекового интеллектуального сообщества с событиями Батыевого нашествия весьма интересным представляется такой источник, как «Цветник историй земель Востока (*La Flor des Estoires de la Terre d'Orient*)» армянского монаха и дипломата Гетума (Хетума) Патмича (по-армянски Հէրմի Գէտմիչ), записанный в 1307 г. на старофранцузском языке в Пуатье Николасом Фальконом де Туль для римского папы Климента V и вскоре переведенный на латынь («*Flos Historiarum Terre Orientis*»). Гетум из Корикоса более известен на западе как Хайтон (*Haytonus dominus de Corycus*), или Хайтон-историк (*Hayton l'historien*). Последнее является дословным переводом армянского прозвища автора – Патмич – по-армянски «историк». Гетум был представителем королевской династии из Киликийской Армении. В 1306–1308 гг. он пребывал при папском дворе в Пуатье, очевидно, с целью склонения Климента V к организации крестового похода в поддержку ближневосточных христиан. Стоит отметить, что в произведении Гетума Патмича в повествовании о королевстве

Комании (*le royaume de Comaine*) чувствуется определенное заимствование из описания путешествия Гийома де Рубрук. Последний, возвращаясь в 1255 г. из Монголии, проезжал через Киликию и побывал в Корикосе. Вполне вероятно, что юный Гетум Патмич мог тогда лично познакомиться с этим путешественником.

Походу в Европу Батыя, которого автор называет Бато, Гетум Патмич посвятил XIV главу своего повествования. Этот короткий рассказ является достаточно оригинальным, но в то же время крайне неточным и не очень информативным. В изложении Гетума Патмича Батый, которого тот называет «вторым сыном Октоты-хана (*Batho, le secunt filz Octota Can*)», очевидно, имея в виду под этим именем великого монгольского хана Угэдэя (Огодая), после покорения Комании/Кумании, то есть земель куманов (кипчаков/половцев) и изгнания тех в Унгарию/Венгрию, захватил Руссию, Газер (Хазарию) и Бугрию (Волжскую Булгарию), после чего двинулся в поход на германские владения. Во время вторжения в Австрийское герцогство, дорога вглубь которого вела через большую реку, Батый попытался переправиться со своим войском через ее бурное течение. Это безрассудное решение стоило жизни ему и значительной части его воинов. После того, как Батый утонул, оставшиеся воины решили не продолжать поход на Австрию, а вернуться на ранее покоренные земли. Известие об утоплении Батыя в книге Гетума Патмича повторяется дважды [16, р. 115, 161–162]. Эти утверждения автора выглядят тем удивительнее, принимая во внимание тот факт, что армянский историк, как современник и человек осведомленный в политике того времени, мог бы знать, что Батый благополучно вернулся из западного похода на берега Волги, где заложил основы могущественного государства – Золотой Орды, куда в 1254–1255 гг. совершил поездку его дядя Гетум I, правитель Киликийской Армении. Гетум I лично встречался с Батыем, о чём, без упоминания имени Батыя, свидетельствовал и сам Гетум Патмич при дворе римского папы Климента V [3, с. 124].

К сожалению, более конкретных сведений о походе Батыя на запад в этом произведении не имеется.

В полном виде эта глава выглядит так.

О Бато, втором сыне Октоты-хана

Бато, второй сын Октоты-хана, со своим народом, который его отец ему вверил, направился верхом в северные страны и достиг королевства Комании. Король Комании, выступил, чтобы защитить свою землю, собрал войско и вступил в битву с тартарами, но в конце концов те разбили команов и погнали команов до Унгарского королевства, и там еще до сегодняшнего дня есть многие команы, проживающие в Унгарии. После того, как Бато изгнал команов за пределы королевства Комании, он вошел в королевство Руссия и захватил его, он завоевал землю Газер и королевство Бугрию. Потом двинулся на конях он на королевство Унгарию, где нашёл остальных команов и захватил их. После этого тартары направились к Германии, пока не достигли берега реки, отделявшей их от Австрийского герцогства. Тартары намеревались переправиться по мосту, который там был, но австрийский герцог приказал оборонять этот мост, и поэтому тартары не смогли

продвинуться дальше. Когда Бато увидел, что не может он переправиться по мосту, то бросился в реку и приказал своим людям, чтобы они переправлялись вплавь, подвергая смертельной опасности себя и своих людей. Поскольку перед тем, как он начал переправу, его лошадь была уже так изнурена от стольких трудов, что не могла двигаться больше, Бато утонул, так же как и большая часть его людей, в этой реке, прежде чем смогли они выйти на другой ее берег. Когда татары, еще не вошедшие в реку, увидели гибель в воде своего повелителя Бато и своих товарищей, то, страдая и печальясь, вернулись они в королевства Руссию и Команию, и никогда после уже не входили татары в Германию. Наследники вышеупомянутого Бато получили во владение королевство Коразм [имеется в виду Хорезм – Е. Л.], королевство Куманию и королевство Руссию, а тот, кто является повелителем ныне, зовется Тохтай и является вторым сыном Октоты-хана.

Старофранцузский оригинал

Batho, le secunt filz Octota Can, avec sa gent que son pere li ot donée, chevaucha vers les parties de septentrion, tan qu'il vint au roiaume de Comaine. Le roi de Comaine, quidant bien defendre sa terre, si assembla son ost e combati à les Tartars, mès à la fin furent desconfis les Comains, e fuierent les Comains jusques au roiaume de Ungarie; e encores jusques au jour d'ui sont mains Comains habitans en Unguerie. Après ce que Batho ot chasciés les Comains hors du roiaume de Comaine, il entra au roiaume de Roussie, e le prist, e conquist ta terre de Gazere e le règne de Bugrie. Après chevaucha jusques au regne de Unguerie, e iluec trova alcuns Comains e les prist. Après, les Tartars passerent vers Alamaigne, tant qu'il vindrent au rive d'un flum qui cort par le duché de Austriche. Les Tartars quiderent passer par un pont qui là estoit, mès le duc d'Austriche fist le pont garnir, e ainsi ne porent les Tartars passer outre. Quant Batho vist que il ne porent passer par le pont, il se mist dedeins le flum, e comanda à sa gent que il passassent noant; dont il mist en peril de mort soi e ses gens. Car avant qu'il peüst passer, son cheval fu tant travaillé qu'il ne pout plus, e fu noiez Batho, e grant partie de ses genz, dedeins le flum, avant que poissent venir à l'autre rive. Quant les Tartars, qui encore n'estoient entrez en l'eive, virent leur seignor Batho e leur compaignies noier, dolens e tristes s'en retournerent au roiaume de Roussie e de Comaine, rie onques puis les Tartars n'entrèrent en Alemaigne. Les heirs du dit Batho tienent la seignourie du roiaume de Corasme et du royaume de Cumanie et du royaume de Roussie, e celui qui est seignor ores est appelez Tocthay, e fu le secunt filz de Octota Can [16, p. 161–162].

Непосредственные контакты Франции с Русью в последующие десятилетия стали редки. Хотя, конечно, не прекращались совсем. Так, в 1413–1414 гг. на русских землях побывал фламандский рыцарь Жильбер де Ланнуа, советник и камергер герцога Бургундского Жана Бесстрашного, оставивший описание своих путешествий. Изредка оказывались выходцы из Руси и на территории Франции. Например, среди студентов средневековой Сорбонны в XIV–XVI вв. встречаются ученики «из Рутении» [5, с. 62–63]. Также безусловным фактом является прибытие на юг Франции в позднем Средневековье значительных групп невольников, набранных в качестве ясыря татарами на русских землях. Известный историк Иван Васильевич Лучицкий в своем иссле-

довании «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (1886) на основании внушительного архивного материала, собранного во Франции и Испании, обнаружил большой приток невольников из Руси в эту французскую провинцию, расположенную между Пиренеями и Средиземным морем [2]. Приток рабов из Руси на юг Франции только подтверждал у западных обывателей мысль о безраздельном хозяйничании на землях когда-то цветущей державы потомков Чингизхана, создавая искажённое представление о Руси. Это мнение стойко держалось даже в XVI в., когда было уже, по сути, явным анахронизмом. Так, известный французский учёный и путешественник Андрэ Тэвэ (1516–1590), описывая Киев (правда, при этом не увидев его своими глазами), отмечал, что древняя столица Руси «лежит в руинах. Здесь можно увидеть среди кустов, зарослей и терна руины и осколки строений и дворцов, принадлежавшие когда-то королям и князьям, святых храмов и монастырей, утрюмые останки которых еще проглядываются по окрестным холмам... Турок владеет теперь Киевом и всей покоренной страной, пытаясь увеличить свои владения» [20, р. 68–69]. Как видим, эти сообщения не очень точны, выглядят устаревшими для XVI в., а турецкое владычество над Киевом вообще не соответствует исторической правде.

Факт разорения Руси Батыем в середине XIII в. часто отмечался в следующие столетия французскими космографами и историками. В этой связи уместно будет вспомнить о Бенуа Риго, известном литераторе и издателе второй половины XVI в. Из его типографии в Лионе вышло много книг. Большую известность Риго принес тот факт, что именно в его издательстве впервые увидела свет книга пророчеств знаменитого Нострадамуса (1503–1566). Изданные им «Мысли об истории поляков» по случаю восхождения на престол Речи Посполитой французского принца Генриха Валуа, содержат и события из русской истории, в том числе и о Батыевом нашествии.

Упоминая разорение Руси, автор основной акцент переносит на события в Польше во время монголо-татарского вторжения в эту страну в 1241 г., где завоеватели нанесли тяжелое поражение полякам в битве под Легницей. Стремясь посеять панику среди тех, один из восточных воинов кричал по-польски «*bigaice!*» (т. е. «убегайте!») [19, р. 26]. Здесь уместно отметить, что эти живописные детали сражения являются очевидным заимствованием фактов из популярной в то время на западе хроники Яна Длугоша [15, s. 262–264].

Постоянное подчеркивание татарской угрозы для южнорусских владений польских королей позволяло Риго возвеличить французского принца, ставшего на защиту христианского мира на востоке Европы.

Еще более детально на вторжении монголо-татар в Восточную Европу во времена Батыя остановился Блез де Виженер (1523–1596) в труде «Хроники и анналы Польши». Его, безусловно, можно отнести к плеяде наиболее ярких личностей при французском королевском дворе второй половины XVI в. Он был известен не только как блестящий эрудит, талантливый историограф и писатель, но и как известный дипломат и криптограф, автор так называемого «шифра Виженера», который оставался неразгаданным до середины XIX в. и использовался для засекречивания важных сообщений тайными службами всех европейских стран.

Как видно из предисловия к «Хроникам и анналам Польши», датированного 20 августа 1573 г. и адресованного «величайшему, могущественному, прекрасному и непобедимому принцу Генриху, сыну и брату короля», Блез де Виженер

имел целью ознакомить новоизбранного короля Речи Посполитой с историей его будущих подданных. Свое произведение, как подчеркивал сам автор, он написал на «родном языке» короля, так как Генрих плохо владел латынью. Работа Блез де Виженер представляет собой компиляцию из латиноязычных хроник, написанных преимущественно польскими авторами. За основу им была взята известная работа Мартина Кромера (1512–1589) «О происхождении и деяниях поляков (*De origine et rebus gestis Polonorum*)», о чем сам он говорил в предисловии [21, Epistre]. Этот трактат был издан в Базеле в 1555 г. и, безусловно, имел распространение во Франции. Также Блез де Виженер использовал материалы из «Истории королей и князей Польши (*Histoire des roys et princes de Poloigne*)» Яна Гербурга из Фульстина (1524–1577), публикация которой в Париже проходила при его непосредственном участии в 1573 г. В работе французского историографа также неоднократно встречаются ссылки и на хронику Яна Длугоша.

Поскольку Блез де Виженер позаимствовал общий тон польских хроник, Киевская Русь предстает в его изложении дикой страной, принявшей христианство в извращенной форме. Имея такого опасного и грубого соседа, Польша в течение нескольких столетий вынуждена была защищать цивилизованную Европу от варварства русичей, территория которых автором воспринималась, скорее как бунтующая и беспокойная провинция Польши, нежели независимое государство. Именно поэтому польские короли постоянно должны были умирять непокорные русские земли.

Довольно подробно Блез де Виженер останавливается на проблеме монголо-татарского нашествия, ставшего общей бедой Польши и Руси. По его мнению, завоеватели пришли из безлюдных степей Скифии, прогнав «половцев, которых сейчас называют готами, другие – гуннами [кунами] или куманами (*Polomiciens, que les modernes appellent Gots, les autres Chunes ou Cumans*)» [21, p. 149–159].

Автор тщательно перечисляет случаи многочисленных походов степных воинов на Русь и Польшу, красочно описывая ужасные картины опустошения и обезлюднения этих стран. Русские князья, в его трактовке, оказались абсолютно неспособными противостоять жестокому нашествию дикарских восточных орд. Очень скоро почти вся Русь подчинилась татарам, а русские князья даже начали принимать совместное с ними участие в походах на Польшу. Например, Даниил, король Руси (*Daniel roi de Russie*), пропустил через свою страну татар, которые шли грабить Польшу, а затем его дети Лев и Роман, вместе с Даниловым братом Василием, своим дядей, участвовали в новом походе ордынцев на запад. Также упоминается, как татары вместе с русичами ходили на Люблин и разграбили его окрестности [21, p. 181–183, 188–189, 196, 226–227, 232, 235, 270–271, 277, 316, 344, 378, 385, 416, 432–434, 441, 445–446, 452–453, 460, 473]. Таким образом, присоединение земель Галицкой Руси к польской короне в середине XIV в. в изложении Блеза де Виженер выглядело актом благородным, справедливым, логичным и даже гуманным по отношению к самим русичам. С одной стороны, короли Польши брали под свою защиту этих христиан, хотя и схизматиков, с другой стороны, польские властители таким образом могли обезопасить свои владения от разорительных набегов татар, к которым очень часто присоединялись и русские князья [21, p. 226–227, 232, 235].

Практически весь дальнейший ход событий в этом регионе, согласно Блезу де Виженер, был посвящен попыткам польских королей и литовских князей противостоять агрессии со стороны Орды. Грабительские походы татар Блеза де Ви-

женер признает самой большой политической проблемой Литвы и Польши того времени [21, р. 270–271, 277, 316].

Естественно, страхи во Франции, возникшие в середине XIII в. в связи с приближением монголо-татар, спустя три столетия были напрочь забыты, хотя довольно ощутимой с середины XV в. в Европе стала турецкая угроза. Тревожные ожидания, связанные с ордами восточных завоевателей, продолжали возникать и в последующее время. В частности, очевидно, именно об этой угрозе предупреждает один из катренов знаменитого Нострадамуса. Это 54-й катрен из V центурии.

*Du pont Exine, & la grand Tartarie,
Vn Roy sera qui viendra voir la Gaule,
Transpercera Alane & l'Armenie,
Et dedans Bisance lairra sanglante gaule* [18, р. 68].

Из Понта Эвксинского и Великой Тартарии,
Придет король, чтобы увидеть Галлию,
Проткнет Алана и Армению,
И посреди Византии опустит кровавый батог.

Таким образом, основные события, связанные с Батыевым вторжением середины XIII в. в Европу, были известны в тогдашней Франции, вызвав тревогу и мистический страх в обществе, и нашли отражение в современных хрониках, в частности, в произведении одного из наиболее известных французских хронистов того времени Альберика де Труафонтен. Подчас восточные завоеватели представлялись западным обывателям в искаженном виде порождений преисподней, питающихся человеческой плотью и посланных Господом в наказание за грехи. Более детальную информацию об опустошении стран Восточной Европы, лежащих на пути монголо-татар, могли принести во Францию немногочисленные путешественники, выполнявшие дипломатические, религиозные, военные или торговые миссии в этот регион. Наиболее яркими фигурами в этом плане являются Иоанн де Плано Карпини и Гийом де Рубрук, оставившие подробные отчеты о своих поездках в Монгольскую империю, хорошо известные на западе. В то же время подробные сведения о разорении Киевской Руси могли привозить во Францию и несчастные эмиссары оттуда, подобные архиепископу Петру Акеровичу, принимавшему участие в Лионском соборе 1245 г. В последующее время одним из путей поступления во Францию сведений о разрушительном характере татарских набегов могли стать визиты на запад выходцев с русских и польских земель. Укреплению общего убеждения об упадке края в связи с походами татарских ханов, безусловно, способствовал и значительный приток русских невольников в портовые города Южной Франции, отмеченный в XIV–XV вв. Начиная с XVI в., во французском историописании намечается и научный интерес к проблеме монголо-татарского нашествия середины XIII в. Этой теме фрагментарно касались в своих трактатах, в частности, Андрэ Тэвэ, Бенуа Риго и Блез де Виженер. Именно эти исследователи, опираясь главным образом на свидетельства польских хронистов и историков, дали своеобразный толчок к становлению во Франции в дальнейшем научного подхода к изучению Батыевого нашествия в Европу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зоценко В.* Україна-Русь – Франція: першоджерела зближення // *Хроніка-2000*. Київ, 1995. Вип. 2–3: Україна-Франція. С. 42–57.
2. *Луцицкий И.В.* Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. // *Университетские известия*. Киев, 1886. № 11. Ч. 2. С. 191–219.
3. *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батия» // *Средневековая Русь*. Вып. 11: Проблемы политической истории и источниковедения / Горский А.А. (ред.). М.: Индрик, 2014. С. 105–146.
4. *Мельвиль М.* История ордена Тамплиеров. СПб.: Евразия, 2000. 416 с.
5. *Наливайко Д.* Очима заходу: Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ: Основи, 1998. 578 с.
6. *Паславський І.* Галицький єпископ Петро – ставленик і дипломат Данила Романовича // *Український історичний журнал*. 2013. Вип. 5 (№ 512). С. 75–87.
7. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Шастиной Н.П. (ред.) М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. 272 с.
8. *Соловьев С.М.* Сочинения, Книга II: История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. Тома 3–4. 765 с.
9. *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. 496 с.
10. *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum tomus 23: Chronica aevi suevici*. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. viii + 1027 p.
11. *Decei A.* L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi' ot-Tevārīkh de Fāzl ol-lāh Rāšīd od-Dīn // *Revue Roumaine d'Histoire*. 1973. T. XII. №1. P. 101–121.
12. De invasione Tartarorum fragmentum, lat. 10444 (fol. 86^v) // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum tomus 29*. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. P. 599–600.
13. *Demurger A.* Les templiers: Une chevalerie chrétienne au Moyen Âge. Paris: Éditions du Seuil, 2005. 669 p.
14. *Jackson P.* The Mongols and the West: 1221–1410. London; New York: Routledge, 2005. 448 p.
15. Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Krakow: w drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1868. T. II. Ks. 11, 12. 530 + xxiii s.
16. *Hayton.* La Flor des estoires d'Orient // *Recueil des Historiens des Croisades. Documents arméniens*. Paris: Imprimerie nationale, 1906. T. II. P. 113–363.
17. Liste des Maîtres de la province templière de France. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lesfilsdelavallee.fr/index.php/fr/province-de-france> (дата обращения 12.08.2019); Liste des maîtres de province de l'ordre du Temple [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_ma%C3%AAtres_de_province_de_l%27ordre_du_Temple (дата обращения 12.08.2019).
18. *Nostradamus.* Les Propheties de M. Michel Nostradamus, dont il y en a trois cens qui n'ont iamais esté imprimées. Lyon: Pour Jean Hvgvetan, Chez Claude de la Riuiere, 1644. 177 p.
19. *Rigaud B.* Discours sur l'histoire des polonais. Lyon: Par Benoist Rigaud, 1573. 80 p.
20. *Thevet A.* Cosmographie Moscovite, recueillie et publiée par le prince Augustin Galitzin. Paris: J. Techener, Libraire, 1858. xvi + 179 p.
21. *Vigenère B. de.* Les Chroniques et annales de Poloigne. Paris: J. Richer, 1573. 487 p.

22. Zimonyi I. The Mongol Campaigns against Eastern Europe // Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies / Spinei V. (ed.). Bucuresti; Braila, 2014. P. 325–352.

Сведения об авторе: Евгений Николаевич Луняк – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя (16602, ул. Графская, 2, Нежин, Черниговская область, Украина); ORCID: 0000-0002-3469-3680. Email: lunyak@ua.fm

Поступила 01.12.2020 Принята к публикации 02.03.2021
Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Zotsenko V. Ukraïna-Rus' – Frantsiya: pershodzherela zblizheny [Ukraine-Rus' – France: source material of approaching]. *Khronika-2000*, no. 2–3: *Ukraïna-Frantsiya* [Chronicle-2000, no. 2–3: Ukraine-France]. Kyiv, 1995, pp. 42–57. (In Ukrainian)
2. Luchitskiy I.V. Russkie raby i rabstvo v Russil'one v XIV i XV vv. [Russian slaves and slavery in Roussillon in the fourteenth and fifteenth century]. *Universitetskiye izvestiya* [University's News]. Kyiv, 1886, no. 11, part 2, pp. 191–219. (In Russian)
3. Mayorov A.V. K voprosu ob istoricheskoy osnove i istochnikakh “Povesti o ubiyenii Batya” [To the question of the historical basis and sources of the “Tale of Batu’s murder”]. *Sriedneviekovaya Rus'*, no. 11: *Problemy politicheskoy istorii i istochniko-vedeniya* [Medieval Rus', no. 11: Problems of Political History and Source Study]. Moscow: “Indryk”, 2014, pp. 105–146. (In Russian)
4. Melville M. *Istoriya ordena Tampliyerov* [History of the Order of the Templars]. St. Petersburg: “Eurasia”, 2000. 416 p. (In Russian)
5. Nalivayko D. *Ochyma zakhodu: Retseptsiya Ukrayiny v Zakhidniy Yevropi XI–XVIII st.* [In the Eyes of the West: Reception of Ukraine in Western Europe from the eleventh to eighteenth century]. Kyiv: “Basics”, 1998. 578 p. (In Ukrainian)
6. Paslavs'kyi I. Galit'kiy episkop Petro – stavlenik i diplomat Danila Romanovicha [Petro, bishop of Halych – one protégé and diplomat of Daniel of Halych]. *Ukrayins'kyi istorychnyi zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2013, no. 5 (512), pp. 75–87. (In Ukrainian)
7. *Puteshesviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels in the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck]. Shastina N.P. (tr.). Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1957. 272 p. (In Russian)
8. Solovyov S.M. *Sochineniya, Kniga II: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Writings, Book II: History of Russia since Earliest Times]. Moscow: “Thought”, 1988, vol. 3–4. 765 p. (In Russian)
9. Hautala R. *Ot “Davida, tsarya Indiy” do “nenavistnogo plebsa satany”*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian)
10. Chronica Albrici Monachi Trium Fontium. *Monumenta Germaniae historica. Scriptorum* tomus 23: *Chronica aevi suevici*. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925. viii + 1027 p. (In Latin)
11. Decei A. L’invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi‘ ot-Tevārīkh de Fāẓl ol-lāh Rāšīd od-Dīn. *Revue Roumaine d’Histoire*. 1973, XII, no. 1, pp. 101–121. (In French)

12. De invasione Tartarorum fragmentum, lat. 10444 (fol. 86^v). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum* tomus 29. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925, pp. 599–600. (In Latin)
13. Demurger A. *Les templiers: Une chevalerie chrétienne au Moyen Âge*. Paris: Éditions du Seuil, 2005. 669 p. (In French)
14. Jackson P. *The Mongols and the West: 1221–1410*. London; New York: Routledge, 2005. 448 p.
15. Jana Długosza kanonika krakowskiego *Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Krakow: w drukarni “Czasu” W. Kirchmayera, 1868. T. II. Ks. 11, 12. 530 + xxiii s. (In Polish)
16. Hayton. La Flor des estoires d'Orient. *Recueil des Historiens des Croisades. Documents arméniens*. Paris: Imprimerie nationale, 1906, vol. II, pp. 113–363. (In French)
17. *Liste des Maîtres de la province templière de France*. Available at: <http://www.lesfilsdelavallee.fr/index.php/fr/province-de-france> (accessed 12.08.2019); *Liste des maîtres de province de l'ordre du Temple*. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_ma%C3%AAtres_de_province_de_l%27ordre_du_Temple (accessed 12.08.2019). (In French)
18. Nostradamus. *Les Propheties de M. Michel Nostradamus, dont il y en a trois cens qui n'ont iamais esté imprimées*. Lyon: Pour Jean Hvgvetan, Chez Claude de la Riuiere, 1644. 177 p. (In French)
19. Rigaud B. *Discours sur l'histoire des polonais*. Lyon: Par Benoist Rigaud, 1573. 80 p. (In French)
20. Thevet A. *Cosmographie Moscovite, recueillie et publiée par le prince Augustin Galitzin*. Paris: J. Techener, Libraire, 1858. xvi + 179 p. (In French)
21. Vigenère B. de. *Les Chroniques et annales de Poloigne*. Paris: J. Richer, 1573. 487 p. (In French)
22. Zimonyi I. The Mongol Campaigns against Eastern Europe. Idem. *Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies*. Spinei V. (ed.). Bucuresti; Braila, 2014, pp. 325–352.

About the author: Yevgen M. Luniak – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of history of Ukraine, Nizhyn Gogol State University (2, Hrafs'ka Str., Nizhyn 16602, Chernigivs'ka oblast', Ukraine); ORCID: 0000-0002-3469-3680. Email: lunyak@ua.fm

*Received December 1, 2020 Accepted for publication March 2, 2021
Published March 29, 2021*

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.43-75

К ВОПРОСУ О ТОМ, КАК «ЖЕЛЕЗНЫЕ ПСЫ» БАТУИДОВ РАЗЛОМАЛИ «ЗОЛОТУЮ ЮРТУ» СВОИХ «ХОЗЯЕВ»*

Моше Гринберг

*Еврейский Университет
Иерусалим, Израиль
levant17@mail.ru*

Цель исследования: Хызр был первым ханом (пр. 1361–1362 гг.) из династии Шибанидов, которые прежде сохраняли лояльность правящей династии Батуидов, возшедшим на престол Золотой Орды. Этот факт стал одним из ключевых моментов начального периода «Великой Замятни». Данная статья посвящена обстоятельствам и последствиям прихода к власти и кратковременного правления этого хана, а также правления его ближайших родственников (сына и брата) в Золотой Орде. В дополнение ставится цель осветить роль и интересы крупной родовой столичной и региональной аристократии в этих событиях.

Материалы исследования: коль скоро, в результате новейших исследований, «Чингиз-наме» признан источником, несущим в себе исторические факты, а не только фольклорные элементы, как считалось ранее, то необходимо привлекать его к освещению тех исторических событий и процессов, где он содержит уникальную информацию, их касающуюся. Вместе с тем, поскольку все еще трудно отделить фактическую от мифологической сторон его содержания, требуется, по возможности, проверка данных этого исторического сочинения с данными других источников (а также с данными археологии, нумизматики и других вспомогательных исторических дисциплин). Таким образом, главным источником, использованным в статье, является историческое сочинение «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Дополнительные источники – русские летописи, «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муина ад-Дин Натанзи, совсем недавно введенный в научный оборот венецианский источник Бенедетто Бьянко, и другие.

Результаты и научная новизна исследования: данная статья является одним из первых исследований, в котором используется источник Утемиша-хаджи как ведущий исторический источник для анализа и реконструкции реального исторического события (а именно, захват власти Шибанидами в Золотой Орде в 1360 г.) и его последствий. Предлагается и в дальнейшем привлекать данный источник к анализу исторических событий, но с большой осторожностью. Касательно заявленной темы, автор статьи смеет надеяться, что результаты такой работы вносят свой новый и существенный вклад в исследование еще довольно малоизученного периода в истории Улуса Джучи. В особенности они помогают выявлению и освещению причин и обстоятельств погружения Золотой Орды в смуту («Великую Замятню»).

Ключевые слова: Золотая Орда, «Великая Замятня», Утемиш-хаджи, Чингиз-наме, Кара-таварих, Кульпа, Навруз, Хызр, Тимур-ходжа, Орду-мелик, Шибаниды, Тайдула, эмиры, столичная аристократия

Для цитирования: Гринберг М. К вопросу о том, как «железные псы» Батуидов разломали «золотую юрту» своих «хозяев» // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 43–75. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.43-75

* Посвящается памяти археолога и историка В.П. Костюкова (1949–2009).

TO THE QUESTION HOW THE “IRON DOGS” OF THE BATUIDS BROKE DOWN THE “GOLDEN YURT” OF THEIR “MASTERS”*

Moshe Grinberg

Hebrew University
Jerusalem, Israel
levant17@mail.ru

Abstract: *Research objective:* As the ruler of the Golden Horde from 1361 to 1362, Khidr became the first khan to represent the Shibanid dynasty, while all previous representatives of this dynasty remained loyal to the Batuids until he came to power. This situation forms one of the key moments of the initial period of the “Great Troubles”. This article is devoted to the circumstances and consequences of the ascension and the short-term rule of this Khan in the Golden Horde. In addition, the goal here is to highlight the role and interests of the high hereditary metropolitan and regional aristocracy in these events.

Research materials: Since, as a result of the latest research, *Chinggis-nama* is recognized as a source that preserves historical facts, rather than merely folk elements as was previously thought, it is necessary to involve Ötemish Hajji’s work in covering those historical events and processes where it contains a unique information regarding them. At the same time, because it is still difficult to distinguish between the factual and the mythological elements of its content, verification of *Chinggis-nama*’s information with information from other sources (as well as from archaeology, numismatics, and other auxiliary historical disciplines) is required when possible. So, the main source used in the article is the historical *Chinggis-nama* of Ötemish Hajji. Additional sources are Russian chronicles, *Tawarikh-i guzida-i Nusrat-nama*, *Muntakhab al-tawarikh-i Muini* by Muin al-Din Natanzi, a Venetian source by Benedetto Bianco which was very recently introduced into scholarly circulation, and others.

Results and novelty of the research: This article is one of the first studies, using the account of Ötemish Hajji as a main historical source for analysing and reconstructing a real historical event (namely, the seizure of power by the Shibanids in the Golden Horde in 1360) and its consequences. It is proposed to continue to involve this source in the study of historical events, but with great caution. Regarding the stated topic, the author of the present article dares to hope that the results of such work bring new and significant contribution to the research of this rather poorly studied period in the history of the Ulus of Jochi. Especially, the results help to reveal and emphasize the causes and circumstances that led the Golden Horde into a period of great turmoil, i.e., the “Great Troubles”.

Keywords: Golden Horde, “Great Troubles”, Ötemish Hajji, *Chinggis-nama*, Qara Tawarikh, Kulpa, Nawruz, Khidr, Timur Khoja, Ordu Melik, Shibanids, Taydula, amirs, metropolitan aristocracy

For citation: Grinberg M. To the Question How the “Iron Dogs” of the Batuids Broke down the “Golden Yurt” of Their “Masters”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 43–75. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.43-75

Период «Великой Замятни» является, несомненно, одним из наиболее важных, интересных и, одновременно, сложных для изучения периодов в истории Золотой Орды. Данная эпоха емко и выразительно обобщается в следующем отрывке: «Золотая Орда в 60–70-е гг. XIV в. погрузилась в период многокомпонентного кризиса, вошедшего в историю как “Великая Замят-»

* To the memory of archaeologist and historian Vladimir P. Kostyukov (1949–2009).

ня». В ходе «Великой Замятни» на ключевые политические позиции в 1361–1378 гг. выдвинулись, с одной стороны, представители династии Шибанидов, с другой – Мамай» [66, с. 43].

Если сосредоточиться на Шибанидах, то «первопроходцем» тех из них, кто вступили в борьбу за власть в Золотой Орде, был Хызр. Он же и сыграл ключевую роль в начальный период «Великой Замятни», придав новый импульс явлению. Особенности процесса его прихода к власти и правления и будет посвящена данная статья, которая также затронет и судьбу его ближайших родственников в центральной части Улуса Джучи (в Нижнем Поволжье). Отметим также, что Хызр стал первым Джучидом левого крыла, который захватил ханский престол в Золотой Орде, и сам этот факт стал поворотным пунктом в череде событий «Великой Замятни».

Опираясь наше исследование, как и любое другое историческое исследование, должно на источники, желательно современные событиям. Однако наиболее характерной особенностью историографии Золотой Орды является невозможность опереться на внутренние источники этой державы¹. Как пишет Б.В. Черкас: «Отсутствие архива государственной канцелярии Золотой Орды ставит исследование ее военной истории в зависимость от источников соседних народов и государств» [76, с. 167]. Разумеется, не только военной. Но для изучения многих аспектов истории этой державы иностранных источников бывает совсем недостаточно, и тогда историки обращаются к более поздним источникам, написанными на территории бывшей Золотой Орды или в Средней Азии в более позднее время. Некоторые из них носят полуполюгендарный характер. Одним из самых знаменитых источников такого типа является историческое сочинение, созданное хивинским историком Утемишем-хаджи в середине XVI в.

Долгое время это сочинение считалось скорее сборником легенд и преданий, чем историческим трудом [2, с. 165–166]. В.П. Юдин относил его к «степной устной исторической традиции» [77, с. 25]. Тем не менее, даже при таком подходе, данный источник лег в основу нескольких исследований по истории Золотой Орды, наиболее значительным из которых является объемный труд Д. ДеВиза [83]². И только в недавнее время, вместе с появлением

¹ Причины данной особенности – это отдельная очень интересная и, к сожалению, еще не вполне изученная тема. Разумеется, часть проблем с отсутствием внутренних источников Золотой Орды, особенно в исследуемый в настоящей статье период, можно списать и на смутное время, и на походы Тимура. Но основа данных проблем лежит скорее в отсутствии соответствующей историографической традиции на территории, на которой и возникла вышеупомянутая степная держава [см.: 84].

² Автор труда сам предупреждает, что он предпочитает отказаться от фокусирования на «исторических фактах» в пользу более широкого освещения исторических нарративов, а главное, их восприятия и передачи людьми того времени [83, р. 12; его методы и подходы в целом см.: там же, р. 9–14]. Таким образом, в его исследовании сочинение Утемиша-хаджи используется скорее как источник исторических легенд (в частности, легенды об обращении в ислам хана Узбека) в контексте исторического периода, к которому они относятся, чем как обычный исторический источник по освещению исторических событий. И хотя В.П. Костюков в своей интерпретации этой самой легенды старался придать больше исторической достоверности в анализе, Утемиш-хаджи и у него выступает, прежде всего, как рассказчик легенд, хотя и обладающих «реальным, исторически достоверным антуражем» [25, с. 79]. Тем не менее методология Костюкова по отношению к источнику, согласно которой он старался сверять информацию его автора с данными других источников и археоло-

новых переводов этого сочинения, стало распространяться мнение о возможности использования его как исторического источника. Мало того, утверждается, что Утемиш-хаджи пользовался и письменными источниками [20, с. 48–49]³. Некоторый перекоп в сторону «высокой достоверности» данного сочинения подвергся критике, в частности, со стороны А.В. Парунина [37, с. 52–54; 38]. Не являясь специалистом в этом вопросе, все же позволю сравнить данную ситуацию с отношением к работе Муина ад-Дин Натанзи под названием «Мунтахаб ат-таварих-и Муини», более известной как «Аноним Искандера». Этот труд содержит огромное количество различных ошибок и неточностей, причины которых мы здесь разбирать не будем, что приводило зачастую к неверным историческим реконструкциям, если они основывались на его данных. Тем не менее его продолжают использовать, в том числе и в нашей статье, разве что более осторожно. В данном случае можно воспользоваться выводами одной из статей Ж.М. Сабитова по поводу Натанзи: «Таким образом, мы утверждаем, что хронологическая шкала и генеалогические таблицы у Натанзи, от Бердибека до Урус-хана, является плодом его собственного домысливания. В то же время надо отметить, что каждый рассказ о правлении какого-нибудь хана уникален и бесценен для истории Золотой Орды и является записанным свидетельством степной историографии» [58, с. 154]. Безусловно, домысливания автора и используемые им исторические предания и легенды – это две совершенно разные составляющие исторического сочинения. Однако, во-первых, «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» создан гораздо ближе к описываемым им событиям, чем «Чингиз-наме», и то, что являлось слухами и байками в эпоху Натанзи, могло превратиться в предания в период жизни Утемиша-хаджи. Во-вторых, в любом случае, в течение данного труда нам придется отделять сведения, отражающие действительность, от тех, которые ее не отражают, вне зависимости от их происхождения. Ведь здесь нам важно будет воссоздавать события как можно ближе к тому, как они случились в реальности, в отличие, например, от того же ДеВиза, который всесторонне проанализировал один известный исторический миф из «Чингиз-наме». И в этом аспекте нам крайне важна и вторая часть цитаты касательно уникальности и бесценности многих сведений из «Чингиз-наме». Упускать их,

гических находок, больше соотносится с современным подходом к «Чингиз-наме». Для избежания недопонимания, Д. ДеВиз в своем труде использует огромное количество различных исторических источников. Речь здесь идет именно о его подходе к источнику и о задачах, поставленных им в своем исследовании, и именно они находятся в русле традиционного отношения к «Чингиз-наме». Это отмечается и В.П. Костюковым, по словам которого, рассказ Утемиша-хаджи для Д. ДеВиза является «сугубо символическим» [25, с. 71]. Справедливости ради, надо отметить, что, безусловно, выбранный ДеВизом и Костюковым сюжет из «Чингиз-наме» является легендарным, в данной же статье мы старались концентрироваться на более исторически достоверных сюжетах.

³ За этими утверждениями японских исследователей (сейчас такого мнения придерживаются и другие) стоял их довольно долгий и кропотливый труд по изучению материала. В частности, они перевели «Чингиз-наме» на японский язык с предисловием на английском, где они изложили многие свои взгляды. Я в свою очередь имел возможность познакомиться с их мнением, содержащимся в предисловии, еще ранее и уже в то время несколько изменить мои взгляды на этот источник [см.: *Ötämiş Hâjî. Čingîz-nāma: Introduction, Annotated Translation (to Japanese), Transcription and Critical Text by T. Kawaguchi and H. Nagamine; supervision by M. Sugahara, Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa / Studia Culturae Islamicae, no. 94, 2008*].

как это делалось прежде, ни в коем случае не следует, и современная историография Золотой Орды пытается наверстать упущенное и включает этот источник как важный материал в своих исследованиях и реконструкциях. Скромную лепту в это дело попытаюсь внести и мы.

Завершая этот обзор, хочется отдельно упомянуть и о совсем недавнем переводе другого списка сочинения Утемиша-хаджи, выполненном в Казани И.М. Миргалеевым и Э.Г. Сайфетдиновой [74]. Список сейчас находится в Стамбуле⁴. Доступ к нему, видимо, несколько ограничен. Остается надеяться, что появятся переводы и на другие европейские языки для более широкого использования труда мировым научным сообществом. В статье будут даны ссылки и на этот перевод, и на перевод В.П. Юдина. Для простоты и избежания путаницы список, переведенный Юдиным, мы назовем именем, уже принятым в исследовательской среде – Ташкентским, а новый список – Стамбульским (пока не особо используемое название). Общее название для всего сочинения мы оставим прежнее – «Чингиз-наме», а «Кара-таварих» останется названием только для нового перевода.

Переходя уже непосредственно к теме статьи, сразу отметим, что без сочинения Утемиша-хаджи она была бы невозможна: в нем действительно находится уникальная информация об объекте исследования. Изложено это, как обычно у данного автора, в форме рассказа, и мы хотим его привести целиком: на наш взгляд, это гораздо полезнее и понятнее, чем цитировать его потом по кускам. Рассказ приводится по переводу В.П. Юдина, он чуть полнее и пользуется более привычными названиями и терминами в данном отрезке текста. Некоторые важные или просто интересные разночтения с новым переводом предоставлены в сносках. Вот этот рассказ⁵:

«Тай-Туглы-бегим, которая была знаменита, жена Узбек-хана [и] мать Джанибек-хана – была жива в то время, [когда] не осталось никого из потомства Саин-хана. Сказала [тогда] упомянутая бегим: “Теперь ханство и юрт достанутся потомству Шайбан-хана”.

Был в то время сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хызр-оглан. *Юрт Мангутая, назначенный [ему] Саин-ханом, находился в [местности] под названием Ак-Куль*⁶. Мы упоминали уже выше, почему [Мангутай] отделился от прочих огланов [Йочи] и находился в своем юрте. Одним словом, упомянутая бегим призвала Хызр-оглана и сделала [его] ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая⁷. [Но] пусть рассказ этот [пока] прервется на этом месте» [74, с. 108–109; ср.: 73, с. 47–48].

«Подожли мы теперь к рассказу о Хызр-хане»⁸. Когда Тай-Дуглы-бегим призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в

⁴ Об увлекательной истории этого списка, его появления в Стамбуле и работе над ним, в основном, со стороны турецких ученых, см.: [33; 74, с. 5–10].

⁵ Выделения в тексте с помощью курсива и жирного шрифта, кроме специально указанных, – мои (М.Г.). Скопировано с сайта: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Chengiz-name/frameset.htm>.

⁶ См.: [76, с. 33, прим. 36]. Эта местность находится в центральной части Северного Казахстана.

⁷ Т.е. это первое его восшествие на престол Золотой Орды (Утемиш-хаджи недаром напоминает, что это трон Саин-хана, т.е. Бату).

⁸ Выделено в тексте.

качестве свадебной юрты золотую юрту⁹, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет¹⁰ [и] пожелала выйти замуж за [Хызр-хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у него бек из [племени] найман по имени Кутлуг-Буга, который воспротивился этому. Сказал он:

“Она – человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]¹¹. Проучи ее. Не женись!” Послушался он его слов и не женился. Когда почуяла бегим, что не возьмет он ее в жены, начала она оказывать [ему] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками, то прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: “Пусть так не поступают. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] – сокровище¹². Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не разрушают.”¹³ Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала в свою очередь злобой на [Хызр-]хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его¹⁴.

Хан ушел назад и снова пришел к Ак-Кулю. Подняла [тогда] ханом та самая бегим кого-то под именем Кельдибека. Другие беки называли его Лже-Кельдибеком. Все говорили: “Кельдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!”

Когда эль не подчинился ему [Лже-Кельдибеку], подняли ханом [человека] по имени Базарчи, который был из потомков Боавула.¹⁵ Был в то время Сиджуд 'Али-бек, из старших беков. Полагая, что не покорится он этому Базарчи, вызвала его [бегим], привели [его и] убили. У 'Али-бека был сын по имени Хасан. Когда тот бежал и пришел к сыну Конграта Нагадая Ак-Хусайну¹⁶, который был хакимом вилайета Хорезма, [а] этот Хасан был ему племянни-

⁹ Стамбульский список, перевод которого назван *Кара-Таварих* (далее – КТ), указывает только, что «поставила она отдельную юрту».

¹⁰ КТ передает в этом месте вопрос, а не действие, Тайдулы: «хочет ли он [Хызр – М.Г.] расчесать Биким волосы?».

¹¹ Тут Утемиш-хаджи либо сознательно лукавит, чтобы оправдать отказ Шибанида Хызра, либо переносит реалии более поздней эпохи. Сам же автор ранее упоминает о хорошем отношении к Шибанидам со стороны Узбека [73, с. 43; 74, с. 105] (поскольку Кият Усатый не пошел бы на исключение потомков Шибана из списка остальных Джучидов, подвергшихся наказанию, без разрешения хана). О поддержке Шибанидами Батуидов в XIII в. см. статью В.П. Костюкова [24], название которой стало частью названия данной статьи.

¹² Перевод КТ «Пусть так не поступают. Для хана всегда найдется золото и серебро» может даже больше соответствовать действительности, поскольку по смыслу здесь речь скорее идет о выкупе.

¹³ Это предложение нужно подчеркнуть еще несколько раз, настолько важно оно, на наш взгляд. КТ передает его теми же словами.

¹⁴ Непонятно, что они сделали с титулом хана, который уже был у Хызра. Нельзя просто так прогнать правителя государства: требуется его еще и низложить. Либо же Хызр вовремя успел убежать обратно, пока у него не отняли не только власть, но и жизнь.

¹⁵ Вполне вероятно, что имеется в виду тот самый сын Джучи Боавул, который был дедом небезызвестного Ногая. Базарчи ассоциируют с Наврузом. Кельдибек в реальности пришел к власти после убийства Хызра (не им), но здесь хронология перепутана.

¹⁶ О них подробнее будет сказано ниже.

ком¹⁷, [Ак-Хусайн] пришел в ужас от этих непристойных поступков бегим и отрекся от нее. Направил тогда Ак-Хусайн посла к Хызр-хану, сказал:

“Совратилась эта женщина на путь шайтана, такие-то [вот] дела творит. Мы же – отrekliсь от нее. Мы выступим против нее, если проявите вы великодушные и станете во главе!”. Он также был человеком мстительным – хвала [ему] великая! *Ак-Хусайн собрал воедино войско Хорезма, пришел к Ак-Кулю, упомянутого [Хызр-] хана поднял ханом и пошел походом на вилайет Сарая*¹⁸. Под Сараем произошла битва¹⁹. Базарчи [и] бегим были схвачены²⁰. Посадили бегим в крытые санки, полость крепко завязали и, заложив [в санки] бешеного жеребца, пустили на все четыре стороны. Этот бешеный конь понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. Узбеки говорят: “Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан”. Обстоятельства этого – таковы» [74, с. 112–113; ср.: 73, с. 51–52].

Вот таким образом Утемиш-хаджи описывает события, которые практически предопределили судьбу Золотой Орды. Но об этом позже. Стоит отметить также, что, согласно нашему впечатлению, и в литературном плане данный отрывок изложен весьма живо и интересно, и может заинтересовать как увлекательный рассказ даже современного читателя.

Прежде всего, из этого рассказа можно узнать, что Хызр был сыном Мангута, потомком Шибана. И он имел свое владение в районе озера Аккуль (Белое озеро), которое находится в центральной части Северного Казахстана²¹. Поэтому, когда читаем сообщение русских летописей «Того же лета прииде съ востока некій Заяицькій царь Хидырь на царство Воложское ратью» [42, с. 232], становится понятнее, откуда он пришел, и можно догады-

¹⁷ Т.е. Ак-Хусейн был его дядей по женской линии – братом его матери [15, с. 244]. Это косвенно может указывать на немолодой возраст Ак-Хусейна, и соответственно еще более солидный возраст его отца Нангудая. Данное обстоятельство может также объяснить, что в это время делал сам Нангудай. Ведь, согласно Натанзи, он будет убит только во время правления Кельдибека [70, с. 257]. Поэтому, если бы Нангудай был в столице, то измена его сыновей была для него крайне опасна, а если в Хорезме – то почему правил его сын? Однако уже в ярлыках Бердибека зафиксирован его сын Хусейн среди старших эмиров, подписавших документ [10, с. 113, 115; 12, с. 163, 166], если верить реконструкции А.П. Григорьева. Мало того, это имя, согласно его же реконструкции, встречается уже в письме венецианского дожа Джанибеку 1349 г. [9, с. 9–10]. Объясняет исследователь это обстоятельство торговыми интересами Венеции в Хорезме. Таким образом, можно предположить, что Хусейн (согласно восточным источникам, как мы увидим далее, его полное имя – Хусейн Суфи) был наместником Хорезма к концу 40-х гг. XIV в., если не раньше. Судя по всему, ввиду возраста и не очень хорошего состояния здоровья [об этой проблеме см.: 15, с. 242] Нангудай отошел от дел и передал их своему старшему сыну. Несколько похожий эпизод произошел во времена очень известного эмира Едигея, когда он фактически передал пост беклярибека своему брату [50, с. 107].

¹⁸ Обратите внимание на роль хорезмского наместника, которая в дальнейшем будет разобрана подробнее. Провозглашение Хызра ханом указывает либо на то, что его все-таки низложили, либо же, что хронология источника неверна, и мы ее в дальнейшем попытаемся пересмотреть.

¹⁹ Т.е. это была полноценная военная кампания, закончившаяся сражением между борющимися за власть сторонами конфликта.

²⁰ Согласно КТ, Базарчи убежал, а была схвачена и убита только Тайдула. Что стало с Базарчи, не сообщается.

²¹ Ж.М. Сабитов считает, что это был Приаральский улус (улус севернее Хорезма и озера Арал), изначально принадлежавший другой ветви Шибанидов [59, с. 33–34].

ваться почему он изначально царь, а не царевич²², как «царевич Арапша» (Арабшах)²³, например. Скорее всего, для русского летописца это означало, что Хызр являлся легитимным (т.е. принадлежащим к правящей династии Джучидов, хоть и из другой ветви) правителем улуса, тогда как Арабшах не имел своего улуса. Соответственно, первый имел возможности для мобилизации своих войск, о чем будут представлены косвенные свидетельства в дальнейшем.

Здесь необходимо вернуться немного назад хронологически, чтобы разобраться, с кем же предстояло столкнуться Хызру, кроме Тайдулы? Кто были эти ханы, которые пришли к власти после смерти Бердибека? Утемиш-хаджи ничего не говорит про первого из них – Кульпу, как и большинство других восточных источников, но это не значит, что вокруг него был «заговор молчания», как подозревает Р.Ю. Почекаев [49, с. 41; 52, с. 143, с. 341, прим. 388]²⁴; возможно, они его просто не знали. О Наврузе Ибн Халдун и Муин ад-Дин Натанзи также молчат, а русские летописи, которые Кульпу действительно упоминают, не особо ему симпатизируют [22, с. 530]. Упоминают о нем, видимо, больше очевидцы событий – русские летописцы и венецианский источник нотариуса Бенедетто Бьянко, недавно введенный в научный оборот профессором МГУ С.П. Карповым [22, с. 530–532]. Но, к сожалению, они ничего не сообщают нам о происхождении хана. Естественно, там, где нет источников, историкам приходится выдвигать более или менее обоснованные предположения. Смелее всех высказался А.Ю. Якубовский, объявив Бердибека, Кульпу и Навруза родными братьями [7, с. 271]. Чуть реалистичнее выглядит предположение А.П. Григорьева о том, что Кульпа приходился дядей Бердибеку [12, с. 126, 128]. А.Г. Гаев считает, что Кульпа, как, кстати, и Навруз, являлись потомками младших сыновей Джучи (и, соответственно, младших братьев Бату) Тангута или Беркечара, относящихся к правому крылу (т.е. к самому Улусу Бату)²⁵ [6, с. 18–19].

Последнее предположение кажется нам наиболее правдоподобным, но подтверждается оно в источниках только касательно Навруза. И то, появляется он в этих источниках, один из которых – процитированный выше отрывок из «Чингиз-наме», под другим именем Базарчи. В нашем отрывке он потомок Боавула, а в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», являющимся анонимным среднеазиатским историческим сочинением начала XVI в., – потомок другого сына Джучи – Тангута [29, с. 38]. И здесь уже нам помогает венецианский нотариус, благодаря которому мы узнаем, что Навруз – это действительно новое имя, взятое данным ханом при восшествии на престол (т.е. это тронное имя, под которым его и знают другие источники) [22, с. 532]. Поэтому сейчас можно с еще более спокойной совестью, чем раньше, отождествлять Базарчи

²² Хотя у самого Утемиша-хаджи он назван поначалу Хызр-огланом, что ближе к русскому переводу этого титула как «царевич».

²³ О нем см.: [52, с. 181–188; 66, с. 46].

²⁴ Исследователь ссылается также и на мнение А.П. Григорьева: [11, с. 25].

²⁵ На наш взгляд, это название более точное и подходящее для той части Улуса Джучи, которая непосредственно управлялась Батуидами, по аналогии с Улусом Шибана или Улусом Орды, чем довольно бесплодный спор о цветовых обозначениях разных частей Улуса Джучи. Для интересующихся данным спором в библиографии предоставлена отличная подборка публикаций по теме [35; 37; 62; 72].

с Наврузом. Что же касается выбора между двумя источниками, то мы здесь присоединимся к А.Г. Гаеву [6, с. 18–19] и Р.Ю. Почекаеву [52, с. 147, 341, прим. 393]²⁶, выбрав гораздо более подробный в генеалогическом плане источник «Нусрат-наме». Таким образом, Навруз становится потомком Тангута.

Обозначив все эти соображения в своей другой статье, которая пока еще остается неоконченной, мы посчитали, что именно происхождение Навруза стало причиной похода Хызра, который «резонно сообразив, а чем он хуже», двинул свои войска на столицу. Отталкиваясь от этого, имело смысл предположить, что тогда Кульпа мог вести свое происхождение от боковой линии дома Бату, так чтобы не нарушить правила наследования в Улусе Бату, где высшая власть должна была принадлежать его потомкам [36, с. 48–51], но и не быть слишком близким по родству усопшему хану Бердибеку, чтобы было понятнее молчание источников²⁷. Однако, углубившись в сведения источников, стало ясно, что не все так просто. И несмотря на «броское» название настоящей статьи, по мере изучения материалов становится понятным, что «Золотую Юрту» (в значении синонима Золотой Орды) ломали не только Шибаниды.

В вышеописанном варианте (где у Кульпы и Навруза происхождение из разных домов: Кульпа – Батуид, а Навруз – нет) есть хронологическая проблема – согласно русским летописям, Хызр совершил поход на Новый Сарай уже весной, тогда как Навруз, следуя свидетельству Бьянко, стал полноценным правителем только весной (и возможно, только после 21 марта²⁸). Безусловно, нумизматическая нестыковка может решаться объяснениями, что он стал бить свою монету до окончательной победы, да и у Хызра мог быть не «блицкриг», а более длительная борьба за престол. Но вот объяснить как Хызр мог так быстро принять решение, сговориться с несколькими крупными эмирами, собрать армию, выступить в поход и вторгнуться в Поволжье за месяц-полтора, уже сложнее. Тем более, что источники подкидывают нам дополнительную информацию. Согласно некоторым летописям: «и бысть леств в князехъ ординскихъ» [44, с. 100]. Утемиш-хаджи часть этой «лести» разъясняет обращением к Хызру хорезмского наместника Ак-Хусейна, принявшего у себя сына «одного из старших беков» (возможно, карачи-бека) Хасана из племени сиджиут, бежавшего от нового хана Базарчи (Навруза) и Тайдулы, которые убили его отца Алибека (или просто Али)²⁹.

²⁶ В.П. Костюков также упоминает два этих источника по поводу происхождения Хызра, но не определяет, какой из них кажется ему более достоверным [26, с. 40].

²⁷ Сходным образом реконструировал происхождение Кульпы и Навруза Р.Ю. Почекаев [52, с. 142–143, 146–147].

²⁸ Поскольку имя Навруз означает иранский праздник Нового года, который наступает по солнечному календарю 21 марта [см.: 11, с. 26], то логично предположить, что новый хан, принявший это имя (после убийства своего предшественника Кульпы), предпочтет официально взойти на трон именно в этот день. С другой стороны, датировка всего события (включая убийство Кульпы и восшествие Навруза на престол), а именно 28 февраля 1360 г., расположена у венецианского нотариуса в конце текста [22, с. 531–532] и вполне может относиться и к самому ритуалу коронации. В любом случае времени у Хызра оставалось совсем немного, а подробнее к этой теме мы, возможно, еще вернемся в другой статье.

²⁹ Сиджиут Али-бий упоминается в списке эмиров Джанибека позднего татарского анонимного источника «Дафтар-и Чингиз-наме» [34, с. 275]. Среди подписавших ярлык Джанибека венецианским купцам 1342 г. есть эмир по имени Али, стоящий списке в втором, сразу за Нангудаем, опережая беклярибека (sic!) Могулбугу [12, с. 70–71, 74].

Анализ фигуры хорезмского наместника, упоминаемой Утемишем-хаджи, позволяет пролить дополнительный свет на события, им описанные. Дело в том, что другие источники не подтверждают полностью его имя, но упоминают о существовании трех «братьев Суфи» из племени кунграт в Хорезме, из которых первые двое правили там поочередно в порядке старшинства. Звали их Хусейн Суфи, Юсуф Суфи и Ак Суфи, соответственно. Последний был женат на дочери Узбека (sic!) [19, с. 77; 30, с. 516]³⁰. А отцом братьев был известный эмир Нангудай, упоминавшийся ранее. Как мы видим, скорее всего, Утемиш-хаджи объединил двух братьев в одном лице³¹, причем именно тех, которые были заинтересованы. Старший, Хусейн Суфи, был правителем Хорезма на тот момент, который предположительно и принимал решения, а младший³², Ак Суфи, был зятем («гюрегеном») уже умершего золотоордынского хана, и соответственно, также лицом заинтересованным в происходящем в Золотой Орде. Может быть, именно он и принимал участие непосредственно в походе Хызра на столицу. Однако переговоры с Али (Алибеком) и Хызром вел, наверное, Хусейн Суфи, как и провозглашал последнего ханом.

А насколько серьезен был этот союзник, показывают нам документы, реконструированные А.П. Григорьевым, попутно служа подтверждением его реконструкции. Дело в том, что во всех этих документах³³ сначала Нангудай, а потом и сам Хусейн Суфи находятся либо на первом (опережая беклярибека [sic!] Могулбугу), либо, самое меньшее, на втором месте, опережая всех других подписавшихся старших эмиров (карачи-беков). Кто же мог еще находиться на столь высоком месте, опережая иногда даже беклярибека, если не представитель рода кунгратов? Следует предположить, что это действительно был самый знатный и уважаемый (нечингизидский) род в Золотой Орде, независимо от занимаемых ими должностей в тот период времени³⁴. Касаемо второго союзника Хызра, сиджиута Хасана, сына Али, его отец фигурирует среди карачи-беков Джанибека, судя по первому ярлыку венецианским куп-

³⁰ См. также: [15, с. 245].

³¹ Ср. с мнением И.В. Зайцева и Ж.М. Сабитова, которые полностью отождествили Ак-Хусейна из «Чингиз-наме» с Хусейном Суфи [15, с. 244; 57, с. 122; 61, с. 124].

³² М.Г. Сафаргалиев считает его старшим братом, и соответственно, основоположником местной династии Суфиев [62, с. 121]. Старшим братом его считает и А.П. Григорьев [9, с. 10; 12, с. 70]. На то, что он именно младший брат, указывает только Шараф ад-Дин Али Йазди в переводе А. Ахмедова (из двух источников, приведенных выше; второй – это Низам ад-Дин Шами в переводе Г. Птицына). Вообще, об этом человеке очень мало информации, и упоминается он в источниках только в качестве мужа дочери Узбека, дочь которых попросил в жены своему сыну знаменитый эмир Тимур.

³³ За исключением письма венецианского дожа Джанибеку, Тайдуле и высшим эмирам Золотой Орды, где Хусейн третий с конца [9, с. 9], но это не внутриордынский документ, да и, вероятно, что карьера Хусейна только начиналась.

³⁴ Краткий обзор деятельности различных представителей этого племени см.: [18, с. 191–192; 57; 82, с. 456–457]. Кунграты славились, как предоставлявшие представительниц прекрасного пола своего племени в жены царствовавшим (и иным) Чингизидам [55, с. 162; 82, с. 456]. Здесь видно, что были и обратные примеры (кунгратские эмиры женились на представительницах правящих домов Чингизидов). В целом, авторитет этого племени на территории государств, сложившихся в результате распада Монгольской империи (в основном, в Улусе Джучи и империи Юань), не подлежит сомнению.

цам от 1342 г.³⁵ Видимо, сиджиут тоже был очень влиятельным кланом, возможно, даже одним из четырех племен, выдвигавших карачи-беков из своих рядов [61, с. 129]³⁶. Далее Утемиш-хаджи еще упоминает представителя сильного клана найман по имени Кутлугбуга³⁷. Если Хызр действительно заручился их поддержкой, то он стал представлять собой мощную силу. Кроме того, эти кланы должны были иметь свое влияние и в центре Золотой Орды (среди сарайских и гюлистанских эмиров).

Весь этот отрывок из среднеазиатского исторического сочинения наглядно демонстрирует заговор эмиров в действии. Два³⁸ крупных эмира (а лучше даже сказать, одни из самых крупных эмиров) из двух очень влиятельных племен объединили свои усилия, чтобы свергнуть правящего хана и возвести на престол державы представителя другой династии! Это ли не заговор? Один из них, кстати, контролировал важную территориально-административную единицу именно Улуса Бату и мог сам выставить свое войско, что источник и пока-

³⁵ самого же Хасана Ж.М. Сабитов отождествляет с «Асамбеком» (Asambey) из ярлыка Бердибека венецианским купцам [61, с. 123, 126]. Напротив, А.П. Григорьев (см. выше прим. 33) идентифицирует этого эмира с кунгратом Хусейном Суфи. Здесь нам кажется, что прав скорее А.П. Григорьев. Во-первых, у Асамбека должен был быть настолько знатный род, чтобы опередить всех других родовых аристократов, подписавших ярлык (в этом ярлыке Бердибека он опережает даже беклярибека). Во-вторых, в ярлыке Бердибека митрополиту Алексею, датированном концом 1357 г., вторым именем (среди подписавших эмиров, после имени беклярибека Могулбуги) записано имя «Усяин» [81, с. 470], которое ближе к Хусейну, чем к Хасану. Это значит, что имя «Асамбек» из ярлыка венецианцам, выданного менее чем через год после первого ярлыка Бердибека, было бы вернее также идентифицировать с Хусейном.

³⁶ Согласно свидетельству Рашид ад-Дина, 1,000 воинов этого племени были в составе 4,000 человек, изначально выделенных в удел Джучи его отцом Чингиз-ханом [56, с. 274]. Данный факт, разумеется, повышал престиж клана и поднимал их положение до одного из старших (по крайней мере, по общему авторитету, но, как мы видим, и по действительному положению некоторых их представителей) племен.

³⁷ Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов [18, с. 189], как и Ж.М. Сабитов [61, с. 126, 129], идентифицируют его как Кутлугбугу (Кутлубугу) ярлыка Джанибека от 1347 г., двух ярлыков Бердибека от 1357–1358 гг. [10, с. 112–113, 115; 12, с. 115, 117, 121, 160, 163, 166], а также и как Кутлубугу Инака из документа мамлюкской канцелярии в копии ал-Мухибби. Надо отметить, что во всех ярлыках, где появляется Кутлугбуга, он стабильно занимает последнее место. При этом, в письме дожа от 1349 г. он почему-то отсутствует. А в письмовнике ал-Мухибби он уже появляется как «наместник (на'иб) хана Джанибека» [69, с. 338 (ар.), 348 (рус.)], что интерпретируется исследователями как занятие должности главного эмира (беклярибека) [12, с. 117; 86, р. 289]. В списке эмиров Джанибека в «Дафтар-и Чингиз-наме» Кутлугбуга присутствует, но как представитель племени энджли [34, с. 275] (которое Ж.М. Сабитов ассоциирует с подветвью племени найманов [61, с. 126]), а под представителем племени найманов указано другое имя. И, наконец, не мешало бы помнить, что имя Кутлугбуга было более распространенным в Золотой Орде, в отличие, например, от того же Могулбуги [64, с. 114–115, 131–132]. При всем этом, данный человек должен был в итоге стать приближенным у Хызра. Суммируя все эти разрозненные свидетельства, они, на наш взгляд, не дают однозначной идентификации Кутлугбуги, так что принимать эту версию пока преждевременно. Нельзя также исключать, что Кутлугбуга из «Чингиз-наме» вообще не строил карьеру в столице, а служил всю жизнь Шибанидам.

³⁸ Если принять версию Д.М. Исхакова, И.Л. Измайлова и Ж.М. Сабитова, третий эмир, упомянутый в «Чингиз-наме» как союзник Хызра, особо им не уступал при такой-то карьере! В любом случае, участие племени найман на стороне Шибанида было тоже весьма существенным подспорьем для этого претендента на трон.

зывает. Мало того, если верить его автору, то хорезмский наместник был практически инициатором этого похода и принял самое деятельное участие в провозглашении Хызра ханом. Косвенным доказательством союза хорезмских властей и Хызра служит то обстоятельство, что в Хорезме прекратили выбивать имена золотоордынских ханов на своих монетах сразу вслед за убийством последнего [80, с. 49–50, 52]. Более того, противостояние кунгратов с Тайдулой и поддерживавшей ее частью столичных эмиров, весьма вероятно, берет свои истоки еще со времен хана Узбека [12, с. 197], поэтому активное выступление кунгратских властей Хорезма на стороне Хызра неудивительно. В целом, вывод М.Г. Сафаргалиева, что «когда началось враждебное Наврузу движение, то в нем прежде всего принимали участие те феодалы, которые придерживались восточной ориентации» [63, с. 113], вполне правомерен. Как и заключение Ж.М. Сабитова о хорезмско-шибанидском союзе [59, с. 35; 60, с. 383]³⁹.

У Хызра могли быть и более западные союзники, судя по косвенным нумизматическим данным. В Азаке монету с именем шибанидского хана начинают бить уже в 760 г.х. [27, с. 36; 65, с. 269], который заканчивается 23.11.1359; однако специалисты относят это к особенностям использования нижних штемпелей для чеканки оборотных сторон монет, которые продолжали пробивать даты правления предыдущих династий (т.е. Кульпы и Навруза) [4, с. 75–76; 65, с. 269]. Тем не менее, учитывая, что монетный двор Азака был единственным, помимо столичного, монетным двором, бившим монету и кратковременного правителя Орду-мелика [4, с. 79; 11, с. 29, 34; 27, с. 38], который мог тоже относиться к Шибанидам, то, возможно, это свидетельствует если не о поддержке, то о связях азакского наместника с Хызром и его союзниками⁴⁰. Если брать ситуацию в целом, то вырисовывается картина недовольства некоторой части региональной элиты, и вот они действительно могли задуматься о приглашении Джучидов левого крыла.

Сарайским же эмирам, как и Тайдуле, тесно с ними связанной⁴¹, приглашение Джучида из левого крыла было совсем не нужно. Он бы заявился со своей ордой, эмирами и порядками, что и произошло в действительности. В связи с этим надо упомянуть, что процитированная Симеоновская летопись пишет о «лести ордынских князей» вслед за походом Хызра, а не раньше него. Еще более полно описывает ситуацию Никоновская летопись, и поэтому мы продолжим ее цитату, начатую ранее: «...и бысть лествъ во князехъ Ордынскихъ Воложскаго царства, и начаша тайно ссылатися съ Хидыремъ, царемъ Заяитцкимъ, лукавствующе на Воложскаго своего царя Науруса. И составися тайнаа лествъ ихъ въ дело, съступишася на бой, и выданъ бысть отъ своихъ князей Воложскій царь Наурус Заяицкому царю Хидырю» [41, с. 232]. Таким образом, здесь видно, что измена началась только при приближении Хызра к Волге, а сам акт предательства состоялся уже непосредственно в сражении⁴².

³⁹ Однако после смерти Хызра у нас уже нет подтверждений этого союза, даже монет с именем Мюрида в Хорезме не чеканили.

⁴⁰ Краткие замечания о связях Азака с Хорезмом см.: [23, с. 88, 90].

⁴¹ Об их связи см.: [12, с. 197, 205–209].

⁴² Достаточно типичная ситуация во многих средневековых битвах – измена или просто уход с поля боя части командиров, которые обычно были еще феодальными обладателями собственных владений, как в Европе, или управителями улусов, как у кочевников, со своим войском.

Анализируя эти сведения, можно прийти к выводу, что, с одной стороны, русские летописи как бы подтверждают заговор некоторых эмиров в пользу Хызра. Но с другой, на наш взгляд, тот заговор, о котором говорят данные летописи, составлял его вторую часть и был вызван другими причинами. Та часть столичной (возможно, и гюлистанской)⁴³ аристократии, которая вступила в переговоры с Хызром при его наступлении, скорее всего, не хотела видеть его ханом изначально, и тут мотивацией предательства служил скорее страх не только за жизнь, но и в виду незавидной перспективы быть отлученным от «дележа пирога» при победе заяицкого претендента на престол. Это значит, что Хызр собрал довольно внушительные воинские силы. Помимо этого, авторитет Навруза, вероятно, заметно уступал авторитету предыдущих властителей Орды, и многие командиры могли просто проигнорировать его приказ о сборе войска, что означает, что ресурсы для мобилизации у Навруза тоже были ограниченными. Почему мы так настаиваем на разделении поддержки Хызра на две части? Потому что, на наш взгляд, первую часть составляли именно те эмиры, в основном, левого крыла, которые действительно хотели смены власти. Они описаны в «Чингиз-наме». Второй же акт заговора был исполнен той частью знати, которая изначально этого делать не хотела и вынуждена была принимать решения по факту похода Шибанида. Их и упоминают русские летописи. Поэтому мы и подчеркивали, что у Хызра были свои владения, свое войско, значительная поддержка других эмиров. И зачем столичной аристократии, и тесно связанной с ними Тайдуле, нужно было все это встречать у себя дома? Тем более, что они могли догадываться, что одним Джучидом из восточной части Улуса Джучи дело грозило не ограничиться.

Таким образом, стоит усомниться в том, что обращение к Хызру со стороны столичной знати и Тайдулы имели место до его похода. Более вероятно, что все эти обращения и предложения со стороны последних случились позднее, если существовали в реальности. Вообще придерживаться хронологии таких источников описательного характера, да еще склонных включать в себя различные предания, как «Чингиз-наме», довольно проблематично. Если попытаться составить некую реконструкцию на основе данных Утемиша-хаджи и русских летописей, можно прийти к заключению, что переговоры о браке Тайдулы с шибанидским претендентом на трон и о месте старых эмиров шли, по-видимому, уже после свержения Навруза. Судя по всему, они закончились неудачно, возник конфликт, возможно, Хызру пришлось уйти на короткое время, но он призвал войска, и вот тогда уже обрушились настоящие репрессии, включая убийство Тайдулы и «Муалбузиной чади» [42, с. 232; 43, стб. 69]⁴⁴. Как вариант этой гипотезы – Хызр с самого начала задумал выполнить миссию по смене династии, и вот такими жестокими мерами сразу стал претворять ее в жизнь.

Касательно смены династии. Весь рассказ Утемиша-хаджи действительно очень похож на попытку придать легитимацию смене династии в Золотой Орде в пользу Шибанидов. Кроме исторического, в этом отрывке присутст-

⁴³ А.П. Григорьев полагает, что в Гюлистане находилась ставка Тайдулы [8, с. 163–164].

⁴⁴ В контексте военачальников (а Могулбуга в качестве беклярбека был главнокомандующим) этот термин обозначал обычно дружину, т.е. ратников этого военачальника, но мог обозначать и просто приближенных к нему (Могулбуге) людей [см.: 67, стб. 1469–1470].

вует и символическое описание. Прежде всего, это вариант самоисполняющегося пророчества Тайдулы. Учитывая то, что она сама призвала Хызра изначально, она исполнила роль, похожую на ту, которую современные социологи уже давно описывают как *self-fulfilling prophecy* (самоисполняющееся пророчество) [85]. Также ее родство с Узбеком и Джанибеком могло быть указано не случайно: жена и мать предыдущих династов, таким образом, символически возвещала о передаче власти новой, Шибанидской династии. С другой стороны, это может быть прочитано и как рациональный взгляд на политический расклад сил того времени. Однако самым символически нагруженным эпизодом, конечно, является эпизод с золотой юртой. Тайдула упрашивает Хызра не разрушать «здание, построенное прежними добрыми людьми»⁴⁵. Тут может быть очевидная аллюзия на государственный строй. Стоит обратить внимание на то, что Хызр не забрал юрту себе, а именно, разрушил ее, разломав и поделив между своими людьми. Здесь может обнаружиться даже двойной символический смысл. Первое, что власть Батуидов закончилась (обрушилась), и теперь правят Шибаниды. Второе, это аллегория на разрушение всего царства, ведь золотая юрта символизировала также Золотую Орду [28, с. 63; 35, с. 136–137; 62, с. 44; 72, с. 377–378; 77, с. 27, 30].

Несколько слов надо сказать и о самой «золотой юрте», или «золотом шатре», который Ибн Баттута наблюдал в ставке хана Узбека в 1334 г. По словам марокканского путешественника, он состоял из каркаса из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями [69, с. 290]. Утемиш-хаджи в свою очередь передает легенду (или быль?) о том, что этот самый шатер был изначально даром Чингиз-хана для своего внука Бату⁴⁶. Это была юрта белого цвета с золотым порогом [73, с. 28; 74, с. 92]. Китайский (южносунский) посланник к Чингиз-хану по имени Сюй Тин упоминает этот золотой шатер. Он вмещал в себя несколько сот человек, состоял из каркаса из ивовых прутьев, стянутых веревками и покрытых войлоком⁴⁷ сверху донизу, а порог (*sic!*) и все стойки были облицованы золотом. Ставился в особо торжественных случаях [54, с. 138]. Данное описание настолько напоминает описание юрты в «Чингиз-наме», что может сложиться впечатление, что хивинский историк описывает первоначальную юрту, сохранившуюся в преданиях о временах Чингиз-хана, а Иоанн де Плано Карпини (см. ниже) и Ибн Баттута – уже более поздний «имперский» вариант подобного типа шатров, существовавших у правителей Монгольской империи, а затем, после ее распада, и у ханов отдельных улусов, таких как Улус Джучи⁴⁸. Удивительное дело – как только

⁴⁵ Можно образно прочесть это и так: «прежними великими правителями»; тем более, что сам автор считал некоторых из них таковыми.

⁴⁶ Согласно этому источнику, подобные кибитки, только с серебряным (для Орды-Ичена) и со стальным (для Шибана) порогами были розданы Чингиз-ханом и двум другим старшим сыновьям Джучи.

⁴⁷ Цвет войлока не указывается, но, например, мамлюкский источник упоминает, что юрта Берке была покрыта белым войлоком с внешней стороны [69, с. 64]. О значении символики белого цвета для монголов см.: [13, с. 69–70; 35, с. 138–140; 79, с. 50–53]. Таким образом, можно предположить, что и в юрте, описанной Сюй Тинем, войлок был также белого цвета (по меньшей мере, с внешней стороны).

⁴⁸ К тому же кажется маловероятным, что китайский источник, столь внимательный к материальным деталям, пропустил бы такую выделяющуюся часть декора как золотые листья, для которых, скорее всего, требовался и более прочный деревянный каркас,

сравнивается рассказ Утемиша-хаджи с аналогичным сообщением из другого исторического источника, считающимся более-менее достоверным, многие «мифологические» сюжеты из «Чингиз-наме» кажутся гораздо более реальными. К сожалению, очень не хватает перекрестных источников для проверки уникальной информации хивинского историка.

Мало того, по предположению некоторых исследователей, в этом шатре проводился и обряд воцарения правителей Золотой Орды [13, с. 71; 28, с. 63; см. также: 68, с. 65–67]⁴⁹, по аналогии с обрядом, описанным Иоанном де Плано Карпини в своем отчете о поездке к монголам. Наблюдался обряд при восхождении на престол Монгольской империи каана Гуюка в 1246 г., а сам шатер был схожим в описании с тем, который увидел Ибн Баттута – огромная юрта с деревянными столбами, покрытыми золотыми листьями, прибитыми к ним золотыми же гвоздями [39, с. 76]. Примечательно, что по свидетельству того же источника, этот шатер называли «Золотой Ордой» (sic!)⁵⁰. Стоит отметить, что Иоганн Шильтбергер также упоминает о какой-то «палатке», вокруг которой носили новоизбранного хана на белом войлоке [75, с. 44]. Следовательно, не исключено, что уже когда юрта золотоордынских ханов была утеряна или уничтожена (ко времени путешествий Иоганна), некий шатер все равно продолжал играть существенную символическую роль в коронации этих ханов⁵¹. На этой роли настаивает и З.В. Доде, посвятившая так называемым «золотым шатрам» отдельную статью [13]⁵². В ней исследовательница подчеркивает важность этих артефактов как символа политической власти [13, с. 65]; мало того, даже как символа сакральности этой власти у тюркских и монгольских кочевников [13, с. 74–75].

Таким образом, приведенные выше свидетельства в сумме своей подтверждают, что «золотая юрта» в той или иной форме существовала в действительности и, весьма вероятно, играла существенную роль в коронации ханов Золотой Орды. Вывод же из существования данного артефакта можно сделать следующий: коль скоро он существовал и имел, безусловно, и символическое значение, то в высшей степени логично, что его уничтожил как раз тот претендент на престол, который олицетворял настоящую смену династии, что вело за собой в те времена и смену государственной символики, и, в некоторой степени, смену всего государственного строя. Из этого вытекает также, что этот артефакт представлял собой символическим образом все государство и его уничтожение могло расцениваться, в определенном смысле, как гибель государства.

чем ивовые прутья, в нем упомянутые. Это тоже наталкивает на мысль о двух разных типах шатров, описанных китайским (Сюй Тин) и европейским (Иоанн де Плано Карпини) источниками соответственно.

⁴⁹ Выражаю искреннюю благодарность Д.Н. Маслюженко за консультацию и отсылки к соответствующим материалам по данному вопросу.

⁵⁰ Так же названа «золотая юрта» Чингиз-хана и у Рашид ад-Дина [56, с. 230].

⁵¹ Однако А.Г. Юрченко считает, что это уже был тюркский обряд коронации, вытеснивший, в итоге, монгольский [79, с. 63–64]. У него же см. подробнее о «золотых шатрах» у различных монгольских правителей: [79, с. 88–90; 78, с. 134–136].

⁵² Выражаю искреннюю благодарность З.В. Доде за то, что она любезно прислала свою статью, тем самым дав возможность с ней ознакомиться и использовать ее в данном исследовании.

Это значимое событие может еще послужить индикатором отношения самого автора разбираемого здесь рассказа к главному герою этого рассказа, т.е. к Хызру. Так А.В. Парунин полагает, что Утемиш-хаджи указывает на данного хана, как на виновника хаоса, оставшегося после него [37, с. 55–56; 38, с. 8]. Однако прямой критики нигде нет. В источнике скорее упоминается «дурной сын» Бурут [73, с. 53; 74, с. 113] как виновник, и, в целом, негативно, особенно через слова эмиров, передан образ Тайдулы. Тем не менее хивинский историк, наверное, бы согласился со словами современного историка о «необходимости сохранения механизмов функционирования государственной власти» [38, с. 8]. Поэтому, на наш взгляд, отношение Утемиша-хаджи к Хызру двойственное: с одной стороны, он безусловно поддерживает переход власти в руки Шибанидов в Золотой Орде, но с другой, чувствует либо знает (поскольку о самом периоде «Великой Замятни» после смерти сына Хызра он очень мало рассказывает, но, возможно, читал и слышал гораздо больше, а, возможно, что-то из написанного и было утеряно), что действия Хызра тоже, в известной мере, послужили катализатором смуты. Как результат, Хызр в «Чингиз-наме» напрямую не осуждается, но и не особо возвеличивается (а мог бы как первый шибанидский правитель Улуса Бату).

Если же попытаться соотнести изложенное Утемишем-хаджи с исторической действительностью, то в реальности это мог быть поиск компромисса, который Тайдула пыталась достичь с Хызром. Но тот, похоже, не пошел на уступки. В той же плоскости надо рассматривать ситуацию с браком. Возможно, он и был ключевым пунктом того самого компромисса. Центральная родовая аристократия получила бы своего мощного агента влияния в ставке монарха, а Шибанид в свою очередь получал бы возможность приобрести признание и среди эмиров правого крыла⁵³. Возможно, что в переговорах фигурировала также тема финансовой компенсации Хызру, судя по приведенному выше переводу из «Кара-таварих»⁵⁴. На замечание А.П. Григорьева, что, согласно летописям, Хызр сначала убил Тайдулу, а потом «седе на царство» [10, с. 142], можно ответить, что «седе на царство» означало быть провозглашенным официально в качестве хана Золотой Орды на курултае⁵⁵ или еще как-нибудь. А до этого могли быть любые переговоры, конфликты и прочее с Тайдулой и местной родовой элитой. Кроме того, следует обратить внимание на того, кто отговорил Хызра не жениться на Тайдуле: эмир из племени найман. Мы, конечно, не можем точно знать, произошло ли это в действительности, но мотивация отговаривающего тут предельно ясна: сближение хана с вдовой Узбека, тесно связанной со старой местной знатью, никак не отвечало интересам пришлых эмиров.

⁵³ В связи с тем, что данное мероприятие сулило ему несравненно большую легитимацию в западной части Улуса Джучи, отказ Хызра также требует объяснения. Возможно, он, кроме Тайдулы, не доверял и боялся еще и сарайских эмиров, к тому времени погубивших не одного хана.

⁵⁴ О финансовых возможностях и экономической составляющей деятельности Тайдулы см.: [8, с. 163; 12, с. 152–154, 196–209].

⁵⁵ Мы горячо поддерживаем существование курултаев и в XIV в., что и пытался показать А.Г. Юрченко на основе сообщения Ибн Баттуты о пребывании в Золотой Орде [78, с. 193–244]. То, что Ибн Баттута, скорее всего, описывает курултай при описании праздника в Орде, признано было даже некоторыми его критиками [17, с. 99].

Резюмируя весь рассказ Утемиша-хаджи о Хызре, следует отметить, что в принципе все, что описано у этого автора, могло произойти в реальности. Опять же нельзя утверждать, что все написанное в этом рассказе произошло в действительности, та же история с предложением брака от Тайдулы вполне могла быть преданием. Однако, в целом, есть все основания для предположения, что рассказ отражает реальные события, стоявшие за приходом Хызра к власти. Тем не менее, разумеется, для большей надежности при использовании Утемиша-хаджи в различных исторических реконструкциях необходимо подтверждать его сведения параллельными сообщениями из других источников, что мы и старались делать.

Суммируя приведенные письменные и нумизматические свидетельства, приходится признать, что весьма вероятной является заблаговременная подготовка похода этим предводителем, как и, возможно, еще более заблаговременное обращение к нему части эмиров. Если так, то наше объяснение нападения Хызра происхождением нового хана Навруза является не вполне состоятельным. Можно, конечно, пуститься в дополнительные разъяснения, что они (недовольные эмиры и сам Хызр) видели, к чему идет дело, и что Кульпе осталось править недолго за некоторое время до победы Навруза. Другим предположением может быть то, что Хызр готовил войска и контактировал с недовольной знатью заранее, и они только ждали формального повода (чем для них, видимо, стало официальное провозглашение Навруза ханом). Тем не менее, в целом, следует признать недостаточную подтверждаемость этой гипотезы. Таким образом, и по поводу самого Кульпы возникают сомнения, и на данный момент версия А.Г. Гаева о происхождении Кульпы из младших Джучидов правого крыла также остается рабочей⁵⁶.

А для завершения истории с правлением Хызра, вновь обратимся к Утемишу-хаджи:

«Когда, убив ее [бегим], Хызр-хан во второй раз стал ханом, то был он государем в течение полутора лет. Был у него дурной сын по имени, Бурут. Не стерпел он, что ханом был его отец, внезапно заколол [его и] сам стал ханом. Не прошло двух-трех дней, [как] убили и его. После того случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился. Большая часть эля ушла в вилайет Крыма к Кыйату Мамаю. Повествование это здесь закончилось» [74, с. 113; ср.: 73, с. 52–53].

Много других источников, как большинство русских [40, с. 289; 41, стб. 434; 42, с. 232; 44, с. 101; 45, с. 113; 46, с. 181, 48, с. 132], так и среднеазиатские [29, с. 37, 350]⁵⁷ также указывают на сына Хызра как на отцеубийцу.

⁵⁶ В таком случае версия о поголовном уничтожении «Джучидов рода Узбека» Бердибеком, поддержанная Д.М. Исаковым [16, с. 98], обретает дополнительные обоснования (хотя сам исследователь не согласен с генеалогическими реконструкциями А.Г. Гаева [16, с. 98, прим. 22]). Некоторые другие исследователи, например, М.Г. Сафаргалиев [63, с. 112] и Р.Ю. Почекаев [52, с. 140–141], выражают сомнение в таком поголовном уничтожении.

⁵⁷ «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» даже называет Тимур-ходжу «чернолицым ханом, убившим своего отца». Об этом же пишет и автор среднеазиатского исторического сочинения «Бахр ал-асрар» конца первой половины XVII в. При этом в этих источниках Тимур-ходжа выступает под своим именем, тогда как Утемиш-хаджи называет его Бурутом, что дает повод отождествить его с Мурутом (т.е. с Мюридом, братом Хызра) Троицкой и Рогожской летописей (что и сделал Р.Ю. Почекаев [51, с. 210, прим. 124]); но по

Однако некоторые русские летописи, причем такие ранние и авторитетные, как Рогожский летописец [43, стб. 70–71]⁵⁸ и Троицкая летопись [53, с. 377]⁵⁹, считают, что виновником гибели этого хана был его брат Мюрид (Амурат, Мурут)⁶⁰. Поскольку первую версию поддерживает более широкий спектр независимых друг от друга источников, то она нам кажется более достоверной. Пролетарствовал Тимур-ходжа после отцеубийства очень недолго – летописи указывают на срок от двух [43, стб. 71] до пяти с небольшим [42, с. 233] недель, тогда как Утемиш-хаджи в переводе Юдина, как мы видели – на два-три дня, а в переводе И.М. Миргалеева чуть поболее, но тоже недолго – на три месяца [74, с. 53]⁶¹.

Имеется еще одна версия свержения Хызра у Муина ад-Дин Натанзи, по которой после него правил Орда-шейх, кого А.П. Григорьев ассоциирует с Орду-меликом [10, с. 143–144]⁶². Судя по рассказу Натанзи, помощь ему предоставил Чимтай, глава Улуса Орды [70, с. 256–257]. Проблема в том, что Орду-мелик вообще отсутствует во всех летописях, за исключением Рогожской [43, стб. 71]; правда, у него есть немного чеканенных от своего имени монет [4, с. 79; 11, с. 34; 27, с. 38]. Военный поход, наподобие того, что совершил Хызр на Сарай, не упоминается нигде. Таким образом, источники оставляют нам выбор только дворцового переворота, а так как все же большинство из них указывают на Тимур-ходжу как на виновника событий, остановимся на их сведениях, тем более, что данное обстоятельство не так уж принципиально.

контексту и по одному хронологическому соображению, которое будет указано ниже, видно, что речь идет о Тимур-ходже. К тому же не надо забывать, что при реконструкции заменой одного диакритического знака здесь не обойдешься (любимое занятие исследователей, имеющих дело с арабской графикой), надо менять всю букву (первую).

⁵⁸ Еще В.Л. Егоров показал, что несколько сообщений в Рогожском летописце, касающихся убийства Хызра, правления Тимур-ходжи и борьбы за престол брата Хызра, Мюрида, плохо связаны логически между собой и даже противоречат друг другу [14, с. 184]. Это достаточно типичный случай для Рогожского летописца, когда одно и то же сообщение дублируется из разных источников. Характерный случай такого дублирования (менее очевидного чем наш) приведен исследователем И.В. Белозёровым в отношении поездки митрополита Феогноста в Орду в 1343 г. [3, с. 8–10].

⁵⁹ Поскольку здесь имеется выписка Н.М. Карамзина [53, с. 377, прим. 5; 21, с. 148, прим. 396], то мы можем быть уверены в реконструкции М.Д. Приселкова. Что отнюдь не исключает возможности ошибки самого летописца Троицкой летописи, как и проблематичности того факта, что у нас нет доступа к оригиналу. Не исключено, что эта ошибка существовала уже в общем протографе вышеуказанных летописей, ее гипотетическая причина могла заключаться в том, что на Руси были гораздо более знакомы с Мюридом, выдававшим ярлыки русским князьям, чем с Тимур-ходжой. Из более поздних летописей версию об убийстве Хызра его братом Мюридом поддержал лишь Владимирский летописец [47, с. 113].

⁶⁰ Под именем Хаджи-Мурат он фигурирует как брат Хызра в «Нусрат-наме» [29, с. 37] и в «Бахр ал-асрар» [29, с. 350]. Натанзи же Мурата и Тимур-ходжу относит к братьям (но не к сыновьям Хызра, а другого отца) [70, с. 257]. Версию тимуридского историка поддержал Ю.Е. Варваровский [4, с. 80]. Ж.М. Сабитов предполагает, что Хаджи-Мурат – это, на самом деле, два имени. Второе относилось к Мюриду, брату Хызра, а вот первое исследователем реконструирует как имя Хаджи-Черкеса, правителя Хаджи-Тархана (возле современной Астрахани), которого он считает родным братом Хызра и Мюрида [59, с. 36].

⁶¹ Мюрид же по данным тех же летописей и нумизматическим свидетельствам правил около трех лет.

⁶² Этой версии придерживался и Ю.Е. Варваровский [4, с. 78–79].

Согласно Рогожскому летописцу, продержался Орду-мелик у власти около месяца. Его происхождение неясно и также стало поводом для различных догадок исследователей. А.П. Григорьев, опирающийся на сочинение Натанзи, приписывает его к потомкам Орды [10, с. 143]⁶³, А.Г. Гаев и Р.Ю. Почекаев – к Тука-Тимуридам [6, с. 19⁶⁴, 53; 49, с. 44; 52, с. 149, 341, прим. 400]⁶⁵, а Ж.М. Сабитов отождествляет его с Базарчи, но отдельно от Навруза [60, с. 381, 383]⁶⁶. Все эти версии не кажутся особо убедительными. Со своей стороны, предположим, что либо Орду-мелик был также Шибанидом⁶⁷, что наиболее вероятно, либо происходил из младших Джучидов правого крыла, как и Навруз.

В предположении, указывающем на Тимур-ходжу как на убийцу Хызра, остается еще одна проблема, а именно, служение Ильаса, сына Могулбуги, в качестве беклярибека у Мюрида, который, как мы выяснили, приходился братом Хызру, изрядно проредившего ряды «Муалбузиной чади», среди прочих. Правда, эта информация об Ильасе приводится только у Натанзи [70, с. 257], который далеко не всегда выступает достоверным источником. Если все же довериться этому источнику в данном вопросе⁶⁸, при этом отвергая версию Троицкой и Рогожской летописей (обвиняющих Мюрида в убийстве брата), то необходимо представить дополнительные обоснования. Вероятнее всего, брат Хызра и сын Могулбуги решили из тех или иных соображений забыть прошлое и начать сотрудничать, особенно при допущении, что сам Мюрид не принимал или принимал минимальное участие в вышеуказанных

⁶³ Что снова означало бы большой военный поход с востока, который, как было выше сказано, не упоминается нигде. И, как уже упоминалось, генеалогиям Натанзи за этот период нельзя верить.

⁶⁴ Здесь А.Г. Гаев ошибается, отнеся Орду-мелика к Шибанидам, хотя по составленной им же родословной следует отнести этого хана к Тука-Тимуридам. Видимо, это опечатка. Ошибку исправляет Ж.М. Сабитов [60, с. 381].

⁶⁵ Это предположение связано с гипотезой того же Гаева, что подставные ханы эмира Мамай были родом из крымской ветви Тука-Тимуридов. Однако сомнительно, чтобы Мамай поддержал еще кого-нибудь из дома Тука-Тимура, и непонятно, кто, кроме него, мог бы поддержать невесту откуда взявшегося представителя дома Тука-Тимура.

⁶⁶ Однако «Нусрат-наме» упоминает и о его сыне Тимур-ходже, существование которого подтверждается и русскими летописями. Учитывая еще свидетельство венецианского источника о принятии нового (тронного) имени Наврузом, не остается практически сомнений в тождестве Базарчи и Навруза. Этот Базарчи упоминается в родословных списках некоторых тимуридских источников действительно одновременно с Наврузом [70, с. 209, 288, 398–399; см. также: 11, с. 51–52], однако в тех же источниках упоминается и Саин-хан раздельно от Бату-хана или отсутствует Сартак [см. также: 70, с. 392], поэтому они легко могли ошибаться. И. Вашари тоже высказывает сомнения в данных родословных списках [5, с. 109]. Таким образом, вышеупомянутый Базарчи мог быть только другим огланом с тем же именем, но также принявшим другое имя (Орду-мелик) при восхождении на престол. Но так как его родословная остается при этом неизвестной, то в данном вопросе его прошлое имя не особо релевантно, а само его существование под этим именем (Базарчи) остается под большим сомнением.

⁶⁷ Согласно более ранней версии А.П. Григорьева, Орду-мелик был младшим братом Тимур-ходжи [11, с. 29]. Не подтверждаемая, но тоже возможная версия.

⁶⁸ В данном сообщении «подкупает» должность Ильаса. Его отец долгое время служил в качестве беклярибека при Джанибеке и Бердибеке, а в средневековом обществе сын, как правило, продолжал дело своего отца. Тем более, что представители родовой (нечингизидской) аристократии имели склонность к формированию своих собственных династий сановников [50, с. 99–108].

репрессиях⁶⁹. Нельзя исключить также, что отца Ильяса Могулбугу просто пощадили при Хызре. Во всяком случае единственное свидетельство о его насильственной смерти находится у Натанзи, и виновником выступает отнюдь не Хызр, а Кельдибек [70, с. 257].

Переходя к выводам из более-менее верифицируемой информации, которую мы получили, можно отметить, что Хызр действительно является «первопроходцем», причем во многих аспектах в весьма негативном смысле. Он первый (по крайней мере, по сведениям уже изученных источников) использовал крупные военные формирования в борьбе за власть, и именно с его появления эта борьба перешла из стадии дворцовых переворотов в стадию полноценных сражений. Он первый обрушил массовые репрессии, по меньшей мере, на столь значную знать. Новый правитель прямо порвал с прошлой династийной историей, и отныне власть переходила открыто к другой династии⁷⁰. Этим была обозначена широкая дорога всем Джучидам, желавшим попытать свое счастье в борьбе за ханский трон. Мало того, что еще важнее, был подан пример «нашествия с востока», которыми собственно и поддерживалась «Великая Замятня» в дальнейшем⁷¹. Разумеется, Хызр так себя не позиционировал и многого из перечисленного не добивался. Возможно, он был бы и неплохим правителем, и ему удалось бы стабилизировать ситуацию в государстве после разрушения «золотой юрты» (в смысле династических символов прошлого, а также физи-

⁶⁹ А недобрый финал этой истории – убийство Мюрида Ильясом [70, с. 257], только увеличивает достоверность данного предположения. Можно также привести случай с ханом Токтамышем и его знаменитым мангытским эмиром Идигу (Идегеем), отца которого хан казнил. Но довольно быстро Токтамыш приблизил к себе Идегея, и тот даже предположительно стал беклярибеком при хане [71, с. 56–57]; тем не менее Р.Ю. Почечкаев считает, что он им не стал, и это послужило толчком к измене [52, с. 214]; В.В. Бартольд также полагал, что Идигу не достиг столь крупных карьерных высот на службе у Токтамыша [1, с. 801–802]. Закончилось все это, хотя и сильно позднее, но также (как и в случае с Ильясом) весьма скверно для хана: в итоге он погиб в борьбе с эмиром [28, с. 70–71; 32, с. 148; 63, с. 182]. Надо добавить, что служил Токтамышу и брат Идегея, вышеупомянутый Иса (продолжая служить и после измены брата) [19, с. 147, 193, 197; 71, с. 58]. Этот довольно удивительный случай позволяет по-другому взглянуть и на местонахождение Нангудая во время союза его сына (сыновей?) с Хызром, и на службу Ильяса у Мюрида. Возможно, принципу «сын за отца (или брат за брата) не в ответе» иногда следовали и в строго разделенном на кланы Улусе Джучи, хотя и не стоит особо на него полагаться в исторических реконструкциях. С другой стороны, не исключено, что Токтамыш в данном вопросе отличался особой оригинальностью, поскольку у него, по некоторым сведениям, служил и сын Мамая [32, с. 81; 52, с. 195].

⁷⁰ Согласно свидетельству Бенедетто Бьянко, Навруз выдавал себя («безо всякого основания») за сына Узбека [22, с. 532]. Самозванец Кельдибек «творящегося сын царя Чанибека» [44, с. 101; см. также: 43, стб. 70; 70, с. 255]. Т.е. другие претенденты, поддержанные сарайскими и другими эмирами правого крыла, старались показать свою связь с прошлой Батуидской династией, даже если таковой и не было в реальности. А Шибанид Хызр естественно захотел утвердить на троне свою династию, что привело затем к настоящему династическому кризису (или, по крайней мере, углубило его) и к существенному расширению числа претендентов на престол.

⁷¹ Если разбирать, кто потом соперничал с подставными царями Мамая в борьбе за власть, то подавляющее большинство из них было потомками Джучи, обитавшими в восточной части Улуса своего предка. Крупные воинские формирования (Уруса, Токтамышша) вторгались также с восточного направления. Максимум, были угрозы со стороны самого Поволжья (Хаджи-Черкес, например), но вот с запада никто Мамаю не угрожал, если иметь в виду только внутренние угрозы.

ческого уничтожения части старой элиты), но править ему дали совсем недолго. В итоге можно зафиксировать, что именно приход к власти Хызра явился настоящим переломом в истории Золотой Орды того времени и решающим поворотом на пути к «Великой Замятне».

Как мы уже упоминали, «отвественность»⁷² за будущую смуту в государстве несли далеко не только Шибаниды. И если к Джучидам правого крыла «претензии» предъявить сложнее, поскольку мы даже плохо представляем себе, кто точно выжил после репрессий Бердибека, и насколько самостоятельными они были, то заговор эмиров мы уже наблюдали в действии. Интерес эмиров левого крыла в данном заговоре объясняется весьма просто: они хотели заменить собой правящую элиту. Также и за активностью кунгратского клана в Хорезме, вероятнее всего, стояло стремление вернуть себе лидирующие позиции в Золотой Орде. Как уже упоминалось выше, согласно исследованиям А.П. Григорьева, коалиция родовой знати, связанной с Тайдулой, противостояла другой аристократической коалиции, возглавленной кланом кунграт [12, с. 197]. Возможно, негативное отношение Утемиша-хаджи к Тайдуле отражает ожесточенное противоборство со стороны нее и близких к ней кланов с кунгратами, превратившими регион Хорезма в свой центр. Что касается именно главных, столичных эмиров, то их деятельность подрывала стабильность в золотоордынской державе еще ранее, начиная с того, что они не остановили бесчинства Бердибека (не говоря уже о том, кто привел его к власти), и кончая их активным участием в борьбе за власть после смерти (или устранения) последнего. Та же жажда власти со стороны Тайдулы (а, значит, и поддерживавшей ее части родовой аристократии) наглядно проиллюстрирована Утемишем-хаджи.

Тем не менее, даже осуществление планов эмиров левого крыла и измена части эмиров правого крыла не привели к их долговременному торжеству, а государство – к стабильности. Вскоре среди самих победителей возобновились интриги и внутренние конфликты, в результате чего «возмутитель спокойствия», приведший Шибанидов впервые на золотоордынский трон, хан Хызр был убит. Однако, как это часто в истории бывает, ликвидация данного Шибанида привела к еще худшим последствиям и превратилась в формальное начало «Великой Замятни» (согласимся здесь с И.М. Миргалеевым [31, с. 98]), когда государство фактически прекратило свое существование как единое целое. Ответной реакцией правобережных (т.е. к западу от Волги, но включая и Поволжье, особенно столицу – Новый Сарай) эмиров на эти «безобразия» (с их точки зрения) со стороны Джучидов и эмиров левого крыла стало появление самозванца (Кельдибек) и все сильного эмира (Мамай) с его подставными ханами. Другой такой реакцией и на вышеописанные явления, и, в целом, на ослабление центральной власти стало возникновение сепаратистских тенденций среди части эмиров [14, с. 192–195].

⁷² Мы здесь не собираемся выдавать моральные оценки, а лишь обозначаем политические последствия действий различных «игроков», или, как сейчас их еще называют, «актеров» этого «смутного времени» в истории Золотой Орды. Для подобного рода оценок, которых вообще не совсем корректно выдавать с позиций нашего времени, мы (имеется в виду историческая наука в целом) стоим на слишком зыбкой фактической базе (например, сомневаемся был ли убит Бердибек, кем был его преемник [Кульпа], кем был убит Хызр и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Отец Едигея // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Издательство «Восточная литература», 1963. Т. II. Ч. 1. С. 797–804.
2. *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1973. Т. VIII. С. 119–210.
3. *Белозёров И.В.* Русские митрополиты и ханы Золотой Орды: система взаимоотношений // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 3. С. 3–21. Режим доступа: <http://icolor.org/history/ka/period/1/orda> (дата обращения 15.11.2020)
4. *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2008. 128 с.
5. *Вашири И.* Хан Мубарак-Ходжа и начало чеканки в Восточном Дашт-и-Кыпчаке // Нумизматика Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2012. Вып. 2. С. 106–116.
6. *Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов, Вып. IV: Нумизматический сборник. Нижний Новгород, 2002. Т. 3. С. 9–55.
7. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 478 с.
8. *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54.
8. *Григорьев А.П.* Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник, 2006. М.: Издательство «Восточная литература», 2007. С. 117–168.
9. *Григорьев А.П.* Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 6–12.
10. *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 276 с.
12. *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. 278 с.
13. *Доде З.В.* Золотой шатер и шатры из золотых тканей: монгольские символы власти в кочевой и мусульманской традиции // Stratum plus. 2015. № 6. С. 63–77.
14. *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей / Бескровный Л.Г. (ред.). М.: Издательство «Наука», 1980. С. 174–213.
15. *Зайцев И.В.* К истории золотоордынских кунгратов в Хорезме и в Крыму: эмир Нангутай // Тюркологический сборник 2013–2014. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). М.: Издательство «Восточная литература», 2016. С. 238–255.
16. *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. 164 с.
17. *Исхаков Д.М.* О некоторых аспектах конфессиональной ситуации в Улусе Джучи в начальный период правления хана Узбека // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2013. Вып. 6. С. 98–105.
18. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Татарские кланы Улуса Джучи: происхождение и место в системе власти // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М.Г. Крамаровского. М.: Издательство «Марджани», 2013. С. 178–203.
19. *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Зафар-наме / Ахмедов А. (пер.). Ташкент: Издательство журнала «SAN'AT», 2008. 519 с.

20. *Кавагучи Т., Нагаминэ Х.* Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи: в системе историографии в Дашт-и-Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2010. Вып. 3. С. 44–52.
21. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1892; Гаага; Париж: Издательство «Моутон», 1969. Т. 4. 340 + iii с.
22. *Карпов С.П.* Начало смуты в Золотой Орде и переворот Навруза // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 528–536.
23. *Кдырниязов М.-Ш.* Хорезм и Золотая Орда // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004. С. 87–91.
24. *Костюков В.П.* «Железные псы» Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3 (25). С. 126–181.
25. *Костюков В.П.* Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие, Вып. 1: Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. С. 67–80.
26. *Костюков В.П.* Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 39–43.
27. *Марков А.К.* Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства / Миргалеев И.М. (ред.). Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2008. 120 с.
28. *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2008. 168 с.
29. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков / Ибрагимов С.К. и др. (ред.). Алма-Ата: Издательство «Наука», 1969. 648 с.
30. Материалы по истории туркмен и Туркмении, Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Волин С.Л., Ромаскевич А.А., Якубовский А.Ю. (ред.). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. 612 с.
31. *Миргалеев И.М.* К вопросу о единстве Золотой Орды в 1359–1380 годах // Культурные традиции Евразии. Серия «Восток – Запад: Диалог культур Евразии». Казань, 2004. Вып. 4. С. 96–99.
32. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Издательство «Алма-Лит», 2003. 164 с.
33. *Миргалеев И.М.* «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Казань: Издательство «Фолиант» Академии наук Республики Татарстан, 2011. Вып. 4. С. 14–19.
34. *Мустакимов И.А.* Еще раз к вопросу о предках Мамай-царя // Тюркологический сборник. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. 2007–2008. М.: Издательство «Восточная литература», 2009. С. 273–283.
35. *Мустакимов И.А.* Еще раз к вопросу о цветообозначениях Орд в Улусе Джучи (термин Боз-Орда в источниках XVI–XIX вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 129–149.
36. *Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. 177 с.
37. *Парунин А.В.* Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: история и культурное наследие / Кушкумбаев А.К. (ред.). Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 51–61.
38. *Парунин А.В.* «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной

Сибири. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2017. С. 3–9.

39. *Плано Карпини Дж.* История Монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Малеев А.И. (пер.), Шастина Н.П. (ред.). М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 7–13, 23–83.

40. Полное собрание русских летописей, Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко., 1915. Вып. 1. xxxi + 320 с.

41. Полное собрание русских летописей, Т. 6: Софийская первая летопись старшего извода. М.: Издательство «Языки русской культуры», 2000. Вып. 1. viii + 581 стб.

42. Полное собрание русских летописей, Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. ii + 244 с.

43. Полное собрание русских летописей, Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Издательство «Языки русской культуры», 2000. xviii с. + 216 стб. + 540 стб.

44. Полное собрание русских летописей, Т. 18: Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. iii + 316 с.

45. Полное собрание русских летописей, Т. 23: Ермолинская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. v + 241 с.

46. Полное собрание русских летописей, Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 464 с.

47. Полное собрание русских летописей, Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская) летопись. М.; Л.: Издательство «Наука», 1965. 239 с.

48. Полное собрание русских летописей, Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2002. 224 с.

49. *Почекаев Р.Ю.* К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов. Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. Вып. 2. С. 39–49.

50. *Почекаев Р.Ю.* К вопросу о составе господствующего класса Золотой Орды: династии саноуников // Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Издательство «Юрлитинформ», 2015. С. 91–108.

51. *Почекаев Р.Ю.* Мамай: История «антигероя» в истории. СПб.: Издательство «Евразия», 2010. 288 с.

52. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб.: Издательство «Евразия», 2012. 455 с.

53. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 516 с.

54. *Пэн Да-я, Сюй Тин.* Краткие сведения о черных татарах (Хэй-да ши-люэ) / Линь Кюн-и, Мункуев Н.Ц. (пер.). // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIII/1220-1240/Pen_Da_ja_Suj_Tin/frameset.htm (дата обращения 15.11.2020).

55. *Рашид ад-Дин Фазлуллах.* Сборник летописей (Джами ат-таварих) / Хетагуров Л.А. (пер.), Семенов А.А. (ред.). М.; Л.: Академия наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 197 с.

56. *Рашид ад-Дин Фазлуллах.* Сборник летописей (Джами ат-таварих) / Смирнова О.И. (пер.), Семенов А.А. (ред.). М.; Л.: Академия наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. 281 с.

57. *Сабитов Ж.М.* Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в XIII–XV веках // Вестник Евразийского национального университета. 2012. № 3 (88). С. 121–124.

58. *Сабитов Ж.М.* Натанзи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2010. Вып. 3. С. 150–154.

59. *Сабитов Ж.М.* Улусы Шибана и Шибанидов в административной структуре Золотой Орды в XIII–XIV веках // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Второй Международной Конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2014. С. 31–38.
60. *Сабитов Ж.М.* Ханы Золотой Орды в эпоху Великой Замятни (1359–1380) // Вопросы конституционального строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. Астана, 2015. С. 379–384.
61. *Сабитов Ж.М.* Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 120–134.
62. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Концепт «Ак орда» в Казахстанской и зарубежной историографии // Золотая Орда: история и культурное наследие. Сборник научных материалов / Кушкумбаев А.К. (ред.). Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 43–50.
63. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
64. *Селезнёв Ю.В.* Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. 232 с.
65. *Сидоренко В.А.* Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 267–288.
66. *Сорогин Е.И., Менициков В.В.* Мамай и Шибаниды // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 43–47. Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000636266> (дата обращения 15.11.2020).
67. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, Т. 3: Р–Я. Дополнения. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1912. 1684 стб. + 272 стб. + 13 с.
68. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана: Издательство «Астана Даму-21», 2006. 256 с.
69. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 588 с.
70. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. 2: Извлечения из сочинений персидских / Ромаскевич А.А., Волин С.Л. (ред.) // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Издательство «Дайк-Пресс», 2006. Т. IV. 620 с.
71. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды / Усманов М.А. (ред.). Казань: Издательство «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
72. *Ускенбай К.* Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник. Тюркские народы России и Великой степи. 2005. М.: Издательство «Восточная литература», 2006. С. 355–382.
73. *Утемиш-хаджи.* Кара-таварих / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г., Хафизов З.Т. (ред. и пер.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2017. 312 с.
74. *Утемиш-хаджи б. маулана Мухаммад Дост.* Чингиз-наме / Юдин В.П. (пер.). Алматы: Издательство «Гылым», 1992. 296 с. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Chengiz-name/frametext.htm> (дата обращения 15.11.2020).
75. *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Брун Ф.К. (пер.), Буниятов З.М. (ред.). Баку: Издательство «Элм», 1984. 88 с.
76. *Черкас Б.В.* Поход Токтамыша на Киевское княжество в 1380 году // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 29–

30 марта 2011 г. / Миргалеев И.М. (ред.). Казань: Издательство «Фолиант» Академии наук Республики Татарстан, 2011. С. 167–169.

77. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алматы: Издательство «Гылым», 1992. С. 14–56.

78. Юрченко А.Г. Хан Узбек. Между империей и исламом. Структуры повседневности. СПб.: Издательство «Евразия», 2012. 392 с.

79. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи. Время праздников, время казней. СПб.: Издательство «Евразия», 2012. 505 с.

80. Янина С.А. Золотые анонимные монеты Хорезма 60–70-х гг. XIV в. в собрании Государственного исторического музея // Нумизматический сборник Государственного исторического музея. М., 1971. Часть IV. Вып. III. С. 25–60.

81. Ярлыки татарских ханов русским митрополитам // Памятники русского права / Черепнин Л.В. (ред.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. Вып. 3. С. 463–491.

82. Atwood C. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. x + 678 p.

83. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994. xvii + 638 p.

84. Halperin Ch. The missing Golden Horde chronicles and historiography in the Mongol Empire // Mongolian Studies. 2000. No. 23. P. 1–15.

85. Melton R. The self-fulfilling prophecy // The Antioch Review. 1948. Vol. 8. No. 2. P. 193–210.

86. Schamiloglu U. The Qaraçi Beys of the later Golden Horde: Notes on the organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. 4. P. 283–297.

Сведения об авторе: Моше Гринберг – выпускник (магистр) Еврейского университета в Иерусалиме (гуманитарный факультет, индивидуальная программа по истории России и Центральной Азии) (Еврейский Университет, гора Скопус, Иерусалим 9190501, Израиль). E-mail: levant17@mail.ru

Поступила 17.11.2020 Принята к публикации 24.02.2021

Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Bartold V.V. Otets Edigeya [The father of Edigey]. V.V. Bartold. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow: “Oriental literature”, 1963, vol. 2, part 1, pp. 797–804. (In Russian)

2. Bartold V.V. Otchet o poezdke v Turkestan [Report on a journey to Turkestan]. V.V. Bartold. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow: “Science”, 1973, vol. 8, pp. 119–210. (In Russian)

3. Belozеров I.V. Russkie mitropolity i khany Zolotoy Ordy: sistema vzaimootnosheniy [Russian Metropolitans and the Khans of the Golden Horde: System of relations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 8. *Istoriya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 8. History]. 2003, no. 3, pp. 3–21. Available at: <http://ricolor.org/history/ka/period/1/orde> (accessed 15.11.2020). (In Russian)

4. Varvarovskiy Yu.E. *Ulus Dzhuchi v 60–70-e gody XIV veka* [The Ulus of Jochi in the 1360–70s]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 128 p. (In Russian)

5. Vásáry I. Han Mubarak-Hodzha i nachalo chekanki v Vostochnom Dasht-i Kypchake [Mubarak Khoja Khan and the commencement of coinage in the Eastern Dasht-i Qipchaq]. *Numizmatika Zolotoy Ordy* [Golden Horde Numismatics]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, vol. 2, pp. 106–116. (In Russian)

6. Gaev A.G. Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov [Genealogy and chronology of the Jochids]. *Drevnnosti Povolzh'ya i drugikh regionov*, Vyp. IV: *Numizmaticheskiy sbornik* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions, Iss. 4: Numismatic Collection]. Nizhny Novgorod, 2002, vol. 3, pp. 9–55. (In Russian)

7. Grekov B.D. and Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 478 p. (In Russian)

11. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie khany 60–70-kh godov XIV v.: khronologiya pravleniy [The Khans of the Golden Horde in the 1360–70s: The chronology of reigns]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Studies of the History of the Countries of Asia and Africa]. Leningrad, 1983, vol. 7, pp. 9–54. (In Russian)

8. Grigor'ev A.P. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy: mestopolozhenie gorodov, ikh naimenovaniya [The historical geography of the Golden Horde: The location of cities, their names]. *Tyurkologicheskiy sbornik*, 2006 [Turkological Collection, 2006]. Moscow: “Oriental literature”, 2007, pp. 117–168. (In Russian)

9. Grigor'ev A.P. Obrashchenie k ordynskomu khanu i ego sanovnikam v poslaniyakh venetsianskogo dozha [Appeal to the Khan of the Golden Horde and his dignitaries in the letters of the Venetian Doge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University]. 1992, series 2, iss. 4, pp. 6–12. (In Russian)

10. Grigor'ev A.P. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov* [Collection of Yarliqs of the Khans Granted to Russian Metropolitans: A Source Study of the Golden Horde Documents]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. 276 p. (In Russian)

12. Grigor'ev A.P. and Grigoryev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Collection of the Golden Horde Documents of the fourteenth century from Venice. Source Study] St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2002. 278 p. (In Russian)

13. Dode Z.V. Zolotoy shater i shatry iz zolotykh tkaney: mongol'skie simvoly vlasti v kochevoy i musul'manskoy traditsii [The Golden tent and tents from the golden textiles: Mongol symbols of power in the nomadic and Islamic traditions]. *Stratum plus*. 2015, no. 6, pp. 63–77. (In Russian)

14. Egorov V.L. Zolotaya Orda pered Kulikovskoy bitvoy [The Golden Horde before the Battle of Kulikovo]. *Kulikovskaya bitva. Sobranie statey* [The Battle of Kulikovo. Collection of Articles]. Beskrovnyy L.G. (ed.). Moscow: “Science”, 1980, pp. 174–213. (In Russian)

15. Zaytsev I.V. K istorii zolotoordynskikh kungratov v Khorezme i v Krymu: emir Nangutay [On the history of the Golden Horde's Qonggirad in Khwarazm and Crimea: Amir Nangutai]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2013–2014. Pamyati Sergeya Grigor'evicha Klyashtornogo (1928–2014)*. [Turkological Collection, 2013–2014. In Memory of Sergey Grigor'evich Klyashtornyy (1928–2014)]. Moscow: “Oriental literature”, 2016, pp. 238–255. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Historical Essays]. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 164 p. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. O nekotorykh aspektakh konfessional'noy situatsii v Uluse Dzhuchi v nachal'nyy period pravleniya khana Uzbeka [On some aspects of the confessional situation in the Ulus of Jochi in the initial period of the reign of Özbek Khan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, vol. 6, pp. 98–105. (In Russian)

18. Iskhakov D.M. and Izmaylov I.L. Tatarskie klany Ulusa Dzhuchi: proiskhozhdenie i mesto v sisteme vlasti [Tatar clans of the Ulus of Jochi: Origin and place in the system of power]. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi. K 70-letiyu M.G. Kramarovskogo* [From the Onon to the Thames. The Chinggisids and Their Western Neighbours. To the Seventieth Anniversary of M.G. Kramarovsky]. Moscow: "Marjani", 2013, pp. 178–203. (In Russian)
19. Yazdi Sharaf al-Din Ali. *Zafar-name* [Zafar-nama]. Akhmedov A. (tr.). Tashkent: Publishing house of the the "SAN'AT" jorunal, 2008. 519 p. (In Russian)
20. Kawaguchi T. and Nagamine H. Nekotorye novye dannye o "Chingiz-name" Utemish-khadzhi: v sisteme istoriografii v Dasht-i-Kipchake [Some new data about "Chinggis nama" of Ötemish Hajji: In the system of historiography in the Dasht-i Qipchaq]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, vol. 3, pp. 44–52. (In Russian)
21. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* [The History of the Russian State]. St. Petersburg: E. Evdokimov Publ., 1892; The Hague; Paris: Mouton Publ., 1969, vol. 4. 340 + iii p. (In Russian)
22. Karpov S.P. The beginning of the Time of Troubles in the Golden Horde and the coup of Navruz Khan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 528–536. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.528-536 (In Russian)
23. Kdymiyazov M.-Sh. Khorezm i Zolotaya Orda [Khwarazm and the Golden Horde]. *Novye issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. Trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Margulanovskie chteniya – 15"* [New Studies on the Archaeology of Kazakhstan. Proceedings of the Research Conference "The Margulanov Readings – 15"]. Almaty, 2004, pp. 87–91. (In Russian)
24. Kostyukov V.P. "Zheleznye psy" Batuidov (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [The "Iron Dogs" of the Batuids (Shiban and his descendants in the wars of the thirteenth century)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2009, no. 3 (25), pp. 126–181. (In Russian)
25. Kostyukov V.P. Istorizm v legende ob obrashchenii Uzbeka v islam [Historicism in the legend of the conversion of Özbeg to Islam]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy (XIII–XV vv.)". 17 marta 2009 g. Sbornik statey* [The Golden Horde Legacy. Proceedings of the International Research Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (from the thirteenth to fifteenth century)". 17 March 2009. Collection of Articles]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, vol. 1, pp. 67–80. (In Russian)
26. Kostyukov V.P. Shibanidy i Tukatimuridy vo vtoroy polovine XIV veka [The Shibanids and the Tukatimurids in the second half of the fourteenth century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2009, no. 28 (166), *Istoriya* [History], vol. 34, pp. 39–43. (In Russian)
27. Markov A.K. *Monety dzhuchidov: Zolotaya Orda, tatarskie khanstva* [Coins of the Jochids: The Golden Horde, Tatar Khanates]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 120 p. (In Russian)
28. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [The Ethnopolitical History of the Forest-Steppe Zone in the Cis-Tobol Region in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University, 2008. 168 p. (In Russian)
29. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov* [Materials on the History of the Kazakh Khanates from the fifteenth to eighteenth century]. Ibragimov S.K. et al. (eds). Alma-Ata: "Science", 1969. 648 p. (In Russian)
30. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii*, T. I: VII–XV vv. *Arabskie i persidskie istochniki* [Materials on the History of the Turkmens and Turkmenia, Vol. 1: From the seventh to fifteenth century. Arabic and Persian Sources]. Volin S.L., Romaskevich A.A.,

and Yakubovskiy A.Yu. (eds). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1939. 612 p. (In Russian)

31. Mirgaleev I.M. K voprosu o edinstve Zolotoy Ordy v 1359–1380 godakh [To the question of the unity of the Golden Horde in 1359–1380]. *Kul'turnye traditsii Evrazii. Seriya "Vostok – Zapad: Dialog kul'tur Evrazii"* [Cultural Traditions of Eurasia. Series "East – West: Dialogue of the Cultures of Eurasia"]. Kazan, 2004, vol. 4, pp. 96–99. (In Russian)

32. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [The Political History of the Golden Horde during the Reign of Toktamysh Khan]. Kazan: Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (In Russian)

33. Mirgaleev I.M. "Chingiz-name" Utemisha-khadzhi: perspektivy izucheniya [The "Chinggis-nama" of Ötemish Hajji: Perspectives of Study]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, vol. 4, pp. 14–19. (In Russian)

34. Mustakimov I.A. Eshche raz k voprosu o predkakh Mamay-tsarya [Once again to the question of the ancestors of "Tsar Mamay"]. *Tyurkologicheskiy sbornik. Istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran. 2007–2008*. [Turkological Collection. History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighbouring Countries. 2007–2008]. Moscow: "Oriental literature", 2009, pp. 273–283. (In Russian)

35. Mustakimov I.A. Eshche raz k voprosu o tsvetooboznacheniyakh Ord v Uluse Dzhuchi (termin Boz-Orda v istochnikakh XVI–XIX vv.) [Once again to the question of the colour designations of the Hordes in the Ulus of Jochi (the term Boz-Horde in the sources of the 16th–19th centuries)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 2, pp. 129–149. (In Russian)

36. Mys'kov E.P. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (1236–1313 gg.)* [The Political History of the Golden Horde (1236–1313)]. Volgograd: Volgograd State University, 2003. 177 p. (In Russian)

37. Parunin A.V. Svedeniya ob Ak-Orde i Kok-Orde v svete ustnoy istoricheskoy traditsii [Information about the Ak-Horde and Kok-Horde in the light of the oral historical tradition]. *Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie. Sbornik nauchnykh materialov* [The Golden Horde: History and Cultural Heritage. Collection of Articles]. Kushkumbayev A.K. (ed.). Astana: BG-PRINT Publ., 2015, pp. 51–61. (In Russian)

38. Parunin A.V. "Chingiz-name" kak istochnik po istorii Zolotoy Ordy [The "Chinggis-nama" as a source on the history of the Golden Horde]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2017 g.)* [History, Economics, and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Proceedings of the Third All-Russian (with International Participation) Research Conference (Kurgan, April 21–22, 2017)]. Kurgan: Kurgan State University, 2017, pp. 3–9. (In Russian)

39. Plano Carpini, John of. Istoriya Mongalov, imenuemykh nami Tatarami [The History of the Mongals Whom We Call the Tatars]. Malein A.I. (tr.), Shastina N.P. (ed.). *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow: "Historical geography", 1957, pp. 7–13, 23–83. (In Russian)

40. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 4, Ch. 1: *Novgorodskaya chetvertaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 4, Part 1: The Novgorod Fourth Chronicle]. Petrograd: Typography of Ja. Bashmakov & Co., 1915, iss. 1. xxxi + 320 p. (In Russian)

41. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 6, Vyp. 1: *Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 6, Iss. 1: Sofian First Chronicle according to Older Redaction]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2000. viii + 581 cols. (In Russian)

42. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 10: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 10: Collection of Chronicles Named as the Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg: Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1885. ii + 244 p. (In Russian)
43. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 15 : *Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 15: Rogozh Chronicle; Chronicle Collection of Tver']. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2000. xviii + 216 cols.; 540 cols. (In Russian)
44. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 18: Simeon Chronicle]. St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1913. iii + 316 p. (In Russian)
45. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 23 : *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 23: Ermolinsky Chronicle]. St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1910. v + 241 p. (In Russian)
46. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 25: *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v.* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 25: Moscow Corpus of Chronicles of the end of fifteenth century]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. 464 p. (In Russian)
47. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 30: *Vladimirskiy letopisets. Novgorodskaya II (Arkhivskaya) letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 30: Chronicle of Vladimir. Novgorod Second (Archive) Chronicle]. Moscow; Leningrad: "Science", 1965. 239 p. (In Russian)
48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 42: *Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 42: Novgorod Karamzin Chronicle]. St. Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 2002. 224 p. (In Russian)
49. Pochekaev R.Yu. K voprosu o perekhode vlasti v gosudarstvakh Chingizidov. Zolotaya Orda v 1358–1362 gg.: dinasticheskiy krizis i fenomen samozvanstva [To the question of the transfer of power in the States of the Chinggisids. The Golden Horde in 1358–1362: A dynastic crisis and the phenomenon of imposture]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, vol. 2, pp. 39–49. (In Russian)
50. Pochekaev R.Yu. K voprosu o sostave gospodstvuyushchego klassa Zolotoy Ordy: dinastii sanovnikov [To the question of the composition of the ruling class of the Golden Horde: Dynasties of dignitaries]. Pochekaev R.Yu. *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordy (istoriko-pravovye ocherki)* [Legal Culture of the Golden Horde (Historical and Legal Essays)]. Moscow: "Yurlitinform", 2015, pp. 91–108. (In Russian)
51. Pochekaev R.Yu. *Mamay: istoriya "antigeroya" v istorii* [Mamay: The History of an "Antihero" in History]. St. Petersburg: "Eurasia", 2010. 288 p. (In Russian)
52. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [The "Tsars" of the Horde. Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. Second edition. St. Petersburg: "Eurasia", 2012. 455 p. (In Russian)
53. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis': Rekonstruktsiya teksta* [Trinity Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 516 p. (In Russian)
54. Peng Daya, Xu Ting. Kratkie svedeniya o chernykh tatarakh (Khey-da shi-lyue) [Brief account of the Black Tatars (Hei-da shi-lue)]. Lin Kyung-i and Munkuev N.Ts. (tr.) *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 1960, no. 5, pp. 133–158. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIII/1220-1240/Pen_Da_ja_Suj_Tin/frametext.htm (accessed 15.11.2020). (In Russian)
55. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey (Dzhami at-tavarikh)* [Compendium of Chronicles (Jami al-tavarikh)]. Khetagurov L.A. (tr.), Semenov A.A. (ed.). Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1952, vol. 1, book 1. (In Russian)

56. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey (Dzhami at-tavarikh)* [Compendium of Chronicles (Jami al-tavarikh)]. Smirnova O.I. (tr.), Semenov A.A. (ed.). Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1952, vol. 1, book 2. (In Russian)

57. Sabitov Zh.M. Kungiraty v vostochnom Desht-i Kipchake v XIII–XV vekakh [The Qonggirad in Eastern Dasht-i Qipchaq from the thirteenth to fifteenth centuries]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Eurasian National University]. 2012, no. 3 (88), pp. 121–124. (In Russian)

58. Sabitov Zh.M. Natanzi kak istochnik po istorii Zolotoy Ordy [Natanzi as a source of the history of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, vol. 3, pp. 150–154. (In Russian)

59. Sabitov Zh.M. Ulusy Shibana i Shibanidov v administrativnoy strukture Zolotoy Ordy v XIII–XIV vekakh [The Uluses of Shiban and the Shibanids in the administrative structure of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy Konferentsii (Kurgan, 17–18 aprelya 2014 g.)*. [History, Economics, and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Proceedings of the Second International Conference (Kurgan, April 17–18, 2014)]. Kurgan: Kurgan State University, 2014, pp. 31–38. (In Russian)

60. Sabitov Zh.M. Khany Zolotoy Ordy v epokhu Velikoy Zamyatni (1359–1380) [Khans of the Golden Horde during the epoch of the Great Turmoil (1359–1380)]. *Voprosy konstitutsional'nogo stroitel'stva i rol' lidera natsii. III kongress istorikov Kazakhstana* [Issues of Constitutional Construction and the Role of the Leader of the Nation. The Third Congress of Historians of Kazakhstan]. Astana, 2015, pp. 379–384. (In Russian)

61. Sabitov Zh.M. Emiry Uzbek-khana i Dzhaniybek-khana [Amirs of Özbek Khan and Janibek Khan]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2, pp. 120–134. (In Russian)

62. Sabitov Zh.M. and Kumshkumbaev A.K. Kontsept “Ak orda” v Kazahstanskoy i zarubezhnoy istoriografii [The concept of “Ak Horde” in the historiography of Kazakhstan and in the foreign historiography]. *Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie. Sbornik nauchnykh materialov* [The Golden Horde: History and Cultural Heritage. Collection of Articles]. Kushkumbaev A.K. (ed.). Astana: BG-PRINT Publ., 2015, pp. 43–50. (In Russian)

63. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 1960. (In Russian)

64. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordy. Nauchno-spravochnoe izdanie* [The Elite of the Golden Horde. Academic Reference Book]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 232 p. (In Russian)

65. Sidorenko V.A. Khronologiya pravleniy zolotoordynskikh khanov 1357–1380 gg. [Chronology of the reigns of the Golden Horde Khans, 1357–1380]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History, and Ethnography of Tauria]. Simferopol, 2000, vol. 7, pp. 267–288. (In Russian)

66. Sorogin E.I. and Menshchikov V.V. Mamay i Shibanidy [Mamay and the Shibanids]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. 2018, no. 55, pp. 43–47. (In Russian) Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000636266> (accessed 15.11.2020). (In Russian)

67. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*, T. 3: P–Ya. *Dopolneniya* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language according to Written Records, Vol. 3: P–Ya. Supplements]. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1912. 1684 cols. + 272 cols. + 13 p. (In Russian)

68. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloy koshme. Khany kazakhskikh stepey* [Raised on a White Felt. Khans of the Kazakh Steppes]. Astana: Astana Damu-21 Publ., 2006. 256 p. (In Russian)

69. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*, T. 1: *Izvyecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History, Vol. 1: Extracts from Arabic Writings]. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)
70. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*, T. 2: *Izvyecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History, Vol. 2: Extracts from Persian Writings]. Romaskevich A.A. and Volin S.L. (eds). *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Almaty: Dyke-Press Publ., 2006, vol. 4. 620 p. (In Russian)
71. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [History of the Nogay Horde]. Second edition. Usmanov M.A. (ed.). Kazan: "Kazan real estate", 2016. 764 p. (In Russian)
72. Uskenbay K. Ulusy pervykh Dzhuchidov. Problema terminov Ak-Orda i Kok-Orda [Uluses of the first Jochids. The problem of the terms Ak-Horde and Kok-Horde]. *Tyurkologicheskiy sbornik. Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi. 2005* [Turkological Collection. Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe. 2005]. Moscow: "Oriental literature", 2006, pp. 355–382. (In Russian)
73. Ötemish Hajji. *Kara-tavarikh* [Qara Tawarikh]. Mirgaleev I.M., Sayfetdinova E.G., and Khafizov Z.T. (eds and tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)
74. Ötemish Hajji b. Maulana Muhammad Dosti. *Chingiz-name* [Chinggis-nama]. Yudin V.P. (tr.). Almaty: "Gylym", 1992. 296 p. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Chengiz-name/frametext.htm> (accessed 15.11.2020). (In Russian)
75. Schiltberger I. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god* [Travels in Europe, Asia, and Africa from 1394 to 1427]. Brun F.K. (tr.), Buniyatov Z.M. (ed.). Baku: "Elm", 1984. 88 p. (In Russian)
76. Cherkas B.V. *Pokhod Toktamysya na Kievskoe knyazhestvo v 1380 godu* [Campaign of Toktamys against the Principality of Kiev in 1380]. *Voennoe delo Zolotoy Ordyy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo foruma (Kazan', 29–30 marta 2011 g.)* [Warfare in the Golden Horde: Problems and Perspectives of Study. Proceedings of the Round Table Held as Part of the International Golden Horde Forum (Kazan, March 29–30, 2011)]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 167–169. (In Russian)
77. Yudin V.P. *Ordyy: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya* [The Hordes: White, Blue, Grey, Golden]. Ötemish Hajji. *Chingiz-name* [Chinggis-nama]. Almaty: "Gylym", 1992, pp. 14–56. (In Russian)
78. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek. Mezhdur imperiyei i islamom. Struktury povsednevnosti* [Özbek Khan: Between Empire and Islam. Structures of Everyday Life]. St. Petersburg: "Eurasia", 2012. 392 p. (In Russian)
79. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii. Vremya prazdnikov, vremya kazney* [The Elite of the Mongol Empire. Holidays' Time, Executions' Time]. St. Petersburg: "Eurasia", 2012. 505 p. (In Russian)
80. Yanina S.A. *Zoloty anonimnye monety Khorezma 60–70-kh gg. XIV v. v sobranii GIM* [Anonymous golden coins of Khwarazm of the 1360–70s in the collection of the State Museum of History]. *Numizmaticheskiy sbornik Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Numismatic Collection of the State Museum of History]. Moscow, 1971, part 4, iss. 3, pp. 25–60. (In Russian)
81. Yarlyki tatarskikh khanov russkim mitropolitam [Yarliqs of Tatar Khans granted to the Russian Metropolitans]. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Cherepnin L.V. (ed.). Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1955, vol. 3, pp. 463–491. (In Russian)
82. Atwood C. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts on File, 2004. x + 678 p.

83. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Türkles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. xvii + 638 p.

84. Halperin Ch. The missing Golden Horde chronicles and historiography in the Mongol Empire. *Mongolian Studies*. 2000, no. 23, pp. 1–15.

85. Melton R. The self-fulfilling prophecy. *The Antioch Review*. 1948, vol. 8, no. 2, pp. 193–210.

86. Schamiloglu U. The Qaraçi Beys of the later Golden Horde: Notes on the organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984, vol. 4, pp. 283–297.

About the author: Moshe Grinberg – a graduate (M.A.) of the Hebrew University in Jerusalem (Faculty of Humanities, an individual program on the history of Russia and Inner Asia) (The Hebrew University, Mt. Scopus, Jerusalem 9190501, Israel). E-mail: levant17@mail.ru.

Received November 17, 2020 Accepted for publication February 24, 2021

Published March 29, 2021

**НАСИЛИЕ ТАТАР НАД МИТРОПОЛИТОМ МАКСИМОМ
И РАЗГРАБЛЕНИЕ КИЕВА В 1299 г.: ПРИЧИНЫ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
И ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ, КОТОРЫХ «НЕ БЫЛО»**

П.И. Гайденко

*Институт украинской археографии и источниковедения
имени М.С. Грушевского НАН Украины
Киев, Украина
prof.gaydenko@rambler.ru*

Цель исследования: в статье представлены критический анализ и деконструкция историографических представлений о причинах переезда киевского митрополита Максима во Владимир. При этом большое внимание уделяется сопоставлению господствующих в российских исследованиях мнений с данными древнерусских источников и археологии. Рассмотрены наиболее возможные причины и мотивы, побудившие русского первоиерарха сменить место своего пребывания, а также существенно уточнены обстоятельства, сопутствовавшие переезду митрополита.

Материалы исследования: древнерусские источники и российская историография.

Результаты и новизна исследования: присутствующий в российской церковной историографии взгляд на причины и обстоятельства переезда митрополита Максима во Владимир основывается на ошибочном мнении проф. Е.Е. Голубинского. Данные источников и логика событий позволяют заключить, что переезд митрополита был хорошо спланированной акцией, призванной решить множество задач. После смерти Ногай и в условиях роста политических амбиций Галицко-Волынских князей Византия пробовала сблизиться с Сараем. В самом Киеве действительно опасались нападения разрозненных татарских отрядов, но более всего боялись оказаться в эпицентре войны между Ордой, Литвой и Галичем за Киев. Крайне непростыми оставались отношения митрополитов и южнорусского епископата. В описанных условиях переезд митрополита во Владимир видится закономерным и хорошо продуманным шагом.

Ключевые слова: Золотая Орда, Древняя Русь, история русской церкви, киевские митрополиты, митрополит Максим

Для цитирования: Гайденко П.И. Насилие татар над митрополитом Максимом и разграбление Киева в 1299 г.: причины, обстоятельства и последствия событий, которых «не было» // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 76–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.76-89

**TATAR VIOLENCE OVER METROPOLITAN MAXIM
AND THE SACK OF KIEV IN 1299: CAUSES, CIRCUMSTANCES,
AND CONSEQUENCES OF EVENTS THAT “DID NOT HAPPEN”**

P.I. Gaydenko

*M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine
Kyiv, Ukraine
prof.gaydenko@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article presents a critical analysis and deconstruction of historiographical ideas about the reasons for Kiev Metropolitan Maxim's move to Vladimir. Much attention is paid to comparing the prevailing opinions in Russian scholarship with the data of ancient Russian sources and archaeology. The most plausible reasons and motives that prompted the Russian hierarch to change his place of residence are examined, and the circumstances of the metropolitan's relocation are substantially clarified.

Research materials: Old Russian sources and Russian historiography.

Results and novelty of the research: The prevailing view for the reasons and circumstances behind the move of Metropolitan Maxim to Vladimir, an even described in Russian church historiography, is based on the erroneous opinion of Prof. E.E. Golubinsky. The source data and the sequence of events allow us to conclude that the metropolitan's move was a well-planned action designed to solve many problems. Following the death of Nogai, and in the face of the growing political ambitions of the Galicia-Volyn princes, Byzantium tried to draw closer to Sarai. In Kiev, the inhabitants feared the attacks of disparate Tatar detachments, but were most afraid of being at the epicenter of the war between the Horde, Lithuania, and Galich over Kiev. Relations between the metropolitans and the South Russian episcopate remained extremely difficult. Under such conditions, the move of the Metropolitan to Vladimir became a logical and well-thought-out response.

Keywords: Golden Horde, Ancient Russia, history of the Russian church, Kiev metropolitans, Metropolitan Maxim

For citation: Gaydenko P.I. Tatar Violence over Metropolitan Maxim and the Sack of Kiev in 1299: Causes, Circumstances, and Consequences of Events That “Did Not Happen”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 76–89. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.76-89

Одним из важнейших событий в истории русского православия стал переезд в 1300 г. из Киева во Владимир митрополита Максима. По мнению большинства церковных исследователей, произошедшее было вызвано притеснениями, какие испытал от татар в 1299 г. первоиерарх. Основная версия произошедшего была изложена в Лаврентьевской летописи и в дальнейшем лишь повторялась историками, дополняясь сообщениями этой годовой записи подробностями, эмоциями и идейными прозрениями учёных. Необходимо признать, что краткая, но емкая запись под 1299 г., благодаря своей лаконичности и образности, сама провоцировала исследовательскую интуицию, позволяя историкам и богословам вносить в свои повествования уточнения, очевидность которых, казалось бы, не должна была вызывать возражений: «Того же лет[а] Митрополитъ Максимъ . не терпя татарьског[о] насилья . оставя митрополью и збежа ис Киева . и весь Киевъ розбежался . а митрополитъ иде кл Бреньску . и оттоле иде в Суждальскую землю . и со всемъ

своимъ житьемъ» [22, стб. 485]. В итоге, в российской историографии возобладало мнение, утверждавшее, что причина переезда первосвященника во Владимир извинялась насилиями со стороны татар. При том, что древнерусский книжник не пояснил, что это было за «насилие» и каков был его размах, впечатлительный ум читателей тут же усматривал в деталях этого сообщения ясное указание на жестокости, несправедливости и беззакония в отношении русского православного населения со стороны ордынцев.

Одним из первых, кто поддержал летописную версию развития событий, был Н.М. Карамзин, писавший, что митрополит оставил Киев *«чтобы не быть там свидетелем и жертвою нестерпимого тиранства монголов»* [11, с. 166]. Несколько иначе интерпретировал годовую запись С.М. Соловьев, объяснявший отъезд митрополита *«опустошённостью»* Киева, *«где [Максим – П.Г.] не мог найти безопасности»* [31, стб. 917]. Наиболее аккуратным в изложении последовательности событий и оценок оказался В.О. Ключевский, отказавшийся от излишней эмоциональности в своих оценках описываемого и передавший последовательность событий именно так, как они были изложены в летописании [13, с. 26]. Что же касается М.С. Грушевского, то он полагал, что причиной отъезда Максима во Владимир стал учинённый татарами в Киеве некий *«пополох»* [8, с. 269]. Ученую солидарность с гражданскими историками проявили и церковные авторы. Например, митрополит Макарий (Булгаков) хоть и описал события 1299 г. в самом спокойном тоне, однако изложил произошедшее, как следствие не только татарского насилия, но и оставления города людьми: *«Наконец, не вынося более насилия от татар, вследствие которого разбежался весь Киев, митрополит в 1299 г. принужден был совершенно оставить свою митрополию и переселиться в землю Суздальскую со всем своим клиросом»* [14, с. 18–19]. Е.Е. Голубинский пошёл далее и интерпретировал произошедшее, уже как результат разорения Киева татарами: *«В 1299-м Киев подвергся такому разграблению от Татар, что разбежался весь город; вместе с другими принужден был бежать и митрополит, – и он решился бежать навсегда»* [6, с. 6–7]. Вероятно, у него М.С. Грушевский и позаимствовал интерпретацию событий 1299 г. Столь страшное бедствие, по мнению Е.Е. Голубинского, вынудило местных жителей к бегству из города, поставив митрополита перед необходимостью последовать примеру паствы и покинуть опустевшую древнюю столицу Руси, ища спасения на Севере. А.В. Карташев также полагал, что отъезд митрополита объяснялся *«страшным разорением Киева»* татарами [12, с. 296]. Поэтому естественно, что современные церковные историки подобно своим предшественникам не смогли смириться с произошедшим в те годы на Руси. В результате уже в наши дни архим. Макарий (Веретенников), поясняя шаг первосвященника, утверждает, что решение митрополита стало результатом разрушения татарами в 1299 г. Киева: *«Таким образом, в 1299 году Киев был в очередной раз разрушен и все жители его разбежались»* [15, с. 131]. При этом историка не смутило то, что приведённый им в качестве доказательства последний поход ордынцев на Южную Русь отстоял от событий 1299/1300 гг. на 25 лет и не угрожал Киеву, а большинство иных упомянутых им примеров ордынских походов 1278, 1281, 1282, 1285, 1288, 1293, 1294 [16, с. 281–284], якобы суливших бедствия митрополии, проходили в сотнях километров от древней столицы и разворачивались именно в тех землях, в которые и направился

Максим. Ещё далее развилась мысль московского церковного автора В.В. Петрушко. Рассуждая масштабнее, он пояснил решение о переезде Максима не только стремлением первоиерарха спастись от татар из города, который «подвергся новому разорению в ходе войны между ханом Токтой и могущественным ордынским временщиком Ногаем», но и намерением святителя сохранить чистоту православной веры, уклонившись от какого-либо общения с галицкими князьями, искавшими союза с латинской церковью [20, с. 287–288]. При том, что драматизм событий 1299/1300 гг. в трудах историков от века к веку нарастал, пополняясь новыми уточнениями и деталями, предлагавшиеся учёными концепции и оценки в целом хорошо вписывались в контекст событий тех лет. Действительно, отъезд митрополита произошёл в условиях междоусобицы внутри Орды, приведшей к гибели в 1300 г. Ногая, фактического правителя южнорусских земель. Естественно, что решение первоиерарха было как-то связано с этими кровавыми конфликтами и переменой власти в Орде.

Опираясь на известие Лаврентьевской летописи, большинство исследователей, к сожалению, не принимают во внимание иные источники, которые, как, например, Никоновская летопись и «История» В.Н. Татищева хоть и повторяют фабулу Лаврентьевского летописания, однако далеко не во всем согласны с ней. И так, по версии Лаврентьевской летописи, причиной отъезда архипастыря и всего митрополичьего двора из Киева на Северо-восток стали какие-то «насилия» со стороны татар, объектом посягательств которых, вероятно, оказался сам первоиерарх и его люди. Существенно иной тон повествования присутствует в новгородском летописании. В то время, как 3 Новгородская летопись вообще не упомянула о переезде Максима во Владимир, вероятно, не посчитав произошедшее заслуживающим внимания, 4 Новгородская летопись говорит о произошедшем не только спокойно, но и торжественно, без сетований о каких-либо угрозах или притеснениях в адрес митрополита: *«Приеха Максимъ митрополитъ и седе въ Володимере на столе»* [24, с. 67; 25, с. 250]. Несколько иначе извещает о случившемся Никоновская летопись, составитель которой описал произошедшее при опоре на дословно цитируемые им известия Лаврентьевской летописи и, вероятно, на некие иные источники из митрополичьей «канцелярии»: *«Того же лета пресвященный Максимъ, митрополитъ Киевский и всея Руси, не терпя насилия отъ Татаръ въ Киеве, поиде изъ Киева, и весь Киевъ разыдеся, а митрополитъ иде изъ Киева къ Брянску, а отъ Брянска иде въ Суздальскую землю, и тако пришедъ в Крылосомъ и со всемъ житиемъ своимъ и сеяде въ Володимери, и въ Суздале, и въ Новегороде въ Нижнемъ и прочая тамо прилежащая места. А Семиона Володимерьского посла въ Ростовъ, и даде ему Ростовскую епископию»* [26, с. 172]. Практически ту же версию, слово в слово, повторил В.Н. Татищев [32, с. 79]. Таким образом, переезд иерарха во Владимир не виделся книжникам спасительным бегством. Это был важный, обдуманный и серьёзный шаг, сопровождавшийся целым рядом волевых властных решений первосвятителя, преследовавшего вполне прагматические цели и сопровождавшего свои усилия жёсткими административно-каноническими решениями по переподчинению себе различных церковных центров. Последнее, судя по тону летописных сообщений, не встретило возражений ни со стороны местного епископата и духовенства, ни со стороны князей и городов, ни со сторо-

ны монгольской администрации. Достаточно заметить, что в домонгольской Руси подобную самостоятельность и властность со стороны митрополита трудно себе представить. Например, переезд митрополита Константина в Чернигов во время Климентовой смуты не привел к удалению из города местного епископа Антония, который за свою доброту к своему первосвятителю даже был пожалован архиепископским саном [1, с. 229–233]. В результате, в поведении Максима и в его отношениях с духовенством и политическими элитами Руси прослеживаются те тенденции и принципы, которые, как пишет Т.Р. Галимов, были заложены во времена митр. Кирилла II, отражая близость интересов первосвященников и правителей Сарая [5, с. 139–167].

В итоге сообщения источников позволяют усомниться в объяснении и интерпретации церковных событий 1300 года в российской, прежде всего церковной историографии. Для этого имеются определённые основания.

Во-первых, летописные известия об этих годах не фиксируют ни одного татарского похода на Киев или Южную Русь. Конфликты разворачивались внутри самой Орды, что собственно и привело к гибели Ногай [26, с. 169]. Не подтверждается археологически и якобы имевшее место, по мнению. Е.Е. Голубинского, разорение и разрушение Киева в 1299/1300 г. Только под 1416 г. летописи фиксируют грабительский и опустошительный поход на древнюю столицу [27, с. 133]. Правда, в этот период Киев уже не являлся частью Орды и пребывал во владениях Великого Княжества Литовского. Даже поражение русских князей в 1321 г., приведшее к вступлению в Киев литовцев, никак не отразилось на состоянии жизни города и не имело радикальных последствий для населения древней столицы. К тому же, как уже упоминалось выше, не совсем понятно о каких именно притеснениях идёт речь, когда летописание сообщает об уходе митрополита из Киева. Годы, предшествовавшие отъезду Максима во Владимир, не отмечены какими-либо угрозами в адрес первосвященника. Напротив, его пребывание на кафедре сопровождалось активной деятельностью, поездкой в Орду, созывом собора и объездами кафедр. В итоге всё перечисленное указывает на обратное: на предоставление русскому первоиерарху ордынцами необходимых прав и свобод.

Во-вторых, крайне примечательны летописные известия об оставлении Киева митрополитом. В данном случае важна очередность описанных в годовой записи событий. Как уже было отмечено ранее, большинство исследователей объясняют отъезд архипастыря оставлением Киева горожанами. Однако, согласно летописному повествованию, именно уход Максима, спровоцировал бегство людей, а не наоборот [22, стб. 485]. Едва ли летописец ошибся. Произошедшее, вероятно, объяснялось особенностями правовой культуры монголов. Наличие в городе первосвященнической кафедры, скорее всего, наделяло Киев в глазах ордынцев особым сакральным положением, даруя политическому центру и его жителям статус неприкосновенности. Описанное напоминало ситуацию во внутренней Монголии и в Китае вокруг священных центров буддистов и несториан, находившихся со времён хана Хубилая под защитой империи и пользовавшихся особыми правами и иммунитетами. Поэтому, судя по всему, именно присутствие в городе митрополита предоставляло жителям Киева безопасность и достаток, а не наоборот: богатство горожан гарантировало спокойствие и служение первосвященника. Таким образом, естественно предположить, что Киев рассматривался Ордой в

лице хана и Ногая в качестве священного города, где проживает глава церкви. И пока там находился первоиерарх – жителям гарантировалась безопасность. Однако отъезд Максима, его двора и вывоз святынь, по сути, привели к деса-кразации древней столицы, спровоцировав жителей к бегству.

В-третьих, крайне странным видится направление «бегства» митрополита – Владимир, поскольку там не было князя. Владимирский стол и титул являлись лишь почетным приобретением и инсигнией власти для того, кто признавался старейшим князем среди князей Северо-Восточной Руси и получал ярлык. К тому же не владимирские князья в этот период способствовали укреплению власти митрополитов, а авторитет первосвятителей содействовал возвышению Владимирского стола, что выразилось в титулатуре Владимирских князей [7, с. 60–61]. А значит, логично предположить, что митрополит перемещался не столько под защиту князя, сколько ближе к татарской администрации, в город, воспринимавшийся в Сарае в качестве главного на Северо-Востоке Руси. Небезынтересно, что спасаясь от «татарского насилия», Максим направился именно туда, где оно, согласно сообщениям летописных источников, присутствовало более всего. Если в Южной Руси, долгое время находившейся под прямым управлением Ногая, последний поход отмечен только под 1275 годом, то на Северо-Востоке Руси ситуация предстаёт более сложной. Татарские экспедиции здесь чередовались с княжескими усабицами. Поэтому отмеченный в летописании мотив, спасение от татарского насилия, видится неубедительным. Более того, само слово, которое использовал летописец – «бегство», обладает негативным звучанием и даёт понять, что ничего героического в решении митрополита не прослеживается. Действительно, митрополиты и ранее оставляли Киев. Например, в 1158 г., встретив недовольство князя, оставил кафедральный город и переехал в Чернигов митрополит Константин, поразив местных жителей и князя не столько своим переездом, сколько обстоятельствами своих похорон, убедивших наблюдателей этого диковинного зрелища в святости почившего предстоятеля русской церкви [22, стб. 349]. Не раз оставлял Киев Климент Смолятич [23, стб. 383, 476, 503; 2; 33]. В 1145 г. покинул город чем-то разгневанный на князя митрополит Михаил [22, стб. 312; 29, с. 203]. Но ни разу до 1299/1300 гг. летописцы не именовали случившееся оставление первосвятителем кафедры «бегством». Составитель записи хоть и нашел для Максима вполне «достойное» и «убедительное» оправдание, однако невысоко оценивал предпринятый иерархом шаг и двигавшие первосвятителем мотивы, намекая на трусость предстоятеля.

В-четвёртых, отъезд первосвятителя трудно назвать «бегством». Летописец хоть и употребляет этот термин, однако упоминает, что Максим выехал из Киева *«со всем своимъ житьемъ»*. Едва ли в условиях реальной опасности и погони, требовавших быстрого и незаметного броска на удаленные территории, Максим бы озаботился сбором огромного каравана, крайне медленного в своём движении. К тому же подобный вывоз имущества и вывод людей невозможно было скрыть ни от разбойников, ни от стремительных кочевых отрядов татар. Громадный и медленный обоз Максима, скорее всего, нуждался в охране и сопровождении, а значит, на всём протяжении своего пути оставался уязвимым для любых внешних угроз. А это указывает на то, что целью экспедиции было не спасение, хотя нельзя исключать и его, а нечто большее. Никоновская

летопись, рассказывая о прибытии митрополита во Владимир, извещает о множественных назначениях [26, с. 172], которые осуществил Максим на новом месте своего служения. Таким образом, Максим должен был получить гарантии безопасного проезда и явился во Владимир не как смиренный искатель защиты и приюта (например, подобно митр. Константину в Чернигове), а как господин, избравший себе новое место проживания. Но даже если допустить, что митрополит всё же оказался объектом насилия, то возникает оправданный вопрос: как ему удалось покинуть город с огромным обозом, незамеченным для татар? Как могли позволить ему уйти контролировавшие Киев князья, разрешив вывоз из храмов драгоценностей и святынь? Например, в 1228 г. суздальский епископ Кирилл за передачу в созданный им монастырь части епископской казны был обвинён горожанами в присвоении церковного имущества и оказался перед княжеским судом [22, стб. 452; 9, с. 109; 3, с. 21–23]. Почему так спокойно князья Ростова, Твери, Рязани и Москвы позволили митрополиту своевольничать во Владимире? Как уже отмечалось выше, подобные сборы и отъезд требовали большой предварительной подготовки, которую невозможно было скрыть от глаз соглядатаев татар и от ушей различных княжеских слуг. Более того, для осуществления описанной экспедиции необходимо было получить согласие местных князей, татарской администрации, а также гарантии неприкосновенности перевозимого имущества от князей, через чьи земли должен был двигаться первосвяtitель. Перечисленное означает, что митрополита во Владимире ждали, его путь был безопасным, а совершенное – стало результатом предварительных соглашений и надёжных гарантий со стороны Орды, князей и Византии.

Всё указывает на то, что переезд митрополита Максима был во многом спровоцирован последствиями внутритатарской усобицы и, как предположил И. Скочиляс, «расширением слухов об угрозе татарского погрома Киева» [30, с. 252]. Однако перемещение во Владимир предполагало не дистанцирование первенствующей кафедры от татарских политических центров, а, напротив, дальнейшее сближение с ними, что собственно и привело к перемещению первосвяtitеля на территории, связанные с Сараем и отличавшиеся стабильностью ордынской власти.

Тем не менее мотивы, толкавшие митрополита на переезд, могли учитывать и иные обстоятельства. Судя по всему, и Максим, и его предшественник, Кирилл, чувствовали себя в Киеве неуютно. Это объяснялось отнюдь не последствиями штурма 1240 г., разрушительные результаты которого в историографии существенно преувеличены, а самой внутренней церковной жизнью. Несмотря на своё южнорусское происхождение или, по меньшей мере, воспитание, Кирилл, уже будучи митрополитом, большую часть своего времени провел в поездках по северо-восточной Руси, где его позиции были настолько крепки, что он мог позволить себе, вопреки святоотеческим правилам, без соборного постановления [28, с. 142–143] наказать ростовского епископа [26, с. 157; 17, с. 244–246; 5, с. 148–149, 156–157] и даже организовать суд над новгородским архиереем [18; 21; 4], чего нельзя было сказать о положении Кирилла на Юге. Достаточно заметить, что на созванный митрополитом собор 1273 года не явился ни один южнорусский епископ, а т.н. «парад епископий» середины и второй половины XIII вв. [30, с. 254] наглядно продемонстрировал политическую и каноническую независимость местного епи-

скопата. Всё перечисленное наводит на мысль о бессилии киевских архипастырей в их кафедральном городе на Днепре. Во владениях правителей Галича удавалось сохранять княжеский патронаж и княжеское ктиторовство над храмами, монастырями и кафедрами. Здесь и после монгольского вторжения продолжалось каменное строительство. На Северо-Востоке Руси ктиторовские права местных князей над церковью, напротив, оказались сильно подорванными и ограниченными, однако безраздельно властвовала администрация русского первосвятителя. Не менее интересными видятся и последующие после отъезда митрополита события, позволяющие в значительной мере проследить не только последствия этого перемещения, но и существенно уточнить его причины, а также двигавшие первоиерархом мотивы.

Несомненно, такой переезд требовал согласования данного вопроса в патриархии. Принимая во внимание, что прежде Византия в большей мере поддерживала отношения с Ногаем, а не с Сараем, нельзя исключать того, что инициатором переезда являлся не митрополит Максим, а империя ромеев, желавшая замирииться с Ордой. Однако произошло непредвиденное. Переезд Максима, по верному замечанию свящ. Назара Затворского, «ускорил процессы децентрализации местной Восточной Церкви славянско-византийского обряда» [10, с. 13]. Более того, в 1303 г. слабая константинопольская кафедра была вынуждена пойти на уступки южнорусским князьям и создать в Галиче новую митрополию. Правда, необходимо принять во внимание, что ранее во Владимире-Волынском некоторое время пребывал митрополит Климент Смолятич, который хоть и не учреждал здесь митрополии, однако фактом своего долгого пребывания в городе мог создать прецедент её временного существования на данных землях.

Стало бы большой ошибкой не учесть и политическую ситуацию в Южной и в Юго-Западной Руси. Дело в том, что переезд митрополита Максима во Владимир предвосхитил целый ряд грандиозных политических перемен в Киеве и Галиче, что нельзя списать на случайное совпадение. В 1301 г. умер Лев Данилович. Его сын и преемник, Юрий Львович существенно переориентировал свою политику как в отношении своих западных соседей, так и в отношении Орды, заявив о своих особых правах на наследие деда. Именно Юрий в 1303 г. добился немислимого: раздела русской митрополии и создание особого диоцеза из Южных и Юго-Западных епископий с приданием этому церковному округу статуса митрополии. Её учреждение, судя по всему, не встретило сопротивления со стороны митр. Максима. Во всяком случае о таких возражениях ничего не известно. Более того, создание в Галиче митрополии декларировало и легитимизировало на церковном уровне политическую независимость и суверенитет Галицкой Руси. С другой стороны, изолировавшись от остальной Руси и заручившись поддержкой со стороны своих соседей на Западе, прежде всего, тевтонцев, галицкий князь, хоть и сохранил свою зависимость от Орды, однако существенно осложнил свои отношения с ханами. Такой сценарий событий, разворачивавшихся в Галиче, не способствовал сохранению единства между русскими князьями и, по мнению В.Т. Пашуты, в дальнейшем не только привел к ослаблению Галицко-Волынского княжества, но и к его разделу [19, с. 299]. Этот кризис отчетливо проявился уже вскоре после смерти самого Юрия в 1308 г. Его потомки, Лев и Андрей Юрьевичи, продолжили политику предыдущих лет, результатом чего стало

дальнейшее ослабление южнорусских и западнорусских князей и поступательное поглощение волынских земель могущественными соседями. После 1321–1324 гг. Киев оказался сначала под существенным влиянием Литвы, а в последующем и вошёл в её состав. Следовательно, вполне возможно, что одной из причин переезда митрополита во Владимир в 1300 г. могло быть осознание Максимом реальности опасений, которые возникали перед первосвятительской кафедрой Руси и перед патриархией в условиях растущей политической автономии Галицкого княжества, что влекло за собой неминуемое столкновение с Венгрией и Литвой. Киев находился под контролем потомков Даниила Романовича, желавших дальнейшего ослабления влияния Орды над Южной Русью. Такая политика Галича грозила Константинополю дальнейшим осложнением отношений с Ордой. Следовательно, митрополит стремился выйти из крайне опасной ситуации, сулившей разорение не только киевской кафедры и Южно-Русским землям, но и Византии, выразителем чьих интересов Максим являлся. Поэтому необходимо согласиться с мнением И. Скопича, высказавшегося за то, что появление митрополии в Галиче стало результатом всех предыдущих десятилетий церковного и политического развития Руси [30, с. 252–254].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Присутствующее в церковной историографии мнения о том, что отъезд митрополита Максима был вызван тем, что в 1299/1300 г. Киев был разрушен, ошибочно и является результатом не совсем внимательного прочтения источников проф. Е.Е. Голубинским, выводы которого в дальнейшем были приняты без должной критики. Произошедшее, как видится, извиняется двумя обстоятельствами: во-первых, особенностями литературных форм XIX в., позволявших придавать подобным сюжетам особую эмоциональность, что было характерно для жанра «большого исторического нарратива», а, во-вторых, во многом объясняется высоким заслуженным авторитетом выдающегося церковного историка, что, собственно, и привело к досадному преувеличению. Между тем, источники позволяют сделать иные выводы.

Перемещение кафедры и митрополичьего двора во Владимир являлось спланированной и хорошо продуманной экспедицией, ставшей возможной только благодаря согласованию этого шага со множеством сторон, обеспечивших митрополиту Максиму безопасный проезд и свободу действий. Что же касается мотивов и причин, толкавших русского первосвященника к смене места своего постоянного пребывания, то они видятся сложными и неоднозначными. Несомненно, переезд митрополита отражал интересы Византии, желавшей после смерти Ногай максимального сближения с Сараем ради обеспечения безопасности своих рубежей. Помимо этого к смене кафедрального города подталкивала внутренняя политическая и каноническая ситуация на Юге и Юго-Западе Руси. Здесь местный епископат оставался неподконтрольным митрополиту, а политические амбиции потомков Даниила Романовича Галицкого грозили новыми военными столкновениями местных элит и населения с Литвой, Венгрией и Ордой. Нельзя исключать, что митрополит стремился как можно быстрее покинуть беспокойные территории, боясь оказаться в эпицентре новой войны между тремя сторонами: Литвой, Русью и Ордой. Помимо этого в Киеве действительно могли опасаться и даже, вероятно, ожидали набегов со стороны неких «татар» (плохо

контролируемых Ордой кочевых отрядов) в условиях политического кризиса, охватившего улус Ногая после смерти всесильного темника. Именно этот клубок ожиданий и реальных угроз толкал патриархию и киевскую митрополию к шагам, приведшим к переносу центра митрополии (кафизмы) на Северо-Восток Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук Ф. Печати черниговского епископа Антония Гречина // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. 10. С. 229–233.
2. Гайденко П.И. Кілька зауважень про митрополичий центр у Володимирі на Волині в період «Климентової смуті» (чому Володимир-Волинський не став у другій половині XII ст. митрополією?) // *Православ'я в Україні: Збірник за матеріалами VIII Міжнародної наукової конференції «Українська Церква в історії українського державотворення». До 100-ліття Української революції, державного органу в справах релігій та боротьби за автокефалію / Епіфаній (Думенко), Папакін Г.В., Н.М. Куковальський та ін. (ред.). Київ: Київська православна богословська академія, 2018. С. 174–184.*
3. Гайденко П.И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: «Университетская книга», 2014. 212 с.
4. Гайденко П.И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Санкт-Петербург, 2014. № 4. С. 229–239.
5. Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2019. 256 с.
6. Голубинский Е.Е. Митрополит всея России Максим. Сергиев Посад: Типография А.И. Снегиревой, 1894. 10 с.
7. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 182 с.
8. Грушевський М.С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Сохань П.С. та ін. (ред.). Київ: «Наукова думка», 1993. Т. 3. 592 с.
9. Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 412 с.
10. Заторський Н. «Послання Мисаїла до папи сикста IV» 1476 року: реконструкція архетипу. Львів: Український Католицький Університет, 2018. 588 с.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. СПб.: Типография Нью Греча, 1819. Т. 4. 556 с.
12. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т., Т. 1: Очерки по истории Русской Церкви. М.: «Терра», 1992. 686 с.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории / Сочинения В. Ключевского. 3-е изд. М., 1912. Ч. 2. 4 + 516 + iv с.
14. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви, Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589), Отдел первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448) / Турилов А.А. (ред.). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.

15. Макарий (Веретенников), архим. Деятельность святого митрополита Максима на русской кафедре (с приложением «Поучения» и «Повести о митрополите Максиме») // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 125–154.
16. Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. 1250 с.
17. Насонов А.Н. «Русская земля» и образовние территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование: Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: «Наука», 2006. 412 с.
18. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург, 1880. Т. 6. Ч. 1. С. 83–102.
19. Паицто Т.В. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / Греков Б.Д. (ред.). М.: Издательство АН СССР, 1950. 333 с.
20. Петрушко В.И. Очерки по истории русской церкви. С древнейших времен до середины XV в. М.: «Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета», 2019. 512 с.
21. Печников М.В. К изучению соборных правил 1273 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 4(38). С. 97–107.
22. Полное собрание русских летописей, Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 496 с.
23. Полное собрание русских летописей, Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 648 с.
24. Полное собрание русских летописей, Т. 3: Новгородские летописи. СПб., 1841. 320 с.
25. Полное собрание русских летописей, Т. 4, Ч. 1: Новгородская четвёртая летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2000. 728 с.
26. Полное собрание русских летописей, Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: «Языки славянской культуры», 2000. 248 с.
27. Полное собрание русских летописей, Т. 40: Густынская летопись / Кучкин В.А. (ред.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 202 с.
28. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.; Т. 2. 639 с.
29. Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: «Наука», 2003. 246 с.
30. Скоцилас І. Галицька митрополія XIV – першої половини XV століть: особливості еклезіального, правового та суспільного статусу // Княжа доба: історія і культура. 2011. № 4. С. 246–279.
31. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Том I–V. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. 1726 стб.
32. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. М.: Императорский Московский Университет, 1784. Кн. 4. 595 с.
33. Толочко А.П. Клим Смолятич после низвержения из митрополии // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Мусин А.Е. (ред.). Великий Новгород; СПб.; М.: «Леоп Арт», 2009. С. 547–551.

Сведения об авторе: Павел Иванович Гайденко – доктор исторических наук, доцент, сотрудник Института украинской археологии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины (01001, ул. Трёхсвятительская, 4, Киев, Украина); ORCID: 0000-0002-2104-362X. E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Поступила 10.11.2020 Принята к публикации 04.02.2021

Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Androshchuk F. Pechati chernigovskogo episkopa Antoniia Grechina [Seals of Chernihiv Bishop Anthony Grechin] *Ruthenica*. Kyiv, 2011, vol. 10, pp. 229–233. (In Ukrainian).
2. Gaidenko P. Kil'ka zauvazhen' pro mitropolichiy tsentr u Volodimiri na Volini v periiod "Klimentovoï smuti" (chomu Volodimir-Volins'kiy ne stav u drugi polovini XII st. mitropolieyu?) [Several remarks on the Metropolitan center in Volodymyr-Volynsky during the period of "Clement's Troubles" (why did Volodymyr-Volynsky not become a Metropolitan in the second half of twelfth century)]. *Pravoslav'ya v Ukraïni: Zbirnik za materialami VIII Mizhnarodnoï naukovoï konferencii "Ukraïnska Cerkva v istorii ukraïnskogo derzhavotvorennia". Do 100-littia Ukraïnskoï revoliucii, derzhavnogo organu v spravah religij ta borotbi za avtokefaliyu* [Orthodoxy in Ukraine: International Conference "Ukrainian Church in the History of Ukrainian Statemaking". To the Centenary Anniversary of the Ukrainian Revolution, a State Body for Religious Affairs and the Fight for Autocephaly]. Kyiv: Kyiv Orthodox Theological Academy, 2018, pp. 174–184. (In Ukrainian).
3. Gaidenko P.I. *Svyashchennaya ierarkhiya Drevney Rusi: (XI–XIII vv.): Zarisovki vlasti i povsednevnosti* [The Sacred Hierarchy of Ancient Rus' (from the eleventh to thirteenth century): Sketches of Power and Everyday Life]. Moscow: "University book", 2014. 212 p. (In Russian)
4. Gaidenko P.I. Sobor 1273(4) goda v svete cerkovno-politicheskoy situacii na Rusi: neskolko zamechanij o nesostoyavshejsya kanonicheskoy reforme mitropolita Kirilla [The 1273(4) Church Council in the light of the church-political situation in Rus': Several comments on the failed canonical reform of Metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoy hristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. St. Petersburg, 2014, no. 4, pp. 229–239. (In Russian)
5. Galimov T.R. *Kievskie mitropolity mezhdru Rusyu i Ordoy (vtoraya polovina XIII v.)* [Kyiv Metropolitans between Rus' and the Horde (second half of thirteenth century)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 256 p. (In Russian)
6. Golubinsky E.E. *Mitropolit vseya Rossii Maksim* [Metropolitan of All Rus', Maxim]. Sergiev Posad: Publishing house of A.I. Snegireva, 1894. 10 p. (In Russian)
7. Gorsky A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya* [Russian Lands in the thirteenth and fourteenth century: The Path of Political Development]. St. Petersburg: "Science", 2016. 182 p. (In Russian)
8. Grushevsky M.S. *Istoriya Ukrayini-Rusi* [History of Ukraine-Rus']. Kyiv: "Scientific thought", 1993, vol. 3. 592 p. (In Ukrainian).
9. Dvornichenko A.Yu., Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A., and Shaposhnik V.V. *Russkoe pravoslavie: ot kresheniya do patriarshestva* [Russian Orthodoxy: From Baptism to Patriarchate]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University, 2012. 412 p. (In Russian)
10. Zatorsky N. "Poslannya Misayila do papi Sksta IV" 1476 roku: rekonstrukciya arhetipu ["Epistle of Mishaël to Pope Sixtus IV" of 1476: Reconstruction of the Archetype]. Lviv: Ukrainian Catholic University, 2018. 588 p. (In Ukrainian).
11. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo v 12 t.* [History of the Russian State in Twelve Volumes]. St. Petersburg: Publishing house of Nyu Grech, 1819, vol. 4. 556 p. (In Russian)

12. Kartashev A.V. *Sobranie sochineniy: V 2 t., T. 1: Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi* [Collected Works in Two Volumes, Vol. 1: Essays on the History of Russian Church]. Moscow: "Terra", 1992. 686 p. (In Russian)

13. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoy istorii* [The Course of Russian History]. Moscow, 1912, part 2. 4 + 516 + iv p. (In Russian)

14. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi*, Kn. 3: *Istoriya Russkoy Tserkvi v period postepennoy perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240–1589), Otdel pervyy: Sostoyaniye Russkoy Tserkvi ot mitropolita Kirilla II do mitropolita svyato-togo Iony, ili v period mongol'skiy (1240–1448)* [History of the Russian Church, Book 3: History of the Russian Church during the Period of Its Gradual Transition to Independence (1240–1589), Division one: The State of the Russian Church from Metropolitan Cyril II to Metropolitan St. Jonah, or during the Mongol Period (1240–1448)]. Turilov A.A. (ed.). Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Publishing House, 1995. 704 p. (In Russian)

15. Makariy (Veretennikov), archim. *Deyatel'nost' svyatogo mitropolita Maksima na russkoy kafedre (s prilozheniem "Poucheniya" i "Povesti o mitropolite Maksime")* [The activities of St. Metropolitan Maxim at the Russian pulpit (with the appendix of the "Teachings" and "Tales of Metropolitan Maxim")]. *Bogoslovskiy vestnik* [Theological Bulletin]. 2015, vol. 16–17, no. 1–2, pp. 125–154. (In Russian)

16. Makariy (Veretennikov), archim. *Mitropolity Drevney Rusi (X–XVI veka)* [Metropolitans of Ancient Rus' (from the tenth to sixteenth century)]. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2016. 1250 p. (In Russian)

17. Nasonov A.N. *"Russkaya zemlya" i obrazovaniye territoriy Drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoye issledovaniye: Mongoly i Rus. Istoriya tatarskoy politiki na Rusi* ["Russian Land" and Formation of Territories of the Old Russian State: Historical and Geographical Research: The Mongols and Rus']. The History of Tatar Politics in Rus']. St. Petersburg: "Science", 2006. 412 p. (In Russian)

18. *Opredeleeniya Vladimirskogo sobora, izlozhennyye v gramote mitropolita Kirilla II* [Definitions of the Vladimir Church Council Set Forth in a Charter by Metropolitan Cyril II]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1880, vol. 6, part 1, col. 83–102. (In Russian)

19. Pashuto T.V. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the History of Halych-Volhynian Rus']. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. 333 p. (In Russian)

20. Petrushko V.I. *Ocherki po istorii russkoy tserkvi. S drevneyshikh vremen do serediny XV v.* [Essays on the History of Russian Church. From the Most Ancient Times to the middle of fifteenth century]. Moscow: Publishing house of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, 2019. 512 p. (In Russian)

21. Pechnikov M.V. *K izucheniyu sobornykh pravil 1273 g.* [To the study of conciliar rules of 1273]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Questions of Medieval Studies]. 2009, no. 4 (38), pp. 97–107. (In Russian)

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 1: *Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2001. 496 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 2: *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 2: Hypatian Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2001. 648 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 3: *Novgorodskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 3: Novgorod Chronicles]. St. Petersburg, 1841. 320 p. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 4, Part 1: *Novgorodskaya chetyortaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 4, Part 1: Novgorod Fourth Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2000. 728 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 10: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles,

Vol. 10: Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikonian Chronicle]. Moscow: "Languages of Slavic culture", 2000. 248 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Vol. 40: *Gustynskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 40: Gustyn Chronicle]. St. Petersburg: "Dmitry Bulanin", 2003. 202 p. (In Russian)

28. *Pravila Pravoslavnoy Tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, episkopa dalma-tinsko-istriyskogo: V 2 t.* [Rules of the Orthodox Church with the Interpretations of Nicodemus, Bishop of the Dalmatian-Istrian: In Two Volumes]. St. Petersburg, 1912. Vol. 1. 641 p.; Vol. 2. 639 p. (In Russian)

29. Priselkov M.D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoy Rusi X–XII vv.* [Essays on the Church and Political History of Kyivan Rus' from the tenth to twelfth century]. St. Petersburg: "Science", 2003. 246 p. (In Russian)

30. Skochilas I. Galic'ka mitropoliya XIV – pershoi polovini XV stolit': osoblivosti eklezial'nogo, pravovogo ta suspil'nogo statusu [The Metropolitan of Halych in the fourteenth and first half of fifteenth century: Particularities of canonical, legal, and social status]. *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [Princely Time: History and Culture]. 2011, no. 4, pp. 246–279. (In Ukrainian).

31. Soloviev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshih vremen* [History of Russia since the Most Ancient Times]. St. Petersburg: "Public Benefit" Partnership, 1851–1879, book 1, vol. I–V. 1726 col. (In Russian)

32. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen neusypnymi trudami cherez tridtsat' let sobrannaya i opisannaya pokoynym taynym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasiliem Nikitichem Tatishchevym* [Russian History from the Most Ancient Times Collected and Described by the Late Privy Counselor and Astrakhan Governor, Vasily Nikitich Tatishchev, in Vigilant Labor for thirty years]. Moscow: Imperial Moscow University, 1784, book 4. 595 p. (In Russian)

33. Tolochko A.P. Klim Smolyatich posle nizverzheniya iz mitropolii [Klim Smolyatich after the overthrow from the metropolis]. *Horoshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Horosheva* [Good Days. In Memory of Alexander Stepanovich Khoroshev]. Velikiy Novgorod; St. Petersburg; Moscow: "Leop Art", 2009, pp. 547–551. (In Russian)

About the author: Pavel I. Gaydenko – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Research Fellow of the M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Trekhsvyatitskaya Str., Kyiv 01001, Ukraine); ORCID: 0000-0002-2104-362X. E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Received November 10, 2020 Accepted for publication February 4, 2021

Published March 29, 2021

УДК 94(47).031"13":911.375.4:339.1(093.2) DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.90-107

WESTERN IMMIGRATION IN THE FOURTEENTH-CENTURY GOLDEN HORDE: THE CASE OF VENETIAN TANA

Lorenzo Pubblici

*Santa Reparata International School of Arts
Florence, Italy
lorenzo.pubblici@gmail.com*

Abstract: *Objective:* This paper's aim is to reconstruct the Western population of Venetian Tana in the fourteenth century, the residents' perception of their condition as "migrants", and finally this population's interactions with the other communities who lived there.

Research materials: The sources used are primarily the notarial deeds of the Venice State Archive together with the vast and excellent scholarship produced in recent decades.

Research results and novelty: For over two centuries the settlement of Tana, situated in the territory of the Golden Horde, represented the easternmost outpost of the Latin *emporia* in the Levant. Here, the utilitarian concept of the Western urban mercantile class found itself confronted with a new experience. This group was a minority living in close contact with larger, cohesive communities whose cultural background was extremely diverse.

Those who emigrated east were mainly the emerging urban bourgeoisie, but also families of ancient noble origin who had nothing in common with the world of the Steppe and its traditional roots. These citizens came to the Levant, bringing with them the urban associative model. The life of the settlement at the mouth of the river Don is an ideal basis for observing the flow of people who left Venice and its surroundings on galleys and, after months of travel, arrived on the shores of the Sea of Azov.

Keywords: Venice, Tana, Mongols, History of Trade, Black Sea, Sea of Azov, Medieval History

For citation: Pubblici L. Western Immigration in the fourteenth-century Golden Horde: The Case of Venetian Tana. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 90–107. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.90-107

1. The context

As the easternmost outpost of the entire Latin system of commerce in the Levant, fourteenth century Tana was a key trading centre with the Baltic and the Far East. The settlement was situated on the Mongol trade route to East Asia that began in Crimea, turned north up to the Gobi Desert, and ended in Beijing [24, p. 92–93; 41, p. 33]¹. Despite being a lengthy route, it presented few dangers or technical obstacles compared to the two alternative central and southern routes. The latter was almost entirely a maritime route, from the Red Sea to the Persian Gulf, and from the Indian Ocean to China. The journey took at least two years and so was

¹ Using Pegolotti's handbook and the *Nottario di più chose*, published by Bautier, it is possible to locate the most important trading posts along this route: from Tana it took twenty-five days to reach Astrakhan, followed by a day's walk to Sarai; from Sarai it led to Urgench, then to Utrar, Almaligh, and finally to China (Quinsai and Cambaliq) [14, p. 21; 10, p. 286].

very costly. The central route was the shortest: to Persia by sea, overland from Tabriz to Mashhad in northeastern Iran, then up to Merv and on towards Samarkand; the route passed through the Pamir Mountains and the Gobi Desert, after which it reached China. This route also presented risks due to the morphology of the landscape, which proved rather hostile for the traveller.

The war that took place during the 1260s between the Ilkhanate and the Egypt of the Mamluks changed the political climate of the eastern Mediterranean region [1, especially p. 202–213]. The trade routes that led to the heart of Asia underwent modifications. Trade relations between the Latin West and the Muslim world deteriorated further following the ban on trade with the Islamic world issued by the Pope after the fall of Acre in 1291 and the consequent boycott of the port of Alexandria, the primary hub of the Mediterranean maritime system [8, p. 116]. So, while the southern route, preferable to the others in terms of time and cost, became increasingly clogged because of the closures we have just mentioned, the central one suffered from the same impediment and from the state of constant conflict between the Ilkhanate and the Golden Horde. It was the safer and less expensive northern route that became the most popular. The Italian cities soon understood that the ports of the Sea of Azov could potentially become highly profitable trading bases and, from the second half of the thirteenth century, began to focus ever-increasing resources in this region.

2. *The Venetian settlement*

As early as the end of the thirteenth century, Tana was indeed a primary centre for the collection and sorting of goods heading to the Western market from both the markets of the north and those of Transoxiana [3, p. 151].

During the last two decades of the thirteenth century, Tana was regularly filled with Genoese merchants (the first Genoese consul was Ansaldo Spinola, active there in 1304) [3, p. 151]. Venice obtained the first concessions from Uzbek Khan of the Golden Horde in 1332². The treaty of the following year granted Venetians the right to live in Tana, to build houses, and to own a piece of land spanning from “behind the Church of the hospital up to river, upon which houses may be built” (“retro hospitalis ecclesiam usque ad littus Tenis fluvij locum lutosum, ut abitantes domos hedificent” [47, p. 233]). The previous year, the Venetian Consulate had been established in Tana, with the agreement expressly stipulating that the consul would receive 30 lire di grossi a year until the completion of his residence: “donec domus sue habitationis fuerit completa”. After which time, he will keep the house and his salary will be cut³ [47, p. 249–250. The date given by Thomas – 8 February 1334 – is wrong]. It appears, then, that the consul’s home was well-built, to the extent that his income was affected to the tune of 5 lire di grossi a year, or fifty ducats [47, p. 125–128].

With a resolution of 18 February 1333, the Senate approved the request of the consul and his council to reclaim and fortify a part of the land granted by Uzbek; over an area of 379 paces, 160 were permitted to be fortified, not a great deal in actual fact. During this time, both Genoa and Venice were expanding their areas in

² Scholarship on the origin of Tana is vast. For a general picture see the following: [8; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 37; 41].

³ Archivio di Stato di Venezia, hereinafter ASV, Senato Misti, XV, folios 57v and 58r.

Tana. The resolution adds that the land will be fortified (“elevari faciat in illa altitude”) and that stone houses will have to be built, of which one is to be used for the consul and the others to accommodate the merchants who will live there (“qui erunt ibidem” [47, p. 251]). It is evident, therefore, that the organisation of the mercantile community in Tana was in the planning stage.

The consul was responsible for the settlement and the safety of Venetian citizens living in Tana, who, in turn, were not permitted to reside anywhere outside of the fortification that encircled the Venetian area of jurisdiction. Stone houses appeared early on, right from the time of Uzbek’s first granting of land.

In the privilege conferred before the clashes of 1343 [for a general picture of the subject, see: 20] and signed by the Venetian ambassadors, Quirino and Pietro Giustiniani, with Janibek, the latter grant to the city and its merchants the opportunity to live in Tana and build houses for themselves, so that they “can live in Tana in complete safety” (“possint stare et habitare secure in dicta terra Tane” [47, p. 262–263]). The document also adds that the settlement can extend toward the hill (*versus montem*), where Venetian citizens will be able to build freely [47, p. 263].

After the clashes of 1343 and the prohibition of movement in the region imposed by the Mongols, the Venetians asked Janibek if they could return to Tana under the terms of previous agreements (“segundo li primi comandamenti”), but Janibek’s concession was rather more modest: only a hundred paces in length and seventy in width [47, p. 341]. The papers covering the union between Genoa and Venice for returning to Tana, which cover a relatively long period of time from February 1344 to January 1348, contain a new clause. The consul would have the right to demand 1 percent on all transactions carried out by Venetian merchants in the region. The money would go towards reparations for the clashes of 1343 and the building of new houses [47, p. 341].

After the interruption of the Venetian-Genoese war of the 1350s [34, p. 201–217; 22, p. 260–261], Venice gained the port of Provato “o citade nova”. During these years, the Lord of Crimea Ramadan, a Mongol official under the orders of the Khan of the Golden Horde, was the one who authorised his Western interlocutors to establish a consul in the small settlement and put house builders at the disposal of the Venetians.

The pact concluded between Venice and the new khan of the Golden Horde Berdibeg (24 September 1358) refers to the cities of the Mongol *ulus* using, for the first time, the term *citade* [47, p. 48: Needing to inform all local officials of the Tamga granted to the Venetians, Berdibeg says: “A signori de Tumanee... e ali signori dele citade, e a tutti li officiali...”: “To the Lords of Tumanee...and to the Lords of the cities, and to all officials...”]. A little later in the same document it states that anyone who “fara dano, e in la riva de lo mar, e alo povolo de li Mogolli, e ali casali dali Veniciani franchi”: “causes damage, on the coastline, or to the Mongol people, or to the homesteads of the Frank Venetians” [48, p. 49] would be punished accordingly. However, the use of *casale* gives rise to a degree of ambiguity in this case. The term is often used by Western sources to indicate a small centre of habitation consisting of a few dwellings and situated within larger administrative units [14, p. 22: Pegolotti also mentions this when referring to the journey from Tana to China]. We find, for example, a Mongol (most likely a Cuman, or at least of Turkish origin), Jovedi Bech di Conhabaga, “de Casale Oleth de Cen-

tenarius Chozerch in districtu Tane”⁴; Donna Ocholinat, the wife of a certain Dmitrij “de Casale Jusbeymamat de Rusia”⁵ and Apanas di Costa “de Casale Bosanzi Imperii Gazarie”⁶.

In these middle years of the fourteenth century, Tana was divided into different areas; the Venetian and Genoese sectors, and the Mongol one where the local governor resided. Each of these districts – a designation that we use conventionally, but that makes little sense in Tana’s case – housed communities that were highly diverse in terms of ethnicity and language. The Genoese and Venetian areas were enclosed by fortifications that were unlikely to be made of stone, but most probably consisted of wooden fences, as expressly indicated in certain documents.

The settlement was relatively small with a significantly diverse urban layout. The Venetian part had a focal point consisting of the consul’s house and the loggia, below which the notary worked⁷. The acts of the notary Benedetto Bianco indicate the presence of two Franciscan churches, St. Mary’s⁸ and St. Francis’s⁹, a church dedicated to St. James¹⁰ and one to St. Raphael¹¹. The Venetian *emporium* consisted of a good number of stone houses. Benedetto Bianco mentions twenty-one of them¹², whilst another is referred to in a will drafted by another Venetian notary, Marco Marcello, on 1 July 1366¹³. There were also areas, outside the Venetian and Genoese settlement, inhabited by distinct ethnic communities: the *contrata grecorum*¹⁴, and the *curia* or *contrata armenorum*¹⁵. In addition, there was a *contrata judeorum* where Leonardo Marino lived, who sold a Tartar slave to Ognibene di Verona, the act being drafted by the notary, Francesco di Boninsegna di Strada di Mantova¹⁶. There were, then, Venetians who lived in the Jewish quarter, and this does not appear to be an isolated case.

⁴ ASV, CI, Notai, busta 19/102, where centenary should be understood as the military subdivision supplying one hundred men. The register of notary Benedetto Bianco has been recently published (*registi*) in an excellent book by F. Pucci Donati [cfr. 39].

⁵ ASV, CI, Notai, busta 19/125.

⁶ ASV, CI, Notai, busta 19/135.

⁷ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/3: *in lobio consulis veneciarum*; I/116, 119: *in lobio nostri civitatis veneciarum*; I/162: *sub lobio nostri civitatis veneciarum in Tana ad bancho mei notari*.

⁸ ASV, CI, Notai, busta 19, wills/4 of 21 July 1362, wills/9 of 30 July 1362, wills/11 of 1 August 1362 and wills/19 of 22 May 1363. Tana also had a cemetery dedicated to St. Mary where Paoletta, wife of Pietro di Bologna, wants to be buried (ASV, CI, Notai, busta 19, Reg. II/120).

⁹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/162.

¹⁰ ASV, CI, Notai, busta 19, loose scroll no. 5 of 1361, reg. II/17 of 23 November 1362, where Andalò Basso, a Genoese *mercator in Tana*, wants to be buried, wills/3 of 23 July 1362, wills/9, of 30 July 1362.

¹¹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/136.

¹² ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/5, 6, 55, 64, 72, 75, 88, 101, 114, 141, 144, 145, 160, 187, 188, 251; wills/3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

¹³ ASV, CI, Notai, busta 117, no. 133. Also ASV, CI, Miscellanea, Notai Diversi, busta 134bis, Slave Contracts, 11 July 1366. The notary, Francesco di Boninsegna, works “in domo Bartolomeis Lonatino de Venecis”.

¹⁴ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/92, 153.

¹⁵ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/209.

¹⁶ ASV, CI, Miscellanea, Notai Diversi, busta 134bis, Slave Contracts, 11 July 1366. The agreement is drafted “in domo Bartolomeis Lonatino” of Venice.

One area of the settlement, known as the *contrata Piscis*, was inhabited mainly by indigenous merchants¹⁷. There was a road that wound through the entire inhabited area, both inside and outside of the fortification, and then ran down to the river's edge. The house of Francesco di Segna, for example, on its western side bordered the road leading down to the river ("cum viam que discurit ad flumen")¹⁸; while Niccolò Baseggio gave a proxy to Bartolomeo Loredan to sell his house situated "in Tana in territorio nostri civitatis", which, on its western side skirted the road leading to the port¹⁹.

In addition to the territory delimited by the fortification, there was another area under Venetian control outside it that the consul had not agreed to fortify, but that appears to have been reclaimed, since there is evidence that there were houses situated there. On 17 September 1359 Ambrogio di Bologna gave a proxy to Benedetto di Romagna and Costantino Greco di Candia "to build as he sees fit on his territory and in market, the gate, here in Tana, on the territory of our commune"²⁰. On 22 September of the same year, Francesco Balbo, a Venetian, sold three houses to Daniele and Andreolo Bragadin, also Venetians, in the Venetian territory of Tana²¹. To the south they bordered with the *territorio et domo* of Ser Tommaso Bon, to the north with the *territorio* of Ser Leonardo Contarini, while their western sides constituted the limit of the Venetian territory outside the fortification ("versus Ponente firmat super confines dicti territorij nostri civitatis").

On 9 September 1360, Marino Rosso and Bartolomeo Bembo, Venetians and *habitatores in Tana*, went before the notary to form a company for the opening of a tavern²². The *tabernarius* (tavern keeper) was also Ianinixium, an Alan who lived precisely *prope balneum allanorum in Tana*²³. During these years, there does not appear to have been a port in Tana; ships had to dock inland, in the widest branch of the river²⁴.

In the 1390s, Tana was attacked by the army of Tamerlane and the settlement went through a period of decline which, however, did not appear to discourage the activities of the Western merchants. From a material point of view, the settlement appears to have undergone substantial changes in the early fifteenth century. On 10 May 1408, Luca di Firenze went before the notary Moretto Bon to make a will in which he left all his property to the school of St. Anthony [11, p. 29], a building that is not found in the documentation of the mid-fourteenth century. In this early part of the century, there is also evidence of a square next to which was the home of Ottaviano Bon, while on the square itself stood that of Nicholas Dedo, who pledged it as collateral to Geronimo Bedolotto for a loan of 450 bezants of Tana

¹⁷ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/3.

¹⁸ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/6.

¹⁹ "Super via communis que discurit ad marina", ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/72.

²⁰ "hedificandi et laborandi ad omnes ipsorum libitum super quadam suo territorio et fora portam hic in Tana in territorium nostri communis et fossam aptandi et aptata vel laborata affitandi et diffitandi", ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/27.

²¹ "copertas et discopertas [. . .] loco pertinentibus et expectantibus in suprascripto loco Tane in districtum territorij nostri civitatis", ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/55.

²² ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/209.

²³ ASV, CI, Notai, busta 19, wills/17.

²⁴ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/42, 48, 69, 79, 108, 218, 224, 226, 247, 250; wills/10; and reg. II/35, 44. Of the same opinion Balard [3, p. 154].

[35, p. 45–46]. The public thoroughfare connected the drawbridge (“sive pontem levatorium” [35, p. 103]) and ran through the entire settlement [35, p. 54, 62–63 and 64–65]; it went past the baths and over a bridge linking the banks of the territory through which flowed a minor branch of the Don delta. Another common thoroughfare ran from the square to the heights, which sources refer to as the *monte saracenorum* [35, p. 57–58, 86–87]. The Venetian settlement had a moat that overlooked the Genoese area (“fossis et spalancato comunis quod est a parte versus territorium ianuensium” [35, p. 54–55, 64, 83, 86, 94]). On 30 June 1415, Niccolò Testa di Bologna bought two houses from Costanzo Rafanello situated “super ponte, quo itur ad portam superiorem” [35, p. 83]. The Genoese and Venetian settlements were linked by the public thoroughfare which, from the square, ran over the bridge. Along its northern edge it bordered with the house that Benedetto Emo, the Venetian consul of Tana, put up for public auction on 17 September 1415 [35, p. 86–87]. There were clear spaces where one was able to build, as in the case of the territory owned by Giorgio Giustiniani [35, p. 103–104].

In 1415 there was a church consecrated to St. Mark [35, p. 123, 125–129] that housed a school dedicated to St. Mary and St. Anthony [35, p. 125–129, 131–132, 137–138], along with one church dedicated to St. Francis [35, p. 134–135, 140–143] and one to St. Dominic. To the latter belonged friar Antonio, of the order of Preachers, whom Lorenzo del Nieno from Vicenza, in his will, appointed to say a mass in his suffrage when he died [35, p. 121–123; the same request is made by Giorgio di Durazzo].

At this point in time, the ships docking in Tana are no longer described as being *in flumine*²⁵, but *ad pontem Tane* [35, p. 102]. The school of St. Mary and St. Anthony also appears in the will of Andrea Giustiniani, drafted in Tana in April 1424²⁶. Andrea Giustiniani was a merchant who owned a house on the Sea of Azov, and wanted to be buried in the church of St. Dominic (also present in Tana since the beginning of the century).

3. The Western population: Migrants for profit?

The documentation we have presents an unbalanced perspective. Individuals coming from Italian cities make up the vast majority. The Venetians were predominant among them, of course, but there was also a significant presence from Tuscany, Florence, Pistoia and Lucca. Other cities of the Veneto and the North Adriatic riviera were also well represented. The scarce presence of French and Catalan merchants, who were very active both before and after this period, is probably due to the fact that a large part of the documentation we are using was produced after the Venetians’ return to Tana in the wake of the war with Genoa.

Of the 777 people identified in Tana between 1359 and 1366, a total of 382 (49.16 percent) were from Venice. Three-hundred and seven of them were Venetians whose *contrada* (district) of origin is expressly indicated, a total of 80.36 percent. Not many individuals came from the territory of Venice or cities of the Veneto: there was one Giovanni from Murano, six from Padova, two from Treviso,

²⁵ ASV, CI, Notai, busta 117, no. 133. Also ASV, CI, Miscellanea, Notai Diversi, busta 134bis, Slave Contracts, 11 July 1366. The notary, Francesco di Boninsegna, works “in domo Bartolomeis Lonatino de Venecis”.

²⁶ ASV, PSM, Citra Commissarie, busta 92.

eight from Verona and a Negrello from Vicenza. Many people came from the cities of northern Italy, those that had regular trade relations with Venice: Asti, Cuneo, Pordenone, Piacenza, Cesena, Fano, Ferrara, Forlì, Bologna, and a Giovanni from Milan. Many were merchants of Tuscan origin; sources reveal seven from Lucca, whose presence is most certainly linked to the silk trade. The first Lucchese community in Venice was established in 1314. In the 1350s and 60s there was a regular increase in the production of silk in Venice [29, p. 39]. The Lucchese community of the Venice lagoon soon began to sail on the Venetian galleys of the Levant to Tana, where they could buy silk of high quality at relatively low prices [12, p. 209–210, 214–225; 25, p. 26–27 and 6].

Florentine merchants were also present in large numbers. Political and economic relations between Florence and Venice at the height of the fourteenth century were growing closer. As early as the end of the fourteenth century Venice had a *Universitas mercatorum florentinorum* with a consul at its head [on this see: 32]. The Florentine community in Venice was extensive and the citizenship rights granted *de extra* by the Venetian republic in these years fuelled economic migration.

More curious is the fact that the documentation includes seven Pistoians. In fact, since the early years of the thirteenth century, Pistoia had built a solid commercial network with the cities of northern Italy [38, p. 53–54]. In particular, there were bankers from Pistoia in Bologna who exploited the university city's international role as a seat of learning [15, p. 186–187]. There were highly developed trade relations with the cities beyond the Alps and the commercial centres of southern France, particularly Marseille and Nice. The merchants of Pistoia had to make up for the lack of an outlet to the sea with the means at their disposal, in other words, agreements with maritime cities. Pisa was the first to establish the preferred means of transport of Tuscan merchants. With the decline of Pisa's power, the merchants of Pistoia began sailing on the ships of the cities that in the fourteenth century ruled the waves of the Mediterranean: Genoa and Venice. The Pistoian presence in Tana should come as no surprise, then, nor should the fact that they had arrived on Romanian galleys of the Venetian republic. In 1363, on 6 September, one Tommaso Sismondi paid 18 sommi of debt he had with Jacopo Valaresso²⁷, showing that there was also a Pisan in Tana.

During these years, the prevailing political situation in the Italian peninsula marginalised vast areas of the south of the country, meaning that the presence of southern Italian merchants was scarce and limited to the commercial centres of the Adriatic. For example, we have a Giovanni known as Mezzaglia *de Apulia*, and Jacopo and Francesco di Fano, but nothing else²⁸.

The Venetians were allowed to return to Tana in 1358. Many Genoese came before our notaries. Trade relations between the two communities therefore resumed immediately after the expiry of the *devetum*. The political events played out on an international scale between the two republics had delayed, and perhaps insignificant, repercussions on the progress of their representatives' relationship abroad. Venetian-Genoese rivalry was rather more muted in Tana. During these difficult years, the need to re-establish a solid relationship in the face of a state of profound insecurity generated by the violent implosion of the power structure in

²⁷ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. II/20.

²⁸ ASV, CI, Notai, busta 19, loose sheets/5; reg. I/90; reg. II/64.

the Golden Horde prevailed over all else. The numbers are pretty clear about this: 8.19 percent of the population found in Venetian sources was of Genoese origin (sixty-two people). In addition, thirteen people arrived on Genoese ships or came from Black Sea settlements where they lived under the jurisdiction of Genoa, six from Pera, six from Caffa and one from Pavia.

The Venetian families living in Tana came largely from the urban aristocracy. Some of them belonged to the Doge's sphere, others had held public office for decades, while others were still part of the newly emerging ruling class. People from lower social strata were also present in significant numbers. In the documentation, we find eighteen Contarinis, ten Cornaros, eight Veniers, six Bragadins, seven Bembos, five Morosinis, five Giustinianis, four Zenos, four Emos, four Zacharias, four Loredans, three Baseggios, two Badoers, two Faliers, three Gradonicos, two Michiels, and two Dandolos. Among the Genoese we find six Di Negros, four Piccamiglios, two Spinolas, two Stellas, two Imperiales and one Balbo. These families had a well-established presence on the Black Sea; as early as the end of the thirteenth century in Caffa the names that appeared were more or less the same [3, p. 235–236]. Different families performed different roles and occupations. Although nine out of eighteen belonging to the Contarini family bore the title of *nobile viro domino*, three of them were “only” merchants, while Jacopo, after a brief interlude as a trader, was appointed by the Serenissima as Venetian consul of Tana, replacing Pietro Caravello in 1361²⁹. The financial resources of some of the prominent families we find on the Sea of Azov are confirmed in notarial acts. On 2 September 1359, Luca Contarini and Micheletto Steno bought a ship, contributing 100 gold ducats each³⁰. In September of the same year, Luca bought three houses in Tana paying 10 silver sommi³¹. On 4 September 1359, Pietro Morosini gave a proxy to Niccolò Spinola to collect 30 silver sommi owed to him by Vittorio Pisani (the future consul of Tana)³².

Most Venetian families maintained privileged internal relations but, as already mentioned, the exchange between people of different backgrounds was a necessity. This happened not only among people who spoke the same language, but also among foreigners. We have already seen that Pietro Morosini gave a proxy to Niccolò Spinola; Jacopo Contarini did the same with Giovanni Vassallo, *civis Janue*, to recover a debt of 40 silver sommi³³. When Niccolò Baseggio sold to Coza (a Saracen) a boat (a *ziguda*) named S. Antonio – which in that moment was in the river of Tana – one of the two witnesses was Francesco di Pando³⁴, a Genoese, perhaps to guarantee impartiality in a transaction between foreign persons. On 8 November 1359, a group of three Genoese merchants went into business with Giuliano di Contrada, a Venetian from the parish of St. Agatha, thus becoming jointly and severally liable towards creditors³⁵. On 15 November of the same year, Ottobono Piccamiglio lent 42 silver sommi to Ser Jacopo Contini, a Venetian from

²⁹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/63.

³⁰ ASV, CI, Notai, busta 19, loose sheets/4.

³¹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/55. 10 sommi were equal to about 45 gold ducats [27, p. 225–228].

³² ASV, CI, Notai, busta 19, loose sheets/5.

³³ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/63.

³⁴ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/69.

³⁵ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/79.

San Giuliano. The loan was granted for 42 *sarzarorum*. He seized 50 barrels of wine (*vini Turpie*) from the cellar (*fovea*) of Bertuzio Ziurano that were still full (*non stazados*)³⁶. Even more interesting is the act drafted by Benedetto Bianco on 30 December with which Giovanni di Benedetto – a Venetian – signed an agreement with Teodora, widow of Giorgio *Januensis* di Soldaia, according to which she was permitted to live in the same house as Giovanni and *cum omnibus suis vestibus*³⁷. Furthermore, on 22 May 1360, Giovanni della Maddalena, a Genoese, and *burgensis Caffè*, rented his ship to Francesco di S. Giovanni Nuovo, a Venetian merchant, so that he could go to Porto Pisano (on the western coast of the Sea of Azov) with a load of 500 moggia of grain *ad modium Constantinopoli*. The Genoese of Caffa demanded a rather high rental fee (18 gold ducats) for this³⁸. There are many more examples that could be used here³⁹.

The somewhat intense business relations among “Italians” reveal a well-developed interaction between all the individuals that made up the population of the settlement. Domenico, a Florentine merchant, was very active in the slave trade. He sold them to anyone who asked and is shown to have registered a remarkable turnover; just in September 1359, he made 14,449 aspers by selling twenty-three slaves⁴⁰. Not surprisingly, we find Domenico himself lending money on 30 October 1359, flush with his recent profits⁴¹.

The social cohesion between the different Venetian families is strong, but it is generally forged among compatriots. When, on 19 October 1362, Manuele de Guarnieri made a will, the appointed witnesses and trustees were all Genoese, and the same happened with the will of Andreolo de Multa, also a Genoese⁴². But there are cases of close, even physical, connections between members of different groups; in the act in which Simone da Lione paid a debt he had with Gasparino Superanzio, present as witnesses were Teodoro di Costantinopoli, Suso di Ancona and Marco di Candia⁴³. Similarly, when Leonardo Bembo instructed his brother Bartolomeo to rent the houses he had in Tana – apart from *domo de novo hedificata* – he imposed no restrictions on who could be the tenant⁴⁴.

It is not uncommon to find members of a family doing business with others of the same lineage; but, as we have seen, this was not the rule, nor very common. In particular, in cases where the object of the act was a proxy, the subjects were often Venetians, but we also find Pietro Morosini giving a proxy to Niccolò Spinola to collect a debt; Jacopo Contarini gave a proxy to Giovanni Vassallo for the purchase of wine⁴⁵. Cases where two or more people came from other cities and did not have institutional representatives *in loco* are those where the bond of solidarity appears

³⁶ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/81.

³⁷ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/88.

³⁸ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/115.

³⁹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/91, 95, 103, 105, 107, 113, 118, 119, 124, 170, 198, 218, 249; wills/11, 13, 14, 15, 17, 18; reg. II/18, 27, 28, 31, 36, 38, 41, 42, 48, 50, 51, 53, 57, 59, 61, 63, 84, 102, 103, 106, 109.

⁴⁰ Considering the exchange rate between the silver asper of Tana and the Venetian gold ducat is 1/43.5, one arrives at a huge amount: 413 ducats.

⁴¹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/85.

⁴² ASV, CI, Notai, busta 19, wills/14 and 15.

⁴³ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/114.

⁴⁴ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/251.

⁴⁵ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/5 and 63.

to be strongest. For example, Giorgio di Trebisonda gave a proxy to Bandetto di Trebisonda⁴⁶.

A huge number of acts were signed between blood relatives: Pietro Caravello and his son Luca, Jacopo Steno and his son Marco, Giovanni Baldovino and his son Pietro, Bartolomeo Loredan and his brother Alessandro, Rizzardo De Riva and his brother Antonio, Nicoletto Superanzio and his brother Marino, Manfredi di Brizolo and his brother Giovanni, Agabito da Prato and his brother Manfredo, Francesco and his brother Nicoletto di Bora, Gerardo Barbafella and his wife Caterina, Jacopo Contarini and his wife Cristina Bon, Smeralda wife of Magistro Marco, Martina wife of Experto Cumano, and so on.

In the second half of the fourteenth century in Tana, the vast majority of inhabitants were Venetians coming from the city itself. In the 1360s, the presence in Tana of people from outlying areas or districts of Venice was scarce. This may have been due to a wide range of contributing factors, one being that the very nature of Venice's economic organisation, entirely unlike that of Genoa, concentrated commercial initiative in the hands of the state and was a system less open to the outside. This point has been debated extensively and needs no further discussion. It should, however, be remembered that the historical period we are talking about was a time of both political and economic crisis. Within this general framework, the peculiar situation of Venice should be noted. As for much of the European West, the thirteenth century was a period of development culminating in the demographic explosion and economic growth at the turn of the century. Venice also played a leading role in this process and managed to penetrate the mainland, where it firmly established the presence of some of its most eminent families. There are also cases of Venetian Podestà who served in mainland cities such as Bologna, Padua, Florence and Mantua. The expansion on the mainland was concentrated in particular in the provinces of Padua and Treviso, and in the northern part of the territory of Ferrara. This partly explains the huge presence of non-Venetians in Tana from Bologna, Florence, Padua, Verona, Ferrara, and so on. Many of these cities were located in the Po Valley and had regular contact with Venice. In fact, the decline that all European countries faced in those years also hit Venice and the documentation we are examining here – with the exception of some documents of the fifteenth century – comes out of this situation, having been written between 1359 and 1366. Finally, to this general framework, we must add a further element unique to Venice. Between the peace of Milan in 1355 and the fourth war with Genoa, Venice underwent a period of crisis in foreign policy; these were the years when it lost Dalmatia to Hungary and a number of cities in the Veneto that would not surrender to its rule. Only Treviso and Zara capitulated during the rule of Doge Andrea Dandolo (1343–1354).

4. *Building home away from home: Tana for the Westerners*

Of the 777 people identified in the Venetian documentation produced in Tana between 1359 and 1366, over 200 describe themselves as *habitor Tane*, in other words permanent residents. The acts of Benedetto Bianco show 652 people, including slaves, of whom 115 are described as *habitor Tane* [22, p. 16]. Sixty-two describe themselves as *ad presens habitator in Tana* and their city of origin is exp-

⁴⁶ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/127.

licitly indicated. The rest are regular or occasional visitors who are resident elsewhere (both in their city of origin, Venice or Genoa, and in areas around Tana, Porto Pisan⁴⁷, Caffa, Smisso, or other ports of Pontus, like Mesembria, Monemvasia and Constantinople, or the lands of the Golden Horde). It is difficult to estimate the population of the settlement as the data we have comes exclusively from Western sources and it is quite obvious that mainly Venetians used the services of Venetian notaries, while Mongols or Muslims of other origin preferred to consult people who spoke their language (or actually never used a notary). In the few surviving acts of the Venetian notary Marco Marcella, drafted in Tana between 1362 and 1367, there are eight *habitatores Tane* out of over thirty names. In this case, too, the number is not a high one.

In both Genoese and Venetian sources, there are rare cases in which a Westerner is described as *civis* or *burgenses Tane*⁴⁸, but *habitor* is the most common definition. In other words, this is a statement of fact rather than a legal status. Nor did this state of affairs change in the first decades of the fifteenth century. Even those who settled for long periods in Tana emphasised their allegiance to the motherland. So, for the Westerners who lived there, Tana appeared to represent an *emporium*, a commercial establishment and little more. The Western presence in the city on the Azov was effectively tied directly to the will of the Mongols. The dimensions attained by Caffa and its substantial political independence from the Tatars were never seen in Tana. However, there are cases that should be approached with caution in this regard. On 4 September 1359, Francesco di Segna – *civis venecianus habitor in Tana* – demanded money from Nicoletto de Toris, he too *habitor in Tana*, for a consignment of wine, with de Toris mortgaging the house he had in Tana “super marina in districtu territori nostri civitatis” to pay his creditor⁴⁹. Our notary, too, claimed to operate “in lobio nostri civitatis”⁵⁰.

All the evidence points to the fact that *nostra civitas* in the sources is Venice and not Tana. The settlement on the Sea of Azov is therefore never called *civitas* by those contemporaries whose written memory is the subject of our investigation. Those who lived there felt part of a community, they were *habitatores Tane*, but they had an image of the place that did not extend to citizenship. It appears from the sources examined that this was the result of an ambiguous perception that acknowledged a collective power, whose authority stretched across the entire community (the consul), although it was severely limited by another power from outside that community (the Mongol governor). The sovereignty of the Khan of the Golden Horde was indisputable in the region, but it was expressed, *more mongolorum*, through the local officials, who exercised power on behalf and in the name of the Khan. This authority was theoretically the same for all foreign communities; the sense of collective belonging remained based in the citizenship of the motherland even when far away from it (a Genoese in Tana was still Genoese and saw Venetians as Venetian).

⁴⁷ This, of course, refers to the area on the right bank of the Don, near Tana. Today it is Siniavka.

⁴⁸ One of the few cases in which the attribute *burgensis* appears is that of Domino Giovanni Testa, originally from Pistoia, who is described as *civis venecianus, burgensis Tane et mercator in dicto loco* (ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/182).

⁴⁹ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/6.

⁵⁰ ASV, CI, Notai, busta 19, reg. I/116; 119; 121; 162.

From the mid-fourteenth century, the residence of Western merchants reached a relatively stable level. Describing oneself as a *habitor* demonstrates this and shows, in my opinion, an increased familiarity with the place. It constituted a supportive community for them, to which they felt they belonged, but with which they above all shared the status of immigrant – albeit temporarily – far away from the reality in which they were *cives* in all respects. For the commercial establishments of the Levant we cannot, I think, use the category of *habitor* or *civis* in terms of the exclusive privileges they were granted; the tax breaks enjoyed by Venetian and Genoese merchants in the trading settlements were directly dependent on the will of the Khan, so if Venice signed a treaty with the Khan of the Golden Horde, its provisions applied to all Venetian merchants in Tana, as well as those who, though not Venetian, sailed on Venetian ships. We must bear in mind that, in the Western settlements of Tana, the population consisted largely of merchants, people whose presence was instrumental to a smooth operation, and all infrastructure was functional to that context. So the consul's duties were strictly tied to the needs of a community of merchants whose presence in the *emporium* was often of short duration. The powers granted to the official for the maintenance of public order were kept to a minimum. We do not have sufficient documentation to look further into this, but we can imagine that such a close presence of the Mongol governor severely limited the powers of the Venetian or Genoese authorities *in loco*.

The condition of *habitor* was, as we said, a de facto status alongside the legal term *civis*. Many names whose origins can be identified come before Benedetto Bianco. As well as the obvious predominance of Venetians, there is a huge presence from Tuscany (Florence, Pistoia and Lucca), Piacenza and the Veneto (Verona, Padua and Treviso). All are described as *cives venecianos* but, whereas the border town, contrada and city parish of origin are indicated for native Venetians, this is clearly not the case for the others. Maffeo Morosini was a *civis venecianus de confinio S. Canciani*⁵¹, but Domenico di Firenze was simply a *civis venecianus*⁵². Nicoletto di Giusto was a Venetian citizen *de confinio S. Baxili*⁵³, while Neto di Verona was a *civis venecianus habitator in Tana*⁵⁴. Pietro di Badellis of Bologna described himself as *nunc habitator Tane*⁵⁵; Marco de Bora stated he was *de confinio Sancti Severi de Venecis* and added *nunc Tane habitator*⁵⁶, and there are many more such examples. The status of *civis venecianus* appears to be temporary for non-Venetians and to have been assumed by everyone who came to live in the settlement under the authority of the consul and became part of the community. But if we refer back to the studies on Venetian citizenship conducted by Reinhold C. Muller and Luca Mola, we realise that things were not quite so. In actual fact, during these years Venice was granting citizenship rights using very “broad” criteria. While at the beginning of the fourteenth century the parameters for gaining the status of *civis venecianus* were selective and rigorous⁵⁷, things

⁵¹ ASV, CI, Notai, busta 19/1.

⁵² ASV, CI, Notai, busta 19/7, 13, 15, 24, 31.

⁵³ ASV, CI, Notai, busta 19/5.

⁵⁴ ASV, CI, Notai, busta 19/35.

⁵⁵ ASV, CI, Notai, busta 117 of 1 October 1362.

⁵⁶ ASV, CI, Notai, busta 117 of 23 October 1362.

⁵⁷ In 1305, one became a citizen after ten years of residence with the privilege *de intus*, which granted the freedom to move and trade within the borders of the Venetian Republic and

changed after the terrible plague years: everyone who enrolled in the register of the “Provveditori di Comun” by 11 August 1350 became a citizen *de intus*, even if they had never resided in the city, and, ten years after registering, they became a citizen *de extra*. In the years immediately preceding those we are looking at, these privileges extended even further [32, p. 39]. So, it is perfectly understandable that people from Florence, Lucca or Verona describe themselves as *cives venecianos*, and rightly so.

In some cases, those who described themselves as *habitor Tane* or *habitor in Tana* owned their own house⁵⁸. On the other hand, those who rented their home described themselves as *mercator Tane*. This is a common trend, but it does not appear to be the rule. Ser Pasquale di Bartolomeo, *civis venecianus habitator in Candida et mercator in Tana* gave a proxy to another resident of Candida for the rental of one of his houses in Tana; the dwelling was taken by Ser Giovanni Dicunti, *mercator in Tana*⁵⁹.

Tana was a settlement of modest size in both the fourteenth and fifteenth centuries; it was a centre of population with two fortified and distinct areas, the Genoese one and the Venetian one, which, in my opinion, was the larger. The merchants who lived there never saw themselves as citizens of Tana, and did not perceive it as a *civitas*. They were foreigners in a foreign land, temporary immigrants whose length of stay was directly linked to their commercial activity.

The demographic aspects largely confirm what we have managed to observe from a political point of view, that Tana is a somewhat paradoxical case. While the fourteenth century documentation describes a settlement that, despite being in profound crisis, is growing, at the beginning of the next century it falls into line with most other international contexts.

5. Conclusions

On the basis of the data analysed for the years 1359–1366, we can say that life in Tana consisted of a constant exchange of people and goods. Here ethnicity was of relative importance. Western immigration in the lands of the Golden Horde increased significantly in the fourteenth century thanks to a highly efficient and stable Genoese and Venetian trading system, despite the ongoing rivalry between the two Italian cities.

By virtue of its location, Tana was inhabited by merchants, craftsmen, professionals, mainly men, but also women, who followed their husbands and sometimes took over the management of the family business. Latins and Greeks, Armenians and Mongols, Alans and Arabs, lived in close contact with one another in a truly multi-ethnic context. The Venetian community in Tana was not closed or impenetrable, but, on the other hand, it would have been difficult for the opposite to happen in an area where Westerners were always in the minority. The sources do not

the right to hold certain public offices, and after twenty-five years with the privilege *de extra*, which granted the right to trade abroad. In the early years of the fourteenth century, citizens with the privilege *de intus* could not trade with merchants from Germany (the “Fondaco dei Tedeschi”), while those with the privilege *de extra* could not have a shipping fleet greater than that entered in the estimate when they registered [22, p. 29–60, and www.retimedievali.it, library, cit. p. 37–38; 39, p. 36–44].

⁵⁸ ASV, CI, Notai, busta 19/6, 72, 145, 251.

⁵⁹ ASV, CI, Notai, busta 19/160.

report any cases of xenophobia, nor any particular restrictions on the operations of merchants of different origin. The general context is one of interaction functional to trade, so Venetians went into business with Genoese and Armenians, Genoese with Saracens, and so on. The documents show a high level of slave trading, which encouraged this phenomenon. There are cases, of course, where solidarity among compatriots is evident. Westerners stayed in Tana for relatively short periods, always intending to return home. Merchants went to the city at the mouth of the Don to make a profit and the required condition for this was peace. These two requirements “obliged” different communities from different, and often very distant, lands to co-exist and cooperate, and then to get to know each other.

In Tana more than anywhere else, and just like in the great Genoese colonial cities of Crimea, the meeting between West and East was a concrete fact. Ethnic integration, perhaps never fully achieved, was for a long time a condition in the making that fell apart only after the collapse of the entire Italian trading system following the consolidation of the Ottoman Empire in the second half of the fifteenth century. Not even the rapid political and ethnic changes occurring from the middle of the fourteenth century in the lands of the Golden Horde had any significant impact on the relations between the inhabitants of Tana. The settlement was affected by the wars between Genoa and Venice, the conflicts with the Mongols and the violent incursion of Tamerlane at the end of the century.

Notably, the Timurid onslaught did not inflict on Tana the same level of damage seen in other cities attacked by the Mongol conqueror (such as Sarai or Astrakhan). It was the pre-existing situation that enhanced its effects and rendered the recovery of the fifteenth century a minor, non-structural occurrence in a context of political instability that affected the whole of the Mongol empire and the Golden Horde in particular. At the same time, the effects could be felt of the devastation wrought by the armies of Tamerlane in Chorasnia and the countries of the Caucasus. A state of war existed on a large scale in areas where commercial contact was most frequent and fruitful. Tamerlane compromised the stability of the so-called *pax mongolica*, and all the centres of strategic importance that were part of the trading system in Eurasia felt its effects more or less directly leading to a decline which, for Tana, culminated in the Ottoman conquest of 1475.

REFERENCES

1. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. xv + 272 p.
2. Ashtor E. *Storia economica e sociale del Vicino Oriente nel Medioevo*. Torino: Einaudi, 1982. xvi + 366 p. (In Italian)
3. Balard M. *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*. 2 Vols. Rome; Paris: École française de Rome, 1978. 1008 p. (In French)
4. Balard M. 1261. Genova nel mondo: il trattato di Ninfeo. Idem. *Gênes et la mer*. Genova: Società ligure di Storia Patria, 2017, pp. 529–549. (In Italian)
5. Balard M. The Black Sea in the international trade of the XIVth and XVth centuries. *Quaderni della Società Ligure di Storia Patria*. Genova: Società ligure di Storia Patria, 2017, no. 3, pp. 721–732.
6. Balard M. La lotta contro Genova. *Storia di Venezia*, Vol. 3: *La formazione dello stato patrizio*. Arnaldi G., Cracco G., Tenenti A. (eds). Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1997, pp. 87–126. (In Italian)

7. Bautier R.H. Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient, au Moyen Âge. Points de vue et documents. *Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Actes du huitième colloque International d'Histoire maritime, Beyrouth, 5–10 septembre 1966*. Paris: Société d'édition et de vente des publications de l'éducation nationale, 1970, pp. 263–332. (In French)
8. Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle). *Turcica*. Paris: Éditions Klincksieck; Louvain: Éditions Peeters, 1976, no. 8, pp. 470–471. (In French)
9. Bratianu G.I. *Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1929. 359 p. (In French)
10. Bratianu G.I. *La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane*. Munich: Societatea academică română, 1969. 442 p. (In French)
11. De Colli S. *Moretto Bon, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403–1408)*. Venezia: Il Comitato, 1963. ix + 65 p. (In Italian)
12. De Roover F. *L'arte della seta a Firenze nei secoli XIV e XV*. Firenze: Olschki 1999. xxiii + 135 p. (In Italian)
13. Dölger F.W. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*. Munich: Beck, repr. 1995, vol. 2. liii + 381 p. (In German)
14. Evans A. (ed.). Francesco Balducci Pegolotti, *La pratica della mercatura*. Cambridge (MS): Medieval Academy of America, 1936. 443 p. (In English, Italian)
15. Herlihy D. *Pistoia nel Medioevo e nel Rinascimento 1200–1430*. Firenze: Olschki, 1972. 320 p. (In Italian)
16. Heyd W. *Storia del commercio del Levante nel medio evo*. Torino: UTET, 1913. 1350 p. (In Italian)
17. Karpov S.P. *La navigazione veneziana nel Mar Nero (XIII–XV secolo)*. Ravenna: Il Griasole, 2000. 202 p. (In Italian)
18. Karpov S.P. On the origin of medieval Tana. *Bizantino-slavica*. 1995, no. 56, pp. 225–235.
19. Karpov S.P. Drevneyshie postanovleniya senata venetsianskoy respubliki o navigatsii v Chernoe more [The oldest decisions of the Senate of the Venetian Republic on navigation in the Black Sea]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. 2000, no. 4, pp. 11–18. (In Russian)
20. Karpov S.P. Black Sea and the Crisis of mid-XIVth century: An underestimated turning point. *Tesaurismata*. 1997, no. 27, pp. 65–77.
21. Karpov S.P. Greki i latinyane v venetsianskoy Tane (seredina 14 – seredina 15 vv.) [Greeks and Latins in Venetian Tana (from the mid-fourteenth to the mid-fifteenth century)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. 2009, no. 7, pp. 164–173. (In Russian)
22. Karpov S.P. Venetsianskaya Tana po aktam kantslera Benedetto Bianco (1359–1360 gg.) [Venetian Tana according to the acts of Chancellor Benedetto Bianco (1359–1360)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. 2001, no. 5, pp. 9–26. (In Russian)
23. Kovalevskiy M.M. K ranney istorii Azova. Venetsianskaya i genuezskaya kolonii v Tane v XIV veke [To the early history of Azov. Fourteenth-century Venetian and Genoese colonies in Tana]. *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove (1902 g.)* [Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov (1902)]. 1905, vol. 2, pp. 109–170. (In Russian)
24. Lopez R.S. Nuove luci sugli italiani in Estremo Oriente prima di Colombo. *Studi Colombiani*. 1951, no. 3, pp. 337–398. (In Italian)
25. Lopez R.S. *Su e giù per la storia di Genova*. Genova: Università di Genova; Istituto di paleografia e storia medievale, 1975. 388 p. (In Italian)

26. Lopez R.S. Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti. *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*. Colucci M., Dell'Agata G., Goldblatt H. (eds). Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1986, pp. 463–474. (In Italian)
27. Luzzatto G. *Storia economica di Venezia*. Venezia: Marsilio, 1995. 298 p. (In Italian)
28. Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Wien: Gerold, 1865. Vol. 3: xxi + 393; Vol. 4: xiv + 441 p. (In Latin)
29. Molà L. *La comunità dei Lucchesi a Venezia. Immigrazione e industria della seta nel tardo Medioevo*. Venezia: Istituto veneto di scienze, lettere ed arti, 1994. 354 p. (In Italian)
30. Molà L., Mueller R.C. Essere straniero a Venezia nel tardo medioevo: accoglienza e rifiuto nei privilegi di cittadinanza e nelle sentenze criminali. *Le migrazioni in Europa, Atti delle settimane di Studi dell'Istituto di Storia Economica "F. Datini" (Prato, 3–8 maggio 1993)*. Firenze: Le Monnier, 1994, pp. 839–851. (In Italian)
31. Morozzo Della Rocca R., Lombardo A. *Documenti del commercio veneziano nei secoli XI–XIII*. Torino: Editrice Libreria Italiana, 1940. 2 Vols. (In Italian)
32. Mueller R.C. Mercanti e imprenditori fiorentini a Venezia nel tardo medioevo. *Società e storia*. 1992, no. 55, pp. 29–60. (In Italian)
33. Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. x + 465 p.
34. Papacostea S. Quod non iretur ad Tanam. Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noir au XIVe siècle. *Revue des Études Sud-Est Européenne*, 1979, no. 17/2, pp. 201–218. (In French)
35. Prokof'eva N.D. Akty venetsianskogo notariya v Tane Donato a Mano (1413–1419) [Acts of Donato a Mano, the Venetian notary in Tana (1413–1419)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. 2000, no. 4, pp. 36–174. (In Russian)
36. Pubblici L. Antagonism and coexistence. Local population and Western merchants on Venetian Azov Sea in the 14th century. *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*. Pieralli C., Delaunay C., Priadko E. (eds). Firenze: Firenze University Press, 2017, pp. 25–48.
37. Pubblici L. Venezia e il Mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo. *Archivio Storico Italiano*. 2005, no. 163, pp. 435–483. (In Italian)
38. Pubblici L. Alcune notizie di Pistoiesi sul mar d'Azov nel XIV secolo. *Bullettino Pistoiese di Storia Patria*. 2005, no. 107, pp. 51–63. (In Italian)
39. Pucci Donati F. *Ai confini dell'Occidente. Regesti degli atti dei notai veneziani a Tana nel Trecento. 1359–1388*. Udine: Forum 2019. 263 p. (In Italian)
40. Sauli L. (ed.). *Imposicio Officii Gaziarie. Historiae Patriae Monumenta, Leges Municipales*. Torino: Regio, 1838. (In Latin)
41. Skržinskaja E.Ĉ. Storia della Tana. *Studi Veneziani*. 1968, no. 10, pp. 3–47. (In Italian)
42. Stöckly D. *Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin 13.e – milieu 15.e siècle)*. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. xviii + 434 p. (In French)
43. Tafel L.F., Thomas G.M. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante: Vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts*. Wien: Hof- und Staatsdruckerei, 1856. xiii + 466 p. (In German)
44. Talyzina A.A. Venetsianskie notarial'nye akty: novye vozmozhnosti starykh istochnikov [Venetian notarial acts: new possibilities of old sources]. *Byzantinoslavica*. 1999, no. 60/2, pp. 459–468. (In Russian)
45. Thiriet F. *La Romanie Vénitienne au Moyen Age. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles)*. Paris: De Boccard, 1959. 485 p. (In French)

46. Thiriet F. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*. Paris; Le Haye: Mouton, 1958, vol. 1. 246 p. (In French)

47. Thomas G.M. (ed.). *Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis Illustrantia*, Vol. I: 1300–1350. Venezia: Sumptibus Societatis, 1880. xxvi + 356 p. (In Latin)

48. Thomas G.M., Predelli R. (eds). *Diplomatarium Veneto-Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis Illustrantia*, Vol. II: 1351–1454. Venezia: Sumptibus Societatis, 1889. xxx + 452 p. (In Latin)

About the author: Lorenzo Pubblici – Ph.D. (Medieval History), Full Professor of History and Anthropology, Head of the Department of Humanities and Liberal Arts, Santa Reparata International School of Art (4, Piazza dell'Indipendenza, Florence 50129, Italy). E-mail: lorenzo.pubblici@gmail.com

Received November 12, 2020 Accepted for publication March 4, 2021

Published March 29, 2021

ЗАПАДНАЯ ИММИГРАЦИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ВЕКА: ВЕНЕЦИАНСКАЯ ТАНА

Лоренцо Публичи

Международная школа искусств Санта Репарата

Флоренция, Италия

lorenzo.pubblici@gmail.com

Цель исследования: автор настоящей статьи реконструирует состав населения венецианской Таны в четырнадцатом веке, восприятие этим населением своего статуса «мигрантов», как и его взаимодействие с другими сообществами, там проживавшими.

Материал исследования: использованные источники в основном представлены нотариальными документами из Государственного архива Венеции, как и многочисленными и превосходными исследованиями, появившимися в последние десятилетия.

Результаты и новизна исследования: на протяжении более двух веков поселение Тана, расположенное на территории Золотой Орды, представляло собой самый восточный форпост латинских факторий Леванта. Здесь представители западного городского торгового класса оказались в совершенно новых условиях. Эта группа являлась меньшинством, жившим в тесном контакте с более крупными, сплоченными сообществами, чье культурное происхождение было чрезвычайно разнообразным.

Те, кто эмигрировал на восток, были в основном представителями зарождавшейся городской буржуазии, а также семей древнего знатного происхождения, не имевшими ничего общего с миром Степи и его традициями. Эти граждане прибыли на восток, принеся с собой модель существования городского сообщества. Жизнь поселения в устье Дона предоставляет идеальную возможность для наблюдения за потоком людей, которые покинули Венецию и ее окрестности на галерах и, после месяцев путешествий, прибыли на берега Азовского моря.

Ключевые слова: Венеция, Тана, монголы, история торговли, Черное море, Азовское море, средневековая история

Для цитирования: Publicci L. Western Immigration in the fourteenth-century Golden Horde: The Case of Venetian Tana // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, №. 1. С. 90–107. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.90-107

Сведения об авторе: Лоренцо Пуббличчи – Ph.D. (средневековая история), профессор истории и антропологии, руководитель отделения гуманитарных наук и свободных искусств, Международная школа искусств Санта Репарата (Флоренция) (4, Piazza dell'Indipendenza, Florence 50129, Italy). E-mail: lorenzo.pubblici@gmail.com

*Поступила 12.11.2020 Принята к публикации 04.03.2021
Опубликована 29.03.2021*

ТАТАРСКО-ГЕНУЭЗСКИЕ ДОГОВОРЫ 1380 И 1381 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.Н. Талах

Независимый исследователь

Киев, Украина

victornikolayevich@gmail.com

Цель исследования: анализ положений и обстоятельств заключения татарско-генуэзских договоров ноября 1380 и февраля 1381 гг.

Материалы исследования: проанализированы политические, правовые и экономические клаузулы договоров 1380–1381 гг., состав лиц, участвовавших в их подписании, конкретно-исторические обстоятельства заключения.

Результаты и научная новизна: автор склоняется к ранней (до марта 1380 г.) датировке установления власти Токтамыша в Крыму и считает, что оба договора заключены от имени и в интересах этого хана; полагает, что наличие двух договоров связано со сменой администрации в Солхате (хотя её подробности неясны); считает весьма вероятным предположение Н. Мурзакевича, что передача генуэзцам округа Солдайи и Крымской Готии была вознаграждением за убийство Мамай, произошедшее, вероятно, между 28 ноября 1380 и 23 января 1381 г.

Ключевые слова: Генуя, Каффа, Джучиев улус, Крымская Готия, Солдайя, Токтамыш, Мамай, дипломатические отношения

Для цитирования: Талах В.Н. Татарско-генуэзские договоры 1380 и 1381 года в историческом контексте // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, №. 1. С. 108–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.108-148

Благодарности: автор выражает признательность Р. Хаутала и А. Галенко за высказанные замечания и предложения.

GENOESE-TATAR TREATIES OF 1380 AND 1381 IN THEIR HISTORICAL CONTEXT

V.N. Talakh

Independent scholar

Kyiv, Ukraine

victornikolayevich@gmail.com

Abstract: *Research objective:* An analysis of the provisions and circumstances of the conclusion of the Genoese-Tatar treaties of November 1380 and February 1381.

Research materials: Political, legal, and economic clauses of the agreements of 1380–1381, the available information on the persons who participated in their signing, the circumstances of their conclusion.

Results and novelty of the research: Although the content of both documents is identical, and they differ only in the groups of people who signed them on the Horde's side, the

© Талах В.Н., 2021

author argues here that these are two independent acts. According to the author, both agreements were concluded on behalf of and in the interests of Toqtamış Khan. Based on numismatic data, the dating of the yarliq to Bek Haji, and records in the book of Caffa's Massaria, the author is inclined to an early dating of the establishment of Toqtamış Khan's power in Crimea, namely, before March 1380. The author is of the opinion that the existence of two agreements was in connection with a change of administration in Solkhat (although the details of this are unclear). He also considers highly plausible N. Murzakevich's assumption that the cession to the Genoese of Soldaia district and Crimean Gothia, stipulated by treaties, was a reward for the murder of Mamai which occurred perhaps between 28 November 1380 and 23 January 1381.

Keywords: Genova, Caffa, ulus of Jochi, Crimean Gothia, Soldaia, Toqtamış, Mamai, diplomatic relations

For citation: Talakh V.N. Genoese-Tatar Treaties of 1380 and 1381 in Their Historical Context. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 108–148. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.108-148

Acknowledgments: The author is grateful to R. Hautala and O. Galenko for their comments and suggestions.

Введение

Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю отношений между генуэзцами и Улусом Джучи, а также его преемником, Крымским ханством, их документальных свидетельств осталось очень немного. Поэтому особый интерес представляют два генуэзско-ордынских договора, датированных по мусульманскому летоисчислению 30 шабана и 28 зу-ль-када 782 года хиджры. Первым их упоминает в своём сочинении «Лигурийские письма» (1792 г.) аббат Гаспаре Луиджи Одерико [75, р. 180–181]. Исследователи XIX века ограничивались главным образом краткими комментариями при публикации текстов или в обзорных работах [26, с. 51–53; 67, р. 52–58; 64, в. II, р. 19–22; 76; 6, с. 180–181; 68; 63, р. 171; 4, с. 224–226; 71, р. 205–207; 69], сравнительно подробный анализ положений этих договоров содержится в исследованиях Гёзы Кууна [74, о. 22–49] и Василия Смирнова [49, с. 132–138]. Авторы XX и XXI столетий также, как правило, приводят лишь сжатые характеристики правовых и экономических положений документов [79, р. 177–179; 61, р. 457–459; 65; 48, с. 89–90; 70, р. 124–127; 5, с. 106–107; 28, с. 44; 13, с. 156; 58, с. 191; 57, с. 395; 2, с. 602–603; 73, р. 101–102]. При этом, например, Е.Ч. Скржинская смешивает состав лиц, подписавших разные договоры с ордынской стороны, Ю. Варваровский весьма вольно излагает содержание договоренностей, а Б. Черкас неправильно указывает европейскую дату договора 1380 г. (он, вероятно, считает общепринятую дату 28 ноября григорианской, и потому переводит её в юлианский стиль как 19 ноября, однако, 28 ноября 1380 г. – соответствие 30 шабана 782 г. г. именно по юлианскому стилю). Исторический контекст, в котором появились эти акты, в той или иной степени проанализирован в работах Э. Бассо [62] и В. Чокыльтана [66, р. 230–232], впрочем, довольно бегло. Политическая ситуация в Каффе на момент заключения договоров и непосредственно после этого детально рассмотрена на основе документальных, до того времени системно не изученных, источников А.В. Джановым [14, с. 63–80]. Им же выполнен перевод

документов на основе архивных оригиналов [15, с. 698–708], что позволяет избежать некоторых досадных ошибок, возникавших при использовании публикаций исследователей XIX века. Например, Г. Куун приводит датировочную формулу второго договора как «vinti VII di de lo meyse de sochada» [74, о. 47], в то время как А. Джановым установлено, что в публикации 1873 г. римская цифра идентифицирована ошибочно, и на самом деле дата – 28 Зу-ль-када [15, с. 706–708]. Благодаря публикации А.В. Джанова в значительной степени утрачивает свою актуальность характеристика документов, высказанная А.Л. Пономарёвым: «договор-ярлык, по сию пору неизвестный российским историкам» [37, с. 173].

Обзор содержания. Политические положения

Оба договора являются соглашениями о политическом союзе между Генуэзской Республикой в лице общины Каффы и не названным по имени «императором татар», то есть, ханом Джучиева Улуса. Генуэзцы, находившиеся как в Каффе, так и в других городах, подчиненных Республике Святого Георгия, обещали, что «все будут верными и преданными императору, и его другу друзьями будут, а его недругам недругами будут», более того, договоры содержали особое условие, что генуэзцы «в свои города и в свои крепости не будут принимать недругов императора, ни тех владетелей (в оригинале употреблено слово «bagoyn», которое А. Джанов переводит европеизированным термином «баронов» [15, с. 707]), кто отвратил бы лицо своё от императора». Первая категория императорских неприятелей, «inimixi de lo imperao», по всей видимости, обозначала внешних врагов, в то время как вторая, «queli bagoyn chi vozeran viso de lo imperao» – внутренних, бунтовщиков, мятежников [см.: 49, с. 133]. Кроме того, каффинские руководители брали на себя обязательство предоставлять дипломатическую поддержку хану: они обещали, что «будут возвеличивать имя императора всеми своими силами (А. Джанов переводит: «со всей своей силой»)), как это было во времена прежних императоров» [15, с. 702, 707].

Кто был «императором татар», с которым Генуя заключала этот союз? В. Мыц полагает, что наместник Солхата, подписавший договор 1380 г., мог быть сторонником Мамаю [28, с. 6, 25], следовательно, по крайней мере, первый договор был заключен от имени беклярибека и правителя правобережной Орды. Однако, анализ соглашения исключает такую возможность:

«господин Мамай» (во втором договоре искаженно: «господин Агамай») упомянут в тексте негативно, как лицо, насильно отобравшее у генуэзцев относившиеся к Солдаёе поселения;

во вступительной формуле договора, «во имя Господа да будет так», очевидно угадывается чуть отредактированная исламская тасмия, «во имя Бога Всемилостивого Всемилосердного» («бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим»), которая становится обычной в актах Джучиева Улуса именно со времен Токтамышша, тогда как в акте Мамаю, ярлыке митрополиту Михаилу-Митяю от 27 февраля 1379 г. фигурирует старинная монгольская формула «Вековечного Неба силой и Великой Благодати заступничеством» [19, с. 844];

возможность получения убежища в генуэзских владениях осенью 1380 г. не имела какого-либо смысла для победителя Токтамышша и была очень актуальна для побежденного Мамаю, но он не мог заключать договор против самого себя;

наоборот, именно для Токтамышша, только что овладевшего всем государством Джучидов, практически неизвестного в католическом мире, чьи права на престол считались весьма сомнительными (в Египте, например, его представители распространяли очевидную ложь, что он был сыном Бердибек-хана [52, с. 389]), важно было противодействовать тем, кто «отвращал лицо» от нового хана, и получить международное признание.

Поэтому целиком справедливой и обоснованной представляется точка зрения, высказанная некогда В.Д. Смирновым, что «тут надо разуместь последнего врага и противника Мамаю, Токтамыш-хана, для которого окончательное истребление Мамаю было необходимой гарантией своего дальнейшего неоспоримого властвования во всем Золотоордынском царстве» [49, с. 133].

Однако, был ли на момент заключения договоров Мамай жив? В учетной книге массарии Каффы послы «императора и Мамаю» Инак и Ходжа-Берды дважды (в разделах аспровых и соммовых счетов) упомянуты под 17 марта 1381 г.: «MCCCLXXXI die XVII marcii... Ea die avaria facta per Ayna et Coia Berdi messayguos domini Imperatoris et Mamay de avibus falconibus captis tempore retroactis in Soldaya debet nobis pro dicta massaria assignata per dictos dominum Bernabonem et socium»; «1381 год, 17 марта ... В этот же день, непредвиденные расходы, понесенные на Инака и Ходжу Берды, послов господина императора и Мамаю, из-за птиц соколов, пойманных в прошлые времена в Солдае, наше обязательство перед указанной массарией, переданное от указанного господина Бернабо и его товарища»; «MCCCLXXXI die XVII marcii Avaria facta per Aynam et Coiabardi mesaiguos domini ... imperatoris et Mamai missos in Caffa pro requirendo emendeam de avibus falconibus captis in Soldaya vel precium debet nobis pro massaria assignata per dominum Bernabonem Ricium et socium», «1381, день 17 марта. Непредвиденные расходы, понесенные на Инака и Ходжу-Берды, послов господина императора и Мамаю, отправленных в Каффу, через требование о возмещении за птиц-соколов, пойманных в Солдае, или их цены, наше обязательство перед массарией, переданное от господина Бернабо Риццо и его товарища» [20, с. 175, 230]. На основании этого М. Балар сделал вывод, что в середине марта 1381 г. Мамай еще был жив [61, р. 457–458; 2, с. 602]. В. Чокыльтан рассматривает текст как запись о затратах на приобретение соколов (обычного на средневековом Востоке дипломатического подарка) для послов Мамаю и утверждает, что «дата в записи относится скорее к дате платежа, чем покупки, и что она однозначно указывает, что птицы уже были приняты в качестве подарка людьми Мамаю» [66, р. 233, прим. 355]. А. Джанов, по мнению которого речь идет о возмещении стоимости птиц, украденных у послов, также отмечает, что «датировка 17-м марта 1381 г. счета о возмещении стоимости соколов, украденных в Солдае, послам императора и Мамаю <...> вовсе не означает, что это произошло 17 марта и все упомянутые персонажи были к тому времени живы <...>. Окончание дебетовой записи <...> (т.е. указание на передачу этого незакрытого счета массариями прежней администрации <...> чиновникам, приступившим к обязанностям 11 марта 1381 г.), а также ссылка на начальный баланс массарии, говорит о том, что данные расходы случились в бытность прежней администрации. Они не были погашены массарией Каффы к 17-му марта 1381 г., т.е. к моменту окончательного сведения финального баланса книги массарии 1380 г. и формирования начального баланса новой мас-

сарии» [14, с. 47–48]. Таким образом, запись от 17 марта 1381 г. указывает только, что в консульство Джаноне де Боско имели место дипломатические контакты между Мамаем и генуэзцами, однако, когда именно – источник определить не позволяет. При этом в Каффу посланцы Мамая прибыли не обычным для ордынцев путем через Солхат, а через Солдайю, что может указывать на то, что Солхатом Мамай не владел. Впрочем, политические положения самого договора свидетельствуют о чрезвычайной озабоченности ханского правительства возможностью союза между генуэзцами и неким соперником «императора татар». Наблюдательный В.Д. Смирнов отмечает, что «самый тон выражений договорного акта отличается каким-то заискиванием татар перед франками» [49, с. 133]. Такой потенциальной угрозой на тот момент мог быть лишь Мамай.

За генуэзское расположение Токтамыш готов был расплатиться неслыханно щедрыми территориальными уступками: Генуе передавались 18 селений округа Солдаи и Готия от Солдаи до Чембало, то есть, практически всё крымское Южное побережье.

Еще П.И. Кеппеном было установлено, что указанные 18 селений, вероятно, тождественны селениям позднейшего Судакского кадылыка [20, с. 78]. А. Джанов на основании книги массарии предлагает следующий список: Кози (Коз), Санкти-Ивани (Куру-Узен), Таратаксии (Таракташ), Волли (Ворон), Силле (Шелен), Сдаффо (Дувак), Канека, Арпати (Арпат), Скуто (Ускют), Базалега, Бузульт (Эль-Бузлы), Караичоклак (Кутлак), Дияболло (Туак), Карло, Санкти-Ирини, Карагаичи (Кара-Агач), Парадиксии, Чедер [14, с. 105–106].

В Крымской Готии, расположенной западнее, Е. Скржинская и А. Джанов выделяют следующие административно-территориальные единицы (казалии): Fori (Форос), Chichineo (Кикинеиз), Symeo (Симеиз), Lupicha (Алупка), Muzacori (Мисхор), Oriande (Ореанда), Iallite (Ялта), Sichite (османский Sikite, возможно, современный Никита), Gorzovi (Гурзуф), Partinita (Партенит), Lambade (Малый Маяк), Luste (Алушта) [48, с. 90, прим. 130; 14, с. 121–125].

Впервые округа Солдаи оказались под властью Каффы летом 1365 г.: тогда консул Бартоломео де Якопо, в условиях вторжения на Крымский полуостров орды Мамая и борьбы с ним местных владетелей, захватил Солдайю [75, р. 131; 59, с. 395; 28, с. 41–43; 14, с. 52–54]. В. Мыц не исключает при этом согласованности действий Мамая и генуэзцев [28, с. 42]. Каффинцы владели округой Солдаи, по крайней мере, до зимы 1374/75 г., когда Мамай, перед тем повторно появившийся на Таврическом полуострове, отобрал у них селения, относившиеся к Солдае, кроме собственно города Солдаи [28, с. 43; 14, с. 61–63]. Что касается Готии, то, когда именно она оказалась под властью Генуи – точно неизвестно; возможно, вместе с округой Солдаи. Из книги каффинской массарии за 1374 г., где упоминаются консулы Лусты, Партениты, Горзови и Яллиты [14, с. 152], следует только, что генуэзцы владели ею осенью 1374 г. Между 1375 и 1380 гг. прибрежная Готия, вероятно, была спорной территорией, и договор подтвердил права генуэзцев на неё.

Рис. 1. Генуэзские владения в Крыму в 1381 г.

1. Тарханкутский полуостров. 2. Консульство Чембало. 3. Готия.
4. Консульство Солдайя. 5. Кампанья Каффы. 6. Консульство Воспоро [3, с. 203]

Fig. 1. Genoese possessions in Crimea in 1381.

1. Tarkhankut peninsula. 2. Consulate of Chembalo. 3. Gothia.
4. Consulate of Soldaia. 5. Campania of Caffa. 6. Consulate of Vostporo

Первоначально, в соответствии с договором от ноября 1380 г., в Готии под власть Республики Святого Георгия передавалось только христианское население, но в тексте от февраля 1381 г. это ограничение было снято [см.: 79, р. 178–179; 28, с. 44].

Обзор содержания. Правовые положения

Первым общим правовым положением обоих договоров является обязательство сторон соблюдать их положения: «вопреки этим договоренностям не поступать (букв. «не пойдут против [этих] соглашений» [15, с. 702, 707])».

Другое правовое положение договоров касается размежевания полномочий в сфере судопроизводства между генуэзскими и ордынскими чиновниками. Устанавливалось, что суд над подданными хана, находящимися в Каффе или приходящими туда, будет осуществлять должностное лицо, обозначенное в договоре как *titanus*. Долгое время исследователи отождествляли *titanus*'а договоров 1380/81 гг. с тудуном, татарским должностным лицом, чье присутствие в Каффе засвидетельствовано для 70-х годов XV в. [61, р. 829; 17, с. 26; 28, с. 44]. Однако, как показал А.Л. Пономарёв, в генуэзских документах слово «тудун» записывалось «*Todum*», а не «*titanus*» [35, с. 384]. «*Titanus*» может быть сопоставлен с другим монгольским чиновничьим титулом, упоминаемым в Лаврентьевской, Симеоновской и Воскресенской лето-

писях, а также, вероятно, в ярлыке Мамай Михаилу-Митяю – ти-тям, – происходящим, вероятно, от китайского «ти-дянь», «администратор, инспектор» [42]. Такую возможность допускает, в частности, А.В. Джанов [15, с. 690–691]. В книге каффинской массарии за 1381 г. этот чиновник обычно обозначается «Caihadorus titanus». А.Л. Пономарев читал первое слово как «Качадорус» и предполагал, что это некий армянин Хачатур, в течение ряда лет занимавший соответствующую должность [35, с. 352, 386]. Однако более обоснованным представляется мнение А. Галенко, что в данном случае имеет место латинская транскрипция титула «кетхода-титям» [7, с. 192], «старшина-администратор». Тексты договоров особо обуславливают, что «титаны могут войти в Каффу», «титан войдет в Каффу», то есть на момент подписания, между ноябрем 1380 и февралем 1381 гг., этого должностного лица в городе не было. Между тем, в учетной книге массарии Каффы под 4 мая 1380 г. указано, что наместник Солхата «venit ad viridarium caihadoris titani», «пришёл в сад Кетходы-титяма» [20, с. 202]. Таким образом, либо местонахождение кетходы-титяма весной 1380 г. находилось за пределами Каффы, а в соответствии с договором переносилось в город, либо по каким-то причинам между маем и ноябрём титям покинул Каффу. Одновременно устанавливалась подсудность жителей Каффы генуэзскому консулу.

Особые правила подсудности устанавливались для категории населения, обозначенной как «ханлуки» («khanluchi»). А.-И. Сильвестр де Саси переводил этот термин как «sujet du khan», «подданный хана» [67, р. 58], однако текст договора называет последних «homi de lo imperaao» и отличает от ханлуков. А.Л. Пономарёв на основе анализа книги массарии Каффы за 1381–1382 гг. допускает, что так называлось оседлое население южного берега Крыма, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности [35, с. 384–386]. Из Каффинского устава 1449 г. следует, что подданные хана, жившие на территории, уступленной Ордой генуэзцам (самрагна), управлялись особой «сельской управой» (officium sampranie) из четырёх членов, подчиненной одновременно консулу Каффы и титяму, названному в этом документе «Titanus seu Vicarius Canlucorum», «титям или наместник ханлуков» [60, с. 763, прим. 114; 28, с. 44]. Таким образом, ханлуки – это ханские подданные, жившие на уступленных генуэзцам территориях (сам термин образован от корня han с помощью аффикса -luk, идентификатора существительного во внешней среде [А Галенко, личное сообщение, 2020]). Согласно соглашениям, их подсудность распределялась в зависимости от сторон спора и территориально: согласно договору 1380 г. споры между ханлуками и генуэзцами относились к юрисдикции каффинского консула, в других случаях ханлуков судили титям в Каффе или же наместник Солхата. Договор 1381 г. распространил юрисдикцию консула на все споры, сторонами в которых были генуэзцы и любые ханские подданные.

Обзор содержания. Экономические положения

Экономические положения обоих договоров практически одинаковы. В общем виде их анализ содержится в комментарии к переводу А.В. Джанова [15, с. 689–692].

Договоры устанавливали, что в Каффе размещается ордынская таможня и будет взиматься имперский налог (пошлина) на торговлю (comerho de lo imperaao) «согласно изначальному обычаю». Из ярлыков Джанибека венеци-

анцам известно, что «императорский коммеркий» («хан тамгасы») первоначально составлял 3 процента стоимости проданного товара, с 1347 г. был повышен до 5 процентов, для невыделанных шкур мелкого и крупного рогатого скота применялась фиксированная ставка в 40 и 50 аспров за сотню; драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро от этого налога освобождались [11, с. 19–22]. В Каффе во второй половине XIV в. коммеркий в пользу общины составлял 1 процент стоимости всякого ввезенного или вывезенного товара: вместе с тем, к товарам, происходившим из Ликостомо (Килии), которая находилась на территории недружественного генуэзцам князя Добротицы, применялась 3-процентная ставка [61, р. 408–409].

Стороны проявляли заинтересованность в развитии торговли, в связи с чем ордынская сторона обещала: «все прибывающие и отбывающие купцы да будут в безопасности в землях императора, и относительно их не будут устанавливаться новые обычаи». Кажется, практика двадцатилетней «великой замятни» 1360–1380 гг., когда новая власть устанавливала для иноземных купцов новые правила, раздражала итальянских коммерсантов, и они особо потребовали защиты от неё.

Отдельное положение договоров предусматривает право генуэзцев либо тех, кто им подчинен, производить на землях хана посевы и выпас скота, при этом, за пользование ордынскими пастбищами и землями следовало платить особый налог, амбар (о его характере см.: [15, с. 692]. А. Галенко полагает, что это может быть искаженное обозначение монгольского налога на овец, *alban* [А. Галенко, личное сообщение, 2020]). Стоит отметить, что зеркальное правило существовало по поводу использования генуэзских угодий ханскими подданными: по данным каффинской массарии за 1374 г. ежегодная плата ханлуков за пользование пастбищами генуэзцев составляла 4000 аспров [35, с. 385].

Наконец, договоры специально урегулировали размер вознаграждения за поимку беглых рабов (из чего можно сделать вывод, что их побег были достаточно распространены): она не могла превышать довольно умеренной суммы в 35 аспров.

Договор 1380 г. Генуэзская делегация

а. Главным представителем Генуэзской Республики во время подписания договора выступал Джаноне да Боско, названный «консулом Каффы и всех генуэзцев в империи Газарии (то есть Джучиевом улусе), в ней живущих». По данным А. Пономарёва, он занял должность в ноябре 1379 г. [35, с. 323]. Таким образом, де Боско был назначен дожем Никколо Гуарко в условиях острого конфликта между Генуей и Венецией, так называемой «Кьоджинской войны». Незадолго до вероятного отъезда де Боско в Таврику, 16 августа 1379 г. генуэзцы и их союзники одержали значительную победу: овладели крепостью Кьоджа, закрывавшей вход в Венецианскую лагуну. Однако в декабре–январе положение генуэзцев существенно ухудшилось. Вероятно, в связи с этим из Каффы на помощь метрополии были отправлены две галей с экипажами общей численностью около 150 человек [35, с. 23, 383]. Одну из них снарядил Джоанне Фереихо, а другую – Паоло де Реца [20, с. 175, 184, 201, 220, 233, 236]. В связи с Кьоджинской войной в Каффе даже был введен чрезвычайный налог на движимое имущество некаатоликов (мусульман, армян, греков и евреев), так называемый котум (*cotumum*) [61, р. 403].

Несмотря на отдельные успехи, боевые действия в первой половине 1380 г. были в целом неудачны для Генуи, и 24 июня генуэзский отряд в Кьодже сдался. После этого, во второй половине 1380 г. продолжались вооруженные стычки на море, которые не принесли решающего успеха ни одной из сторон, но существенно мешали судоплаванию обеих итальянских морских республик, в частности, не позволили своевременно прибыть в Каффу преемнику Де Боско.

Известно, что в консулат Боско в Каффе велось строительство: так, им были возведены два моста, «мясников» и Святого Антония [35, с. 394].

В отношениях с ордынцами Джаноне де Боско поддерживал контакты с разными сторонами гражданской войны в Джучиевом улусе. С одной стороны, в мае 1380 г. происходит обмен визитами между чиновниками каффинской администрации и солхатским начальством, представлявшим, вероятно всего, Токтамышша [14, с. 63–65]. Вместе с тем, во время его консулата в Каффу прибывают послы Мамай [14, с. 175, 230].

Каффинским консулатом административно-дипломатическая карьера Де Боско не завершилась: в дальнейшем он выступает в качестве одного из послов и уполномоченных (*ambassadors et procuratores*) дожа Антониотто Адорно, направленных с большой дипломатической миссией в Причерноморье. В Пере, пригороде Константинополя, они подписывают 27 мая 1387 г. соглашение с Иванком, сыном Добротицы, деспотом Восточной Болгарии, завершившее длительный вооруженный конфликт генуэзцев с этим княжеством, 8 июня в Малагине (Малая Азия) – с османским султаном Мурадом I [67, р. 59, 61, 65, 70], а 12 августа того же года участвуют в подписании нового договора с ордынцами в Солхате. Эта система договоров на определенное время обезопасила генуэзские владения на Черном море, но, с другой стороны, развязала османам руки для решительного наступления на Сербию и окончательного подчинения Балкан.

6. Наряду с консулом с генуэзской стороны договор подписали Бернабо Рисо (или Риццо) и Терамо Пикинотто, названные «синдики и массарии общины Каффы». Звание синдигов указывает, что Риццо и Пикинотто были членами совета при консуле. В конце XIV в. он состоял из 6 человек и решал финансовые дела, осуществлял правосудие, представлял Генуэзскую Республику во внешних сношениях [61, р. 370–371].

Важнее, что Риццо и Пикинотто были массариями, то есть лицами, в чьем ведении находилась каффинская массария (казначейство), и контролировали финансовую жизнь колонии. Старшим из них выступает Бернабо Риццо, в книгах массарии всегда упоминаемый по имени, тогда как Пикинотто обозначается описательно «товарищ» (*socius*). Риццо и Пикинотто прибыли в Каффу вместе с де Боско и осуществляли полномочия до 16 марта 1381 г. Кроме того, Пикинотто был членом управы по делам греков (*officium super rebus grecorum*) [35, с. 322, прим. 15].

в. Среди свидетелей с генуэзской стороны первым указан Лючио де Литурффи. Лючио (или, чаще, Лючано) де Литурффи был значительным лицом, одним из двоих (наряду с Абрано де Джентиле) каффинских банкиров, через банки которых массария осуществляла операции. Кроме того, он часто привлекался к выполнению дипломатических миссий. В частности, Литурффи финансировал поездки каффинских посланцев в Солхат в 1374 г., посещал

Солхат в январе и марте 1382 г. [14, с. 57, 79–80]. Помимо этого, в первой половине 1382 г. Литурффи входил в число управителей Готии [14, с. 92].

г. Другой свидетель с генуэзской стороны – Марко Спинола, представитель известного лигурийского дворянского рода. Он также выступает в качестве кредитора дипломатических мероприятий каффинской общины, вместе с Литурффи участвует в посольстве в Солхат в марте 1382 г. [14, с. 71; 80]. Одновременно в документах упоминаются Якобо Спинола, капитан Каффинской крепости, и также один из управляющих Готии, Джорджо Спинола, судовладелец, и Оберто Спинола, вероятно, родственники Марко [20, с. 185, 194, 198, 203–206, 209, 220, 224, 228].

д. Третий свидетель с каффинской стороны – Раффе (Рафаеле) де Фачо – являлся сборщиком императорского коммеркия, налога, собиравшегося в Каффе в пользу хана. В документах каффинской массарии упомянут: «Comerihium Imperii Gazarie collectum in Caffa per Raffaelem de Facio et Iohannem Ususmaris», «торговый налог империи Газарии, собранный в Каффе Рафаеле де Фачо и Джованни Узо ди Маре» [20, с. 187]. Из записи в книге массарии от 20 июня 1381 г. вытекает, что он и его товарищ были сборщиками торгового налога с ханлуков в 1380–1381 гг: «Raffael de Facio et Iohannes Ususmaris collectores comerihii canlucorum collectum in Caffa anni preteriti et presentis» [20, с. 224], «Рафаеле де Фачо и Джованни Узо ди Маре, сборщики торгового налога с ханлуков, собранного в Каффе в предыдущий год и в текущем».

е. Четвертый свидетель-генуэзец, упомянутый в договоре – Джоанне ди Камольи (Камулио). Под 1375 г. он неоднократно упомянут как сабарбарий (sabarbarius), должностное лицо, надзиравшее за арсеналом и вооружением, а также ведавшее строительными работами в городе [14, с. 155, 156, 159, 163, 168]. В том же году он покупает рабов [14, с. 161]. В мае 1380 г. Ди Камольи «по общественным делам» посетил Солхат, где встретился с Сарычи и еще одним из «господ Солхата» («alius dominum Sorchati») Сарычи [20, с. 202]. К тому времени Ди Камольи продвинулся по службе и под февралем и апрелем 1381 г. назван в документах массарии «наместник приморской Готии» или «наместник побережья Готии со стороны моря» («Iohannes de Camullio vicarius marine Gotie»; «Iohanne de Camullio vicario ripperie Gotie de verssus marinam»), эту должность он занимал, по меньшей мере, до середины февраля следующего года [20, с. 217]. В дальнейшем, в том же 1382 г., Камольи получил второй по значению в Генуэзской Газарии пост консула Солдайи [64, v. II, p. 335].

ж. В качестве переводчика консула в тексте упомянут Джованни Риццо (возможно, родственник массария Бернабо Риццо). «Джоане Риццо, толмач» («Iohannus Ricius torcimanus»), неоднократно упоминается в книге массарии как получатель платы от каффинской администрации, в том числе в связи с поездками в Солхат в 1381–1382 гг. [20, с. 196, 199, 201, 203, 206, 209, 213].

Договор 1380 г. Ордынская делегация

а. Главным лицом, подписавшим договор ноября 1380 г. с ордынской стороны, был наместник Солхата «Черкас-господин» (Jharcasso segno). К удивлению читателя, через несколько строк тот же человек называется совершенно по-другому: «господин Зихо/Сихо» (segno Zicho). А.-И. Сильвестр

де Саси предположил, что «Zicho» – это искаженное арабское «Cheïkh», «старейшина, уважаемый мужчина», особенно, человек, авторитетный в вопросах вероучения [67, р. 56–57]. Ту же точку зрения поддерживают В.Д. Смирнов и В. Гейд [49, с. 134–135; 71, р. 207]. Однако в самом тексте договора и в книге массарии Каффы имя «Шейх-Хасан» транскрибировано латиницей как «Sichassam» или «Sicassam» [14, с. 61, прим. 55], что исключает тождество термина «шейх» с Zicho [А. Галенко, личное сообщение, 2020]. В. Мыщ и М. Балар полагают, что Jharcas Zico (Яркас Зихо) – двойное имя [27, с. 108; 2, с. 603], чьи первая и вторая части могли употребляться отдельно. Ф.К. Брун высказал мнение, что «Zicho» – не что иное, как перевод этнонима «Черкес», довольно распространенного в ордынском ономастике в качестве личного имени [4, с. 224]. Такое же предположение А.П. Григорьев сделал относительно ордынского правителя Таны-Азака, в 1342 и 1346 гг. упомянутого в венецианских документах на латыни как «Siechus»: «Переводчик ярлыка Джанибека с тюркского языка на латинский видел перед собой имя Черкес, которое сразу ассоциировалось у него с одноименным названием территории Северного Кавказа – Черкесией. В то же время общепринятым обозначением этого региона служил термин Зихия. Таким образом и Черкес подлинного текста ярлыка превратился при его переводе в Зиха. Не исключено также, что здесь мы имеем дело не просто с механическим переводом слова, а с итальянской передачей имени Черкес в архаической форме Зих, традиционно закрепленной у них за этим именем» [11, с. 49]. Решающими оказываются записи в книге массарии Каффы за 1386–1387 гг., где упомянут «господин Зихии» («dominis de Zichia»), названный в другом месте «Теорт-Бога Зих, светлейший господин тумена» («Teorto Bogha Zicho serenissimo domino de tomano») [14, с. 97, прим. 142]. Таким образом, «Зих» – обозначение, взаимозаменяемое с «черкес».

Первое упоминание Черкаса в Крыму относится к 4 мая 1380 г., когда он во время посещения кетходь-титяма получил угощение, «tenerunt coppa alius Iharcasso domino Sorchati quando venit ad viridarium caihadoris titani» («поднесли чашу еще Черкасу, господину Солхата, когда он пришел в сад кетходь-титана») [20, с. 202; 14, с. 64]. Если считать, что до осени 1380 г. Крым находился под контролем Мамаю, следует сделать вывод, что первоначально Черкас был назначенцем беклярибека, а после его падения перешел на сторону Токтамышя, сохранившего его на должности; если же признать установление власти Токтамышя в Крыму не позже начала весны 1380 г., Черкас оказывается последовательным сторонником последнего.

б. Другим лицом, засвидетельствовавшим договор с татарской стороны, был «посол императора» (очевидно, тот самый, кто прибыл с ханским посланием, подтвержденным пайцзой). Его имя может быть Омар-Ходжа, или Кочкельды Омар-ходжа, где первая часть – тюркская (букв. «хорошо/к месту прибывший»), а вторая – мусульманская, арабо-персидская.

в. Еще один участник подписания договора (названный первым из свидетелей) – Акбуга-бек (в генуэзских документах на итальянском и латыни его титул записывается «beu», «бей», однако в Джучиевом Улусе, где говорили на тюркских языках кыпчакской группы, он должен был произноситься «bek», «бек»; вероятно, генуэзцы писали его так, как впервые услышали в регионах распространения тюркских языков огузской группы в Малой Азии;

в дальнейшем автором используется оригинальный кыпчакский вариант). Отец Акбуги в оригинальном тексте назван латинизированным именем «*Allexandro bey*». Трудно сказать, имеет ли здесь место европеизированная запись имени «Искандер-бек», или отец Акбуги принадлежал к ордынским христианам. Сам Акбуга известен из материалов каффинской массарии за 1374–1375 гг.: после того, как летом или осенью 1374 г. Мамай со своей ордой разместился в Крыму, в течение 1374/75 гг. генуэзцы несколько раз отправляли посольства в Солхат для встреч с самим беклярибеком, его марионеточным ханом Мехмедом-Булаком, «господином Солхата» Хаджи-Мехмедом и, среди прочих, с Акбугой [36, с. 118]. Итак, некоторое время Акбуга принадлежал к окружению Мамай, однако, по состоянию на осень 1380 г., перешёл на сторону Токтамыш. В мае и июле 1381 г. и в марте 1382 г. его послам за счет каффинского казначейства были вручены подарки (правда, довольно скромные) [20, с. 203, 211, 214]. Под 3 июля 1381 г. Акбуга назван «господином округа Илличе» (*domini contractibus Illicis*), то есть окрестностей генуэзского замка Илличе-Леричи в устье Днепра [20, с. 203; 73, р. 137]. В начале правления Токтамыша значительную роль в Золотой Орде играл Акбуга-баарын, чей улус в 1389 г. находился на нижнем Дону [46, с. 29]. Возможно, Акбуга получил его от Токтамыша вместо или в дополнение к своему днепровскому уделу.

г. Третий из свидетелей с ордынской стороны, Токолуш-бек, сын Хаджимаш-бека, ближе неизвестен. Титулование свидетельствует, что он возглавлял тумен.

д. Четвертым свидетелем назван Маулана Мохаррам. Титул «маулана», «учитель, наставник» указывает на принадлежность к мусульманскому духовенству. Статус Мауланы Мохаррама может быть истолкован двояко: если читать «посол господина», это, вероятно, указывает, что он являлся личным представителем правителя Солхата. Однако, соответствующий текст может быть прочитан также «посол господина Кочкельды», то есть, какого-то вельможи из ханского окружения (например, беклярибека либо везира); впрочем, так как состав двора Токтамыша осени 1380 г. неизвестен, понимание записи остается неопределенным.

е. Упомянутый последним из свидетелей договора 30 шабана 782 г.х. Конакбек/Конакбай (*Conachbey*) оказался героем определенного историографического курьёза. В тексте, в конце списка свидетелей указано: «*Omarcoia messo de lo Imperao Conachbey*» [15, с. 701; 67, р. 55]. Начиная с А.-И. Сильвестра де Саси, слова «*messo de lo Imperao*» («посол императора») относили к Омар-Ходже, а запись «*Conachbey*» рассматривали как имя еще одного, пятого свидетеля: «Омар-Ходжа, посол императора; Конакбей». А.Л. Пономарёв по своему усмотрению расставил отсутствующие в оригинале знаки препинания, в результате чего вышло: «Омар-Ходжа, посол императора Конакбея» [37, с. 173]. Существование такого претендента на ханскую власть признают «Православная энциклопедия» [39], В. Мыц [28, с. 6, 25], М. Балар [2, с. 603] и А. Джанов [14, с. 68–69; 15, с. 683–685]. Однако: четыре раза в предыдущем тексте документа указание на статус лица идёт после личного имени: «*Janū da Bosco, consoro de Caffa*», «*Messe Bernabo Riço, Theramo Pichinoto, sindichi e massay*», «*Zoanne Riço, torciman de Caffa*», «*Molana Mocharram, messo de lo segno*», – и ни единого раза не предшествует

ему. В договоре 1387 г., где личное имя хана указано, оно стоит перед титулом «император»: «inclito et excelso Domino Domino Тoctamis Imperatore dignissimo Tartarorum» [67, р. 62; 74, о. 50]. А.В. Джанов, впрочем, приводит в защиту гипотезы А. Пономарева наблюдения над венецианскими переводами ордынских ярлыков 1347 и 1358 гг., в которых титул «imperator» употреблен перед именем хана: «allo imperador grande Usbeccho», «lo Imperador Usbech; lo imperador Zanibech; lo imperador Berdibech»; но, как внимательный аналитик текстов не может не отметить, что «в таком порядке, когда личное имя предшествует титулу, или вовсе без личного имени, “хан татар” упоминается в подавляющем большинстве генуэзских документов» [15, с. 683–684]. Анализируемый нами документ – генуэзский, и в нем титулы следуют после имен. Из того, что текст можно читать определённым образом, отнюдь не следует, что его должно так читать;

в случае, когда в генуэзско-татарском договоре несомненно упомянуто имя хана (августовский договор 1387 г.), оно приведено во вступительной части; странно, что в нарушение этого формулярного порядка в договоре от ноября 1380 г. во вступительной части оно отсутствует, зато будто бы приведено в перечне свидетелей в самом конце документа;

ни в одном другом источнике, письменном, эпиграфическом или нумизматическом «хан Кунакбей» не упоминается;

в акте генуэзского нотариуса из Килии Антонио да Понцо от 21 февраля 1361 г. упомянут тысячник «Конакобей» (Conacobeu) (точнее, работорговец «татарин Темир из тысячи Конакобея, из сотни Келогии, из десятка Ходжимая», «Themir tartarus de miliario de Conachobei de centenario Cheloghi de decena Cogimai») [77, р. 22] (чтение записи «Conacobeu» как «Кочубей» невозможно). Имя «Кунакбей» не принадлежит к распространенным в ордынском ономастике, поэтому В. Гулевич весьма обоснованно считает возможным отождествить его со свидетелем договора от ноября 1380 г. [13, с. 146]. Однако тысячник не мог принадлежать к роду Чингиз-хана, а нечингизид в XIV веке не мог быть ханом;

если договор 28 ноября 1380 г. был заключен с эфемерным претендентом, непонятно, с какой целью список с него был снят в 1383 г., когда сувереном Джучиева Улуса был Токтамыш.

Таким образом, на самом деле Кунакбек/Кунакбай был средней руки ордынским владельцем, имевшим кочевья где-то недалеко от Дуная.

Присутствие в Крыму в ноябре 1380 г. по крайней мере двух военачальников (Акбуги и Кунакбека/Кунакбая), имевших владения вне Крыма, кажется, указывает на предполагавшиеся на полуострове военные действия против неких недругов хана.

ж. Участие татарских свидетелей подтвердил писец Шейх-Хасан. В книге каффинской массарии он назван сыном Хаджи-Мехмета, одного из солхатских сановников времен Мамай, на момент заключения договора уже покойного, при этом, за какие-то услуги генуэзцам в ноябре 1381 г. ему была сделана ранее обещанная выплата из каффинского казначейства [20, с. 177, 236].

Договор 1380 г. Обстоятельства подписания: общеполитическое положение

Несмотря на то, что Куликовская битва будто бы подробно освещена источниками, события в Золотой Орде непосредственно до и после неё, не очень хорошо известны. Русские летописи для времени между походом Мама на Рязань осенью 1378 г. и рассказом о Куликовской битве сосредоточены на событиях вокруг замещения митрополичьей кафедры («смута в митрополии») и конфликте с Литвой; сведения из работы другого современника событий, арабского историка Ибн Халдуна (его сочинение в соответствующей части создано между 1395 и 1406 гг.), очень фрагментарны и взяты «из вторых рук»; более-менее подробные сообщения тимуридских историков XV в. заканчиваются установлением власти Токтамыша в Левобережной Орде; труд хорезмийца Утемиша-хаджи был создан через 170 лет после событий и очевидно использует предания. На основании имеющихся ограниченных данных можно следующим образом реконструировать основные моменты произошедших событий.

Согласно Шами (которого повторяет Йазди), после победы зимой 780 г.х. (апрель 1378 – апрель 1379 гг.) над ханом Кок-Орды Тимур-Меликом и зимовки в Сыгнаке, Токтамыш весной выступил в поход на запад [45, с. 108–109]. При этом текст не даёт оснований полагать, что зимовка относится к следующему году хиджры, то есть поход начался весной 1379 г.

Согласно Утемишу-хаджи, Токтамыш после неудачной попытки привлечь на свою сторону правителя Шибанова улуса Каганбая и дружественной встречи с другим шибанидом, Араб-огланом (Арабшахом), отправился в Сарай ал-Джадид: «В городе Сарая не было ни хана, ни султана. Пришел, взял Сарай и в мечети Азине на свое имя прочитал хутбу и стал ханом» [54, с. 58–59; ср.: 53, с. 117–118]. Ибн Халдун пишет, что Токтамыш отобрал город у неких «управителей Урусхана» [52, с. 391].

Монеты с датой 781 г.х. и именем Токтамыша, битые в волжском Сарая, Гюлистане и Азаке [9, с. 39–40, 41; 44, с. 3, 50; 24, с. 44; 54, с. 109], позволяют предположить, что его власть была признана в Среднем Поволжье и Приазовье не позже 6 апреля 1380 г. Впрочем, высказываются мнения, что в этих случаях монеты могли чеканиться в 782 г.х. (апрель 1380 – март 1381 г.), но штемпелями с датами предыдущего года [8; 47]. Однако из наблюдения, что «в джучидской нумизматике наблюдаются случаи, когда лицевая сторона с именем хана не соотносится с оборотной стороной с годом и местом чекана» [47, с. 270], вовсе не следует, что такое явление имело место именно в рассматриваемых случаях: это лишь одна из возможностей, требующая обоснований.

Спорным является вопрос о времени признания нового хана в Крыму. Известны чеканенные там монеты Токтамыша с датой 781 г.х. [55, с. 251; 24, с. 44, 57; 22, с. 11, 18]. Достоверность указанной даты также подвергается сомнению [8, с. 60; 47, с. 270], хотя главным доводом в пользу несоответствия приведенной на монете датировки фактическому времени её выпуска оказываются общие соображения, что установление власти нового хана в Крыму должно было произойти после поражения Мама на Куликовом поле; но это тезис, который сам по себе является предположением. На самом деле, летописное сказание «О великомъ побоищи, иже на Дону» вовсе не говорит, что Токтамыш пересек Волгу после Куликовской битвы. Оно сообщает толь-

ко, что противником Мамае («идеть на него») в это время оказался «нѣкий цар со востока именем Токтамышъ изъ Синее Орды» [33, стб. 141; 40, с. 420]; факт происхождения Токтамыша из Кок-Орды, как и её нахождения к востоку от «эля Мамака», датировке его признания в Сарае, Азаке и Солхате до апреля 1380 г. не противоречит.

Дополнительным аргументом в пользу сохранения власти Мамае в Крыму до сентября 1380 г. может быть сообщение летописи, что для похода на Москву летом 1380 г. Мамай «рати понаимовавъ, фрязы и черкасы и ясы» [33, стб. 139]; ведь основные итальянские колонии находились на Таврическом полуострове. Однако известие летописной повести об участии итальянцев в Куликовской битве является историографической легендой, противоречащей реальной политической обстановке (1380 год – разгар Къоджинской войны между Венецией и Генуей, а другие итальянские государства владений на Черном море не имели). По всей видимости, это литературный приём, призванный подчеркнуть размах мамаева предприятия.

В записи книге массарии за июнь 1381 г. упомянуты сборщики торгового налога с ханлуков, «сбранного в Каффе в предыдущий год и в текущем, а именно, по усмотрению господина Мамае до наступления господства господина Сарычи, в то время господина Солхата» («collectores comerihii canlucorum collectum in Caffa anni preteriti et presentis videlicet a districtionem domini Mamay usque ad adventum dominationis domini Sarihi tunc domini Sorchati» [21, с. 224]). Это известие можно понимать как указание на то, что Мамай владел Крымом по крайней мере часть 1380 г. Однако, «усмотрение господина Мамае» можно понимать и как некие правила, порядок сбора налога (в том числе в части персоналий сборщиков), некогда (неизвестно, когда) установленные Мамаем. В любом случае этого «усмотрения» перестали придерживаться после вступления в должность «господина Сарычи», что произошло не позже мая 1380 г., когда один из каффинских чиновников, Джоанне де Камольи, встречался с Сарычи в Солхате: «die XVII madii pro Agimamet sarraceno et sunt pro emenda unius equi capti per Iohannem de Camulio occaxione eundi pro negociis comunis in Sorchati ad dominum Sarihi alius dominum Sorchati et quo decessit», «день 17 мая, для Хаджи-Мехмета, сарацина, и это (деньги) за покупку одного коня, взятого Джоанне де Камольи по случаю поездки по общественным делам в Солхат к господину Сарычи, и еще к господину Солхата, и который умер» [21, с. 202] (о годе события см.: [14, с. 64–65]; он определяется на основании вступительной заметки, что речь идет об «expense facte tempore massarie domini Bernabonis Ricii et socii consulatus domini Ianoni de Bosco», «расходах, понесенных во времена массарии господина Бернабо Риццо с товарищем в консульство Джаноне де Боско» [21, с. 201]). Это может означать только, что в мае 1380 г. Мамай Крымом уже не владел.

Решающим доводом является датировка тарханного ярлыка Токтамыша, выданного Бек-Хаджи на Сюткёльский эль в Крыму. В оригинале датировочная формула состоит из арабского текста *samanuna wa sab'umy'a*, «восьмидесятый и семисотый», то есть, 780 г.х., и тюркского *Bicin jil qilindi*, «в год Обезьяны совершено» [12, с. 84–85]. Однако 24 зу-ль-када 780 г.х. не соответствует году Обезьяны, ибо приходится на 14 февраля 1379 г., а год Обезьяны начался 6 февраля 1380 г.

При этом, как установил А.П. Григорьев, оригинальная дата ярлыка не сохранилась (соответствующая часть листа оторвана), а была продублирована позднейшим переписчиком другим почерком [12, с. 83]. Исследователь целиком обоснованно высказал мнение, что в распоряжении переписчика был не полный первичный текст датировочной формулы, а фрагмент с утраченным указанием числа лет, однако, без объяснений (соображения по поводу того, что чиновники ханской канцелярии не знали, в каком году по «звериному циклу» живут, и потому могли датировать документ предыдущим, не могут быть признаны обоснованными) отдал предпочтение реконструированной дате 78[2] г.х., что для 24 зу-ль-када даёт 19 февраля 1381 г., то есть, год Курицы, начавшийся 26 января 1381 г. [12, с. 86]. В действительности практически единственным возможным восстановлением датировочной формулы тарханного ярлыка Токтамыш Бек-Хаджи является 24 зу-ль-када 781 г.х., год Обезьяны, юлианское 2 марта 1380 г. [29, с. 116; 18, с. 31]. Правда, можно предположить, что во время перенесения датировочной формулы с оторванного края листа переписчик не только пропустил число лет, но и неправильно скопировал указание на количество десятилетий, записавши «80» вместо «90». В таком случае ярлык был выдан в год Обезьяны, 24 зу-ль-када 794 г.х., 12 октября 1392 г. [57, с. 72–73]. Однако такое толкование очевидно менее обоснованно (перепутать написанные арабскими буквами числительные ثمانون, θmanwn [«восемьдесят»] и تسعين, tisein [«девяносто»], сложно, если только от слова не остались лишь первая и последняя буквы).

Наместником Крыма с титулом главы «Кырымского тумена даруг и беков» в ярлыке Бек-Хаджи назван Кутлуг-Буга. Если в марте 1380 г. Кутлуг-Буга был крымским правителем, то не позже начала мая он был отозван из Крыма (4 мая «господином Солхата» уже был Черкас). После событий на Калках Кутлуг-Буги на полуострове не было. Причину его отсутствия там осенью 1380 и зимой 1380/81 г., кажется, объясняет письмо Токтамыша Ягайлу от 20 мая 1393 г., в котором хан, между прочим, напоминает, что «мы уже посылали послов, из которых главные были Кутлу-Буга и Хасан, дать знать о нашем восхождении на Великое Место» [50, с. 237]. Таким образом, в то время Кутлуг-Буга выполнял важную и одновременно деликатную дипломатическую миссию: сообщить Ягайлу Ольгердовичу о падении его бывшего союзника Мамаю и склонить к сотрудничеству с новым владыкой Джучиева улуса [4, с. 224–225].

Итак, источники позволяют допустить, что весной 1380 р. власть Токтамыша распространялась на земли Джучиева Улуса восточнее Волги, а к Западу – на Нижний Дон, Приазовье и Крым. Ставка самого хана, как следует из ярлыка Бек-Хаджи, находилась в то время на Дону (Tan urtubada q'irda, «на Дону среди степи» [12, с. 81–82]). Донские земли оставались центром владений Токтамыша по крайней мере до лета 1381 г.: в каффинской «Книге массарии» под 30 марта, 26 июня и 18 июля этого года он назван «господин император Таны» (*domini imperatoris Tane*), «император татар Таны» (*imperatoris tartarorum Tane*) [21, с. 198, 199, 201]. Подконтрольная Мамаю территория ограничилась только средним и северной частью нижнего Поднепровья, частью среднего и верхнего Подонья, а также правобережьем средней Волги. Неизвестно, подчинялись ли ему причерноморские земли между Днестром и Дунаем.

Рис. 2. Предполагаемые изменения границ владений Токтамыша в 1379–1380 гг.

Fig. 2. Estimated changes in the boundaries of the Toqtamish's possessions in 1379–1380

Некоторые данные указывают, что Мамай между апрелем и августом 1380 г. попытался взять реванш. Имеются немногочисленные монеты, чеканенные от имени подставного мамаева хана Туляка (Бюлека) в 782 г.х. в Хаджитархане [56, с. 16–17, 105]. Мамай из Поднепровья не мог овладеть Хаджитарханом, не прорвав коридор токтамышевых земель между Волгой и Приазовьем, так что Токтамыш на Дону оказался отрезанным от своих владений восточнее Волги. Если считать достоверными сведения о вербовке Мамаем для московского похода также народов Северного Кавказа, адыгов (черкесов) и осетин (ясов), можно допустить, что наряду с Хаджитарханом к лету 1380 г. он восстановил контроль над Маджаром. Вероятно, успехом Мамай воспользовался Арабшах, на некоторое время вновь занявший Сарай и выпустивший там монету с датой 782 г.х. [56, с. 76; 44, с. 42]. Неясно, впрочем, действовал ли Арабшах согласованно с Мамаем или воспользовался положением в собственных интересах (в действительности неизвестно, Мамай ли сначала занял Хаджитархан, или Арабшах – Сарай). А. Григорьев в своё время утверждал, что «в 782 г. х. пребывание в Новом Сарае Арабшаха или отвоевание им этого города у Токтамыша представляется делом невозможным» [9, с. 40], но никаких аргументов, кроме упоминания о предыдущих успехах Токтамыша, исследователь не привел. Помимо Поволжья, Токтамыш утратил и земли на Сырдарье: в Сыгнаке-Сарае в 782 г.х. начинает чеканить монету некий Кунче-хан [41, с. 90–92].

Очевидно, что еще до конца 782 г.х. Токтамыш овладел Хаджитарханом и вернул себе Сарай, так как этим годом обозначены по крайней мере пять

его монетных серий, битых в Сарае, и две, выпущенные в Хаджитархане [44, с. 47–48, 50; 56, с. 109–115, 205–206]. Впрочем, имеющиеся источники не позволяют точно определить, произошло ли это после Куликовской битвы или до неё. Ю. Селезнёв обоснованно замечает, что «во второй половине августа [1380 г. – *В.Т.*] Мамай три недели кочует в устье р. Воронеж <...>, опаздывая к месту объединения союзных войск у р. Оки более чем на 8 дней. Только военная опасность со стороны претендента, занявшего сарайский престол (Токтамыш), могла заставить темника тянуть с броском на север» [47, с. 269]. Однако из этого вовсе не следует, что именно тогда Токтамыш занял Сарай ал-Джадид, тем более, что позиция на Дону в устье Воронежа прикрывала от наступления неприятеля не только с востока, с Волги, но и с юга, со среднего и нижнего Дона. Указание ранней редакции «Сказания о Мамаевом побоище», что Токтамыш «шедь сѣде на царствѣ Волжскомъ» уже после Куликова поля и событий на Калках [37, стб. 141], свидетельствует в пользу предположения, что он повторно овладел Сараем осенью 1380 г. В полной версии сочинения Утемиш-хаджи сообщение о занятии Токтамышем Сарая приводится дважды, до и после известия о гибели Мамае [54, с. 58–59], хотя совпадение деталей заставляет подозревать, что это «удвоение» одного события вследствие неудачной компиляции.

Общеизвестно, что после 9 сентября 1380 г. произошло прямое столкновение Мамае с Токтамышем, закончившееся для беклярибека политической катастрофой. Русское сказание «О великомъ побоищи, иже на Дону» сообщает: «Тогда же Мамаи не во мнозе утече съ Доньского побоища и прибѣже въ свою землю въ малѣ дружинѣ, видя себе бита и бѣжавша и посрамлена и поругана, паки гнѣвашся, неистоваяся, яряся и съмущащся, и собраша останочную свою силу, еще въсхотѣ ити изгономъ паки на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю Русскую землю. Сие же ему умыслышу и се прииде ему вѣсть, что идетъ на него нѣкый царь со востока именем Токтамышъ изъ Синее Орды. Мамаи же, уготовалъ на ны рать, съ тою ратию готовою поиде противу его, и срѣтошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, сшедше с коней своихъ, и биша челомъ царю Токтамышу и даша ему правду по своей вѣрѣ, и пища къ нему роту, и яшася на него, а Мамае оставиша, яко поругана» [33, стб. 141; 40, с. 420–421].

В. Чокыльтан считает, что измена эмиров Мамаю произошла между подписанием первого и второго татарско-генуэзских договоров [66, р. 232, прим. 353], но политические положения первого договора делают ударение на недопустимости предоставления убежища в генуэзских владениях «врагам императора», что стало актуальным после падения власти Мамае, и не ранее. Кроме того, русские летописи указывают, что осенью 1380 г. после захвата ставки Мамае Токтамыш «отътуду послы своя отъпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всѣмъ князѣмъ Русскимъ, повѣдая имъ свои приходъ и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамае побѣди», а в ответ Дмитрий Московский «отъпустилъ въ Орду своихъ киличевъ Толбугу да Мокшѣ къ новому царю съ дары и съ поминки» [33, стб. 141, 142] (Никоновская летопись даже приводит точную дату, 29 октября 1380 г. [32, с. 69], хотя источники этой амплификации неясны).

Локализация места встречи войск Токтамыша и Мамае неизвестна: по мнению В.Г. Ляскоронского [23, с. 84–89], это случилось на реке Кильчень

(ныне Новомосковский район Днепропетровской области); В.Н. Татищев (а за ним Н.М. Карамзин и М.С. Соловьёв) считал, что на Кальчике, притоке Кальмиуса.

Весьма вероятно, что на момент Куликовской битвы Токтамыш находился в районе Азака. Между Куликовым полем (современный Куркинский или Воловский район Тульской области) и Азовом приблизительно 845 км. Скорость конного курьера составляет 80–100 км в сутки, при наличии сменных коней может достигать 160–200 км в сутки [16]. Следовательно, весть о поражении Мамай Токтамыш получил не ранее чем через: $845 : 100 = 8,45$, т.е. 9 суток после события, 17 сентября. На подготовку к походу (насколько бы войско не было подготовленным) требовалось не менее 3–5 суток, то есть, выступил он не ранее 20–22 сентября. От Азака до Кильчменя примерно 470 км, скорость передвижения средневекового войска составляет около 30 км в сутки. Таким образом, движение Токтамыша до места встречи с Мамаем составило $470 : 30 = 15,7$ суток. Так как между Куликовым полем и Кильчменем около 795–800 км, Мамай с войском также не мог оказаться на Калках-Кильчмене ранее середины первой декады октября. Следовательно, встреча войск Токтамыша и Мамай не могла произойти раньше 5–10 октября. С другой стороны, расстояние от Кильчменя до Москвы примерно 940 км; соответственно, путешествие конного посланца Токтамыша к Дмитрию Московскому не могло занять менее: $940 : 100 = 9,4$, 10 суток. Отсюда, если доверять датам Никоновской летописи, *terminus ante quem* для событий на Калках оказывается 18–19 октября. Итак, встреча Токтамыша с Мамаем и измена эмиров последнему имели место между 5 и 18 октября 1380 г.

Договор 1380 г. Подготовка и подписание документа

Можно ли считать, что и переговоры о заключении договора начались после встречи на Калках?

Между этими двумя событиями должен был произойти, по меньшей мере, переезд представителей Токтамыша до Солхата. Расстояние от Кильчменя до Солхата – около 490 км, средняя скорость передвижения конного посольства составляла приблизительно 60 км в сутки. Отсюда, путешествие заняло: $460 : 60 = 7,6$, – то есть, до Солхата представители Токтамыша могли прибыть не раньше 13/26 октября. Но так как это предполагает практически беспрепятственное движение послов и войск, более вероятно, что прибытие ханских посланцев должно было случиться еще позже. Таким образом, между прибытием представителей Токтамыша и подписанием ими договора с генуэзцами должно было бы пройти не более пяти недель (а скорее всего – меньше). Между тем, анализ правовых и экономических положений показывает, что они были весьма тщательно проработаны; маловероятно, чтобы их выработали и согласовали за полтора месяца. Более того, в тексте договора указано, что он был заключен «по приказу Великой Общины» («con la comandamiento de lo Grande Comun»), то есть согласован с правительством Генуи, что в принципе невозможно было сделать за пять недель. Вероятнее всего, подготовка текста началась еще до Куликовской битвы и измены эмиров Мамаю на Калке. Ю. Варваровский также высказывает точку зрения, что «накануне Куликовской битвы в 1380 году генуэзцы проводили подготовку к

подписанию очередного договора с “господином Солхата”, известным под именем Черкеса /jarkass /» [5, с. 106].

Если считать, что Крым находился под контролем Мамаю до осени 1380 г., подготовка договора началась по поручению кыятского эмира, а после его падения выработанные уже положения были предложены новопривышим послам Токтамышу и приняты ими.

Если же стать на точку зрения, что власть Токтамышу была признана в Крыму не позже февраля 1380 г., подготовка соглашения с генуэзцами началась по указанию нового хозяина полуострова, которому необходима была поддержка франков в борьбе с Мамаем, где-то весной 1380 г. Затем подготовленный текст был отослан на согласование: каффинской администрацией – в метрополию, а солхатским наместником – ко двору Токтамышу, откуда уже после политической катастрофы, постигшей Мамаю осенью 1380 г., был отправлен посол с письменной санкцией на подписание, чьи полномочия подтверждались ханской пайцзой.

Между тем, на конечной стадии переговоров возникли какие-то осложнения. Книга каффинской массарии сообщает о выплате 50 соммов, сделанной летом 1381 г. некоему Теофилато Сеньорите: «Item die iija Julii pro Teofillato Segnorita et sunt quos habere debet pro ejus mercede et faticha de interficere Ellias Sarracenum de Sorchati inimicum hominum et communitatis ac tocus universitatis Caffé et hoc ex deliberacione domini consullis Caffé massariorum et consilii ac officii de moneta scripta manu Gabrielis de Bernardo notarii et scribe Curie Caffé MCCCCLXXXo die XXa Novembris de racione ipsius Theoffilati de CCCXX sommos L» [72, р. 41; 21, с. 242], «Также дня 3 июля Теофиллато Сеньорите, и это [деньги], которые он должен получить в вознаграждение и за труд убить Ильяс, сарацин из Солхата, врага людей и общины и всей полностью Каффы, и это в соответствии с решением господина консула Каффы с массариями, и советниками, и чиновниками казначейства, записанным рукой Габриэля де Бернардо, нотариуса и писца курии Каффы, 1380-го дня 20 ноября, на счет самого Теофиллато [на листе] 420 соммов 50» (Сеньорите были сделаны ещё две выплаты: до 17 марта и 8 апреля 1381 г. [МС1381-f420v], хотя неизвестно, в связи с чем). Итак, всего за неделю до заключения договора у каффинского начальства возникла неотложная потребность устранить некоего «мусульманина из Солхата».

В. Чокыльтан полагает, что «Ильяс-сарацин» – это Ильяс-бек, сын Кутлуг-Буги, в будущем наместник Солхата и подписант следующего договора с генуэзцами [66, р. 231]. На основании этого допущения румынский историк выстраивает весьма оригинальную реконструкцию развития событий 1380–1381 гг. Однако из записей массарии следует, что Сеньорита получил своё вознаграждение, между тем, Ильяс-бек оставался не только живым, но и другом Генуи. Можно, разумеется, допустить, что выплата между 20 ноября 1380 и 17 марта 1381 г. была авансом, в дальнейшем Ильяс-бек из врага стал другом генуэзцев, и «заказ» аннулировали. Но в этом случае непонятной оказывается выплата от 3 июля. Всего за девять дней до неё Ильяс-бек посетил Каффу, присутствовал на пиру у консула и пробыл в городе три дня [21, с. 201, 211]. При таких обстоятельствах вознаграждение за подготовку несостоявшегося покушения на него было бессмысленно; конечно, Сеньорита мог потребовать деньги за молчание, но тогда выплата была оправдана до визита

Ильяс-бека, а не после. Кроме того, в аналогичной записи (составление документов писцом Антонио Масорро) формулировка «и это те [деньги], которые полагаются ему за его собственный труд и в вознаграждение», «*sunt quos habuit pro ipsius faticha et mercede*» [72, р. 41], очевидно относится к уже исполненной работе.

А. Джанов пишет, что в записи речь идёт о «расходах на устранение врагов Элиас-Бея сарацина» [14, с. 66–67]. Такое толкование латинского текста было бы возможно, если бы он ограничивался фразой «*interficere Ellias Sarracenum de Sorchati inimicum*». Поскольку имя *Ellias* очевидно выступает как несклоняемое существительное, это предложение можно было бы перевести «убить Ильясова, сарацина из Солхата, врага». Но из следующих дальше слов «*hominum et communitatis*» следует, что жертва наемного убийцы рассматривалась все-таки как враг «людей и общины» Каффы. Впрочем, выражение «*Ellias Sarracenum*» можно понимать и как «Ильясова сарацина». В любом случае, «Элиас, сарацин из Солхата» (не имеющий титула «бек») или «Элиасов сарацин из Солхата», для убийства которого наняли Сеньориту, и Ильяс-бек, сын Кутлуг-Буги – разные люди. В обоих случаях объясняется хронологическая связь между визитом Ильяс-бека в Каффу и выплатой Сеньорите: солхатский наместник дал знать генуэзцам, что не рассматривает ноябрьское убийство как враждебный себе акт, после чего заказчики, не опасаясь политических осложнений, расплатились с исполнителем. Чем именно «мусульманин Ильяс»/«Ильясов мусульманин» мог вызвать такую озабоченность Джаноне де Боско и его окружения – неизвестно, но близость во времени к подписанию татарско-генуэзского соглашения и безусловная заинтересованность в нем каффинцев заставляют подозревать связь между этими событиями.

Так или иначе, в последней декаде месяца шабана (вероятно, после пятницы 25 шабана/23 ноября) ордынская делегация во главе с наместником Солхата Черкасом двинулась в направлении Каффы. Это обстоятельство достаточно красноречиво показывает, что наибольшую заинтересованность в соглашении проявляла именно солхатская сторона. Ордынцы разместились в местности Три Колодца, между въездом в город и горой Сахим (скорее всего, позднейшей Паша-Тепе или Лысой Горой). Впрочем, А. Джанов считает, что в итальянском тексте упомянуты не «Три Колодца» (*Trei Pozzi*), а «Три Холма» (*Trei Pozzi*), местность, упоминаемая в каффинских документах в связи со встречами татарских представителей [15, с. 684–686]. Там состоялись прямые переговоры руководителей делегаций, Черкаса и консула Джаноне де Боско, переводчиком между которыми выступал Джоанне Риццо. Потом делегациям были предложены подготовленные в Каффе тексты соглашений. После их проверки ордынской стороной, 30 шабана (28 ноября по юлианскому стилю), в среду, документы были подписаны главами делегаций и засвидетельствованы четырьмя свидетелями от генуэзцев и пятью или шестью от ордынцев. Затем во дворце солхатского наместника писец Ших-Хасан сделал запись о засвидетельствовании договора.

Однако подписанный договор практически не успел вступить в силу, так как 87 дней спустя был заменён другим.

Договор 1381 г.: статус документа

Внимание исследователей всегда привлекало обстоятельство, что договоры 30 шабана и 28 зу-ль-када практически одинаковы по содержанию и отличаются только составом подписантов с татарской стороны. В связи с этим К. Дезимони рассматривал их как один договор, переговоры относительно которого происходили с ноября 1380 по февраль 1381 г. [63, р. 171; 69, р. 161–162]. По мнению В. Гейда, ноябрьский текст не был подписан и является только проектом договора, формально заключенного в феврале следующего года [71, р. 206, note 1]. В. Гейда поддержал В. Смирнов, высказавший предположение, что Черкас и Ильяс-бек – вообще одно и то же лицо [49, с. 136]. В той или иной форме гипотезу В. Гейда принимают А. Васильев [79, р. 177], Е. Скржинская [48, с. 89–90], Ю. Варваровский [5, с. 106], Р. Набиев [29, с. 116], В. Гулевич [13, с. 156].

Но, как указывает В. Чокыльтан, аргумент В. Гейда о «неподписанном» договоре 1380 г. «существенно подрывается, если мы вспомним, что первый текст – это не оригинальный договор от 27 ноября 1380 г., а позднейшая копия, которую мы можем считать неподписанной, но которая, тем не менее, упоминает всех участников договора с татарской и генуэзской стороны; нотариус, снявший копию, подтверждает, что она сделана с каффинских официальных документов <...>, и отсутствие подписей является нормальным положением вещей, если аутентичность подтверждает нотариус» [66, р. 230, note 344]. При этом, в самом тексте имеется прямое указание на то, что писец сделал отметку о засвидетельствовании текста пятью или шестью ордынскими представителями. А.В. Джанов также приходит к выводу, что «в целом договоры 1380 и 1381 гг. можно охарактеризовать как полноценные международные соглашения-ярлыки с весьма прозрачной и четкой структурой и составом» [15, с. 692]. Итак, договоры ноября 1380 и февраля 1381 г. являются двумя отдельными актами, существование которых обусловлено не отличием правовой природы, а конкретно-историческими обстоятельствами подписания.

Договор 1381 г. Генуэзская делегация

Каффинские должностные лица, подписавшие договор в феврале 1381 г. – те же, что и в ноябре предыдущего года: консул Джаноне де Боско, который продолжал исполнять свои обязанности, так как его преемник в Каффу всё ещё не прибыл, и два его массария и синдика, Бернабо Риццо и Терамо Пикинотто.

В отличие от договора 28 ноября 1380 г., не указаны свидетели, заверившие текст с генуэзской стороны.

Вместо этого приведены имена двух писцов, участвовавших в оформлении документа.

Первый – Антонио Масорро, «писец общины», составлявший документы «латынью», то есть, на итальянском языке. Он имел достаточно высокий статус нотариуса, в мае 1381 г. ему была выплачена значительная сумма в 15 соммов за оформление документов, связанных с присоединением Готии [21, с. 241].

Франческо де Джибелетти (или Джибелетто) был в канцелярии каффинской администрации «писцом уйгурскими буквами» («scriba littere ugoresche»), то есть, составлял документы официальной письменностью

Джучиева улуса. Исходя из фамилии, А. Пономарёв связывает его, как и некоторых других каффиотов, с местечком Джебела в Сирии, где имелась генуэзская фактория [35, с. 355]; возможно, в связи с этим он владел восточными языками. Джибелетто служил в каффинской курии по крайней мере с 1374 г. и время от времени исполнял мелкие дипломатические поручения в Солхате [14, с. 61; 21, с. 215].

Договор 1381 г. Татарская делегация

В противоположность генуэзской стороне, состав ордынских представителей, подписывавших договор в феврале 1381 г., по сравнению с ноябрём предыдущего года полностью сменился.

а. От имени хана Джучиева улуса второй договор заключил новый наместник Солхата Ильяс-бек, сын Кутлуг-Буги.

М. Балар, В. Мыц и Е. Хвальков считают, что Ильяс-бек занял должность крымского наместника до 25 декабря 1380 г., поскольку в этот день присутствовал на пиру с каффинским консулом [61, р. 460; 28, с. 44; 73, р. 102]. Однако, более подробный анализ записей обнаруживает, что там речь идёт об Ивановом дне, 24 июня 1381 г.: «... pro vino Trellie et confectis consumptis in festo Sancti Georgii vigillia Sancti Iohannis in tenendo coppam Eliasbey domini Sorchati quando venit ad prandium cum domino .. consule et in Festo Nativitatis Domini», «... за трелийское вино и блюда, употреблённые на празднике Святого Георгия, в канун Святого Иоанна, где получил угощение Ильясбей, господин Солхата, когда пришёл на трапезу с господином консулом, и на празднике Рождества Господня» [21, с. 211] (расходы на празднование Рождества не связываются с Ильяс-беком). Мнение М. Балара и других, по всей вероятности, основывается на публикации Н. Йорги, в которой пропущен союз «et» между «cum domino consule» и «in festo nativitatis Domini» [72, р. 40]. Таким образом, рассматриваемый визит Ильяса в Каффу имел место в июне 1381 г., прямых данных о наместничестве Ильяса в декабре 1380 г. нет, время его вступления на должность – между последними числами ноября 1380, когда наместником был ещё Черкас, и 20-ми числами февраля 1381 г., когда новый договор подписывал уже он.

Отец Ильяса, Кутлуг-Буга, имеющий титул «инак», то есть «друг, приближенный» (к хану), происходил из колена найманов-энджлы [43, с. 124, 130]. Он впервые упоминается в ярлыке Джанибека венецианцам от 26 декабря 1347 г. в числе трёх высших сановников Джучиева Улуса. Ал-Муhibби, ссылаясь на дипломатическую переписку от августа 1351 г., указывает, что Кутлубуга Инак принадлежал к «четырёх, которые, по принятому обычаю, бывают главными в землях Узбека», то есть имел ранг улусбека, правителя одной из четырёх частей государства; кроме того, употребленный титул «глава эмиров двух миров» указывает, что в то время Кутлуг-Буга являлся также беклярибеком, то есть, возглавлял военно-территориальную администрацию хана Джанибека [52, с. 348–349]. При Бердибеке Кутлуг-Буга, кажется, утрачивает должность беклярибека, однако остается в числе улусбеков, в частности, вносит на рассмотрение хана ярлыки митрополиту Московскому Алексию от 12 ноября 1357 г. и венецианцам от 13 сентября 1358 г.; тогда же, в сентябре 1358 г. он получает от ханши Тайдулы в качестве возмещения причиненного венецианцами вреда огромную сумму в 1105 безантов (боль-

шую получил только беклярибек Могул-Буга) [11, с. 205–206, 208–209]. А. и В. Григорьевы считают, что в это время он был наместником Крыма, но прямых указаний на это нет. После начала гражданской войны в Джучиевом Улусе, осенью 1360 г. Кутлуг-Буга находится в Сарае, где поддерживает выходца из восточной части Орды Хызр-хана и настаивает на казни своей бывшей благодетельницы Тайдулы [53, с. 113].

Примерно под 1362 годом позднейшие литовские источники называют Кутлуг-Бугу в числе участников так называемой Синеводской битвы: «Коли господаремъ был на литовьской земли князь великий Олгирд и, шедъ в поле с литовскимъ войскомъ, побилъ татар на Синей Воде, трех братьевъ: князя Хачебея а Кутлубуга а Дмитрия. А тыи трии браты Татарское земли, отчичи и дедичи Подольской земли» [34, с. 66, 74]. Правда, Мацей Стрыйковский сообщает о гибели татарских вождей [78, с. 6–7]; однако, ввиду стилистических особенностей этого барочного автора, его сообщениям вполне доверять нельзя. Указание на то, что Кутлуг-Буга с братьями был владельцем Подолья (то есть, имел права на дань с него), позволяет допустить, что его юрт находился где-то между Подольем и Черным морем. В.Л. Мыц, опираясь на топонимические данные, полагает, что «основным местом кочевки (или зимним стойбищем) орды Кутлубуги являлось левобережье устья Дуная» [27, с. 109]. Весной 1380 г., Кутлуг-Буга, как отмечено выше, возможно, некоторое время наместничает в Крыму.

Правда, уверенности в тождестве Кутлуг-Буги, действовавшего в 1347–1360 гг., и Кутлуг-Буги более позднего времени нет. Точно так же нет возможности бесспорно определить, сыном которого Кутлуг-Буги в случае существования двух тезок был Ильяс. Обстоятельство, что Кутлуг-Буга 1380-х годов на некоторое время оказывается в служебном подчинении у Ильяса, кажется, свидетельствует, что последний был сыном Кутлуг-Буги-наймана, беклярибека при Джанибеке.

Ильяс, сын Кутлуг-Буги, впервые упоминается под 1365/66 г.: «Тое же зимы еда из Литвы [к] весне Ильяс Коулту-бузин сын был в Тфери» [33, стб. 79]. Впрочем, из летописного известия непонятно, кого именно представлял сын Кутлуг-Буги в Литве: Мамай и его марионеточного хана Абдуллаха или Азиз-шейха, не позже осени 1365 г. занявшего Сарай.

Ильяс-бек вероятно прибыл в Крым не позже весны 1380 г.: по мнению А. Джанова, уже 2 мая этого года генуэзские представители вручили «господину Элиасбею» (d. Eliaboy) подарки [14, с. 64, прим. 64]; такие «поминки» (эвксении), как правило, вручались при вступлении ордынских сановников на должность. Впрочем, указанное толкование текста книги массарии за 1381 г. не бесспорно.

б. В качестве послов Ильяс-бека, которые непосредственно вели переговоры с каффиотами, названы шесть лиц:

Ходжа Камаричи (или Ходжа Комарджи), сын Акбаш-бека, вероятно, глава посольства. Его участие в «переговорах о Готии» («tractandī pacta Gotie») подтверждает запись в книге массарии [21, с. 244]. Он сохранял высокое положение в Солхате по крайней мере до лета 1387 г., когда выступал свидетелем при заключении очередного ордынско-генуэзского соглашения [67, р. 64; 74, о. 52].

Ходжа Хасан, сын Ахмата, «мусульманин из Солхата» («Coia Azaosarraceno de Sorchati»), в дальнейшем исполнял какое-то посольство к каффинскому консулу в январе 1382 г. [21, с. 208].

Байрам Ходжа упомянут как посланец Ильяс-бека, именно он доставил ханскую пайцзу.

Три других ордынских посла – Ходжа Иса, сын Хаджи-Давуда, Мехмет из Таны, и Алаэддин – ближе неизвестны.

Алаэддин обозначен в договоре оборотом «de lo dio de loro». Буквальный перевод этого словосочетания, «от их бога» (откуда Г. Куун предположил, что он был священнослужителем [74, о. 48]), А.В. Джанов называет «не вполне удобочитаемым» и предполагает, что речь идет о названии какой-то местности, из которой происходил посол [15, с. 687–688], возможно, в итальянском переводе.

в. После одобрения договора Ильяс-беком воля солхатского наместника была подтверждена четырьмя свидетелями: Реджебом, сыном Итурлу, Мерет-Бугой, сыном Ягалтая (возможно это тот самый Ягалтай, который при Джанибеке был одним из заметнейших вельмож Джучиева улуса, одним из четырех улусбеков и, некоторое время, везиром [10, с. 71; 46, с. 223]), уже известным нам Камаричи и его братом Карабугой, сыновьями Акбаш-бека.

Договор 1381 г. Обстоятельства подписания

В. Чокыльтан комментирует наличие двух договоров следующим образом: с его точки зрения, осенью 1380 г. правителем Солхата являлся Ильяс, в то время ещё не признававший Токтамыш ханом, поэтому «Токтамыш сделал “чужака” Черкаса своим представителем в Крыму перед тем, как достиг соглашения с местными наследственными магнатами, а потом устранил его и передал его полномочия Ильясу, сыну Кутлуг-Буги, замена, существенно способствовавшая общему умиротворению Золотой Орды зимой 1380/1381 гг. Эти внутренние изменения в Орде объясняют существование двух одинаковых договоров с двумя разными руководителями татарской делегации» [66, р. 232]. Исследователь считает, что Ильяс-бек не впустил Черкаса в Солхат, отчего и возникла идея его убийства руками генуэзцев, а замена Черкаса на Ильяса явилась следствием перехода эмиров, в том числе Кутлуг-Буги, от Мамаю к Токтамышу на Калках, имевшего место между подписанием двух договоров [66, р. 231].

Мнение румынского историка, что оба договора были заключены от имени Токтамыша, совпадают с выводами настоящего исследования, однако некоторые детали предлагаемой реконструкции вызывают следующие возражения:

1) Токтамыш, возможно, был признан в Крыму ханом уже в начале марта 1380 г.;

2) в мае 1380 г. Черкас и Ильяс, возможно, мирно уживались в качестве «господ Солхата» [14, с. 64];

3) Ильяс-бек, сын Кутлуг-Буги Инака, и «мусульманин из Солхата», убитый Теофилато Сеньоритой между 20 ноября 1380 и 3 июля 1381 года, не могут быть одним лицом;

4) политические положения договора от 28 ноября содержат указания, что Мамай на то время уже искал убежища, а по данным русских летописей, падение власти Мамаю произошло осенью 1380 г., возможно, до 29 октября;

5) в договоре 1380 г. нет ни малейшего намёка, что Черкас на момент его подписания фактически не владел Солхатом: он совершенно определенно называется «*segno in Solcati*».

Несомненным фактом, следующим из документов, является то, что между 28 ноября 1380 и 23 февраля 1381 г. Черкас перестал быть солхатским беком, а его место занял Ильяс. Возможны четыре варианта развития событий:

а) наместник Солхата Черкас погиб в вооружённой стычке с некими врагами;

б) Черкас изменил Токтамышу (тайно или открыто), но был убит Ильясом, оставшимся верным хану;

в) Черкас умер естественной смертью, а его место занял Ильяс;

г) Черкас по каким-то причинам был отозван ханом из Солхата.

Первый вариант представляется наименее вероятным: гражданская война в Джучиевом Улусе на то время прекратилась. Мамай, даже если еще был живым, не имел существенных сил, источники не говорят о каких-нибудь военных действиях в Крыму в это время.

В пользу «теории заговора» есть два аргумента: 1) перезаключение договора с генуэзцами – потребность в нём могла быть вызвана тем, что первый документ, подписанный изменником и заговорщиком, терял легитимность; 2) полная смена состава ордынской делегации.

Однако, при ближайшем рассмотрении, оба эти довода оказываются небесспорными.

Договор 30 шабана 782 г.х. был заключен Черкасом как от имени хана, так и от собственного имени в качестве господина Солхата. Документ, заключенный от имени одного из наместников Солхата, после его смерти мог требовать подтверждения следующим. По крайней мере, ханские ярлыки русским митрополитам, также как ярлык венецианцам Таны, подтверждались при смене ханов. В отношении ханских наместников такая практика неизвестна, но она не невозможна.

Что касается смены состава ордынской делегации, то из выбывших Маулана Мохаррам являлся личным представителем Черкаса, следовательно, утрачивал полномочия после смерти последнего. Кочкельды Омар-ходжа был послом хана и после заключения договора должен был вернуться в ханскую ставку с докладом о происшедшем. Кунак-бек и Акбуга-бек имели владения за пределами Крыма, поэтому, вероятно, вернулись в свои кочевья. Таким образом, без объяснений остаётся только отсутствие ближе неизвестного Токколуш-бека; но единичный случай не дает оснований для каких-либо выводов о характере смены управления в Солхате.

Аргументом против предположения о конфликте между Черкасом и верховной властью в Орде является то, что в 1383 году каффинская администрация рассматривала договор, заключенный с Черкасом, как не менее легитимный, нежели подписанный с Ильяс-беком, и приказала изготовить переводы обоих документов. Впрочем, мотивы, руководствуясь которыми консул Мелиадуче Каттанеи заказал переводы обоих имевшихся в каффинской канцелярии договоров, неясны, потому совершенно исключать предположение о конфликте Черкаса с Токтамышем нельзя.

Итак, вероятнее всего зимой 1380/81 г. наместник Солхата Черкас умер, и его сменил Ильяс-бек. Тем временем генуэзцы фактически вступили во вла-

дение Готией: 23 января 1381 г. туда были отправлены Коррадо де Гуаско и Якобо де Турре в сопровождении уже известного нам Антонио Масорро и писца, писавшего по-гречески, Филиппо де Сант-Андреа которые «прошли всю Готию до Чембало», чтобы «привести к присяге всех, кто имел обычай быть ханлуками генуэзцев» («pro Filipo de Sancto Anderea et quos habuit usque die XXIII ianuarii et sunt pro euis faticha de eundo per totam Gotiam usque Cimballo cum Conrado de Goasco et Iacobo de Turre qui iverunt pro pro ducendo ad gratiam omnes qui soliti erant esse canluchi pro Ianuenses») [21, с. 241, 242]. Далее записи массарии упоминают «XXXII missis cum Georgio del Orto pro custodia Gotie de mense ianuarii videlicet pro stipendio eorum de mense uno incepto die XXVIII ianuarii et finito die XXVIII februarii » [21, с. 217], «32 [человека], отправленных с Джорджо дель Орто для охраны Готии, в месяце январе, а именно, плата им за один месяц, начиная с 28 января и заканчивая 28 февраля».

Одновременно новый солхатский правитель для перезаключения договора отправил в Каффу делегацию во главе с Ходжой Комарджи. Книга массарии сообщает, что позже Джоанне Фереихо, богатый каффинский судовладелец, «solvit Coia Comaricio sarraceno de Sorchati quos sibi promixi fuerunt tempore consulatus domini Ianoni de Boscho consulis Caffe occasione tractandi pacta Gotie cum domino Elliasbey domino Sorchati» [21, с. 244], «заплатил Ходже Комаричи, сарацину из Солхата [деньги,] которые пообещал во времена консулата господина Джаноне де Боско, консула Каффы, по случаю переговоров о соглашении про Готию с господином Ильясбеем, господином Солхата». Иными словами, руководителю ордынской делегации была обещана, а затем и выплачена, немалая взятка в размере 240 соммов. Доброжелательные отношения с генуэзцами сохранялись у Комарджи и далее: его посланцам в сентябре и декабре 1381 г. было выплачено определенное «содержание» («alaffa») за счет каффинского казначейства [21, с. 205, 208]. «Содержание» от каффиотов после заключения договора имел еще один член ордынской делегации, Ходжа Хасан [21, с. 208].

Переговоры, вероятно, были долгими и сопровождались несколькими поездками генуэзских представителей в Солхат, по крайней мере, книга массарии упоминает, что составителю текста договора Антонио Масорро пришлось «ходить в Солхат много раз [per plures vices]» [21, с. 241]. Одновременно, и солхатские руководители сносились с ханской ставкой, пока не получили полномочия на перезаключение договора.

В конечном счете, усилия генуэзцев увенчались успехом: Ильяс-бек не только подтвердил положения ноябрьского соглашения, но и сделал важную уступку: под юрисдикцию Каффы передавалось не только христианское, а всё население Готии.

В 20-х числах февраля 1381 г. в Каффу из Солхата прибыло ордынское посольство во главе с Ходжой Комарджи с ханской пайцзой. Во Дворце Общины (он находился в районе современного Карантинного холма [35, с. 419]) ордынцы ознакомились с подготовленными текстами договоров уйгурским письмом. После этого послы посетили консула Джаноне де Боско, находившегося вместе с массариями Риццо и Пиккинотто. Тогда договор был утвержден генуэзской стороной (в какой форме – неясно, так как упоминаний о подписи де Боско в копии документа нет). После этого ордынцы в сопровождении, по меньшей мере, переводчиков Франческо де Джибелетто и Антонио Масорро вернулись в Солхат, где 23 февраля 1381 г. в своей резиденции Ильяс-бек принёс клятву

соблюдать и не нарушать договоренности. Клятва солхатского наместника была записана Масорро латынью и Джибелетти – уйгурицей, и засвидетельствована тремя лицами с ордынской стороны, о чём была произведена соответствующая запись в присутствии переводчиков, черкеса Пандасени и генуэзца Джоанне Риццо. Запись об одобрении договоров Ильяс-беком была скреплена «знаком» (тамгой) Ильяс-бека и печатью общины Каффы (по поводу последнего неясно – там же в Солхате, или позже в Каффе). Получив свои экземпляры документов, генуэзские представители вернулись в Каффу.

Последствия договоров

Одним из наиболее интригующих вопросов является возможная связь заключения и перезаключения договора между Токтамышем и Республикой Святого Георгия со смертью Мамаю. После ретроспективной записи от 17 марта 1381 г. последний больше не появляется в источниках как действующее лицо. Еще Н.Н. Мурзакевич считал, что уступка Готии явилась следствием убийства Мамаю, которое стало для Токтамыша «кровавым доказательством приверженности к нему кафян» [26, с. 51–52]. В.Д. Смирнов высказал предположение, что «заключение этого договора было в тесной связи с конечной судьбой Мамаю» [49, с. 132].

Однако обстоятельства гибели побежденного беклярибека излагаются в источниках запутанно и противоречиво.

В ранней, краткой редакции московского сказания «О великомъ побоищи, иже на Дону» сообщается, что после измены эмиров на Калках «Мамай же, то видѣвъ, и скоро побѣжа со своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за нимъ въ погоню воя своя и оубиша Мамаю, а самъ шедъ взя Орду Мамаеву, и царицы его и казны его и улусъ весь пойма, и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей» [33, стб. 141; 40, с. 420–421].

Аналогичное по содержанию, хоть и стилистически отличающееся сообщение приводит Утемиш-хаджи: Токтамыш «выступил в поход и пошел на Кыйата Мамаю. Пришел навстречу с большим войском и Мамай. Произошло жестокое сражение. Войско Мамаю было разбито, а сам он был схвачен. Убили (его)», «у Мамаю находилась дочь хазрета Джанибек хана, после его захвата (Мамаю), она отошла к Токтамыш хану. Он ее выдал замуж за Урек Тимура, от нее родился сын, его называли Текнебек» [54, с. 58, 59].

Детализированный вариант той же версии содержится в сочинении крымского автора XVIII в. Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар». Он говорит, что Токтамыш нагнал Мамаю на реке Йилки, притоке Днепра, и завязал с ним обманные переговоры, хотя «желанием его было убийство бега». Во время этих переговоров один из приближенных Токтамыша, Урик-Тимур (родоначальник позднейших Ширинов), среди ночи, «один встал и, оседлав коня, направился к северу от реки к орде бега, втайне от охраны орды позвал бега. Бег лежал с хануш, услышав его, спросил кто, Урик Тимур назвал себя и сказал, что у султана Токтамыша к вам есть разговор по поводу одного большого дела <...>, и он пригласил вас, и чтобы никто об этом не узнал. У бега всегда наготове была одна черная лошадь, Урик Тимур одел на эту лошадь седло, и бег, не сообщив даже своим рабам <...>, вышел на улицу. Он был уже старше 90 лет, (Урик Тимур) посадил его на лошадь, они вдвоем уехали, об этом не узнала даже его жена <...>. Во время переправы через реку Йылкы

Урик Тимур ударил его по голове боевым топором <...> и убил его. Тело его спрятал, а коня отпустил»; в дальнейшем убийца сознается в содеянном, и благодарный Токтамыш отдаёт ему вдову убитого Бисулу-хануш [1, с. 64–66; 25, с. 191–193]. Рассказ имеет очевидные признаки происхождения от устной традиции. Известие о встрече Токтамыша с Мамаем на притоке Днепра, вероятно, отображает те самые события, которые русские летописи излагают как столкновение на Калках-Кильчене; что касается причастности Урик-Тимура к смерти Мамаю, она может быть просто способом пояснить, почему тот получил вдову убитого.

Итак, в соответствии с этой, первой, версией, Мамай был убит людьми Токтамыша. Ни Крыма, ни генуэзцев в ней нет.

В более поздней пространной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» события после поражения Мамаю на Куликовом поле сначала излагаются так же, как и в краткой, но между словами «посла за нимъ въ погоню воя своя» и «взя Орду Мамаеву» вместо лаконичного «и оубиша Мамаю» сделана довольно большая вставка: «Мамай же гонимъ сый, бѣгая предъ Тахтамышевыми гонителю, и прибѣжа близъ града Кафы, и съслася съ Кафинци по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избавленіе, дондеже избудеть отъ всѣхъ гонящихъ его; и повелѣша ему, и прибѣже Мамай въ Кафу съ множествомъ имѣнія, злата и сребра, Кафинци же свѣщавшеся и сътвориша надъ нимъ облесть, и ту отъ нихъ убьенъ бысть, и тако бысть конецъ Мамаю» [31, с. 83; ср.: 32, с. 69]. Это сообщение многими исследователями воспринимается скептически [14, с. 66; Н. Жарких, личное сообщение, 2020], однако пояснить, для чего московским книжникам XV века нужно было придумывать такую историю, они тоже не могут. Можно было бы предположить, что желание изобразить генуэзцев-католиков изменниками и клятвопреступниками было связано с полемикой вокруг Флорентийской унии в 30-х – 40-х годах XV в., но навряд ли их можно было бы упрекать убийством «нареченного плотного диавола Мамаю». В действительности, торговые связи Каффы с Москвой и Новгородом в XV в. были достаточно оживленными (купцы-сурожане даже попали в одной из поздних редакций «Сказания о Мамаевом побоище» в проводники Дмитрия Донского), и кто-то из каффинских купцов мог поделиться с московскими коллегами рассказом о конце небезразличного тем ордынскому деятелю.

Кроме того, бегство свергнутого Мамаю в Крым находит подтверждение в двух близких ко времени события источниках. В пространной редакции «Задонщины», созданной по мнению большинства исследователей до 1393 г., указано: «Отскочи поганый Мамай от своея дружины серым волком и притече к Кафе граду. Молвяше же ему фрязове: “Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То ты была орда Залеская. А не бывати тебе в Батю царя: у Батю царя было чотыреста тысящ окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил Богъ Рускую землю за своя согрешения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, с девятью ордами и 70 князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тебя князи руские гораздо подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нечто гораздо упилися у быстрого Дону на поле Куликове на траве ковыле! Побежи ты, поганый Момай, от насъ по задлешью!”» [30, с. 104]. Впрочем, литературный, вымышленный характер текста, приписывающего генуэзским финансистам до слёз трогательную заботу о «Руской земле», очевиден, поэтому мнение Р. Почекаева, что версия «Задон-

щины» наиболее достоверна [38, с. 317, прим. 383], вызывает сомнения. Тем более, в разных списках это наставление изложено по-разному. Автор текста имел известие лишь о бегстве Мамая в окрестности Каффы, но не знал подробностей и домыслил их по собственному усмотрению.

Ибн Халдун сообщает, что после победы над другими соперниками Токтамыш «пошёл в Крым против Мамая, который бежал перед ним, не имели сведений о нём, а потом подтвердилось известие о его гибели» [52, с. 391]. То есть, по мнению арабского автора, Мамай погиб в Крыму, но в ордынской столице, откуда через дипломатов и купцов Ибн Халдун получал свои сведения, об обстоятельствах его смерти не знали. Следовательно, либо Токтамыш к смерти Мамая непосредственно не был причастен, либо имел основания замалчивать действительные обстоятельства события (например, потому что Правосудный Султан Ислама и Помощник Веры воспользовался для устранения соперника, мусульманина, главы аристократического рода кыятов, ханского зятя и беклярибека, подлостью неверных франков). Это отсутствие сведений объясняет появление версии, представленной в источниках, производных от традиции Сарая – ханской ставки («первая версия»). Она знает о бегстве Мамая и о его гибели, но о произошедшем между этими двумя событиями – нет, и в изложении Утемиша-хаджи и Кырыми на место рассказа о гибели Мамая помещает повествование о захвате его гарема, восходящее к родовым сказаниям Ширинов.

Определенные сомнения по поводу гибели Мамая именно в Крыму порождают приведенные выше обстоятельства, свидетельствующие, что на момент Куликовской битвы и последующих событий на Калках в Солхате, по всей вероятности, уже признавали верховную власть Токтамыша. Но, после измены эмиров у Мамая не оставалось безусловно подконтрольных территорий, потому он мог избрать для бегства ту часть вражеских земель, которая казалась ему наиболее удобной для организации сопротивления.

Одним из главных аргументов, ставящих под сомнение версию убийства Мамая в Каффе, является полное отсутствие каких-либо упоминаний или намеков на это в записях массарии [14, с. 66–67]. Однако книга массарии отображает только события, связанные с расходами каффинского казначейства, при этом, на регулярной основе – между 17 марта 1381 и 11 июня 1382 гг. То, что произошло в другое время или финансировалось скрыто (например, в пределах обычной платы чиновникам колонии), в ней не обязательно фиксировалось.

Вместе с тем, территориальные уступки со стороны правительства Токтамыша генуэзцам без каких-либо военных успехов или особо выгодных экономических условий со стороны последних навряд ли можно объяснить только взятками солхатским чиновникам. В обмен на них Каффа должна была предоставить новому хану какие-то особенные услуги. Единственной реальной такой услугой могло быть убийство Мамая. Летописное сообщение о «докончании и опасе» между Мамаем и генуэзцами, а также об «облести» последних, позволяет предположить, что каффинские власти после соглашений, отдавших Республике округу Солдайи и Готию, заманили Мамаю в город и убили. Горожане, знавшие об убийстве побежденного беклярибека, но незнакомые с негласными договоренностями с представителями Токтамыша, объяснили его алчностью своих правителей, тем более, что те, вероятно, присвоили имущество убитого. В таком виде рассказ и был, вероятно, передан неизвестным каффиотом (непосредственно или, скорее, опосредованно) московскому летописцу. Произойти

убийство должно было после заключения первого договора (иначе, если Мамай был бы уже мертв, для уступок со стороны ханского правительства не было побудительных мотивов) и до начала ведения книги массарии за 1381/82 год, в которой никаких упоминаний о живом Мамае уже нет, то есть между 28 ноября 1380 и 17 марта 1381 г. Если фактическая передача Готии генуэзцам произошла после выполнения ими обязательства по устранению соперника Токтамыша (а противоположное предполагало бы наивную доверчивость ордынской стороны по отношению к европейским партнерам), то можно допустить, что гибель Мамаея произошла до 23 января 1381 г., когда в Готию отправились каффинские эмиссары. Договор с Ильяс-беком, в таком случае, главным образом фиксировал уже достигнутое *status quo*. Косвенным подтверждением такой датировки являются сообщения египетских писателей Ибн Хаджара ал-Аскаляни (ум. 1449) и Абу-л-Махасина Ибн Тагриберди (ум. 1470), которые, опираясь на дипломатические данные, указывают, что Мамай (которого они, правда, неточно называют «царь» или «хан») был убит в 782 г.х., то есть до 27 марта 1381 г. [52, с. 452].

Через 16 дней после заключения второго договора, 11 марта 1381 г., в Каффу наконец-то пришла галей Джоанне Фереихо, отправленная когда-то на Кьоджинскую войну, и доставила следующую администрацию Газарии – консула Иуаниксиуса де Мари и массариев Джирардо Леарди и Габриеле де Гримальди, которые 17 числа заняли свои должности [35, с. 322].

Но еще до этого в Каффу прибыл чрезвычайно щедрый и престижный подарок от ханского двора: «*equi dati et presentati pro parte imperatoris Tartarorum Tane et aliorum dominorum canlucorum*», «кони, подаренные и представленные со стороны императора татар Таны и других господ ханлуков», в количестве не менее 16 голов [14, с. 69; 21, с. 198]; не исключено, что это была благодарность Токтамыша за устранение Мамаея.

Через полтора месяца, 30 апреля, во исполнение договорных условий, в Каффу вошёл кетхода-титам [21, с. 200]. Позже Кристофору де Круче было поручено заняться фортификационными работами в Готии [21, с. 210].

Осенью 1381 г. началась подготовка посольства генуэзцев непосредственно к хану, по всей вероятности, с целью окончательного подтверждения достигнутых договоренностей. Эти вопросы солхатский наместник Ильяс-бек, должно быть, согласовывал во время собственной поездки в ханскую ставку в ноябре 1381 г.; по крайней мере, генуэзцы подготовили подарки на 1302 аспра, «данные господину Ильясбею и Саиту, налоговнику, во время их отъезда, в качестве подарков, которые следует сделать в Орде господину Императору» («*datis domino Elliasbei et Sayto comerihario in suo recessu quod ad presens faciunt in l'Ordo ad dominum Imperatorem*») [21, с. 206]. Тогда же, через пять дней после отбытия солхатских наместника и тамгачи, 12 ноября начинается подготовка собственно каффинского посольства к Токтамышу, возглавленного управителями Готии Коррадо де Гуаско и Кристофоро де Круче (выбор послов достаточно красноречиво свидетельствует о главном предмете миссии) [14, с. 72–73]. Послы отправились в путь во второй половине того же месяца и вернулись в Каффу около середины января 1382 г. [14, с. 73, 77–78]. Подробности собственно переговоров неизвестны (мы не знаем даже, получили ли Гуаско и Круче аудиенцию у хана или нет). В более позднем договоре от 12 августа 1387 г. упоминаются «условия мира, предписания и соглашения, заключенные и утверждённые между упомянутым господином императором [Токтамышем] с

одной стороны, и упомянутой Общиной Генуи с другой, записанные уйгурскими буквами с печатью [тамога] самого императора» [67, р. 63]. В договоре от ноября 1380 г. упоминаний о печатях вообще нет, в договоре от февраля 1381 г. речь идет о печати Ильяс-бека, а не о ханской. Таким образом, вероятно, во время посольства к Токтамышу генуэзцам была выдана грамота, подтверждавшая договоренности 1380–1381 гг., с печатью хана.

Однако, по итогам приема генуэзского посольства ханское правительство решило заменить Ильяса на должности солхатского наместника Кутлуг-Бугой. 20 января 1382 г. в Каффе стало известно о назначении Кутлуг-Буги даругой Солхата [20, с. 209], а не позже 3 марта он вступил в должность солхатского бека [14, с. 79]. Новый хозяин ордынского Крыма придерживался более жесткого отношения к «франкам», что, в конечном счете, вылилось в «Солхатскую войну» 1385–1387 гг., итоги которой, впрочем, не изменили условий договоров 1380–1381 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-Ахбар, Книга 2: Перевод / Каримова Ю.Н., Миргалеев И.М. (пер. и ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2018. 200 с.
2. *Балар М.* Генуэзцы и Золотая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2016. С. 598–608.
3. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Поволжская Археология. 2017. № 2 (20). С. 204–223.
4. *Брунъ Ф.* Черноморье (Сборникъ исследований по исторической географіи Южной Россіи). Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. Ч. I. 411 с.
5. *Варваровский Ю.Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2008. 128 с.
6. *Волков М.* О соперничестве Венеции с Генуею в XIV-м веке // Записки Одесского общества истории и древностей. 1860. Том IV. С. 151–236.
7. *Галенко О.* Тудун // Східний світ. 1998. № 1–2. С. 183–204.
8. *Гончаров Е.Ю.* Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770–780-х гг. х. Нумизматический комментарий к книге И.М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Труды Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК, Болгар 2005. V МНК, Волгоград 2006. М.: «Нумизматическая литература», 2008. С. 58–62.
9. *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в., хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. Вып VII. С. 9–54.
10. *Григорьев А.П.* Ярлык Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексею (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб: Издательство Ленинградского университета, 1997. Вып. XVII. С. 25–73.
11. *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет философии и политологии, 2002. 278 с.
12. *Григорьев А.П.* Золотоордынские ярлыки, поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005 (2006). Тюркские народы России и Великой степи. М.: «Восточная литература», 2006. С. 74–139.
13. *Гулевич В.* Західні землі улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. і Тука-тимуриди // Спеціальні історичні дисципліни, питання теорії і методики. Збірка наукових праць /

Боряк Г.В (ред.). Київ: Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. 2013. Число 22–23. С. 138–178.

14. *Джанов А.В.* Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Київ: Видавництво «Горобець», 2018. Вип. 1 (VII). С. 42–303.

15. *Джанов А.В.* Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 4. С. 675–713.

16. *Долбе В.* О скорости и маршруте передвижения путешественников середины XIII века на пути из Сарая-Бату в Каракорум и обратно. Рига, 2012. Режим доступа: <http://annales.info/step/dolbe/2karakorum.htm> (дата обращения 01.06.2020).

17. *Еманов А.Г.* Образование городской коммуны Каффы (до сер. XV в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 1997. 665 с.

18. *Журавель А.В.* Тохтамыш, Мамай и дата Куликовской битвы // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2017. № 2(7)–3(8). С. 27–31.

19. История татар. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2009. 1112 с.

20. *Кеппень П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и горь Таврических. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1837. 409 с.

21. Книга массарии Каффы 1381 г. (МС 1381) *Massaria Caffae anno 1381* // Джанов А.В. Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Київ: Видавництво «Горобець», 2018. Вип. 1 (VII). С. 175–283.

22. *Лебедев В.П.* Три новых крымских клада золотоордынских монет // Вестник Одесского музея нумизматики. Одесса: Полис, 2011. № 39. С.10–18.

23. *Ляскоронский М.Г.* Русские походы в степи в удельно-вѣчевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб: Сенат. тип., 1907. 123 с.

24. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

25. *Миргалеев И.М.* «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Трепавлов В.В., Миргалеев И.М. (ред.). Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2010. С. 183–197.

26. *Мурзакевич Н.Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Вь Городской Типографіи, 1837. 91 + v с.

27. *Мыц В.Л.* Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України (до 600-річчя битви на Ворсклі 1399 року). Полтава, 2002. № 1. С. 107–112.

28. *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: «Универсум», 2009. 528 с.

29. *Набиев Р.Ф.* О времени завоевания Тохтамыш-ханом Золотой Орды // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Казань, 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 107–118.

30. Памятники Куликовского цикла / Рыбаков Б.А., Кучкин В.А. (ред.). СПб.: «БЛИЦ», 1998. 412 с.

31. Полное собрание русских летописей, Том четвертый. V: Новгородская и псковская летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 372 с.

32. Полное собрание русских летописей, Том одиннадцатый. VIII: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 262 с.

33. Полное собрание русских летописей, Т. 15. Изд. 2. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг.: (б.изд.,) 1922. 216 с.

34. Полное собрание русских летописей, Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М.: «Наука», 1980. 313 с.

35. Пономарёв А.Л. Население и территория генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги Массарии – казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. СПб.: «Алетейя», 2000. Вып. 4. С. 317–443.

36. Пономарёв А.Л. Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. *Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus mendis purgatus* // Причерноморье в Средние века. СПб.: «Алетейя», 2005. Вып. 6. С. 43–138.

37. Пономарёв А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.

38. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: «Евразия», 2010. 408 с.

39. Православная энциклопедия. Каффа. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/1683945.html> (дата обращения 01.06.2020).

40. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 516 с.

41. Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Часть 2. События 781–793 годов хиджры) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Том 16. №3: Археология и этнография. С. 89–97.

42. Рыкин П.О. Титамь: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // АБ-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 475–492.

43. Сабитов Ж.М. Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // Золотоордынское обозрение. Казань, 2014. № 2 (4). С. 120–134.

44. Сагдеева Г.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Москва: (б. изд.,) 2005. 77 с.

45. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Том II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 307 с.

46. Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2009. 232 с.

47. Селезнёв Ю.В. Еще раз о дате выдачи ханом Токтамышем тарханного ярлыка Бек-Ходжи и новейших изысканиях Р.Ф. Набиева // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Казань, 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 267–272.

48. Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Сборник работ и материалов. Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академперіодика, 2006. 380 с.

49. Смирновъ В.Д. Крымское ханство под вѣрховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка. СПб.: Университетская типографія в Казани, 1887. 769 с.

50. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 234–251.

51. Талах В.М. Ординсько-генуезькі договори 1380 та 1381 років у історичному контексті. Режим доступа: <https://www.myslencedrevo.com.ua/uk/Sci/History/HordeGenovaTreaties1380-1.html> (Дата обращения 01.06.2020)

52. Тизенгаузенъ В.Г. Сборникъ материаловъ, относящихся к исторіи Золотой Орды, Томъ I: Извлечения изъ сочиненій арабскихъ. СПб.: Тип. Императорской Академіи Наукъ, 1884. 564 с.

53. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Юдин В.П. (пер.). Алма-Ата: «Гылым», 1992. 296 с.

54. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г., Хафизов З.Т. (ред. и пер.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2017. 312 с.

55. Федоров-Давыдов Г.А. Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: «Наука», 1978. С. 249–254.
56. Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Казань: Издательство Казанского Университета Палеограф, 2018. Том I. 384 с.
57. Цыбульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока, синхронистические таблицы и пояснения. М.: «Наука», 1964. 236 с.
58. Черкас Б. Західні володіння Золотої Орди в 1380–1399 рр. (політичний аспект) // Україна в Центральній-Східній Європі. Київ: Інститут історії України, 2013. Вип. 12–13. С. 190–209.
59. Шнулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Гатин М.С. (пер.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016. 500 с.
60. Юревич В.Н. Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. Ч. 2. С. 629–837.
61. Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Genova: Nella Sede della Società Ligure di Storia Patria, 1978. 1008 p.
62. Basso E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi Genuensi. Genova, 1991. Nuova Serie. Vol. VIII. P. 11–26.
63. Belgrano L.T. Società Ligure di Storia Patria. Anno XIV // Archivio Storico Italiano. 1872. Serie terza. Vol. 15. No. 67. P. 164–179.
64. Canale M. Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dale origini fino al di nostri. Commentari storici. Genova: Tipi del R.I. de'Sordo-Muti, 1855. 2 Vols. 386 + 481 p.
65. Ciocîltan V. Reichspolitik und Handel: Die tatarisch-genuesischen Verträge von 1380–1387 // Il Mar Nero: Annali di archeologia e storia. Roma: Quasar Di Severino Tognon, 1994. Vol. I. P. 261–278.
66. Ciocîltan V. The Mongols and the Black Sea Trade in the thirteenth and fourteenth centuries / Willcocks S. (tr.). Leiden; Boston: Brill, 2012. 338 p.
67. De Sacy A.I.S. Silvestre. Pièces diplomatiques tirées des archives de la république de Gènes par M. Silvestre de Sacy // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques. Paris: Imprimerie Royale, 1827. Tome onzième. P. 1–96.
68. Desimoni C. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro pel socio Cornelio Desimoni // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1867. T. V. P. 169–271.
69. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondato da G.P. Vieusseux. Firenze, 1887. 4-a ser. T. XX. № 161. P. 161–165.
70. Epstein S.A. Purity Lost: Transgressing Boundaries in the Eastern Mediterranean, 1000–1400. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. 264 p.
71. Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen Age. Leipzig: Otto Harrassowitz, libraire-éditeur, 1886. Tome II. 799 p.
72. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // Revue de l'Orient latin. Paris: Ernest Leroux, éditeur, 1896. T. IV. P. 25–118.
73. Khvalkov E.A. The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute. Florence: European University Institute, 2015. Volume 1. 584 p.
74. Kuun G. Adalékok Krim Történetéhez. Gróf Kuun Géza. Budapest: Eggenberger Ferdinand, M. Akad. Könyvtárusnác, 1873. 52 o.
75. Oderico G.L. Lettere Ligustiche: ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il grande con le memorie di Caffa, ed altri luoghi della

Crimea posseduti un tempo da'Genovesi. Bassano: Giuseppe Remondini e figli, 1792. xxii + (2) + 214 + (2) + 16 p.

76. *Olivieri A.* Carte e cronache manoscritte per la storia genovese esistenti nella biblioteca della R. Università Ligure. Genova: Tipi del R. I. de' sordo-muti, 1855. 243 p.

77. *Pistarino G.* Notai genovesi in Oltremare. Atti Rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360–61). Genova: Istituto Internazionale di studi Liguri Bordighera, 1971. 228 p.

78. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi. Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glücksberga, Księgarza, 1846. T. 2. 572 s.

79. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass.: The Mediaeval Academy of America, 1936. 294 p.

Сведения об авторе: Виктор Николаевич Талах – независимый исследователь (03035, ул. Патриарха Мстислава Скрипника, 15, Киев, Украина); ORCID: 0000-0001-5535-7734. E-mail: victornikolayevich@gmail.com

Поступила 02.12.2020 Принята к публикации 01.03.2021
Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*, Kniga 2: *Perevod* [Umdet al-akhbar, Book 2: Translation]. Karimova Yu.N. and Mirgaleev I.M. (tr.), Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
2. Balard M. Genueztzy i Zolotaya Orda [The Genoese and the Golden Horde]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 598–608. (In Russian)
3. Bocharov S.G. Zametki po istoricheskoy geografii Genuezskoy Gazarii XIV–XV vv. Konsul'stvo Chembal'skoe [Notes on the historical geography of the Genoese Gazaria of the fourteenth and fifteenth centuries. The Consulate of Cembalo]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology]. 2017, no. 2 (20), pp. 204–223. (In Russian)
4. Brun F. Chernomor'e (Sbornik issledovaniy po istoricheskoy geografii Yuzhnoy Rossii) [The Black Sea Region: Collection of Studies on the Historical Geography of Southern Russia]. Odessa: G. Ulrih's printing house, 1879, part 1. 411 p. (In Russian)
5. Varvarovskiy Yu.E. *Ulus Dzhuchi v 60–70-e gody XIV veka* [The Ulus of Jochi in the 1360s–70s]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 128 p. (In Russian)
6. Volkov M. O sopernichestve Venetsii s Genueyu v XIV-m veke [On the rivalry of Venice and Genoa in the fourteenth century]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. 1860, vol. 4, pp. 151–236. (In Russian)
7. Galenko O. Tudun. *Skhidniy svit* [Oriental World]. 1998, no. 1–2, pp. 183–204. (In Ukrainian)
8. Goncharov E.Yu. Ocherk monetnogo dela v uluse Dzhuchi na rubezhe 770–780-kh gg. kh. Numizmaticheskii kommentariy k knige I.M. Mirgaleeva “Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana” [A sketch of monetary affairs in the ulus of Jochi at the turn of the 770s–780s AH. Numismatic commentary on the book of I.M. Mirgaleev “The Political History of the Golden Horde during the Reign of Toqtamish Khan”]. *Trudy Mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsiy “Monety i denezhnoe obrashchenie v mogol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov”*. IV MNK, Bolgar 2005. V MNK, Volgograd 2006 [Proceedings of the International Numismatic Conferences “Coins and Money Circulation in the Mongol States from the thirteenth to fifteenth century”. Fourth Interna-

tional Numismatic Conference, Bolghar 2005. Fifth International Numismatic Conference, Volgograd 2006]. Moscow: "Numismatic literature", 2008, pp. 58–62. (In Russian)

9. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie khany 60–70-kh godov XIV v., khronologiya pravleniy [The Golden Horde Khans in the 1360s–70s: Chronology of reigns]. *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Studies of Asian and African Countries]. Leningrad: University of Leningrad publishing house, 1983, iss. 7, pp. 9–54. (In Russian)

10. Grigor'ev A.P. Yarlyk Berdibeka ot 1357 g. mitropolitu Alekseyu (Rekonstruktsiya soderzhaniya) [The 1357 yarliq of Berdibek Khan granted to Metropolitan Alexei: Reconstruction of the contents]. *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Studies of Asian and African Countries]. St. Petersburg: University of Leningrad publishing house, 1997, iss. 17, pp. 25–73. (In Russian)

11. Grigor'ev A.P. and Grigor'ev V.P. *Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Collection of the fourteenth century Golden Horde's Documents from Venice: A Source Study]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy and Political Science, 2002. 278 p. (In Russian)

12. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie yarlyki, poisk i interpretatsiya [The Golden Horde yarliqs: Search and interpretation]. *Tyurkologicheskii sbornik, 2005 (2006): Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [Studia Turkologica, 2005 (2006): Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe]. Moscow: "Oriental literature", 2006, pp. 74–139. (In Russian)

13. Gulevich V. Zakhidni zemli ulusu Dzhuchi v kintsi XIII–XIV st. i Tuka-timuridi [Western lands of the ulus of Jochi in the late thirteenth and fourteenth centuries and the Tuqa-Timurids]. *Spetsial'ni istorichni distsiplini, pitannya teorii i metodiki. Zbirka naukovikh prats'* [Special Historical Disciplines: Questions of Theory and Methodology. Collected Papers]. Boryak G.V. (ed.). Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of History of Ukraine, 2013, no. 22–23, pp. 138–178. (In Ukrainian)

14. Dzhanov A.V. Kaffa i Krym vo vtoroy polovine XIV v. (preimushchestvenno po dannym knig massarii Kaffy) [Caffa and Crimea in the second half of the fourteenth century (mostly according to the Massariae books of Caffa)]. *Sugdeys'kiy zbirnik* [Sugdeian Collection]. Kyiv: "Gorobec" printing house, 2018, iss. 1 (7), pp. 42–303. (In Russian)

15. Dzhanov A.V. Tataro-genuevskie dogovory 1380 i 1381 godov [The Tatar-Genoese Treaties of 1380 and 1381]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 675–713. (In Russian)

16. Dolbe V. *O skorosti i marshrute peredvizheniya puteshestvennikov serediny XIII veka na puti iz Saraya-Batu v Karakorum i obratno* [About the Speed and Route of Movement of Travelers of the mid-thirteenth century on the Way from Sarai-Batu to Karakorum and Back]. Riga, 2012. Available at: <http://annales.info/step/dolbe/2karakorum.html> (accessed 01.06.2020). (In Russian)

17. Emanov A.G. *Obrazovanie gorodskoy kommuny Kaffy (do ser. XV v.). Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [The Formation of the City Commune of Caffa (until the middle of fifteenth century). PhD Thesis]. Ekaterinburg, 1997. 665 p. (In Russian)

18. Zhuravel' A.V. Tokhtamysh, Mamay i data Kulikovskoy bitvy [Toqtamış, Mamai, and the date of the Battle of Kulikovo]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana* [New Historical Perspectives: From the Baltic to the Pacific]. 2017, no. 2(7)–3(8), pp. 27–31. (In Russian)

19. *Istoriya tatar*, Tom III: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of the Tatars, Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). From the thirteenth to the middle of fifteenth century]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1112 p. (In Russian)

20. Keppen P.I. *Krymskiy sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [Crimean Collection. On the Antiquities of the Southern Coast of Crimea and the Tauride Mountains]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1837. 409 p. (In Russian)

21. Kniga massarii Kaffy 1381 g. (MC 1381) Massaria Caffae anno 1381 [Book of Massaria Caffae of 1381]. Dzhanov A.V. Kaffa i Krym vo vtoroy polovine XIV v. (preimushchestvenno po dannym knig massarii Kaffy) [Caffa and Crimea in the second half of the fourteenth century (mostly according to the Massariae books of Caffa)]. *Sugdeys'kiy zbirnik* [Sugdeian Collection]. Kyiv: "Gorobec" printing house, 2018, iss. 1 (7), pp. 175–283. (In Russian)
22. Lebedev V.P. Tri novykh krymskikh klada zolotoordynskikh monet [Three new Crimean hoards of the Golden Horde's coins]. *Vestnik Odesskogo muzeya numizmatiki* [Bulletin of the Odessa Museum of Numismatics]. Odessa: Polis, 2011, no. 39, pp. 10–18. (In Russian)
23. Lyaskoronskiy M.G. *Russkie pokhody v stepi v udel'no-vechevoe vremya i pokhod kn. Vitovta na tatar v 1399 godu* [Russian Campaigns in the Steppe during the Appanage and Veche Time and the Campaign of Prince Vitovt against Tatars in 1399]. St. Petersburg: Senate printing house, 1907. 123 p. (In Russian)
24. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [The Political History of the Golden Horde during the Reign of Toqtamish Khan]. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
25. Mirgaleev I.M. "Chernyy chelovek" Mamay ["Black man" Mamai]. *Mamay. Opyt istoriograficheskoy antologii. Sbornik nauchnykh trudov* [Mamai: The Experience of Historiographic Anthology. Collected Papers]. Trepavlov V.V. and Mirgaleev I.M. (eds). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 183–197. (In Russian)
26. Murzakevich N. *Istoriya genuezskikh" poseleniy v" Krymu* [History of Genoese Settlements in Crimea]. Odessa: At the City Tipography, 1837. 91 + v p. (In Russian)
27. Myts V.L. Bitva na Siney Vode 1363 g. v istoriografii srednevekovogo Kryma [The Battle of Blue Water in 1363 in the historiography of medieval Crimea]. *Arkhеologichnyi litopis Livoberezhnoï Ukraïni (do 600-richchya bitvi na Vorskli 1399 roku)* [Archaeological Chronicle of the Left Bank of Ukraine (to the 600th anniversary of the Battle of Vorskla in 1399)]. Poltava, 2002, no. 1, pp. 107–112. (In Russian)
28. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* [Caffa and Theodoro in the fifteenth century. Contacts and Conflicts]. Simferopol: "Universum", 2009. 528 p. (In Russian)
29. Nabiev R.F. O vremeni zavoevaniya Tokhtamysh-khanom Zolotoy Ordy [On the time of the conquest of the Golden Horde by Toqtamish Khan]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scholarly Notes of Kazan University. Humanities Series]. Kazan, 2010, vol. 152, book 3, part 1, pp. 107–118. (In Russian)
30. *Pamyatniki Kulikovskogo cikla* [Written Monuments of the Kulikovo Cycle]. Rybakov B.A. and Kuchkin V.A. (eds). St. Petersburg: "Blitz", 1998. 412 p. (In Russian)
31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Tom chetvertyy, V: *Novgorodskie i pskovskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles, Fourth Volume, V: Novgorod and Pskov Chronicles]. St. Petersburg: Eduard Prats's printing house, 1848. 372 p. (In Russian)
32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Tom odinnadtsatyy, VIII: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles, Eleventh Volume, VIII: Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikonian Chronicle]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov's printing house, 1897. 262 p. (In Russian)
33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Tom 15, Izd. 2, Vyp. 1: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 15, Ed. 2, Iss. 1: Rogozhsky Chronicle]. Petrograd: s.n., 1922. 216 p. (In Russian)
34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, Tom 35: *Letopisi belorussko-litovskie* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 35: Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Moscow: "Science", 1980. 313 p. (In Russian)
35. Ponomarev A.L. Naselenie i territoriya genuezskoy Kaffy po dannym bukhgalterskoy knigi Massarii – kaznacheystva za 1381–1382 gg. [The population and territory of the Genoese Caffa according to the Massariae (treasury) account book for

1381–1382]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. St. Petersburg: "Aleteia", 2000, iss. 4, pp. 317–443. (In Russian)

36. Ponomarev A.L. Putevoditel' po rukopisi massarii Kaffy 1374 g. Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus mendis purgatus [Manuscript guide to the Massaria Caffae for 1374. Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCCLXXIV nunc indicatus et a pluribus mendis purgatus]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. St. Petersburg: "Aleteia", 2005, iss. 6, pp. 43–138. (In Russian)

37. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kaffy [The early Khans of Crimea: The chronology of the turmoil in the accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)

38. Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie. Biografiy khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [The Tsars of the Horde. Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: "Eurasia", 2010. 408 p. (In Russian)

39. *Pravoslavnaya entsiklopediya. Kaffa* [Orthodox Encyclopedia. Caffa]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/1683945.html> (accessed 01.06.2020). (In Russian)

40. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'* [Trinity Chronicle]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. 516 p. (In Russian)

41. Reva R.Yu. and Bragin A.O. Istoriya Priaral'ya v kontse XIV veka po letopisnym i numizmaticheskim dannym (Chast' 2. Sobytiya 781–793 godov khidzhry) [The history of the Aral Sea region at the end of the fourteenth century according to the annals and numismatic data (Part 2: Events of the years 781–793)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2017, vol. 16, no. 3: Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography], pp. 89–97. (In Russian)

42. Rykin P.O. Tityam: ob odnom kitayskom titule v srednevekovykh russkikh letopisyakh [Titiam: About one Chinese title in medieval Russian chronicles]. *AB-60. Sbornik statey k 60-letiyu Al'berta Kashfullovicha Bayburina* [AB-60. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of Albert Kashfullovich Bayburin]. St. Petersburg: European University Press in Saint Petersburg, 2007, pp. 475–492. (In Russian)

43. Sabitov Zh.M. Emiry Uzbek-khana i Dzhani-bek-khana [Emirs of Uzbek Khan and Janibek Khan]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2 (4), pp. 120–134. (In Russian)

44. Sagdeeva G.Z. *Serebryanye monety khanov Zolotoy Ordyy* [Silver Coins of the Khans of the Golden Horde]. Moscow: s.n., 2005. 77 p. (In Russian)

45. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*, Vol. II: *Izylecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye Tizengauzenom V.G. i obrabotannye Romaskevichem A.A. i Volinym S.L.* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde, Vol. 2: Extracts from Persian Works collected by Tizengauzen V.G. and processed by Romaskevich A.A. and Volin S.L.]. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 307 p. (In Russian)

46. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordyy. Nauchno-spravochnoe izdanie* [The Golden Horde's Elite. Reference Edition]. Kazan: "Fen" Publ., 2009. 232 p. (In Russian)

47. Seleznev Yu.V. Eshche raz o date vydachi khanom Toktamyshe-m tarkhannogo yarlyka Bek-Khodzhi i noveyshikh izyskaniyakh R.F. Nabieva [Once again about the date of the Toqtamish Khan tarkhan yarliq's granting to Bek-Khoja and the latest research of R.F. Nabiev]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scholarly Notes of Kazan University. Humanitarian Studies]. Kazan, 2011, vol. 153, book 3, pp. 267–272. (In Russian)

48. Skrzhinskaya E.Ch. *Sudakskaya krepost'. Istoriya – arkheologiya – epigrafika. Sbornik rabot i materialov* [The Sudak Fortress. History – Archaeology – Epigraphy. Col-

lected Works and Materials]. Kyiv; Sudak; Saint Petersburg: Academperiodica, 2006. 380 p. (In Russian)

49. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoй Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Port until the beginning of eighteenth century]. St. Petersburg: University printing house in Kazan, 1887. 769 p. (In Russian)

50. Sultanov T.I. Pis'ma zolotoordynskikh khanov [Letters of the Golden Horde's Khans]. *Tyurkologicheskii sbornik*, 1975 [Studia Turkologica, 1975]. Moscow: "Science", 1978, pp. 234–251. (In Russian)

51. Talakh V.M. *Ordins'ko-genuez'ki dogovori 1380 ta 1381 rokiv u istorichnomu konteksti* [Horde-Genoese Treaties of 1380 and 1381 in the Historical Context]. Available at: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/History/HordeGenovaTreaties1380-1.html> (accessed 01.06.2020). (In Ukrainian)

52. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*, Tom I: *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde, Vol. 1: Extracts from the Arabic Works]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1884. 564 p. (In Russian)

53. Ötemish Hajji. *Chingiz-name. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primechaniya, issledovanie* [Chingiz-name. Facsimile, Translation, Transcription, Textual Notes, and Research]. Yudin V.P. (ed. and tr.). Alma-Ata: "Gylym", 1992. 296 p. (In Russian)

54. Ötemish Hajji. *Kara tavarikh*. Mirgaleev I.M., Sayfetdinova E.G., and Khafizova Z.T. (eds and tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Turkic)

55. Fedorov-Davydov G.A. Dve zametki po zolotoordynskoy numizmatike [Two notes on the Golden Horde's numismatics]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Questions of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Moscow: "Science", 1978, pp. 249–254. (In Russian)

56. Fedorov-Davydov G.A. and Mukhametshin D.G. *Karatunskiy klad dzhuchidskikh monet XIV veka* [The fourteenth century Karatun's Hoard of Jochid Coins]. Kazan: "Paleograph", Publishing house of Kazan University, 2018, vol. 1. 384 p. (In Russian)

57. Tsybul'skiy V.V. *Sovremennyye kalendari stran Blizhnego i Srednego Vostoka, sinkhronisticheskie tablitsy i poyasneniya* [Modern Calendars of the Countries of the Near and Middle East, Synchronous Tables and Explanations]. Moscow: "Science", 1964. 236 p. (In Russian)

58. Cherkas B. Zakhidni volodinnya Zolotoï Ordi v 1380–1399 rr. (politichnyi aspekt) [Western possessions of the Golden Horde in 1380–1399 (political aspect)]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Yevropi* [Ukraine in Central and Eastern Europe]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, 2013, iss. 12–13, pp. 190–209. (In Ukrainian)

59. Spuler B. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* [The Golden Horde. The Mongols in Russia. 1223–1502]. Gatin M.S. (tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 500 p. (In Russian)

60. Yurgevich V.N. Ustav dlya genuezskikh vladeniy na Chernom more, izdannyy v Genuie v 1449 g. [The statute of the Genoese possessions on the Black Sea published in Genoa in 1449]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1863, vol. 5, part 2, pp. 629–837. (In Russian)

61. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XIVe siècle)*. Genova: Nella Sede della Società Ligure di Storia Patria, 1978. 1008 p. (In French)

62. Basso E. Il "bellum de Sorchat" ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro. *Studi Genuensi*. Genova, 1991, nuova seria, vol. 8, pp. 11–26. (In Italian)

63. Belgrano L.T. Società Ligure de Storia Patria. Anno XIV. *Archivio Storico Italiano*. 1872, serie terza, vol. 15, no. 6, pp. 164–179. (In Italian)

64. Canale M. *Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dale origini fino al dì nostri. Commentari storici*. Genova: Tipi del R.I. de'Sordo-Muti, 1855. 2 Vols. 386 + 481 p. (In Italian)
65. Ciociltan V. Reichspolitik und Handel: Die tatarisch-genuesischen Verträge von 1380–1387. *Il Mar Nero: Annali di archeologia e storia*. Roma: Quasar Di Severino Tognon, 1994, vol. 1, pp. 261–278. (In German)
66. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the thirteenth and fourteenth centuries*. Willcocks S. (tr.). Leiden; Boston: Brill, 2012. 338 p.
67. De Sacy A.I.S. Silvestre. Pièces diplomatiques tirées des archives de la république de Gènes par M. Silvestre de Sacy. *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques*. Paris: Imprimerie Royale, 1827, vol. 11, pp. 1–96. (In French)
68. Desimoni C. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro pel socio Cornelio Desimoni. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Genova, 1867, vol. 5, pp. 169–271. (In Italian)
69. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. *Archivio storico italiano fondato da G.P. Vieusseux*. Firenze: 1887, 4-a ser., vol. 20, no. 161, pp. 161–165. (In Italian)
70. Epstein S.A. *Purity Lost: Transgressing Boundaries in the Eastern Mediterranean, 1000–1400*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. 264 p.
71. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age*. Leipzig: Otto Harrassowitz, libraire-éditeur, 1886, vol. 2. 799 p. (In French)
72. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. *Revue de l'Orient latin*. Paris: Ernest Leroux, éditeur, 1896, vol. 4, pp. 25–118. (In French)
73. Khvalkov E.A. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of History and Civilization of the European University Institute*. Florence: European University Institute, 2015, vol. 1. 584 p.
74. Kuun G. *Adalékok Krim Történetéhez. Gróf Kuun Géza*. Budapest: Eggenberger Ferdinand, M. Akad. Könyvtárusnác, 1873. 52 p. (In Hungarian)
75. Oderico G.L. *Lettere Ligustiche: ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ac tempi di Ottone il grande con le memorie di Caffa, ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da' Genovesi*. Bassano: Giuseppe Remondini e figli, 1792. xxii + (2) + 214 + (2) + 16 p. (In Italian)
76. Olivieri A. *Carte e cronache manoscritte per la storia genovese esistenti nella biblioteca della R. Università Ligure*. Genova: Tipi del R. I. de' sordo-muti, 1855. 243 p. (In Italian)
77. Pistarino G. *Notai genovesi in Oltremare. Atti Rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360–61)*. Genova: Istituto Internazionale di studi Liguri Bordighera, 1971. 228 p. (In Italian, Latin)
78. Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi*. Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glücksberga, Księgarza, 1846, t. 2. 572 p. (In Polish)
79. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass.: The Mediaeval Academy of America, 1936. 294 p.

About the author: Victor N. Talakh – Independent researcher (15, Patriarch Mstislav Skrypnik Str., Kyiv 03035, Ukraine); ORCID: 0000-0001-5535-7734. E-mail: victornykolayevich@gmail.com

Received December 2, 2020 Accepted for publication March 1, 2021
Published March 29, 2021

**«ДОБРЫЙ» ИЛИ «СВЯТОЙ» ДЖАНИБЕК-ХАН (1342–1357)
В УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОЧЕВНИКОВ-КАЗАХОВ**

И.В. Ерофеева

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Республика Казахстан*

Цель исследования: выяснить основные причины формирования в течение XV–XVIII вв. культа золотоордынского хана Джанибека в устной исторической памяти степных кочевых племен, запечатленной в нарративной традиции казахов.

Материалы исследования: опубликованные в разное время тексты казахских фольклорных источников последней четверти XVIII – начала XX в. (преданий, былин, легенд, сказок), посвященных Джанибек-хану, либо тесно связанным с ним персонажам устных нарративов.

Результаты и научная новизна исследования: в историографии Золотой Орды и средневековой истории Казахстана общепринятым можно считать представление о том, что определяющую роль в исламизации разноплеменного населения Улуса Джучи сыграл в XIV в. Узбек-хан (1313–1342). Однако ни в одном из казахских фольклорных источников, письменно зафиксированных в последней четверти XVIII – начале XX в., его имя не упоминается. В то же время эта роль отведена в них сыну и преемнику Узбека Джанибек-хану, который является самым популярным персонажем устных нарративов казахов, посвященных евразийскому средневековью. Из установленного факта делается вывод о том, что инновационные мероприятия Узбека в религиозной сфере охватили главным образом западную часть Улуса Джучи, но мало затронули степных кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака. Главная роль в распространении ислама и исламской культуры к востоку от бассейна Урала в кочевьях этнических предков казахских племен принадлежала Джанибек-хану, что нашло соответствующее отражение в массовом историческом сознании казахов.

В статье показано влияние заимствованного степняками-мусульманами из суфизма культа «святых» на процесс сакрализации исторического хана Джанибека в казахской нарративной традиции и выявлены наиболее характерные черты его мифологизированного образа. Научная новизна состоит в постановке самой вышеуказанной темы исследования и проделанном структурном анализе выявленных фольклорных текстов, который позволяет разрешить давнюю проблему механистического отождествления литературного хана Золотой Орды Джанибека с одноименным казахским ханом, правившим на территории восточной части бывшего Улуса Джучи в более позднее время.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, исламская архитектура, суфизм, устная память, фольклор, нарративная традиция

Для цитирования: Ерофеева И.В. «Добрый» или «святой» Джанибек-хан (1342–1357) в устной исторической памяти кочевников-казахов // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 149–165. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165

**“GOOD” OR “SAINT” JANIBEK KHAN (1342–1357)
IN THE ORAL HISTORICAL MEMORY OF THE NOMADS-KAZAKHS**

I.V. Erofeeva

*Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Abstract: *Research objectives:* To identify the main reasons for the formation of the cult of Janibek Khan of the Golden Horde in the oral historical memory of the nomadic steppe tribes which was embodied in the narrative tradition of Kazakhs from the fifteenth to eighteenth century.

Research materials: The texts of the Kazakh folklore sources from the last quarter of the eighteenth to the beginning of twentieth century, published in different genres (tales, epics, legends, fairy tales) and dedicated to Janibek Khan or characters of the oral narratives closely related to him.

Results and novelty of the research: The historiography of the Golden Horde and the medieval history of Kazakhstan considers it conventional wisdom that Uzbek Khan (r. 1313–1342) played the decisive role in the Islamization of the tribal population of the Ulus of Jochi during the fourteenth century. However, none of the Kazakh folklore sources recorded from the last quarter of eighteenth to beginning of twentieth century mentions his name. Rather, this role is given to the son and successor of Uzbek, Janibek Khan, who is the most popular character of oral narratives of Kazakhs dedicated to the Eurasian Middle Ages. This fact leads to the conclusion that the innovative activities of Uzbek in the field of religion covered mainly the western part of the Ulus of Jochi but had a limited impact on the steppe nomads of the Eastern Dasht-i Kipchak. The main role in the spread of Islam and Islamic culture to the east of the Ural River valley, in the territory of the ethnic nomadic ancestors of the Kazakh tribes, was played by Janibek Khan, which was reflected in the popular historical consciousness of Kazakhs.

This article demonstrates the influence of Sufism’s cult of the “saints” borrowed by Muslim communities of the steppe in the process of sacralization of the historical Janibek Khan in the Kazakh narrative tradition and highlights the most characteristic features of his mythologized image. The scholarly novelty consists in the statement of the abovementioned theme of research and the structural analysis of the revealed folklore texts, which allows one to solve the long-standing problem of the association of the folk literature Janibek Khan of the Golden Horde and the historical Kazakh Khan of the same name who ruled in the eastern part of the former Ulus of Jochi in the later period.

Keywords: Golden Horde, Islam, Islamic architecture, Sufism, oral memory, folklore, narrative tradition

For citation: Erofeeva I.V. “Good” or “Saint” Janibek Khan (1342–1357) in the Oral Historical Memory of the Nomads-Kazakhs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 149–165. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165

Улус Джучи, более известный в исторической литературе под названием *Золотая Орда*, был одним из самых крупных и могущественных государств эпохи Средневековья. В пределах этого имперского образования сложились общие для наследовавших ему тюркских государств основы государственного устройства, выражавшиеся в монопольном праве разных ветвей династии Джучидов на верховную власть; идентичные формы политической культуры всех мультикультурных жителей Дешт-и Кыпчака вне зависимости

от их образа жизни, рода занятий и племенной принадлежности; конфессиональное единство формировавшихся в разных регионах страны локальных этнических общностей. Поэтому история Золотой Орды и общественно-политическая деятельность ее самых харизматичных и успешных правителей глубоко запечатлелись в устной памяти казахов-кочевников и их ближайших кочевых и полукочевых соседей в сопредельных регионах Центральной Азии.

Самые ранние упоминания о широко расхожих в кочевьях трех жузов устных преданиях и легендах, посвященных далекому прошлому кочевого населения Казахстана, содержатся в отдельных историко-этнографических исследованиях российских провинциальных чиновников и военных второй половины XVIII – первой половины XIX в., имевших непосредственные контакты с казахскими султанами и старшинами. Так, некоторые исторические реминисценции казахов о долговременном пребывании их предков вместе с другими тюркскими племенами в составе общего разнородного государства и наиболее выдающихся правителей бывшего Улуса Джучи были зафиксированы в то время в опубликованных и рукописных трудах военного инженера на Сибирских линиях капитана И.Г. Андреева (1785 г.), главы российской посольской миссии в Бухару поручика Я.П. Гавердовского (1807 г.), служащего Колывано-Воскресенских горных заводов на Алтае берггешворена И.П. Шангина (1816 г.), омского областного начальника генерал-майора С.Б. Броневского (1830 г.), чиновника Азиатского департамента МИД и будущего известного историка А.И. Левшина (1832 г.) [2, с. 29–30; 18, с. 193, 386 и др.; 8, с. 6.; 27, с. 145–147; 44, с. 67–68]. Несмотря на то, что для лаконично пересказанных в них степных нарративов характерны хронологическое смещение эпох, неточная передача некоторых исторических фактов и прочие недостатки, эти предания в целом являются достаточно информативными по содержанию и в определенной степени отражают слабо освещенные в письменных источниках аспекты политической деятельности наиболее запомнившихся степнякам золотоордынских ханов.

Во второй половине XIX – начале XX в. устная нарративная традиция казахов стала одним из основных объектов познавательного интереса целой группы российских исследователей истории и культуры казахского народа: Ч.Ч. Валиханова, Г.Н. Потанина, И.И. Крафта, А.А. Диваева, О. Альжанова, А.Н. Белослюдова, Ш. Кудайбердиева, А.Д. Нестерова, К. Халида, М.-Ж. Копеева и некоторых других авторов [10, с. 159–161, 165; 19, с. 230–231, 508, 509; 22, № 131, 132, 133; 13, с. 148; 20, с. 109–121; 7, с. 11–13, 35–43; 33, с. 67–71, 167–171; 31, с. 110–121; 26, с. 41–47; 43, с. 103, 232; 23, с. 324–327]. За многолетний период своего общения с традиционной казахской знатью и простыми кочевниками они записали несколько десятков разнообразных произведений устного народного творчества: эпических поэм, преданий, легенд, былин, назидательных сказок и прочих нарративов, посвященных Золотой Орде и ее основным героям. Большую часть собранных фольклорных материалов эти исследователи использовали при написании собственных историко-этнографических трудов, либо опубликовали в виде отдельных текстов в провинциальной российской периодике. Некоторые письменно зафиксированные ими предания и легенды были изданы в советский период и в последние годы [21, с. 68–69, 169–171, 178–179; 24, с. 83–92; 25, с. 83–93, 96–100, 111–115 и др.].

Проведенный нами сравнительный анализ опубликованных нарративных текстов свидетельствует о том, что кочевники-казахи рассматривали историю расцвета и упадка Золотой Орды и исторические этапы развития собственного государства, возникшего после её распада на отдельные части, как постоянно повторяющийся порядок циклической смены эпох, восприятие которого носило в массовом сознании носителей устной памяти четко выраженный персонифицированный характер. В связи с этим абсолютное большинство казахских фольклорных материалов, освещающих евразийское средневековье, посвящено конкретным историческим деятелям Улуса Джучи, либо тесно связанным с ними реальным или вымышленным лицам. К числу самых популярных персонажей нарративной традиции казахов следует отнести: Чингиз-хана (1206–1227 годы правления), его старшего сына хана Джучи (? – ок. 1227), ставшего героем песенно-музыкального творчества многих казахских акынов; ханов Батыя (1243–1255), Джанибека (1342–1357) и Токтамыша (1380–1406); Урус-хана (1368–1377), Эдиге (Едигея, Идегея) – бека (нач. 1390-х – 1419) и самаркандского эмира Тимура (1370–1405), основавшего в Мавераннахре державу Тимуридов.

Как известно, Золотая Орда достигла пика своего развития в первой половине XIV в., в годы правления хана Узбека (1313–1341) и его сына Джанибека (1342–1357). В аутентичных письменных источниках и научной литературе XIX–XX вв. и двух последних десятилетий с именами этих государей связываются такие важные исторические процессы на территории внутриконтинентальной Евразии, как укрепление военно-политического могущества Улуса Джучи, временное преодоление верховной властью разорительных междоусобных конфликтов среди различных тюркских племен – элей и обращение основной массы оседлого и кочевого населения Дешт-и Кыпчака в мусульманство [34, с. 244–264; 39, с. 45–51; 40, с. 217–222].

После смерти Джанибек-хана началось быстрое ослабление Золотой Орды, а во второй четверти XV в. – её распад на отдельные части, увенчавшийся образованием в Крыму, Поволжье, Восточном Дешт-и Кыпчаке и Сибири самостоятельных тюркских государств, в том числе Казахского ханства (1465–1822).

Однако при комплексном изучении всего доступного нам сегодня массива казахских фольклорных материалов XVIII – начала XX в. обращает на себя внимание фактически полное отсутствие в них каких-либо упоминаний о золотоордынском хане Узбеке, тогда как его сын и правопреемник Джанибек-хан является главным героем, либо одним из героев наибольшего числа устных преданий, легенд, былин и сказок казахов-степняков, посвященных истории социально-политической и культурной жизни их этнических предков в эпоху средневековья. Отсюда цель данного исследования состоит в том, чтобы выяснить основные факторы и причины формирования в течении XV–XVIII вв. культа золотоордынского хана Джанибека в устной памяти степных кочевников, а также определить наиболее характерные черты мифологизированного образа этого правителя в казахской нарративной традиции.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо иметь ввиду, что в XVIII – начале XX в. в среде казахов доминировало идеализированное представление об эпохе былого военно-политического могущества Улуса Джучи как о «золотом веке» истории становления и развития своего государства, за

которым последовало несколько веков постепенной деградации сформировавшегося в «древнее время» государственного организма, общего для большей части тюркских племен Евразии. На всех ступенях многовекового кризиса золотоордынского наследия «древнеказахское государство», периодически сокращаясь в размерах, постоянно проходило по кругу замкнутые циклы подъема и упадка; причем точка максимума каждого последующего подъема оказывалась ниже предыдущей.

Эти стадийные изменения определялись с точки зрения степных кочевников главным образом личными качествами и поступками конкретных представителей царствующей династии, которые оказывали, как им представлялось, решающее влияние на состояние общественных нравов и характер иерархических отношений между разноплеменными кочевыми общинами. Представления же об индивидуальных достоинствах, недостатках и пороках людей, а также межличностных и межгрупповых отношениях в кочевом обществе формировались на протяжении многих веков в тесной связи с постоянным наблюдением за окружающей дикой природой, во взаимодействии с ней и отчасти под воздействием мифо-поэтического восприятия ее животного мира.

Как следствие этого, зафиксированные в начале прошлого века устные рассказы казахов об основных этапах развития своей этнической общности в обозримое время представляют собой не своеобразную хронику царствования четырех–шести конкретных государей, а обобщенные образно-метафорические характеристики выделяемых эпох, подчиненные определенным назидательным целям. В жанровом отношении они синкретичны: в них можно обнаружить элементы и предания, и мифа, и легенды, и даже сказок о животных.

Наиболее расхожие в казахской степи представления кочевников о своем далеком и относительно недавнем историческом прошлом обобщил на рубеже XIX–XX вв. казах Акжарской волости Ташкентского уезда Сырдарьинской области Кубей Токпулатов в специальной записке «Четыре века», текст которой в переводе на русский язык опубликовал в 1906 г. известный туркестанский этнограф и фольклорист А.А. Диваев в газете «Туркестанские ведомости». Согласно приведенной в ней схеме периодизации более или менее запомнившихся местным знатокам старины «800 лет жизни» степных тюркских племен Евразии, последние выделяли в этом отрезке времени четыре периода, образно называя их «эпохами тигра», «волка», «лисицы» и «зайца».

Самый древний период становления и развития социального организма у евразийских кочевников завершился, по их убеждению, около 500 лет назад, то есть охватил время пребывания близких предков казахов в составе Золотоордынской державы и емко был обозначен Кубеем Токпулатовым как *джулбарс* (*жолбарыс*)-*зәмані* – «эпоха тигра».

Это определение сопровождается в тексте записки следующими пояснениями «Тигр, – утверждается в ней, – один из самых крупных, сильных и ловких зверей, обитающих в тугаях, непроходимых камышах и густых лесах. ...Если человек, встретившись с тигром, примет почтительную позу, сложит свои руки на груди и, не спуская с него взоров, произнесет: “О, мой господин тигр! Положение твое поистине высокое. Ты прости меня, невежду, великодушно. Я ведь случайно встретился с тобой”. Тогда тигр, не причинив ему никакого вреда, поворачивается и уходит своей дорогой». ... «Что же мы из этого видим?» – далее задает риторический вопрос вышеназванный автор.

Проведя вслед за тем в рукописи статьи условную параллель между вообразаемым идеальным характером правления «старинных» золотоордынских государей и типичным поведением наделенного народной фантазией духовным величием и человеческим благородством грозного «хозяина камышовых джунглей» – туранского тигра, ниже по тексту он пояснил: «А видим мы из этого то, что и между людьми бывали в старину люди с высоким положением. Они обладали также большою силою и волею. Управляя народом, обращались с ним милостиво и справедливо, а раскаивающихся – прощали. Итак, времена эти назывались временами тигра» [13, с. 148].

Сравнительное изучение разнообразных материалов казахского фольклора, посвященных средневековому прошлому кочевого населения Казахстана, убедительно свидетельствует о том, что под «эпохой тигра» казахи в основном подразумевали время царствования сына золотоордынского хана Узбека Джанибек-хана, носившего тронное имя *Джалал ад-Дин Музаффар Махмуд Джанибек-султан* [35, с. 110]. «Время управления Джанибека, когда две родные орды ногаев и казахов жили вместе, – писал в середине XIX в. Чокан Валиханов, – воспеваются в киргизских поэмах, как золотой век. К этому времени принадлежит большая часть преданий» [10, с. 165].

Особая популярность вышеназванного исторического деятеля в устной памяти казахов-степняков во многом была обусловлена тем, что Джанибек не только имел устойчивую репутацию сильного государя, способного обеспечить относительное общественное согласие в среде своих разноплеменных подданных, но и сыграл определяющую роль в распространении ислама и исламской культуры за Уралом, в восточной части Улуса Джучи, где абсолютное большинство тюркских кочевых племен оставались до середины XIV в. язычниками по конфессиональной принадлежности.

По отношению к вере он проявил себя как исключительно последовательный и энергичный преемник своего отца и в еще большей степени, чем хан Узбек, способствовал распространению ислама в многоплеменном государстве [34, с. 110]. Не случайно, именно Джанибек, а не его более знаменитый отец, стал впоследствии одним из самых популярных персонажей степного фольклора. Именно ему кочевники-казахи посвятили целый цикл преданий, легенд, былин и сказок о своем историческом прошлом; причем, в отдельных повествовательных текстах, записанных в 1914 г. сибирским краеведом А.Н. Белослюдовым, они называли непосредственно годы его правления «веком тигра» [7, с. 11–12].

Повсеместное распространение ислама и исламских духовных ценностей в Улусе Джучи, создание мусульманской архитектуры и многосторонняя поддержка ученых-богословов, приезжавших в Орду, являлись приоритетными направлениями внутренней политики Джанибека. По свидетельству одного из современных ему арабских историков, новый хан, вступив на сарайский престол, сразу же приказал всем представителям ордынской знати носить чалму и длинное прямое мусульманское платье – фараджийат («ферязи»), что и было выполнено ими [15, с. 194; 35, с. 110].

Согласно сведениям «Мунтахаб ат-таварих-и Муини», или «Анонима Искандера» Му'ина ад-Дин Натанзи, Джанибек активно уничтожал языческие святилища на территории Золотой Орды, строил и материально обустроивал мечети и медресе, целеустремленно поощрял стремление сыновей эмиров изу-

чать богословие, вводил в повседневную жизнь и быт своих подданных мусульманские обряды и обычаи [16, с. 253–254]. В Сарае, при его дворе находились многие авторитетные религиозные деятели, содействовавшие превращению столицы Золотой Орды в новый центр исламского богословия, в том числе выдающийся шейх Мухаммад б. Мухаммад ар-Рази Кутб ад-Дин ат-Тахтани [35, с. 110]. В восприятии самых разных мусульманских кругов второй четверти – середины XIV в. Джанибек был «благочестивым», «справедливым и щедрым падишахом». Поэтому один из виднейших мусульманских ученых того времени – Маулана Сад ад-Дин Тафтазани в 756 г. х. (1355–1356) «составил в его честь» комментарий на свое богословское сочинение «Мухтасар ат-талхис» [16, с. 403, 408; 17, с. 99–100; 35, с. 110].

С мнениями современников солидарны и авторы мусульманских хроник XVI–XVII столетий. В частности, иранский историк Ахмад ибн Мухаммад ибн Надж ад-Дин Абд ал-Гаффар ал-Джафари ал-Гаффари ал-Казвини отзывался о хане Джанибеке, как о «крайне справедливом, богобоязненном и благочестивом» государе [16, с. 403]. Хивинский хронист Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости, основываясь на сочинениях предшественников и тюркских преданиях о правопреемнике Узбека, в свою очередь также утверждал, что «справедливость, святость и великодушие его известны», и будто бы «не было в вилайете Дашт [и Кыпчака] подобного ему правосудного, благочестивого и могущественного государя» [41, с. 107; 42, с. 46]. Позднее аналогичное суждение о Джанибеке высказал знаменитый земляк Утемиш-хаджи, хивинский хан и историк Абу-л-Гази, который писал в своем главном труде: «Этот Джанибек-хан был лучшим из мусульманских государей. Он оказывал великое уважение ученым и всем, отличавшимся познаниями, аскетическими делами и благочестием» [1, с. 101].

По словам неизвестного автора персоязычного сочинения «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» начала XVI в., хана Джанибека его приверженцы называли *Азиз-Джанибеком*, т.е. «Святым Джанибеком». В свое время известный советский востоковед В.П. Юдин указал в комментарии к опубликованному переводу небольшого фрагмента данного труда, что арабское слово *азиз* буквально означает «дорогой, любимый», но используется также в значении «суфий святой» и здесь употреблено в последнем смысле [28, с. 33, 502]. В этом же значении оно передано и современным российским тюркологом И.А. Мустакимовым в подготовленном и опубликованном им переводе другого фрагмента текста «Нусрат-наме», где имеется еще одно упоминание о хане Джанибеке [30, с. 235].

В других известных нам сочинениях мусульманских авторов XVI в. и трех последующих столетий, а также в современных им актовых документах ханских канцелярий и конфессиональных учреждений разных регионов Западной Сибири, Южного Казахстана и Средней Азии слово «азиз» употреблялось исключительно как почетное звание многих суфийских шейхов, которым эти лица наделялись местными общинами суфиев в знак особо уважительного отношения к их происхождению или к личным достоинствам и обычно писалось в единственном числе, либо с суффиксом множественного числа (перс.- *ān* или тюрк.- *lār*) в значении plur. *ethic* после собственных имен этих религиозных авторитетов (например: Йусуф-шейх- ‘азиз, Ибрагим-шейх-и ‘азизлар) [45, с. 187 и др.; 14, с. 117–119, 219; 6, с. 21, Приложение IV,

с. 951, 955, 956, 962; 9, с. 41–42, 63; 29, с. 25, 26, 93–95]. В тексте упомянутого выше источника начала XVI в. оно написано перед именем Джанибека и, следовательно, употреблено здесь как эпитет, производный от суфийского звания «азиз», с целью подчеркнуть превосходные духовно-нравственные качества этого правителя.

В отличие от обоих переводчиков «Нусрат-наме», некоторые современные историки трактуют данный эпитет в значении «добрый» или даже «покойный». Однако образное определение «святой» мне представляется наиболее адекватным, так как слово «азиз» является в позднесредневековых письменных источниках приставкой к именам главным образом выдающихся суфиев разных местностей. Следовательно, оно имеет четко выраженное религиозное содержание, суть которого в целом совпадает с конкретными отзывами хивинских хронистов Утемиша-хаджи и Абу-л-Гази, а также других современных им мусульманских авторов о «святости» личных помыслов и поступков Джанибека.

Как и в мусульманских хрониках, в устной повествовательной традиции степных кочевников азиатской части континента сохранились однозначно положительные воспоминания об этом хане. В частности, в записях казахских преданий и былин последней четверти XVIII – начала XX в. он фигурирует как «древнейший на свете», самый «знаменитый» из потомков Джучи-хана и «могущественный» хан, который во многих отношениях был очень мудрым падишахом и обратил тюркские племена в ислам [2, с. 29–30; 19, с. 198, 230, 508; 20, с. 316–318, 322–325; 43, с. 232–234; 7, с. 11–13].

Ислам, как известно, проникал в среду евразийских кочевников большей частью не в его официальной интерпретации, а в форме суфизма (*ат-тасаввуф*). Суфизм способствовал сложению в степной исламской традиции культа святых (*аулие*), принципиально чуждого кораническому учению, который смешался в ней с ранее бытовавшим у местных тюрков культом предков (*аруах*) и другими традиционными верованиями. Под влиянием суфийского ислама у кочевых племен в XIV–XVII вв. произошла трансформация многих традиционных обрядов, в том числе погребального: наряду с курганными насыпями в ареале их расселения стали создаваться мусульманские некрополи с монументальными постройками и возводиться крупные одиночные мавзолеи. В связи с культом «святых» и глубоко укорененной в кочевом социуме традицией почтительного, молитвенного отношения к погребенным людям, признанными праведными и мудрыми, мавзолеи в казахских степях становились культовыми сооружениями, а погребенные в них люди считались святыми [11, с. 170; 5, с. 338, 344, 355 и др.].

Распространение ислама среди кочевников сыграло важную роль в формировании чувства конфессиональной идентичности у широко рассеянных в географическом пространстве Степи тюркоязычных племен и в определенной мере способствовало сглаживанию различных противоречий и конфликтов между ними и иноплеменными единоверцами-соседями.

В последней четверти XVII – первой половине XVIII в. исламская идентичность выступала в казахском обществе уже как идеология, способная вдохновить разрозненные социальные группы казахов на организованное сопротивление военной агрессии иноконфессиональных соседей-ойратов, неоднократно пытавшихся силой навязать казахам буддизм, и была в сло-

жившейся экстремальной ситуации важной этноинтегрирующей силой [5, с. 346–348; 46, с. 79–80, 100]. Вероятно, именно в этот судьбоносный для степняков период их прежние смутные реминисценции о золотоордынском хане Джанибеке, как о мудром падишахе, ревностном поборнике истинной веры, существенно оживились, и усилилась сакрализация его мифологизированного образа в коллективной исторической памяти о средневековом прошлом.

В казахском фольклоре Джанибек-хан часто упоминается по аналогии с вышеуказанным персоязычным источником с эпитетом *Азиз-Джанибек* или *Аз(с)-Жанибек*; причем в некоторых повествовательных текстах (главным образом в былинах и сказках) среди его советников и придворных фигурируют как вымышленные мифические персонажи, так и отдельные исторические герои, которые предположительно жили в иные эпохи – намного раньше, либо позднее Джанибека [10, с. 159; 19, с. 198–199, 230–231, 508; 20, с. 110–121; 7, с. 11–13].

По разным причинам многие историки и фольклористы до недавнего времени ошибочно отождествляли литературного хана Жанибека с младшим соправителем первого казахского «падишаха» хана Керей (1465–1473/74) – сыном хана Барака Жанибек-ханом (1465–1473/74). Однако при внимательном ознакомлении с содержанием самых информативных казахских былин, сказок и преданий [19, с. 230–231, 508; 20, с. 110–121, 322–323] нетрудно установить, что речь в них идет вовсе не о младшем хане казахов Абу Саиде, или Жанибеке, называемом также в средневековых источниках *Кини-Жанибеком* [37, с. 229; 36, с. 148], а о его древнем тезке – могущественном правителе Золотой Орды, сыне хана Узбека [об этом см. также: 43, с. 234; 4, с. 111; 38, с. 143–146].

В одном из преданий о Джанибек-хане, письменно зафиксированном капитаном И.Г. Андреевым в 1782–1785 гг. в районе Тарбагатай «по словесным объявлениям» родовых старшин племени найман Среднего жуза, говорится о том, что он был после Чингиз-хана и его ближайших потомков «всех знаменитее» в «Большой и Малой Бухариях» и смежных с ними степных регионах, «ханствовал в Туркестане и ввел к ним закон мухамеданской» [2, с. 29–30]. Аналогичное по смыслу предание записал около полувека спустя в том же географическом районе со слов местных найманов омский областной начальник С.Б. Броневский. В упомянутом им фольклорном тексте хан Джанибек представлен уже не только «правителем», но и «основателем города Туркестана, ...более известного под именем Азрета», откуда он, по показаниям казахов, будто бы «просветил их верою Магомета» [8, с. 5].

Общеизвестно, что постоянным местом пребывания Джанибека в улусе Джучи был город Сарай, располагавшийся в Поволжье, поэтому сведения обоих процитированных источников о его сколько-нибудь продолжительном либо краткосрочном ханствовании в Туркестане не имеют под собой реальной основы. В то же время нельзя не признать, что в устной памяти казахов-степняков глубоко запечатлелся сам факт обращения их отдаленных предков к исламу и опосредованная причастность к этому событию «знаменитейшего» в древности государя. Последний, как уже упоминалось выше, постоянно общался в столице Золотой Орды с посещавшими его двор приезжими мусульманскими богословами из разных регионов Южного Казахстана и Сред-

ней Азии и, по-видимому, имел здесь какие-то контакты с суфийскими шейхами и/или дервишами из Туркестанского региона, где в ту эпоху и позднее (до середины XVIII в.) осуществляло активную миссионерскую деятельность братство Йасавийа.

Две небольшие легенды о «могущественном» Джанибеке были записаны в конце XIX в. в северо-западных кочевьях Младшего жуза почетным аксакалом аула № 4 Буртинской волости Актюбинского уезда Тургайской области Мамбетом Асавовым и в ближайшие годы опубликованы известным оренбургским краеведом И.И. Крафтом в «Тургайской газете». В этих фольклорных текстах местом созидательной деятельности золотоордынского правителя выступает древний Сарайчик, располагавшийся в междуречье Волги и Урала, где впоследствии Джанибек был похоронен и более двух веков находилась его могила [1, с. 101]. Сам же хан изображен в них полновластным хозяином этого города, который некогда инициировал возведение здесь отдельных зданий жилого и культового назначения.

Так, в одной легенде приведена информация о том, что «однажды хан вздумал выстроить для себя в Сарайчике большой новый дворец». Дворец за короткий срок будто бы «был выстроен на славу к великому удовольствию хана», то есть, вероятно, сконструирован и декоративно оформлен в исламском стиле в соответствии с религиозными предпочтениями будущего владельца. Но о дальнейшей судьбе сарайчикской резиденции хана легенда умалчивает [20, с. 322–325]. Во втором фольклорном тексте сообщается о былом существовании в Сарайчике старинной мечети, которая, по словам казахов, была «построена» в свое время именно ханом Джанибеком. На этой констатации запись устного нарратива, как и в предыдущем тексте, обрывается [22, с. 131].

Приведенная выше информация казахских преданий и легенд о религиозном подвижничестве и отдельных созидательных инициативах энергичного продолжателя дела хана Узбека в вопросах веры косвенно свидетельствует о том, что процесс исламизации многоплеменного населения тюрко-монгольского государства охватил к середине XIV в. уже не только западную часть улуса Джучи, но и его обширные географические области за Уралом. Именно годы правления этого могущественного государя стали временем массового обращения в ислам тюркоязычных племен Восточного Дашт-и Кипчака, что четко отразилось в историческом сознании степных номадов. Подтверждением адекватности подобных представлений являются уточненные археологами за последнюю четверть века нижние хронологические рубежи возведения и функционирования знаменитых «подземных мечетей» Шакпак-ата и Шопан-ата на полуострове Мангыстау и целого ряда исламских культово-мемориальных сооружений в других регионах Казахстана, датируемых первой половиной – серединой XIV в. [3, с. 355–357]. К этой группе памятников исламской архитектуры относятся: элитные мавзолеи городища Жайык в бассейне нижнего Урала на территории Западно-Казахстанской области, мавзолеев Абат-Байтак – в смежной с ней Актюбинской области, мавзолеев Жоши-хан – в Улытауском районе Карагандинской области (датирован по полученным нами в этом году данным радиоуглеродного анализа), элитный мавзолей некрополя Аулиеколь в Павлодарской области, центральный мавзолей на некрополе Кердери II в Кызылординской области и др. [5, с. 375, 384–385,

388–390; 32, с. 167–184]. Одним из датирующих предметов, найденных на территории этих элитных культово-мемориальных сооружений, для археологов стали медные монеты эпохи правления хана Джанибека.

Основными темами других произведений казахского фольклора, посвященных Джанибеку, являются наиболее показательные случаи проявления им своих интеллектуальных достоинств, дальновидности, мудрости и высоких нравственных качеств в ходе непосредственных контактов со степными подданными [7, с. 35–38, 38–43; 33, с. 67–71, 167–169; 12, № 2; 22, № 132]. Изложенные в них лаконичные рассказы на эти темы содержат в себе большую долю художественного вымысла, характерного для сказок и некоторых других литературных жанров дидактической направленности, но основываются, на мой взгляд, на вполне реальных, хотя и неизвестных нам эпизодах личных взаимоотношений хана с отдельными представителями родоплеменной верхушки кочевников, обросших за несколько веков в ходе многократной устной передачи информации о них в среде степняков различными мифологическими подробностями.

Золотоордынский Азиз-Джанибек-хан относительно хорошо запомнился многим кочевникам Дешт-и Кыпчака благодаря в основном своей активной организационной деятельности по стабилизации общественных отношений на территории всего бывшего Улуса Джучи, распространению новой веры среди мультикультурных подданных и особенно за свои весомые заслуги в деле создания исламской культовой и мемориально-культовой архитектуры в восточной части огромной империи. В связи с оставленным этим государем и его многочисленными сподвижниками материальным и нематериальным культурным наследием уместно будет кратко привести здесь фабулу оригинальной казахской легенды «Джиренше-шешен и хан», опубликованной в 1893 г. «Киргизской степной газете».

В ней, в частности, повествуется о том, что, некий легендарный степной философ, многократно упоминающийся в казахском фольклоре под именем или прозвищем *Жеренше-шешен*, однажды поприветствовал литературного Джанибек-хана следующими словами: «Да будут, государь, дни жизни твоей один год в тысячу лет». Затем он разъяснил падишаху свое необычное благопожелание (*бата сөз*): «Человек сам не живет тысячу лет, но если он какими-нибудь делами и заслугами оставит память о себе, то имя его живет на земле и более тысячи лет» [12, № 2]. По легенде, Джанибек одобрительно воспринял это пожелание и «подарил Джиренче коня неизнуримого и одежду неизносимую», то есть сделал своим постоянным советником до конца жизни [12, № 2].

Современные исследования археологов в разных регионах Казахстана, обнаруженные ими там новые памятники середины XIV в. и выявленные в ходе раскопок различные датирующие артефакты убедительно свидетельствуют о том, что знаменитый правитель Золотой Орды не только благожелательно выслушивал полезные советы собственных визирей и приезжих мусульманских богословов, но и по возможности пытался организовать практическую реализацию словесно одобренных им пожеланий путем повсеместного создания различных материальных объектов исламской инфраструктуры. Все эти находки в целом дают представление о заметном изменении прежнего историко-культурного ландшафта на большей части территории казахстанских степей в эпоху правления исторического Джанибек-хана

и позволяют понять основную причину более чем шестивековой живучести разного рода реминисценций о нем в устной памяти казахского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Багадур-хан*. Родословное древо тюрков. *Иоакимф*. История первых четырех ханов дома Чингисова. *Лэн Пуль С*. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996.
2. *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: «Гылым», 1998.
3. *Астафьев А.Е.* Новые направления изучения подземных мечетей Мангыстау // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 351–358.
4. *Атыгаев Н.А.* К вопросу о трактовке предистории образования Казахского ханства // Актуальные проблемы истории Казахстана. – От истоков к современности. Материалы международной научно-практической конференции. Уральск, 2015. С. 106–127.
5. *Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновская Г.А.* История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы: «Service Press», 2018. 553 с.
6. *Бейсембиев Т.К.* Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы: «Print-S», 2009. 1263 с.
7. *Белослюдов А.Н.* Сказания и сказки киргиз // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Томск, 1915. Вып. 9. С. 11–13.
8. *Броневский С.Б.* О казахах Средней орды. Изд. 2-е. Павлодар, 2005.
9. *Бустанов А.К.* Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 33–78.
10. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 2.
11. *Джандосова З.А.* Казахстан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Прозоров С.М. (ред.). М., 2006. Т. 1. С. 169–176.
12. *Джиренше-Шишен и хан* // Киргизская степная газета. 1893. № 2.
13. *Диваев А.* Четыре века // Туркестанские ведомости. 1906. № 24. С. 148.
14. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исака Баба в нарративной и генеалогической традициях, Т. 2: Генеалогические грамоты и сакральные семейства XIX–XXI веков: насаб-нама и группы хожей, связанных с сакральным сказанием об Исаке Бабе / Муминов А., Кюгельген А. фон, Диуис Д., Кемпер М. (ред.). Алматы: «Дайк-Пресс», 2008.
15. История Казахстана в арабских источниках, Т. 1: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005.
16. История Казахстана в арабских источниках, Т. 4: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Дополненное и переработанное издание. Алматы, 2006.
17. История Казахстана в персидских источниках, Т. 5: Извлечения из сочинений XIII–XIX веков / Абусейтова М.Х. (ред.). Алматы, 2007.
18. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века (труды Я.П. Гавердовского) / Ерофеева И.В. (ред.). Алматы: «Дайк-Пресс», 2007.
19. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, Т. 7: Г.Н. Потанин. Исследования и материалы / Алимгазинов К.Ш. (ред.). Алматы, 2006.

20. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, Т. 9: Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.) / Мажитов С.Ф. (ред.). Алматы, 2007.
21. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации) / Смирнова Н.С. (ред.). Алма-Ата: «Наука», 1972.
22. Киргизские легенды, сказки, басни и пословицы // Тургайская газета. 1897. № 131–136.
23. *Копеев М.-Ж.* Абылай ханның түсі // Абылай хан. Тарихы жырлар. Алматы: «Жазушы», 1993. Т. 1. 324–327 б.
24. *Копейұлы М.-Ж.* Қазақ шежіресі. 2-ші бас. Толық. Астана, 2007.
25. *Копейұлы М.-Ж.* Тандамалы. Хандар. Павлодар: «Эко», 2018.
26. *Кудайберды-ұлы Ш.* Родословная тюрок, киргизов, казахов и ханских династий / Каирбеков Б. (пер.). Алма-Ата, 1990.
27. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Изд. 3-е. / Ерофеева И.В. (ред.). Алматы: «Санат», 2009.
28. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. (ред.). Алма-Ата: «Наука», 1969.
29. *Муминов А.К. и др.* Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмеда Йаса-ви. Астана, 2017.
30. *Мустакимов И.А.* Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 231–254.
31. *Нестеров А.Д.* Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2009. Т. 9.
32. *Петров П.Н., Смагулов Т.Н.* Нумизматические находки XVI века из некрополя у озера Аулисколь // *Stratum plus*. № 6: Балансы истории: ценности и средства. 2018. С. 167–184.
33. *Потанин Г.Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. СПб., 1916. Вып. 2–3.
34. Почекаев Р.Ю. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 244–264.
35. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биография ханов Золотой Орды. СПб., 2010.
36. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
37. *Сыздыкова Р.* Язык «Жамиат тауарих» Жалаири. Алма-Ата, 1989.
38. *Тапалов Д.* Қазақ тарихындағы Өз Жәнібек кім? // Роль Туркестана в истории Казахского ханства. Международная научно-практическая конференция 2–3 апреля 2015 г., г. Туркестан. Туркестан, 2015. С. 143–146.
39. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XVI столетии. М., 2010.
40. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары. М., 2015.
41. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Юдин В.П. (пер.). Алма-Ата, 1992.
42. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г., Хафизов З.Т. (ред. и пер.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2017. 312 с.
43. *Халид Қ.* Тауарих хамса (бес тарих). Тауарих-и хамсай-и шарки (Шынғысхан бес елінің тарихы). Алматы, 1992.
44. *Шангин И.П.* Дневные записки в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о путешествии по Киргиз-кайсацкой степи. Барнаул, 2003.

45. Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 164–191.

46. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в двух томах / Ерофеева И.В. (ред.). Алматы, 2015. Т. 1.

Сведения об авторе: Ирина Викторовна Ерофеева – кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник кафедры всемирной истории Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан).

Поступила 13.12.2019 Принята к публикации 15.09.2020
Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Abu al-Ghazi Bahadur Khan. *Rodoslovnnoe drevo tyurkov* [Genealogical Tree of the Turks]. Ioakinf. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the First Four Khans of the Chinggis's House]. Lane Poole S. *Musul'manskie dinastii* [The Mohammedan Dynasties]. Moscow; Tashkent; Bishkek, 1996. (In Russian)
2. Andreev I.G. *Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaysakov* [Description of the Middle Horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: "Gylym", 1998. (In Russian)
3. Astaf'ev A.E. Novye napravleniya izucheniya podzemnykh mechetey Mangystau [New directions for studying underground mosques in Mangystau]. *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova* [The Role of Nomads in the Formation of Cultural Heritage of Kazakhstan. Academic Readings in Memory of N.E. Masanov]. Almaty, 2010, pp. 351–358. (In Russian)
4. Atygaev N.A. K voprosu o traktovke predystorii obrazovaniya Kazakhskogo khanstva [On the question of the interpretation of the prehistory of the formation of the Kazakh Khanate]. *Aktual'nye problemy istorii Kazakhstana – Ot istokov k sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual Problems of the History of Kazakhstan: From the Origins to the Present. Proceedings of the International Research Conference]. Ural'sk, 2015, pp. 106–127. (In Russian)
5. Baypakov K.M., Erofeeva I.V., Kazizov E.S., and Ternovaya G.A. *Istoriya religiy v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e* [History of Religions in Kazakhstan. Antiquity and the Middle Ages]. Almaty: "Service Press", 2018. 553 p. (In Russian)
6. Beysembiev T.K. *Kokandskaya istoriografiya: Issledovanie po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII–XIX vekov* [Historiography of Kokand: A Study on the Source Studies of Central Asia in the eighteenth and nineteenth centuries]. Almaty: "Print-S", 2009. 1263 p. (In Russian)
7. Beloslyudov A.N. Skazaniya i skazki kirgiz [Legends and fairy tales of the Kyrgyz]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Semipalatinsk Subdivision of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society]. Tomsk, 1915, iss. 9, pp. 11–13. (In Russian)
8. Bronevskiy S.B. *O kazakhakh Sredney ordy* [About Kazakhs of the Middle Horde]. Second edition. Pavlodar, 2005. (In Russian)
9. Bustanov A.K. Sufiyskie legendy ob islamizatsii Sibiri [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. *Tyurkologicheskii sbornik 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection 2009–2010. Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 2011, pp. 33–78. (In Russian)

10. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata, 1985, vol. 2. (In Russian)
11. Dzhandosova Z.A. Kazakhstan. *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Territory of the Former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary]. Prozorov S.M. (ed.). Moscow, 2006, vol. 1, pp. 169–176. (In Russian)
12. Dzhirenshe-Shishen i khan [Dzhirenshe-Shishen and Khan]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta* [Kyrgyz Steppe Newspaper]. 1893, no. 2. (In Russian)
13. Divaev A. Chetyre veka [Four centuries]. *Turkestanskije vedomosti* [Turkestan Gazette]. 1906, no. 24, p. 148. (In Russian)
14. *Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnye v Tsentral'noy Azii: nasledie Iskak Baba v narrativnoy i genealogicheskoy traditsiyakh*, T. 2: *Genealogicheskie gramoty i sakral'nye semeystva XIX–XXI vekov: nasab-nama i gruppy khodzhey, svyazannykh s sakral'nyim skazaniem ob Iskhak Babe* [Islamization and Sacred Genealogies in Central Asia: Iskak Baba's Legacy in Narrative and Genealogical Traditions, Vol. 2: Genealogical Charters and Sacred Families from the nineteenth to the twenty-first century: Nasab Nama and Khoja Groups Associated with the Sacred Legend of Ishak Baba]. Muminov A., Kügelgen A. von, DeWeese D., and M. Kemper (eds). Almaty: "Dayk-Press", 2008. (In Russian)
15. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*, T. 1: *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie* [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 1: Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic Works collected by V.G. Tizengauzen. Revised and Enlarged Edition]. Almaty, 2005. (In Russian)
16. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*, T. 4: *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. Dopolnennoe i pererabotannoe izdanie* [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 4: Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tizengauzen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Enlarged and Revised Edition]. Almaty, 2006. (In Russian)
17. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*, T. 5: *Izvlecheniya iz sochineniy XIII–XIX vekov* [History of Kazakhstan in Persian Sources, Vol. 5: Extracts from the Works from the thirteenth to nineteenth century]. Abuseitova M.Kh. (ed.). Almaty, 2007. (In Russian)
18. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*, T. 5: *Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka (trudy Ya.P. Gaverdovskogo)* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century, Vol. 5: The First Historical and Ethnographic Descriptions of the Kazakh Lands. The first half of nineteenth century (works by Ya.P. Gaverdovsky)]. Erofeeva I.V. (ed.). Almaty: "Dayk-Press", 2007. (In Russian)
19. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*, T. 7: *G.N. Potanin. Issledovaniya i materialy* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century, Vol. 7: G.N. Potanin. Research and Materials]. Alimgazinov K.Sh. (ed.). Almaty, 2006. (In Russian)
20. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*, T. 9: *Narodnye predaniya ob istoricheskikh sobytiyakh i vydayushchikhsya lyudyakh Kazakhskoy stepi (XIX–XX vv.)* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century, Vol. 9: Folk Legends about Historical Events and Outstanding People of the Kazakh Steppe (nineteenth and twentieth centuries)]. Mazhitov S.F. (ed.). Almaty, 2007. (In Russian)
21. *Kazakhskiy fol'klor v sobranii G.N. Potanina (Arkhivnye materialy i publikatsii)* [Kazakh Folklore in the Collection of G.N. Potanin (archival materials and publications)] Smirnova N.S. (ed.). Alma-Ata: "Science", 1972. (In Russian)

22. Kirgizskie legendy, skazki, basni i poslovitsy [Kyrgyz legends, fairy tales, fables, and proverbs]. *Turgayskaya gazeta* [Turgai Newspaper]. 1897, no. 131–136. (In Russian)
23. Kopeev M.-Zh. Abylay khannyn tyisi. *Abylay khan. Tarikhy zhyrlar*. Almaty: “Zhazushy”, 1993, vol. 1, pp. 324–327. (In Kazakh)
24. Kopeyly M.-Zh. *Qazaq shezhiresi*. 2-shi bas. Tolyk. Astana, 2007. (In Kazakh)
25. Kopeyly M.-Zh. *Tandamaly. Khandar*. Pavlodar: “Eko”, 2018. (In Kazakh)
26. Kudayberdy-uly Sh. *Rodoslovnaya tyurkov, kirgizov, kazakhov i khanskikh dinastiy* [Genealogy of the Turks, Kirghiz, Kazakhs, and Khan Dynasties]. Kairbekov B (tr.). Alma-Ata, 1990. (In Russian)
27. Levshin A.I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description of the Kyrgyz-Kazak or Kyrgyz-Kaysak Hordes and Steppes]. Third edition. Erofeeva I.V. (ed.). Almaty: Sanat, 2009. (In Russian)
28. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates from the fifteenth to eighteenth century (extracts from Persian and Turkic writings)]. Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishchulina K.A., and Yudin V.P. (eds). Alma-Ata: “Science”, 1969. (In Russian)
29. Muminov A.K. et al. *Istoricheskie dokumenty mavzoleya Khodzha Akhmeda Yasavi* [Historical Documents of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi]. Astana, 2017. (In Russian)
30. Mustakimov I.A. Dzhuchi i Dzhuchidy v “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” (nekotorye problemy perevoda i interpretatsii khroniki) [Jochi and the Jochids in the “Tavarikh-i Guzida – Nusrat-name” (some problems of translation and interpretation of the chronicle)]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2011–2012. Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection. 2011–2012. Political and Ethnocultural History of the Turkic Peoples and States]. Moscow, 2013, pp. 231–254. (In Russian)
31. Nesterov A.D. Proshloe priaral'skikh stepey v predaniyakh kirgiz Kazalinskogo uyezda [The past of the Aral steppes in the legends of the Kirghiz of the Kazalinsky district]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century]. Almaty, 2009, vol. 9. (In Russian)
32. Petrov P.N. and Smagulov T.N. Numizmaticheskie nakhodki XVI veka iz nekropolia u ozera Auliekol' [Numismatic finds of the sixteenth century from the necropolis near Lake Auliekol]. *Stratum plus*, no. 6: *Balansy istorii: tsennosti i sredstva* [Stratum plus, no. 6: Balances of History: Values and Means]. 2018, pp. 167–184. (In Russian)
33. Potanin G.N. Kazak-kirgizskie i altayskie predaniya, legendy i skazki [Kazak-Kyrgyz and Altai traditions, legends, and tales]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. St. Petersburg, 1916, iss. 2–3. (In Russian)
34. Pochekaev R.Yu. Rastsvet Ulusa Dzhuchi: pravlenie Uzbeka i Dzhaniybeka [The heyday of the Jochid Ulus: The reigns of Uzbek and Janibek]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, pp. 244–264. (In Russian)
35. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografiya khanov Zolotoy Ord* [The Tsars of the Horde. Biography of the Golden Horde Khans]. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
36. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana* [Raised on a White Felt. Descendants of Chinggis Khan]. Almaty, 2001. (In Russian)
37. Syzdykova R. *Yazyk “Zhamiat tauarikh” Zhalairi* [The Language of “Jamiat tavarikh” by Jalairi]. Alma-Ata, 1989. (In Russian)
38. Tapalov D. Qazaq tarikhyndary Əz Zhəniybek kim?. *Rol' Turkestana v istorii Kazakhskogo khanstva. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 2–3 aprelya 2015 g., g. Turkestan* [The Role of Turkestan in the History of Kazakh Khanate. International Research Conference, 2–3 April 2015, Turkestan]. Turkestan, 2015, pp. 143–146. (In Kazakh)

39. Trepavlov V.V. *Zolotaya Orda v XVI stoletii* [The Golden Horde in the sixteenth century]. Moscow, 2010. (In Russian)
40. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii. Mongoly i tatory* [Steppe Empires of Eurasia. The Mongols and Tatars]. Moscow, 2015.
41. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Yudin V.P. (tr.). Alma-Ata, 1992. (In Russian)
42. Ötemish Hajji. *Kara Tavarikh*. Mirgaleev I.M., Saifetdinova E.G., and Khafizov Z.T. (transcription, eds and tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Turkic)
43. Khalid K. *Tauarikh khamsa (bes tarikh). Tauarikh-i khamsay-i sharki (Shynzyskhan bes eliniñ tarikh)*. Almaty, 1992. (In Kazakh)
44. Shangin I.P. *Dnevnye zapiski v Kantselyariyu Kolyvano-Voskresenskogo gornogo nachal'stva o puteshestvii po Kirgiz-kaysatskoy stepi* [Daily Notes to the Office of the Kolyvano-Voskresensk Mining Administration about the Trip to the Kirghiz-Kaisak Steppe]. Barnaul, 2003. (In Russian)
45. Shukhovtsov V.K. Pis'mennye dokumenty iz goroda Turkestana [Written documents from the city of Turkestan]. *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoy istorii)* [Kazakhstan in the Era of Feudalism (problems of ethno-political history)]. Alma-Ata, 1981, pp. 164–191. (In Russian)
46. *Epistol'yarnoe nasledie kazakhskoy pravyashchey elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v dvukh tomakh* [Epistolary Legacy of the Kazakh Ruling Elite from 1675 to 1821. Collection of Historical Documents in Two Volumes]. Erofeeva I.V. (ed.). Almaty, 2015, vol. 1. (In Russian)

About the author: Irina V. Erofeeva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Chief Research Fellow of the Department of the World History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan).

*Received December 13, 2019 Accepted for publication September 15, 2020
Published March 29, 2021*

АКЦЕНТОЛОГИЯ ТАХТ ЭЛИ: ОРДА БОЛЬША́Я ИЛИ БО́ЛЬШАЯ?

В.В. Трепавлов

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
trepavlov@yandex.ru*

Цель исследования: выяснить правильность ударения в русском названии ханства Тахт эли – Большая или Большая Орда; выяснить связь этого названия с монгольскими и тюркскими обозначениями Монгольской империи, Золотой Орды и Крымского ханства.

Материалы исследования: русская, литовская и крымская дипломатическая переписка XV–XVII вв., русские средневековые летописные и другие произведения, труды европейских авторов XVI в., тюркские, монгольские и персидские исторические сочинения XIII–XVIII вв., золотоордынские ярлыки, памятники татарского и казахского фольклора, историография исследуемой проблемы.

Результаты и научная новизна исследования: автор приходит к заключению, что в русской речи XV в. бытовало обозначение *Большая Орда*. Этот вывод потребовалось обосновать, поскольку, во-первых, он представляется очевидным и потому никогда не аргументировался в историографии; во-вторых, из-за предложенного недавно варианта произношения *Большая Орда*. Анализируемое русское название Тахт эли являлось переводом одного из вариантов официального названия Улуса Джучи и в то же время повторяло искаженное наименование Монгольской империи. Возможные истоки русского названия Улуса Джучи «Золотая Орда» также находятся в имперской истории монголов.

Ключевые слова: Большая Орда, ударение, дипломатическая переписка, ханская ставка

Для цитирования: Трепавлов В.В. Акцентология тахт эли: Орда больша́я или бо́льшая? // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 166–187. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.166-187

ACCENTOLOGY OF THE TAKHT ELI: THE GREAT HORDE OR THE GREATER HORDE?

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
trepavlov@yandex.ru*

Abstract: Research objectives: The author makes an attempt to determine the correctness of the emphasis in the Russian name of the Khanate Taht Eli – Bol'shaya (Great) or Bol'shaya (Greater) Horde; to check the connection of this name with the Mongolian and Turkic designations of the Mongol Empire, the Golden Horde, and the Crimean Khanate.

Research materials: Russian, Lithuanian, and Crimean diplomatic correspondence from the fifteenth to seventeenth centuries; Russian medieval chronicles and other works; works of European authors of the sixteenth century; Turkic, Mongolian, and Persian historical works from the thirteenth to eighteenth centuries; Golden Horde *yarlyqs*; monuments of Tatar and Kazakh folklore, historiography of the problem under study.

Results and novelty of the research: The author concludes that the designation “Great Horde” (Bol’shaya) existed in Russian speech of the fifteenth century. This conclusion has to be justified, since, firstly, it seemed obvious and therefore had never been argued in historiography. Secondly, it must be discussed due to the recently proposed variant pronunciation ‘Bol’shaya’ (Greater Horde). The analyzed Russian name of Takht eli was a translation of one of the versions of the official name of the Jochi Ulus and at the same time, it repeated the distorted name of the Mongol Empire. The possible origins of the Russian name of the Jochi Ulus, the ‘Golden Horde’, are also to be found within the imperial history of the Mongols.

Keywords: Great Horde, accent, diplomatic correspondence, Khan’s residence

For citation: Trepavlov V.V. Accentology of the Takht Eli: The Great Horde or the Greater Horde? *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 166–187. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.166-187

Русское название ханства Тахт эли (части Золотой Орды на юге Восточной Европы в XV в.) – *Большая Орда* – на всем протяжении существования историографии не вызывало заметных споров и сомнений. В немногих работах, специально посвященных проблемам изучения этого «осколка» распавшегося Улуса Джучи, вопрос о правомерности ударения на второй слог в эпитете *Большая* не ставился и не обсуждался ввиду его самоочевидности [см., например: 3; 37]. Практически всеми историками это наименование воспринимается как перевод одного из тюркских названий ханства – *Улуг Орду*¹. Вероятно, первым на этот кажущийся несомненным факт указал М.А. Усманов, заметив, что последнее словосочетание являлось «исконно татарским названием Золотой Орды» и, скорее всего, синонимом другого официального обозначения – *Джучи улусы* [69, с. 193]. Некоторые разногласия касаются лишь трактовки понятия *орда*, т.к. в одних свидетельствах источников оно выступает в своем изначальном значении – как «ханская ставка», в других – как «государство», в третьих предстает как «армия, войско». Эти семантические оттенки объясняются постепенными изменениями и дополнениями смысла данного термина в XIV–XV вв. [см. об этом: 71, с. 118]. При этом некоторые авторы все же настаивают на понимании *Улуг Орду* («Великой Орды») как, прежде всего, резиденции правителя, в которой находилось «великое место» (*улуг орун*), т.е. ханский престол [14, с. 47; 28, с. 107; 77, р. 362].

В самом деле, в летописных сообщениях *орда* порой предстает сразу в нескольких ипостасях. В одном и том же тексте и даже иногда в одном предложении она оказывается одновременно и войском хана, и его стойбищем, и подвластной ему территорией: «...безбожный царь Ахмут Кичи Яхмутович болшая Орды поиде на Русь ратью со своею Ордою»; «...Шибаны и Нагаи

¹ Другие тюркские наименования Большой Орды – *Тахт эли*, *Тахт мемлекети*, *Тахт вилайети* с приблизительно одинаковым значением «Тронное владение» [сводку упоминаний см.: 67, с. 243]. В польско-литовских документах это почти всегда *Заволжская Орда*.

начаша Ахматову Орду грабити меж Доном и Волгою... и стоял царь Ивак на Ахматове Орде и поиде прочь...» [34, с. 151, 159] и т.п.²

Эпитет *большая* трактуется историками, как правило, в смысле «наиболее обширная и многолюдная» Орда (если при этом забыть о синхронном ей «Узбекском» ханстве Абу-л-Хайра в восточном Дешт-и Кипчаке) [см., например: 24, с. 68; 57, с. 506, 514]. Также в данном определении видят иерархическое старшинство Тахт эли перед прочими бывшими провинциями Джучиева улуса [см., например: 6, с. 54; 7, с. 11, 12; 17, с. 153; 21, с. 21; 22, с. 217; 56, с. 99; 75, с. 39]. Такое толкование имеет уверенное подтверждение в трудах европейских авторов XVI в. Мацей Меховский указывал, что «москвиты называют заволжскую орду Большой ордой» по причине того, что «она никому не подчинена», а также оттого, что «от нее пошли и другие орды» [36, с. 63]. По С. Герберштейну, «татары разделяются на орды, первое место среди которых и славой, и многочисленностью заняла Заволжская орда, так как говорят, что все остальные орды получили начало от нее» [8, с. 167].

Это нижневолжское владение, таким образом, имело репутацию материнской «праорды» – и потому *Большой*, или *Великой*. Подобная характеристика главной резиденции верховного сюзерена имеет аналогии в степной истории. Известно, что главная ставка улусных ханов-Чагатаидов в долине реки Или именовалась *Улуг Иф*. Так в персидских источниках передано тюркское *Улуг эв* (Великий дом), т.е. «Старший дом», «Старшая юрта», «Старшая орда-ставка» [4, с. 539; 75, с. 39]. В 1530-х гг. Большой Ногайской Ордой, еще задолго до появления ее антипода – Малой Ногайской Орды, называлась территория, находившаяся под властью высшего правителя-*бия*, в сфере его «великого княжения» (*улу бийлик*) [66, с. 395]. Такой же смысл просматривается в летописном известии о смерти в Москве в 1561 г. мирзы Юнуса, который в свое время «на нагайском на **княженье** на **большом** был (здесь и далее в цитатах выделено мною. – В.Т.)» [33, с. 147].

Прилагательное *улуг/улу/улы* не обязательно в данном контексте должно было означать «великий»: оно также имело значение «большой» и часто (но далеко не всегда) имело антитезу *кучук/кичи/киши* («малый»). Примеров достаточно: ханы-антагонисты Улуг-Мухаммед и Кучук-Мухаммед, горы Улуг-Таг и Кучук-Таг, Улы-Балкан и Кичи-Балкан, реки Улуг-Делигель и Кучук-Делигель³ и т.п.

Кроме того, эпитет *бююк/биик* («большой») мог служить синонимом для *улуг*, что важно именно для нашей темы и определения семантики термина *Большая Орда*. Так, в различных вариантах дастана «Эдиге» ханская ставка названа *Еңесі биік боз орда* и *Еңесі биік ақ орда*, т.е. Большой светлой ордой [27, с. 40, 41]. Очевидно, что это аналогично чагатайскому «Великому дому» *Улуг эв*.

Во всех приведенных выше случаях *Большая Орда* выступает как синоним *Великой Орды*, который обычно (и, кажется, всегда) произносится по-русски с ударением на втором слоге.

² В польско-литовском лексиконе понятие *орда* тоже было многозначным. Наряду с обычным наименованием ханства Тахт эли как «Заволжской Орды», оно обозначало еще и ханскую ставку, и войско [см., например: 78, р. 221; 80, s. 6, 10].

³ Соответственно на территории современных Казахстана, Туркменистана и Украины (приведено написание источников).

Однако в последнее время один из ведущих современных специалистов по средневековой русской истории А.А. Горский предложил ставить ударение в этом эпитете на первом слоге: *Бо́льшая* Орда. В качестве основного довода послужило предпринятое А.А. Горским любопытное сопоставление этого названия с русскими переводами титулатуры Гиреев XVI в. – с их неперменным *Улуг Орду*... *улуг падишахы/ханы* в интитуляции грамот. Если Тахт эли тоже именовалась *Улуг Орду*, рассуждает А.А. Горский, то она и должна была бы интерпретироваться переводчиками Посольского приказа как «Великая Орда», аналогично формулировке в крымском титуле. Однако в русских текстах она всегда «Большая», т.е. «главная», «более высокая по положению». Следовательно, Большая Орда – это не перевод татарского понятия *Улуг Орда*, а домысленный термин русского происхождения, введенный для отличия номинально «старшего» постордынского ханства. И, стало быть, эта Орда – *Бо́льшая* по отношению к прочим Ордам [9, с. 68; 12, с. 384–387; 13].

Замечу, что приписывание такого значения названию Орды давно бытует в историографии (см. выше) и вовсе не мешает историкам видеть в *Большой Орде* перевод *Улуг Орду*. Данная статья пишется не только с намерением разобраться с истинным значением русского термина, но и из ретроградного неприятия нового ударения в привычном обозначении Орды. Аргументы А.А. Горского по данному вопросу выстроены в безупречную логическую последовательность и изложены с надлежащей доказательностью, как и во всех работах этого автора. Тем не менее, попробуем разобраться: все таки *Больша́я* или *Бо́льшая*? При любом исходе спора это разночтение наверняка останется лишь мелкой деталью в огромном массиве исследовательской литературы, посвященной Золотой Орде.

А.А. Горский замечает, что прилагательное *больший* в значении «крупный» употреблялось в языке XV в. нечасто, а обычным в этом значении было слово «великий». Что же, возможно, в обыденной речи дело действительно обстояло так (в данном случае не решаюсь спорить с выдающимся русистом). Но нас интересует именно и только *Большая Орда* – словосочетание явно не из ежедневного обихода русских людей эпохи Василия II и Ивана III.

Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского указывает на *больший* со значением «старший, высший» как одну из форм слова *большой*; при этом приводятся латинские соответствия «большого» – *major* и *melior* (они нам пригодятся в дальнейшем). В иллюстрирующих примерах это слово в косвенных падежах – всегда *большею*, а не *большою* [61, стб. 148].

Академический словарь русского языка XI–XVII вв. также дает одно из значений прилагательного *большой* как «старший, главный по положению». Есть там и *больший* (в частности, «более высокий, старший, главный по положению»). Но в приводимом примере употребления этого слова – опять дательный падеж: «а нынеча царь едет в Кыркор к **болшей** своей царице»⁴ [60, с. 286, 287].

Таким образом, во-первых, для обозначения главенства, верховенства, приоритета не обязательно требовалась форма *больший* (resp. *бо́льшая*), достаточно было – очевидно, в надлежащем контексте – сказать *большой*

⁴ В настоящей публикации при цитировании средневековых русских текстов буква *ять* заменяется на *е*, а буква *ер* опускается.

(*больші́я*). Во-вторых, если бы Орда была «Большей», то и фигурировала бы в текстах того времени именно в такой форме. Обратимся к этим текстам.

Для того, чтобы определить, как произносилось интересующее нас название Орды *Большая* в XV веке, нужно найти случаи его употребления в косвенных падежах. То есть она была *Большой* или все-таки *Большей*? Трудность заключается в том, что в абсолютном большинстве летописных памятников повсеместно использовалась книжная форма «Болшие Орды», в которой размещение ударения непонятно. Из всего просмотренного мною летописного материала единственный раз удалось встретить четкое указание на *Большую* Орду. Это сообщение Холмогорской летописи о событиях 1502 г.: «Того же лета крымский царь Менли Гирей Шихагмат царя **Болшей орды** и Орду взял» [50 с. 134]. Ко времени составления данного текста (середина XVI в.) *Большая* Орда уже отошла в прошлое и исчезла из повседневной речи. Летописец, осмысливая название ханства, придал ему оттенок первенства, главенства – может быть, рассуждая так же, как и А.А. Горский, через четыре с половиной столетия после него. Современник же холмогорского хрониста, анонимный автор «Сказания о Казанском царстве» (Казанского летописца), явно увидел в интересующем нас названии указание на былые обширность и могущество Орды, но без акцентирования на старшинстве: «И вселишася в **Большой Орде** Наг(а)и и Мангиты, из-за Яика прешедше...» [46, стб. 14].

Однако для нас более ценны документы, синхронные существованию Тахт эли. Это материалы дипломатической переписки второй половины XV в. Московское внешнеполитическое ведомство составляло инструкции послам и гонцам и получало от них донесения с использованием актуальной для того времени лексики. Сразу замечу, что почти повсеместно в интересующих нас контекстах встречается все та же бесполезная для нашей темы форма «Болшие Орды». Но вот в наказе послу в Крым от 9 июня 1486 г. читаем: «Да о **большой Орде** и о нагаех каковы тамо вести будут, и ты бы ко мне отписал» [58, с. 53]. В наказе другому послу от 2 ноября 1497 г.: «Да и о всем о тамошнем деле бы еси отписал, и о литовском, как с Менли-Гиреем, и о волошском, да и о турецком, и о **Большой Орде**» [58, с. 241]. Через год московский посланник «в Волохи» рапортовал великому князю: «Да еще, государь, сказывают, приходили черкасы на болшую Орду да побили, государь, сказывают, татар **большой Орды** добре много... И брат твой, государь, царь Менли-Гирей и нонеча выступил со всеми людьми, а идет государь, искати **большой Орды**» [58, с. 255].

Из этих свидетельств явствует, что русские люди конца XV в. считали ханство Тахт эли все-таки *Большой* Ордой, а не *Большей*.

Теперь посмотрим, как соотносилась *Большая Орда* с *Великой Ордой*, и действительно ли последнее выражение в титуле Гиреев не имело отношения к Тахт эли.

Большая Орда упоминается в летописных рассказах о событиях, происходивших еще до середины XV века. 1395–1396 гг.: Тамерлан «вси Орды поплени. Прият же и Синюю Орду... и Сарай Великий... и Крым и ополчися поиде к **Большой Орде**... И пришед в **Большую Орду** и царя Тахмамышу победив прогна»; 1407 г.: «Татарове Булат-Салтана, царя **Болшіа Орды**, воеваша Литву»; 1410 г.: «...На царстве же тогда **Болшіа Орды** сидящу тогда Булат-Салтану царю»; 1412 г.: «Того же лета выидоша из Орды князи Нижняго

Новагорода, пожаловании от царя Зелени-Салтана Тахтамышевича **Болшиа Орды** своею отчиною» [44, с. 202, 213, 219; 49, с. 195]. Никаких других Орд пока не существовало, поэтому русский вариант названия государства не носил сопоставительного оттенка. Правда, всё это упоминания из текстов середины следующего столетия – Хронографа 1512 г. и Никоновской летописи, а последней, в частности, по справедливому замечанию А.А. Горского, свойственна «ретроспекция», т.е. перенесение позднейшей терминологии на более ранние события [12, с. 384].

Тем не менее, в глазах (и в сознании) русских современников Большая Орда оправдывала это свое наименование как обширное и могущественное государство, которое вполне заслуживало определения «великого» как синонима «большого». Не случайно фигурирующее в различных средневековых текстах понятие *Улуг/Улу Урда* тюркологи передают и как *Большая Орда*, и как *Великая Орда* [см., например: 73, с. 64, 67, 69, 71, 170]. Такая же равнозначность просматривается в московских и крымских памятниках. Вот «Книга Степенная» (1560-е гг.): Темир-Аксак «прииде к **Великой Орде**... И в **Великой Орде** царя Тактамышша, победив, прогна»; «...безбожьный Ахмат **болшия Орды** зол совет помысли, хотя грады Руськия ратовати»; «И тогда... нечестивии царие вселишася по Волзе, от них же прозвася ту **Большая Орда** Волжская» [47, с. 431, 555, 653]. В Никоновской же летописи обе дефиниции и вовсе соседствуют в одном предложении. Обращение Едигея к Витовту перед битвой на Ворскле 1399 г.: «Вправду ест взял волнаго нашего царя **Болшиа Орды** в сыны себе, понеже ты еси стар, а волный наш царь **Великиа Орды** Темир-Кутлуй млад есть» [44, с. 173].

Крымцы при упоминаниях о разгроме ими Тахт эли в 1502 г. также оперировали данными синонимами. Великий князь литовский и польский король Александр Ягеллон – хану Менгли Гирею, 1502 г. (пересказывая ханское послание): «Божьею милостью **отца своего болшую Орду** взял еси, да и люди, и мы то слышав обрадовалися» [2, с. 344]. Менгли-Гирей – киевскому воеводе Д. Путятину, 1502 г.: «Шы Ахмата цара прогнал, цара отца столец взял, и вси люди Бог нам дал» [81, с. 181]. Царевич Ахмед-Гирей – королю Сигизмунду I, 1514 г.: «Отца нашего Саина царя золотый столец в руках в нас» [82, с. 305]. Хан Саадет-Гирей – королю Сигизмунду, 1526 г.: «Отец ваш Казимир корол...находил есте себе... с Ахмета, царя **Великое Орды**... за братью и с прятелми... Вся земля **Великое Орды** есть скажена... и тот вес люд в руки нам подал отцу моему Мендли Кгирея царя» [82, с. 588]. Следовательно, Большая (она же Великая) Орда Ахмеда – это символическое местопребывание золотого трона («стольца») Саин-хана, т.е. Бату, с которым связывалось могущество государство и право управления им⁵.

То есть Орда была *Большой* как при своем основании, так и на закате времен преемников Ахмед-хана – и в то же время *Великой*.

Здесь уже нет оснований приписывать русским современникам их собственную терминологию. Оба термина явно были заимствованы из ордынского лексикона. Аналогичные и семантически сходные выражения встречаются в источниках разного рода. *Орду-йи муаззам* (Величайшая, или Возвеличенная,

⁵ Символичность обладания «золотым тронem» (*алтын тахт*) как символом верховной и законной власти проявлялась в локализации его в разных местах, в частности, в г. Булгаре [40].

Высочайшая Орда) обозначала место написания документа в завершающих частях послания ордынского хана Махмуда турецкому султану Мухаммеду II 1466 г. и ярлыка крымского хана Хаджи-Гирея 1469 г. [69, с. 265–266; 26, с. 74; 85, с. 27]. Так же обозначалось в 1380-х – 1440-х гг. место чеканки на монетах ханов Токтамыша, Шадибека, Чекре, Саид-Ахмеда [35, с. 57, 62, 63, 67, 75, 76, 94, 104; 70, с. 216, 217]. В XV в. на монетах появляется обозначение главной ставки *Иль Уй муаззам* (Дом Величайшей Страны, что снова может быть сопоставлено с чагатайским *Улуг эв* – см. выше), в том числе, как пункта денежной эмиссии [41, с. 133, 156, 157; 71, с. 18, 104].

При рассмотрении различных эпитетов Джучиева улуса неизбежно приходится задумываться об определении «Золотая», которое навсегда закрепилось за этим государством уже после его исчезновения. Нас оно интересует в связи с его соотношением с эпитетами *большой* и *великий*. Обычно считается, что «Золотая Орда» впервые употреблено анонимным русским автором «Истории о Казанском царстве». Однако отдельные упоминания *золотой орды* обнаруживаются и в других источниках. Если в татарском дастане «Идегей», записанном в XIX – начале XX в., во фразе «Вспомни: была **Золотая Орда**, **Белая Большая Орда**» [20, с. 13] терминология может быть следствием позднего книжного знания, то информация персидского автора начала XIV в. Рашид ад-Дина о том, что в 1224 г. Чингизхан «расположился в местности Бука-су-джику и повелел разбить **большую золотую орду**» (перс. *урду-и зарин-и бузург* – большую золотую ставку) [53, с. 230], уже, несомненно, более аутентична. Характерно и общеизвестно, что именно такими синонимичными дефинициями Казанский летописец характеризует Улус Джучи: «Золотая Орда», «Великая Орда», «Великая Орда Золотая», «Большая Орда» [46, стб. 7–8, 12–14, 204].

В литературе высказывается предположение, что этот неизвестный автор связывал конкретные обозначения государства с разными тамошними династиями [42, с. 86]. Но даже если и так, то перебирание в тексте одних и тех же эпитетов показательно и приводит к мысли о некоем устойчивом наборе характеристик. Причем истоки этого набора прослеживаются еще в имперской монгольской государственности. Здесь в один ряд с указанием Рашид ад-Дина, приведенным выше, можно поставить наименование Улуса Джучи в источниках периода монгольской империи Юань в Китае – «Ханство Золотая Юрта» (*Цзинь чжан хань*) [31, с. 157].

Поневоле напрашивается вывод о том, что Золотая Орда – вовсе не плод поэтического осмысления татарской истории русским хронистом XVI века, а воспроизведение им (калька) одного из названий государства, употребленных его жителями. Впрочем, эта догадка уже высказывалась Т.И. Султановым [62, с. 216].

Другое название Золотой Орды, сходное по смыслу с Большой Ордой и, пожалуй, по-настоящему официальное, – Великий Улус (*Улуг Улус*). Оно фиксируется в ярлыке Токтамыша польскому королю и великому князю литовскому Ягайле 1392/93 г. [5, с. 50, 51] и частично воспроизводит наименование Монгольской империи *Еке Монгол Улус* (Великое Монгольское государство), запечатленное в ханских посланиях, на монетах и памятных стелах XIII–XIV вв. В тюркских языках и текстах для этого выражения имелся эквивалент *Великий Юрт* [см., например: 23, с. 221; 68, с. 81–83, 86].

Крымский историк первой половины XVIII в. Абдулгаффар Кырыми, повествуя о событиях XIV в., применяет понятие *Великая* (= *Большая*) *Орда* – *Улуг Орду*, кажется, только по отношению к месту ставки и кочевки хана в Восточном Дешт-и Кыпчаке – в частности, Токтамыш: Тимур его «сделал ханом в **Большой Орде**, в Каракуме»⁶; через некоторое время тимуровы войска «напали на **Великую Орду**, подошли к границам Дешта» [30, с. 62, 68]⁷. В одном месте сочинения Кырыми обнаруживается соседство *Великой Орды* и *Великого Юрта* (*Uluğorda ve Uluğyurt*): получив приказ Чингизхана завоевать Дешт, Джучи с сыновьями отправился в «Аладаг, Кердаг, **Улуг Орда** и **Улуг Йурт**», которые почему-то названы «их изначальной родиной на территории Каракума» [29, с. 60; 30, с. 42]. Очевидно, последнее продиктовано известным хронисту фактом позднейшего местопребывания ордынских правителей в перечисленных местностях⁸.

Известно, что первоначальное значение слова *улус*–«народ» со временем перешло на обозначение государства. Трансформацию претерпела и *орда*, в том числе и *большая орда*. В начале XIII в. это было монгольским названием главной ханской ставки, которое по каким-то причинам заменило прежнее – *аурук* (*арух*) [32, с. 189]. В 1231 г., отправляясь в поход на империю Цзинь, Угэдэй-каан «оставил Олдахара правителем Великой Орды – Еке Ордо» (*Yekes Ordos-tur*) [25, с. 192, 512]⁹. Что это такое, пояснил в своих путевых записках участник южносунского посольства в Монголию в 1237 г. Пэн Дая: «Обычно то место, где находится охотничий шатер главы татар, все называют “ордой”. “**Большой ордой**”¹⁰ называют только то стойбище, в котором вместе подняты золотой шатер... их [правителя] и все остальные [шатры] – незаконных императриц и подчиненных» [19, с. 33].

Кроме того, в источниках упоминаются четыре «великие орду» или (в переводе с фарси) «великие станы» Чингизхана, которые в виде своеобразного мемориала сохранялись в Монголии еще при Юанях [16, с. 52, 63; 54, с. 207]. По мнению А.П. Григорьева, речь шла о символических ставках четырех главных улусов империи [14, с. 46]. Р.Г. Сыздыкова же полагает, что *анын торт улуг ордасы* («его четыре большие орды») в «Джами ат-таварих» тюркского хрониста Кадыр Али-бека Джалаири (нач. XVII в.) являлись ставками четырех главных Чингизовых жен [62, с. 46].

Очевидно, что монгольские словосочетания *еке улус/еке орду* и соответствующее им тюркские *улуг улус/улуг орду* уже во второй четверти XIII в. (30-х – 40-х гг.) стали служить обозначениями не только главных ставок, но и всей

⁶ О несовпадении данного понятия с названием всего государства свидетельствуют слова хрониста несколькими строками ниже: «Урус хан захватил **Улус Джучи**» [30, с. 62].

⁷ Различными терминами переводчики передали одно и то же выражение *uluğ orda* [см.: 29, с. 84, 92].

⁸ Помимо известной пустыни Каракумы в Туркмении (речь в цитате явно не о ней), это название носили также «Черные пески» на северо-восточном побережье Каспия и северо-восточном же побережье Арала. Впрочем, изначально *каракум* являлось не собственным названием, а ландшафтным термином, обозначавшим любую песчаную пустыню с разнообразной растительностью, служащей кормом для верблюдов и мелкого рогатого скота [39, с. 147, 148].

⁹ И. де Рахевилц перевел это как «the Great Palaces of the Qa'an» [86, с. 191].

¹⁰ Кит. *да во-ли-то*. О соответствии этого выражения монгольскому *еке орду* см.: [62, с. 80; 65, с. 302].

империи Чингизидов. Поздним отголоском этого политико-лингвистического преобразования может служить известие Пискаревского летописца (кон. XVII в.) о поездке великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича в 1246 г. в Монголию – «в **Орду Великую**, пагубную землю татарскую» [51, с. 95].

Европейские источники о последнем периоде существования Золотой Орды также иногда оперируют сопоставительными величинами для характеристики государства и его правителей. Так, в флорентийских актах конца XV в. сохранилось следующее известие о конфликте Большой Орды и Крыма. В мае 1485 г. «Большой Татарин» (*Tartaro Grande*) разбил «Малого Татарина» (*Tartaro Picciolo*). Речь соответственно об ордынском хане Саид-Ахмеди (Саид-Махмуде?) б. Ахмеди и Менгли-Гирее. Затем «Большой Татарин объединился с королем России и Карабуданом» (т.е. с польско-литовским Казимиром IV и молдавским Штефаном III) [15, с. 358].

Но нас по-прежнему интересуют такие сведения, которые помогли бы разобраться с Большой Ордой в акцентологическом аспекте: куда ставить ударение в первом слове? Оказывается, западные авторы тех времен тоже могут кое-что подсказать. Крымские генуэзцы в документах 1420-х гг. титуловали Улуг-Мухаммеда *Imperator de Lordo Magno* – императором Большой Орды [52, с. 163, 175, 177]. Также повторю цитированную выше фразу из трактата Мацея Меховского: «московиты называют заволжскую орду **Большой ордой**». В латинском тексте она выглядит так: «*Moscouitae magnam hordam Zauolhensium hordam appellant*» [84]. Как видим, в обоих текстах Орда определяется как *magna* (большая), но не *bol'shaya* (тогда она сопровождалась бы эпитетами *majora* или *maxima*). Причем Мацей ссылается именно на русских информаторов, т.е. на их речь, их понимание статуса Тахт эли, и – косвенно – на произношение ими названия этого ханства: Большая Орда.

В историографии распространено мнение, что после победы над ханом Шейх-Ахмедом в 1502 г. Менгли-Гирей включил Большую/Великую Орду (*Улуг Улус*) в свой полный титул, применявшийся затем Гиреями до XVIII в. В этом видят демонстрацию преемственности по отношению к Большой Орде и всей Золотой Орде, *translation imperii*, наследование высшего статуса «Тронного владения» [см., например: 38, с. 120; 69, с. 193; 70, с. 29; 77, р. 399; 87, р. 15, 23]. Впрочем, хотя крымские ханы и ввели в титул формулу «Великой Орды великий хан», но впоследствии, наряду с «Великой Ордой», стали упоминать в титуле и Крым [см., например: 1, с. 209, 212, 215, 219; 70, с. 108, 115, 123, 135 и др.; 79, р. 343–358, 885, 895, 905, 919 и др.]. Следовательно, здесь имела место не только претензия на управление всем Улусом Джучи, но и напоминание о завоевании собственно Большой (resp. Великой) Орды. Эту формулу ханского титула Л. Коллинз приводит в качестве доказательства того, что Большая Орда номинально сохранялась как особый юрт в составе Крымского ханства [77, р. 370; см. также: 21, с. 131; 74, с. 99, 100]. Я склонен согласиться с такой интерпретацией.

Действительно, Большая~Великая Орда формально явно продолжала считаться в иерархическом отношении более значимой по сравнению с Крымом, который изначально представлял собой всего лишь одну из золотоордынских провинций. Когда в 1525 г. мятежный царевич Ислам-Гирей попытался свергнуть хана Саадет-Гирея, свое мимолетное (как оказалось) воцарение он преподнес в грамоте польскому королю так: «И вланы, и князи и 4

карачей, и вся Орда мене... полюбивши, на царстве посадили. Ино я тепере со всею Ордою и **с столцом заволжским** ордобазаром прикочевал есьми к Днепру» [82, р. 457]. Заволжский (т.е. большеордынский – в обычной польско-литовской интерпретации) престол, таким образом, предстает здесь как обозначение крымской монархии, но в ее наиболее почетной интерпретации; при этом и «Орда», и четыре карачи-бека, и «князи» (т.е. прочие беки-участники коронации) принадлежали в действительности только к Крымскому юрту, а не к «виртуальной» Большой Орде.

О восприятии двух юртов, Крыма и Большой Орды, как формально не совпадавших, раздельных уже после 1502 г., свидетельствует также присяга крымского посла, данная Александру Ягеллону в 1506 г. от лица Менгли-Гирея «со всеми солтаны, братьею и сыны своими, и со всеми вланы и князи, и со всеми мурзы, и со всеми людьми **обеюх** (так в тексте. – В.Т.) **орд, Заволское и Перекопское, которые подданы ему**» [83, с. 53].

Косвенным показателем номинального сохранения Тахт эли в недрах Крымского ханства могут служить также некоторые поздние летописные повествования о нашествии на Русь Мухаммед-Гирея I в 1521 г. Хотя ханства Ахматовичей давно не существовало, русские хронисты живописали приход хана к Москве «с Крымскими людьми и **Болшиа орды Заволжския** и с Ногаи» [43, с. 269; 45, с. 38; 48, с. 518, 538]. В пародийной стилизации под посольские документы «Повесть о двух посольствах» (нач. XVII в.) участники тех событий являют и вовсе путаницу орд и персонажей: «...Приходили на Русь... **Золотые Большие орды заволские нагаи** смаленвы и Тоехматовы дети¹¹» [76, с. 405].

Годом раньше датирован у В.Н. Татищева приезд в Москву крымского посла, который передал Василию III просьбу Мухаммед-Гирея о «помочи на **Большую орду хана астраханского**» [64, с. 121]. В летописях говорится лишь об Астрахани, без упоминания Большой Орды. И.В. Зайцев предположил, что либо Татищев обладал источником, в котором содержалась именно цитированная формулировка, либо предполагал наличие преемственности между Тахт эли и Астраханским ханством [18, с. 61].

Поскольку одним из значений понятия *Большая Орда* было «главная ханская ставка», нас не должно удивлять его присутствие в придворном обиходе крымцев до разгрома ими Тахт эли в 1502 г. «**А орда моя болшая** на Кобыльей Воде, писано тут»; «в **Болшой Орде** на Кобыльей воде писано тут», – сообщал Менгли-Гирей Ивану III место написания своих грамот в 1501 гг. [58, с. 362, 363]. Но уже тогда просматривается намерение перенести обозначение ставки на весь управляемый Крымский юрт, что, кажется, явствует из интитуляции послания к молдавскому господарю 1498 г.: «**От болшие орды** от болшого царя от Менли-Гирея водчичу волошскому Степану воеводе» [58, с. 257]. Здесь определенно присутствует титульная формула *Улуг улуснын улуг ханы*, которая московскими и литовскими переводчиками впоследствии отображалась как «Великого улуса великого царя» или «Великой Орды великого царя»¹². Наверное, тут можно видеть нараставшие амбиции правителя

¹¹ Искаженное «Смаилевы и Тинехматовы», т.е. сыновья ногайских биев Исмаила и Дин-Ахмеда.

¹² Во время кратковременной и неудачной попытки восстановления Большой Орды в 1527–1528 гг., после возвращения хана Шейх Ахмеда из многолетнего литовского плена,

Крыма на имперское наследство Джучидов, еще и «подогретое» обращениями к нему литовского и чешского монархов как к «императору» [74, с. 98, 163; 79, р. 360].

Да и после одоления Тахт эли титул Менгли-Гирея в переписке с европейскими дворами передавался тамошними переводчиками как «император» и «цезарь» Великой/Большой Орды, но никак не Бóльшей: «*Magnae Ordae magni caesaris Mendigerey*», «*Mengligueri, per la gracia de Dio imperatore de la Grande Orda*» [79, р. 589, 619, 620].

Итак, по приведенным в статье основаниям мне представляется, что русским названием домениальных владений распавшейся Золотой Орды в XV в. было *Большая Орда*. Она считалась преемницей своего предшественника – Улуг Улуса/ Улуг Орды. Это название, очевидно, сохранялось в татарской речевой практике и по отношению к ханству Тахт эли, но русские теперь переводили его почти всегда с эпитетом «большой», а не «великий». Эта замена могла диктоваться несколькими причинами, главная из которых заключалась в росте территории, могущества, богатства и престижа Московского великого княжества, которое во второй половине XV в. превратилось в Русское государство. Его правящая элита во главе с *великим князем*, если и признавала факт былой даннической зависимости от *Великой Орды* XIII–XIV вв., то не желала считать своими сюзеренами предводителей «Тронного владения» – пусть те и унаследовали название и амбиции угасшей империи.

В самосознании и идеологии русских политиков происходили показательные перемены. Неоспоримые дотоле властные прерогативы ордынских «царей» объявлялись незаконными, а сами эти «цари» (начиная с Батыя) – «злочестивыми», «погаными», «окаянными» и т.п., в отличие от «Богом утвержденного государя» Руси [10; 11, с. 168–170; 55]. Соответственно Орда южных степей теперь в сознании и языке русских стала наделяться сниженным эпитетом *Большая*. Представляется, что он был введен в употребление с целью отличить местопребывание ненавистного «царя» от прочих новорожденных Орд – но не посредством сравнительного прилагательного «большая», а через переосмысление и переименование официального названия бывшей Великой Орды. «Великими» теперь, в глазах русских современников, являлись московский государь и возглавляемое им государство¹³.

в столь же кратковременной переписке между ханским и королевским дворами король Сигизмунд I адресовался к Шейх-Ахмеду: «Великое Орды великому царю... брату нашому» [67, с. 327, 328; 82, р. 485, 489]. Точно так же начинались в то время его обращения в Крым к хану Мухаммед-Гирею.

¹³ С 1515 г. (с конца правления Менгли-Гирея) московские грамоты в Бахчисарай начинались с интитуляции «Великие Орды великому царю» [см., например: 59, с. 132, 178, 186 и др.]. До того эпитет «великий» в обращениях к хану изредка фигурировал не как часть титула, а исключительно в качестве комплимента («государь еси великой, справедливой и премудрой» [58, с. 184]). Полагаю, что появление «Великой Орды» в великокняжеских и позднее в царских посланиях в Крым было скорее не признанием прав Гиреев на главенство над бывшим ордынским пространством, а следствием развития и упорядочения российского дипломатического протокола. В интитуляции грамот отныне повторялась краткая форма титула (без перечисления подвластных хану земель и народов), который содержался в ханских письмах, привезенных в Москву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Ярлыки Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 208–227.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, Т. 1: 1340–1506. Григорович И. (ред.). СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. 421 с.
3. Ахатов И.А. Историография истории Большой Орды: вопросы изучения // Золотоордынское наследие. Миргалеев И.М. (ред.). Казань: Фэн, 2009. Вып. 1. С. 367–369.
4. Бартольд В.В. Сочинения, Т. II, Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 658 с.
5. Березин И.Н. Ханские ярлыки. Казань: Типография Н. Коковина, 1850. 156 с.
6. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2011. Вып. 5. С. 53–70.
7. Вашири И. Крымское ханство и Большая Орда (1440–1500 годы). Борьба за первенство // Средневековые тюрко-татарские государства. Загидуллин И.К. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2013. Вып. 5. С. 11–19.
8. Герберштейн С. Записки о Московии / Малеин А.И., Назаренко А.В. (пер.); Янин В.Л. (ред.). М.: Издательство Московского университета, 1988. 430 с.
9. Горский А.А. «Бешчисленныя рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 416 с.
10. Горский А.А. «Дает ти Господь победити царя злочестива»: идеологическая подготовка к войне с Ахматом // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты / Берговская И.Н., Назаров В.Д. (ред.). Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С. 129–133.
11. Горский А.А. Москва и Орда М.: Наука, 2000. 214 с.
12. Горский А.А. О названии «Большая Орда» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 123–127.
13. Горский А.А. Русь и Орда в XV столетии // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 65–72.
14. Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Ефимов Г.В. (ред.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. Вып. 10. С. 28–89.
15. Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2018. 492 с.
16. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 232 с.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
18. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
19. Золотая Орда в источниках, Т. III: Китайские и монгольские источники / Храпачевский Р.П. (пер.). М.: б. изд., 2009. 336 с.
20. Идегей. Татарский народный эпос / Липкин С. (пер). Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 256 с.
21. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2009. 142 с.
22. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.

23. *Йазди Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме / Ахмедов А. (пер.). Ташкент: Издательство журнала «SAN'AT», 2008. 486 с.
24. *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. М.: Наука, 1980. 152 с.
25. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 619 с.
26. *Кураат А.Н.* Собрание сочинений, Кн. 1: Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Галеев Р.Р. (пер.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. 256 с.
27. *Кушкумбаев А.К.* «Ак Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едыге» // Золотая Орда: история и культурное наследие / Кушкумбаев А.К. (ред.). Астана: BG-PRINT, 2015. С. 36–42.
28. *Кушкумбаев А.К., Сабитов Ж.М.* К вопросу обозначения государства в XIII–XV веках на территории Золотой Орды // Эволюция института власти в древней, средневековой и новой истории Казахстана и сопредельных государств / Абижанов Х.М., Атыгаев Н.А. и др. (ред.). Алматы: Институт истории и этнологии, 2016. С. 102–112.
29. *Кырым Абдулгаффар*. Умдет ал-ахбар, Кн. 1: Транскрипция, факсимиле / Пашаоглу Д.Д., Миргалеев И.М. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. 420 с.
30. *Кырым Абдулгаффар*. Умдет ал-ахбар, Кн. 2: Перевод / Каримова Ю.Н., Миргалеев И.Н. (пер. и ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2018. 200 с.
31. *Кычанов Е.И.* «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Мельниченко Б.Н., Новиков Б.М. (ред.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. Вып. 19. С. 146–157.
32. *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
33. Летописец русский / Лебедев А.Н. (ред.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1895. Кн. 3. С. i–iv, 1–190.
34. Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года, то есть по кончину царя и великого князя Феодора Иоанновича. М.: Московская типография, 1781. 230 с.
35. *Марков А.К.* Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2008. 120 с.
36. *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях / Аннинский С.А. (пер.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 299 с.
37. *Миргалеев И.М.* История Большой Орды: проблемы изучения // Средневековые тюрко-татарские государства / Рахимзянов Б.Р. (ред.). Казань: Ихлас, 2010. Вып. 2. С. 95–105.
38. *Миргалеев И.М.* Поздnezолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства / Загидуллин И.К. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2009. Вып. 1. С. 118–121.
39. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996. 254 с.
40. *Мустакимов И.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников // Гасырлар авызы = Эхо веков. 2008. № 1. С. 142–157.
41. *Мухаммадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.

42. Парунин А.В. О некоторых обстоятельствах употребления термина «Орда» и его эпитетов в письменных источниках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 84–91.
43. Полное собрание русских летописей, Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку / Бычков А.Ф. (ред.). СПб.: Типография Э. Праца, 1859. 301 с.
44. Полное собрание русских летописей, Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Платонов С.Ф. (ред.). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 262 с.
45. Полное собрание русских летописей, Т. 13, Ч. 1: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Платонов С.Ф. (ред.). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
46. Полное собрание русских летописей, Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Кунцевич Г.З. (ред.) СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 546 с.
47. Полное собрание русских летописей, Т. 21, 2-я половина: Книга степенная царского родословия / Васенко П.Г. (ред.). СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. Ч. 1. 364 с.
48. Полное собрание русских летописей, Т. 22: Русский хронограф, Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года / Розанов С.П. (ред.). СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 577 с.
49. Полное собрание русских летописей, Т. 22: Русский хронограф, Ч. 2: Хронограф западно-русской редакции / Розанов С.П. (ред.). СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. 302 с.
50. Полное собрание русских летописей, Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец / Рыбаков Б.А. (ред.). Л.: Наука, 1977. 251 с.
51. Полное собрание русских летописей, Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы / Буганов В.И., Корецкий В.И. (ред.). М.: Наука, 1978. 304 с.
52. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
53. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / Хетагуров А.А. (пер.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. I. Кн. 2. 315 с.
54. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Верховский Ю.П. (пер.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. II. 248 с.
55. Рудаков В.Н. Представления о зависимости от Орды в эпоху Стояния на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты / Берговская И.Н., Назаров В.Д. (ред.). Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С. 307–320.
56. Санчилов В.П. Приволжская степь в эпоху средневековья // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней / Максимов Г.Н., Очирова Н.Г. (ред.). Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 72–111.
57. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй (X–XVI вв.) / Муслимов И.Б. (ред.). М.: Инсан, 1996. С. 277–526.
58. Сборник Русского исторического общества, Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией / Карпов Г.Ф. (ред.). СПб.: Типография Ф. Елеонского и К, 1884. Т. I. 638 с.
59. Сборник Русского исторического общества, Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией / Карпов Г.Ф., Штендман Г.Ф. (ред.). СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. II. 788 с.
60. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Бархударов С.Г. (ред.). М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.

61. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. 771 с.
62. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ Москва, 2006. 445 с.
63. Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами» ат-таўа́рих» Жалаири. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1989. 243 с.
64. Татищев В.Н. История Российская / Валк С.Н., Тихомиров М.Н. (ред.). М.; Л.: Наука, 1966. Т. 6. 438 с.
65. Тишин В.В. Еще раз о содержании термина *орда* и категориях «Золотая Орда», «Белая Орда», «Синяя Орда» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 295–317.
66. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1024 с.
67. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
68. Тулибаева Ж.М. «Улус-и арба-йи Чингизи» как источник по изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2011. Вып. 4. С. 79–118.
69. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 318 с.
70. Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереездовского времени. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.
71. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
72. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Издательство Московского университета, 1973. 180 с.
73. Хисамов Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX в.). Казань: Татарское книжное издательство, 2012. 405 с.
74. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
75. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингизнаме / Юдин В.П. (пер.). Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 14–56.
76. Яковлев В.В. Ироничные «послания» Посольского приказа турецкому султану (о семантике тюрко-монгольской титулатуры в русской дипломатической практике XVI–XVII вв.) // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир / Кляшторный С.Г. и др. (ред.). М.: Восточная литература, 2003. С. 401–415.
77. Collins L. On the alleged “destruction” of the Great Horde in 1502 // *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571* / Bryer A. (ed.). Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1991. P. 361–399.
78. *Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, Lib. X: 1370–1405 / Dąbrowski J. (ed.). Varsoviae: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1985. 447 p.
79. *Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1049 p.
80. *Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi* Macieja Strykowskiego. Warszawa: Nakł. G.L. Glücksberga, 1846. Т. 1. 392 s.
81. *Lietuvos Metrika*, Knyga Nr 5: 1427–1506 / Banionis E. (ed.). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994. 402 p.
82. *Lietuvos Metrika*, Knyga Nr 7: 1506–1539 / Ilariene I., Karalius L., Antanaičius D. (eds). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 1012 p.
83. *Lietuvos Metrika*, Knyga Nr 8: 1499–1514 / Baliulis E., Firkovičius A., Antanavičius D. (eds). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 708 p.

84. *Mathias de Miechow*. Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis. Режим доступа: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost16/Miechow/mie_tra0.html (дата обращения 22.05.2020)

85. *Melek Özyetgin A.M., Kemaloğlu İ.* Altın Orda Hanlığına ait Resmî Yazışmalar. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. 186 s.

86. *Rachewiltz I.* The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Shorter Version / Street J.C. (ed.). Madison: University of Wisconsin, 2015. 291 p.

87. *Vásáry I.* The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s–1500s) // *Das frühneuzeitliche Krimkhanat (16.–18. Jahrhundert) zwischen Orient und Okzident* / Arens M., Klein D. (eds). Wiesbaden: Harrasowitz, 2012. P. 13–26.

Сведения об авторе: Вадим Винцерович Трепавлов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Поступила 19.11.2020 Принята к публикации 03.02.2021

Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Abduzhemilev R.R. Yarlyki Krymskogo khanstva [Yarliqs of the Crimean Khanate]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2016, no. 2, pp. 208–227. (In Russian)

2. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii*, T. 1: 1340–1506 [Acts Related to the History of Western Russia, Vol. 1: 1340–1506]. Grigorovich I. (ed.). St. Petersburg: Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. 421 p. (In Russian)

3. Akhatov I.A. Istoriografiya istorii Bol'shoy Ordyy: voprosy izucheniya [Historiography of the history of the Great Horde: Questions of study]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde Legacy]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, vol. 1, pp. 367–369. (In Russian)

4. Bartol'd V.V. *Sochineniya*, T. II, Ch. 2: *Raboty po otдел'nyim problemam istorii Sredney Azii* [Works, Vol. II, Part 2: Works on Certain Problems of the History of Central Asia]. Moscow: "Science", 1964. 658 p. (In Russian)

5. Berezin I.N. *Khanskіe yarlyki* [Khans' Yarliqs]. Kazan: Tipography of N. Kokovin, 1850. 156 p. (In Russian)

6. Bєspalov R.A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoy Evropy: ot Beleva do Kazani (1437–1445 gg.) [Khan Ulu-Muhammad and the States of Eastern Europe: From Belev to Kazan (1437–1445)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, vol. 5, pp. 53–70. (In Russian)

7. Vásáry I. Krymskoe khanstvo i Bol'shaya Orda (1440–1500 gody). Bor'ba za pervenstvo [Crimean Khanate and the Great Horde (1440–1500). The struggle for primacy]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Zagidullin I.K. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, vol. 5, pp. 11–19. (In Russian)

8. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Malein A.I. and Nazarenko A.V. (tr.), Yanin V.L. (ed.). Moscow: Moscow State University, 1988. 430 p. (In Russian)
9. Gorsky A.A. “*Beshchislenyya rati i velikiya trudy...*”. *Problemy russkoy istorii X – XV vv.* [“Countless Wars and Great Works ...”. Problems of Russian History from the tenth to fifteenth century]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2018. 416 p. (In Russian)
10. Gorsky A.A. “*Daet ti Gospod' pobediti tsarya zlochestiva*”. Ideologicheskaya podgotovka k voyne s Akhmatom [“The Lord Gives You Conquer the King of Evil”. Ideological preparation for the war with Ahmad]. *Velikoe stoyanie na reke Ugre i formirovanie Rossiyskogo tsentralizovannogo gosudarstva. Lokal'nye i global'nye konteksty* [The Great Standing on the Ugra River and the Formation of the Russian Centralized State. Local and Global Contexts]. Bergovskaya I.N. and Nazarov V.D. (eds). Kaluga: Printing house of S.I. Zaharov (“SerNa”), 2017, pp. 129–133. (In Russian)
11. Gorsky A.A. *Moskva i Orda*. [Moscow and the Horde]. Moscow: “Science”, 2000. 214 p. (In Russian)
12. Gorsky A.A. O nazvanii “*Bol'shaya Orda*” [On the name “*Bol'shaya Orda*”]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 1(3), pp. 123–127. (In Russian)
13. Gorsky A.A. Rus' i Orda v XV stoletii [Russia and the Horde in the fifteenth century]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 65–72. (In Russian)
14. Grigor'ev A.P. Vremya napisaniya “*yarlyka*” Akhmata [The time of writing of Ahmad's *yarliq*]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of the Countries of Asia and Africa]. Efimov G.V. (ed.). Leningrad: Leningrad University, 1987, vol. 10, pp. 28–89. (In Russian)
15. Gulevich V.P. *Ot ordynskogo Ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg.* [From the Horde Ulus to the Gireys' Khanate. Crimea in 1399–1502]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 492 p. (In Russian)
16. Dalay Ch. *Mongoliya v XIII–XIV vekakh* [Mongolia in the thirteenth and fourteenth centuries]. Moscow: “Science”, 1983. 232 p. (In Russian)
17. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Historical Geography of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries]. Moscow: “Science”, 1985. 245 p. (In Russian)
18. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoye khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow: “Oriental literature”, 2006. 303 p. (In Russian)
19. *Zolotaya Orda v istochnikakh*, T. III: *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources, Vol. III: Chinese and Mongolian Sources]. Khrapachevsky R.P. (tr.). Moscow: s.n., 2009. 336 p. (In Russian)
20. *Idegey. Tatarsky narodny epos* [Idegey. The Tatar Folk Epos]. Lipkin S. (tr.). Kazan: Tatar Book Publishing House, 1990. 256 p. (In Russian)
21. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turko-Tatar States of the fifteenth and sixteenth centuries]. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2009. 142 p. (In Russian)
22. Iskhakov D.M. and Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar* [Ethno-political History of Tatars]. Kazan: “Iman”, 2000. 136 p. (In Russian)
23. Yazdi Sharaf al-Din Ali. *Zafar-name*. Akhmedov A. (ed. and tr.). Tashkent: “SAN'AT” Juornal Publishing House, 2008. 486 p. (In Russian)
24. Kargalov V.V. *Konets ordynskogo iga* [The End of the Horde's Yoke]. Moscow: “Science”, 1980. 152 p. (In Russian)
25. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [Secret Legend. The Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 619 p. (In Russian and Old Mongolian)
26. Kurat A.N. *Sobranie sochineniy*, T. 1: *Yarlyki i bitiki khanov Zolotoy Ordy, Kryma i Turkestana v arkhive muzeya dvortsa Topkapy* [Collected Works, Vol. 1: *Yarliqs and*

Bitiks of the Golden Horde Khans, Crimea, and Turkestan in the Archive of the Topkapı Palace Museum]. Galeev R.R. (tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 256 p. (In Russian)

27. Kushkumbaev A.K. “Ak Orda” v tyurkskom epicheskom zhyre “Er Edyge” [The “Ak Orda” in the Turkic epic “Er Edyge”]. *Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie* [The Golden Horde: History and Cultural Heritage]. Kushkumbaev A.K. (ed.). Astana: BG-PRINT, 2015, pp. 36–42. (In Russian)

28. Kushkumbaev A.K. and Sabitov Zh.M. K voprosu oboznacheniya gosudarstva v XIII–XV vekakh na territorii Zolotoy Ordy [On the issue of designating the State from the thirteenth to fifteenth century on the territory of the Golden Horde]. *Evolutsiya instituta vlasti v drevney, srednevekovoy i novoy istorii Kazakhstana i sopredel'nykh gosudarstv* [Evolution of the Institution of Power in the Ancient, Medieval, and Modern History of Kazakhstan and Neighboring States]. Abizhanov Kh.M. et al. (eds). Almaty: Institute of History and Ethnology, 2016, pp. 102–112. (In Russian)

29. Kyrymi Abdulgaffar. *Umdet al-ahbar*, T. 1: *Transkriptsiya, faksimile* [Umdet al-ahbar, Vol. 1. Transcription, Facsimile]. Pashaoglu D.D. and Mirgaleev I.M. (eds). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p. (In Türki)

30. Kyrymi Abdulgaffar. *Umdet al-ahbar*, T. 2: *Perevod* [Umdet al-ahbar, Vol. 2. Translation]. Karimova Yu.N. and Mirgaleev I.M. (tr. and ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)

31. Kychanov E.I. “Istoriya dinastii Yuan” (“Yuan' shi”) o Zolotoy orde [“The History of the Yuan Dynasty” (“Yuan Shi”) about the Golden Horde]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Studies of the History of the Countries of Asia and Africa]. Melnichenko B.N. and Novikov B.M. (eds). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2000, vol. 19, pp. 146–157. (In Russian)

32. Kychanov E.I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic States from the Huns to the Manchus]. Moscow: “Oriental literature”, 1997. 319 p. (In Russian)

33. Letopisets russky [Russian Chronicle]. Lebedev A.N. (ed.). *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities]. 1895, vol. 3, pp. i–iv, 1–190. (In Russian)

34. *Letopisets, sodержashchy v sebe rossiyskuyu istoriyu ot 6360 (852) do 7106 (1598) goda, to est' po konchinu tsarya i velikogo knyazya Feodora Ioannovicha* [The Chronicle Containing Russian History from 6360 (852) to 7106 (1598), That Is Till the Death of Tsar and Grand Duke Theodore Ivanovich]. Moscow: Moscow Typography, 1819. 230 p. (In Old Russian)

35. Markov A.K. *Monety Dzhuchidov: Zolotaya Orda, tatarskie khanstva* [Coins of the Jochids: Golden Horde, Tatar Khanates]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 120 p. (In Russian)

36. Maciej Miechowita. *Traktat o dvukh Sarmatiiakh* [Treatise on the Two Sarmatias]. Anninskii S.A. (tr.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 299 p. (In Russian)

37. Mirgaleev I.M. Istoriya Bol'shoy Ordy: problemy izucheniya [History of the Great Horde: Problems of study]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Rakhimzyanov B.R. (ed.). Kazan: “Ikhlās”, 2010, vol. 2, pp. 95–105. (In Russian)

38. Mirgaleev I.M. Pozdnezolotoordynskie khanstva: k opredeleniyu verkhney daty sushchestvovaniya zolotoordynskogo gosudarstva [Late Golden Horde Khanates: To determine the upper date of the existence of the Golden Horde State]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Zagidullin I.K. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, vol. 1, pp. 118–121. (In Russian)

39. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [Turkic Geographical Names]. Moscow: “Oriental literature”, 1996. 254 p. (In Russian)

40. Mustakimov I. Termin “Zolotoy prestol” v Povolzh'e po dannym arabografichnykh istochnikov [The term “Golden Throne” in the Volga Region according to Arabographic sources]. *Gasyrlar avyzy = Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 2008, no. 1, pp. 142–157. (In Russian)

41. Mukhamadiev A.G. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv.* [Bulgar-Tatar Monetary System from the twelfth to fifteenth century]. Moscow: “Science”, 1983. 164 p. (In Russian)

42. Parunin A.V. O nekotorykh obsoyatel'stvakh upotrebleniya termina “Orda” i ego epiteto v pis'mennykh istochnikakh [On some cases of the use of term “Orda” and its epithets in written sources]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2018, no. 10, pp. 84–91. (In Russian)

43. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 8: *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 8: Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Copy]. Bychkov A.F. (ed.). St. Petersburg: Typography of E. Pratz, 1859. 301 p. (In Old Russian)

44. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 11: *Letopisny sbornik, imenuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 11: Chronicle Collection Called Patriarch or Nikon Chronicle]. Platonov S.F. (ed.). St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1897. 262 p. (In Old Russian)

45. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 13: *Letopisny sbornik, imenuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13: Chronicle Collection Called Patriarch or Nikon Chronicle]. Platonov S.F. and Adrianov S.A. (eds). St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1904, part 1. 302 p. (In Old Russian)

46. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 19: *Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets)* [Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 19: History of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicle)]. Kuntsevich G.Z. (ed.). St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1903. 546 p. (In Old Russian)

47. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 21, 2 polovina: *Kniga stepennaya tsarskogo rodosloviya* [Complete Collection of Russian Chronicle, Vol. 21, Second half: The Ranking Book of Tsar Genealogy]. Vasenko P.G. (ed.). St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1913. 364 p. (In Old Russian)

48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 22, Ch. 1: *Khronograf redaktsii 1512 goda* [Complete Collection of Russian Chronicle, Vol. 22, Part 1: The Chronograph of the 1512 Edition]. Rozanov S.P. (ed.). St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1911. 577 p. (In Old Russian)

49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 22, Ch. 2: *Khronograf zapadno-russkoy redaktsii* [Complete Collection of Russian Chronicle, Vol. 22, Part 2: The Chronograph of the Western Russian Edition]. Rozanov S.P. (ed.). St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1914. 302 p. (In Old Russian)

50. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 33: *Kholmogorskaya letopis'. Dvinskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicle, Vol. 33: Kholmogor Chronicle. Dvina Chronicler]. Rybakov B.A. (ed.). Leningrad: “Science”, 1977. 251 p. (In Old Russian)

51. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*, T. 34: *Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy* [Complete Collection of Russian Chronicle, Vol. 34: Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow, and Belskiy Chronicles]. Buganov V.I. and Koretsky V.I. (eds). Moscow: “Science”, 1978. 304 p. (In Old Russian)

52. Ponomarev A.L. *Pervye khany Kryma: Khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kaffy* [The first khans of Crimea: Chronology of the troubles of the 1420s in the accounts of the Genoese treasury of Kaffa]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)

53. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Khetagurov A.A. (tr.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952, vol. 1, part 2. 315 p. (In Russian)
54. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Verkhovsky Yu.P. (tr.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960, vol. 2. 248 p. (In Russian)
55. Rudakov V.N. Predstavleniya o zavisimosti ot Ordy v epokhu Stoyaniya na Ugre [Ideas of dependence on the Horde in the epoch of the “Standing on the Ugra”]. *Velikoe stoyanie na reke Ugre i formirovanie Rossiyskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty* [The Great Standing on the Ugra River and the Formation of the Russian Centralized State: Local and Global Contexts]. Bergovskaya I.N. and Nazarov V.D. (eds). Kaluga: Publishing house of S.I. Zaharov (“SerNa”), 2017, pp. 307–320. (In Russian)
56. Sanchirov V.P. Privolzhskaya step' v epokhu srednevekov'ya [The Volga Steppe in the Middle Ages]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia from the Most Ancient Times to the Present Day]. Maksimov G.N. and Ochirova N.G. (eds). Elista: “Gerel”, 2009, vol. 1, pp. 72–111. (In Russian)
57. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoy Ordy [The collapse of the Golden Horde]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsy... (iz opyta obrazovaniya i raspada impery (X–XVI vv.))*. [At the Junction of Continents and Civilizations ... (from the experience of the formation and collapse of empires, from the tenth to sixteenth century)]. Muslimov I.B. (ed.). Moscow: “Insan”, 1996, pp. 277–526. (In Russian)
58. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, T. 41: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheny Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu Ordami i s Turtsiey* [Collection of Russian Historical Society, Vol. 41: Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogay Hordes and with Turkey]. Karpov G.F. (ed.). St. Petersburg: Tipography of F. Eleonsky & C°, 1884. 638 p. (In Russian)
59. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, T. 95: *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheny Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nagayami i Turtsieyu* [Collection of Russian Historical Society, Vol. 41: Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nogay Hordes and with Turkey]. Karpov G.F. and Stendman G.F. (eds). St. Petersburg: Tipography of S.P. Yakovlev, 1895, vol. 2. 788 p. (In Russian)
60. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language from the eleventh to seventeenth century]. Barkhudarov S.G. (ed.). Moscow: “Science”, 1985, vol. 1. 371 p. (In Russian)
61. Sreznevsky I.I. *Materialy dlya slovary drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language according to Written Monuments]. St. Petersburg: Tipography of the Imperial Academy of Sciences, 1893, vol. 1. 771 p. (In Russian)
62. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khan and the Chinggisids. Fate and Power]. Moscow: “AST Moskva”, 2006. 445 p. (In Russian)
63. Syzdykova. R.G. *Yazyk “Zhami' at-tayāriḥ” Zhalairi* [The Language of “Jami' at-tauār” of Jalairi]. Alma-Ata: “Science” Publishing House of the Kazakh SSR, 1989. 243 p. (In Russian)
64. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya* [Russian History]. Moscow; Leningrad: “Science”, 1965, vol. 6. 438 p. (In Russian)
65. Tishin V.V. Eshche raz o soderzhanii termina orda i kategoriyakh “Zolotaya Orda”, “Belaya Orda”, “Sinyaya Orda” [Once again about the content of the term orda and the categories of “Golden Horde”, “White Horde”, “Blue Horde”]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 295–317. (In Russian)
66. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: “Quadruga”, 2020. 1040 p. (In Russian)

67. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii. Mongoly i tatory* [The Steppe Empires of Eurasia. The Mongols and Tatars]. Moscow: "Quadriga", 2015. 368 p. (In Russian)
68. Tulibaeva Zh.M. "Ulus-i arba-yi Chingizi" kak istochnik po izucheniyu Zolotoy Ordy ["Ulus-i arba-yi Chingizi" as a source for the study of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, vol. 4, pp. 79–118. (In Russian)
69. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Jochid Ulus from the fourteenth to sixteenth century]. Kazan: Kazan State University, 1979. 319 p. (In Russian)
70. Faizov S.F. *Pis'ma khanov Islam-Gireya III i Mukhammed-Gireya IV k tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu i korolyu Yanu Kazimiru. 1654–1658. Krymskotatarskaya diplomatika v politicheskom kontekste postpereyaslavskogo vremeni* [Letters of Khans Islam-Girey III and Mohammed-Girey IV to Tsar Alexey Mikhailovich and King Jan Kazimierz. 1654–1658. Crimean Tatar Diplomacy in the Political Context of Post-Pereyaslav Time]. Moscow: "Humanitarian", 2003. 168 p. (In Russian)
71. Fedorov-Davydov G.A. *Denezhnoe delo Zolotoy Ordy* [Monetary System of the Golden Horde]. Moscow: "Paleograph", 2003. 352 p. (In Russian)
72. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [Social System of the Golden Horde]. Moscow: Moscow University, 1973. 180 p. (In Russian)
73. Khisamova F.M. *Tatarsky yazyk v vostochnoy diplomatii Rossii (XVI – nachalo XIX v.)* [Tatar Language in the Eastern Diplomacy of Russia (from the sixteenth to early nineteenth century)]. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2012. 405 p. (In Russian)
74. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv.* [Rus' and Crimea: From Union to Confrontation. The end of fifteenth and the beginning of sixteenth century] Moscow: Editorial of URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
75. Yudin V.P. Ordy: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya... [The Hordes: White, Blue, Gray, Gold ...]. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Yudin V.P. (tr.). Alma-Ata: "Gylym", 1992, pp. 14–56. (In Russian)
76. Yakovlev V.V. Ironichnye "poslaniya" Posol'skogo prikaza turetskomu sultanu (o semantike tyurko-mongol'skoy titulatury v russkoy diplomaticheskoy praktike XVI–XVII vv.) [Ironic "messages" of the Ambassadorial Order to the Turkish Sultan (on the semantics of Turkic-Mongolian titlature in Russian diplomatic practice of the sixteenth and seventeenth centuries)] *Tyurkologichesky sbornik. 2002. Rossia i tyurksky mir* [Turkological Collection. 2002. Russia and the Turkic World]. Klyashtorny S.G. et al. (eds). Moscow: "Oriental literature", 2003, pp. 401–415. (In Russian)
77. Collins L. On the alleged "destruction" of the Great Horde in 1502. *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571*. Bryer A. (ed.). Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakker, 1991, pp. 361–399.
78. Ioannis Długossii *Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*, Lib. X: 1370–1405. Dąbrowski J. (ed.). Varsoviae: Państwowe Wydawn. Naukow, 1985. 447 p. (In Latin)
79. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1049 p.
80. *Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego*. Warszawa: Nakł. G.L. Glücksberga, 1846, vol. 1. 392 s. (In Polish)
81. *Lietuvos Metrika*, Knyga Nr 5: 1427–1506. Banionis E. (ed.). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994. 402 p. (In Ruthenian)
82. *Lietuvos Metrika*, Knyga Nr 7: 1506–1539. Ilariene I., Karalius L., Antanavičius D. (eds). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 1012 p. (In Ruthenian)
83. *Lietuvos Metrika*, Knyga Nr 8: 1499–1514. Baliulis E., Firkovičius A., Antanavičius D. (eds). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 708 p. (In Ruthenian)

84. Mathias de Miechow. *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis*. Available at: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost16/Miechow/mie_tra0.html (accessed 22.05.2020). (In Latin)

85. Melek Özyetgin A.M., Kemalöglu İ. *Altın Orda Hanlığına ait Resmî Yazışmalar* [Official Documents Related to the Golden Horde]. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. 186 s. (In Turkish)

86. Rachewiltz I. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Shorter Version*. Street J.C. (ed.). Madison: University of Wisconsin, 2015. 291 p.

87. Vásáry I. The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s–1500s). *Das frühneuzeitliche Krimkhanat (16.–18. Jahrhundert) zwischen Orient und Okzident*. Arens M., Klein D. (eds). Wiesbaden: Harrasowitz, 2012, pp. 13–26.

About the author: Vadim V. Trepavlov – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail trepavlov@yandex.ru

Received November 19, 2020 Accepted for publication February 3, 2021

Published March 29, 2021

IVAN IV AND THE TATARS

Charles J. Halperin

*Indiana University
Bloomington, USA
chalperi@iu.edu*

Abstract: *Research objectives:* To provide a comprehensive overview of Muscovite interaction with Tatars during Ivan IV's reign, both with each successor state of the Jochid ulus and with Tatars who moved to Muscovy and entered Ivan IV's service.

Research materials: This study is based upon Russian sources from the reign of Ivan IV concerning the Tatars, including narratives such as chronicles and documentary evidence such as diplomatic reports.

Results and novelty of the research: Muscovite policy toward the Tatars did not derive from a single dominating motive, neither hostility, such as religious animosity toward Muslims or the drive for imperial territorial expansion, nor the desire to cooperate with Tatars for the sake of commerce or the need for steppe military allies. Ivan adapted his policies to individual circumstances, vassal puppet rulers or outright conquest as needed. Tatars from the vassal khanate of Kasimov helped Ivan conquer Kazan' and Astrakhan' and fight Crimea. Nogai merchants sold the Muscovite army horses. Muscovites possessed intimate knowledge of foreign Tatars, but also lived in close proximity to "native" Tatars who lived on Muscovite soil or traveled to Moscow as envoys or merchants. However expertise on the Tatars, borrowing Tatar institutions, enrolling Tatar servitors, and conquering successor states of the Golden Horde did not make Muscovy a successor state of the Golden Horde. Nevertheless the Tatars were a fact of life in Ivan IV's Muscovy, as both allies and enemies.

Keywords: Ivan IV, Tatars, Kasimov, Kazan', Astrakhan', Sibir', Nogais, Crimea, successor state

For citation: Halperin C.J. Ivan IV and the Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 188–200. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.188-200

Acknowledgements: I would like to express my deep gratitude to the reviewers for their valuable comments.

The reign of Ivan IV was a crucial stage of Muscovy's relations with the successor states of the Golden Horde. Both hostility and accommodation characterized Russo-Tatar relations during Ivan's reign. On the one hand Muscovy conquered the Khanates of Kazan' and Astrakhan', subordinated some of the Nogai Tatars, at least began to conquer the Western Siberian Sibir' Khanate, and at times appeared to aspire to conquer or at least impose a puppet ruler on the Crimean Khanate. On the other hand more and more Tatars immigrated to Muscovy and entered Ivan's service. Such Tatars lived not only in the by-now vassal Kasimov Khanate but in other enclaves as well, not to mention Muscovite lands far from the steppe frontier. While some converted to Christianity, many retained their Muslim faith after becoming subjects of the Orthodox Christian Tsar. Muscovite respect for Chingissid

blood remained in force, to the extreme extent that however briefly an admittedly converted Chinggisid sat on the throne of Moscow. Muscovite expertise on the Tatars reached a peak, if only by necessity, because Muscovy had to deal with so many friendly and unfriendly Tatars. The government was willing and able to adapt its policy goals of subordination, vassalage or conquest to fit each Tatar entity. Nevertheless Muscovy remained a Christian, sedentary society and state; its identity was not as a successor state of the Golden Horde. These complex and even contradictory processes make the overall picture of Russo-Tatar relations complicated. This article will first survey Muscovite relations with each of its Tatar subject groups and neighbors and then address the nature of the Tatar presence in Muscovite politics and culture.

The Kasimov Khanate and Other Enclaves

Although in the middle of the fifteenth century Muscovy was compelled to establish the Kasimov Khanate as part of the ransom for the release of Grand Prince Vasilii II from captivity by the emigre Khan (and founder of the Kazan' Khanate) Muhammed, fairly soon the tables were turned and the Kasimov Khanate became an instrument of Muscovite policy toward the steppe. By Ivan IV's reign, its ruler had to be a Chingissid, but could be from any successor state of the Golden Horde; a Muslim; and a vassal of the Grand Prince of Moscow, from 1547 Tsar. Kasimov provided puppet rulers for Kazan' when Muscovy confined its intentions to reducing the Kazan' Khanate to subservience without imposing direct rule. Kasimov Tatars served as scouts on the steppe and as regular units within the Muscovite armies that fought other Tatars. Kasimov Tatars also served on the northern and western fronts, fighting Lithuanians and Livonians. The sedentary Christian Russian population of the Kasimov Khanate probably remained under the administration of a Muscovite governor, but at least during Ivan's reign in their domestic affairs the Kasimov Tatars were pretty much autonomous. There were tensions, of course. Chingissid Shah ali, installed as khan of Kazan', found he had a conflict of interest concerning Muscovite annexation of territory that was part of the Kazan' Khanate, which deprived his Kazan' Khanate of considerable revenue. Muscovite needs won that struggle. Muscovy dominated the Kasimov Khanate. Still, Muscovite sources appreciated the legitimacy of Shah ali's conflicted obligations, and for his loyal service to Moscow portrayed him very positively in narrative accounts [20; 21; 15].

The other Tatar enclaves confirmed to roughly the same pattern but had were individually of much lesser importance. Not only did no other enclave require a Chingissid khan. The Romanov yurt was reserved for Nogai Tatars, and for that reason could not have a khan, because the Nogais, alone of the successor states of the Golden Horde, did not establish a khanate, only nomadic hordes. All Tatar enclaves provided military forces for Muscovy's armies, and all threw Tatars and Russians together on a daily basis. Some Tatars in these enclaves retained not only their Muslim faith but also their nomadic life-style.

The Kazan' Khanate

Many historians consider Ivan's conquest of the Kazan' Khanate in 1552 as the crowning achievement of his reign, although that is hardly how the residents of Kazan' thought about it [7, p. 45–48]. It is true that military confrontations between

Muscovy and the Kazan' Khanate were frequent. Moscow disseminated anti-Muslim propaganda to its domestic audience and to foreign Christian countries, even to the Pope, and anti-Christian sentiment animated Kazani resistance [17, p. 520–521, 523]. Moreover, Moscow proclaimed its tolerance of Islam to the Ottoman sultan and Nogai princes to deflect their opposition to Muscovite conquest of Muslim yurts. Raiding parties from Kazan' did intrude into Muscovy to acquire slaves to be transported to the slave markets of Central Asia and the Ottoman Empire, but Muscovite invading armies, most successfully in 1552, enslaved Tatars, especially women and children, and deported them to Muscovy to be sold. Muscovite conquest followed failed attempts to impose a pro-Russian puppet khan on the Kazan' throne. It was a last resort not because of respect for Tatar independence or toleration of Islam but because the Muscovites knew full well in advance that conquest would carry greater costs, not least of all in the lives of Muscovite soldiers, than less direct means of control.

Hostility between Muscovy and Kazan' did not derive from ignorance. Even Russian Orthodox clerics had to and did become fully cognizant of the social and political make-up of the Kazan' Khanate. These clerics, quite possibly the metropolitan, head of the Russian Orthodox Church, who wrote the *Stepennaia kniga*, a thematic history of Rus' organized by reigns, not by year, were totally conversant with both the secular and religious establishments of Kazan' [9].

The Muscovite conquest was bloody; most Kazani men were slaughtered. Mosques in the city were destroyed and replaced by Russian Orthodox churches. A Muscovite governor, aided and abetted by a Muscovite garrison, took over the city. The surviving Muslim population was expelled beyond the city walls to suburbs. However, whatever the initial Christian missionary impulse in Kazan', it soon became apparent that the security situation – or, rather, the lack of security because of repeated local rebellions – overrode any thoughts of a coercive conversion campaign. Islam was as tolerated in Kazan' as in Kasimov and the other Tatar enclaves in Muscovy [23].

The Kazan' Tatars obviously did not go away after Muscovy's conquest. Revolts against Muscovite rule, which occupied most of the rest of the 1550s and resumed as late as the early 1580s, were met with major punitive expeditions. Muscovy also had to devise mechanisms during times of relative peace for administering a territory with a large non-Russian, non-Orthodox Christian population, not just Tatars but also animist nationalities occupying the middle Volga River region. Muscovite administrators and clerics had to accommodate the Muslim Tatar population as best they could [22].

The Astrakhan' Khanate

Muscovite conquest of the Astrakhan' Khanate in 1556 followed a similar but not identical pattern. Astrakhan' was much farther away, which made conquest harder, but it had little permanent population and what population it did have fled Muscovite armies, which made conquest easier. Muscovy attempted to impose indirect rule before resorting to annexation. Moscow supported a puppet, Dervysh ali, grandson of the last khan of the Golden Horde, Axmat, famous for the "Stand on the Ugra River" in 1480, but he lacked sufficient support. Military occupation followed [4, p. 257].

The Nogai Tatars

The nomadic Nogai Tatars had only a seasonal, winter “capital”/camp and after the Muscovite annexation of Kazan’ no Chingissid khan. (Before 1552 the Nogais recruited a Chinggisid for the sole purpose of appointing their chief, but they did not have a khanate). Political power was highly decentralized, although the Nogai Horde possessed a nominal suzerainty of a chief (“prince” in the Muscovite sources). In particular, there was a divide between those Nogai Tatars who were oriented toward Moscow and those oriented toward Crimea. As a result some Nogai Tatars fought in Muscovite armies against Livonia and others joined the 1571 Crimean invasion that burned Moscow to the ground. A turncoat Nogai Tatar in service to an *oprichnik* defected to Lithuania and then made his way to Crimea to inform Devlet Girei that the situation in Muscovy in 1571 was propitious for a major raid. It is therefore possible that a Nogai Tatar was directly responsible for the Crimean burning of Moscow [26; 7, p. 154, 202].

Muscovite relations with the Nogai Tatars included a major commercial segment. The Muscovite cavalry rode Nogai ponies; the horse trade dominated Nogai-Russian commerce. There was another less edifying element to Nogai-Russian commerce. As a reward for their military service Nogais were permitted to purchase non-Russian prisoners-of-war as slaves [7, p. 202]. Such victims were, of course, Christians, not just Catholics and Protestants, but Orthodox residents of the Grand Duchy of Lithuania.

To keep the horses coming Muscovy expended considerable diplomatic and commercial resources to cultivate dozens of Nogai notables and their wives. Muscovite envoys criss-crossed the steppe following multiple Nogai uluses, and entertaining and fulfilling requests for gifts. In turn the Nogais paid close attention to Muscovite politics. During Ivan’s minority when his mother, Grand Princess Elena Glinskaia acted as not only his guardian but virtually as regent, Nogai leaders addressed correspondence to Ivan and his mother [7, p. 31]. How they addressed Ivan later in his reign will be discussed below.

After the Muscovite conquest of Kazan’ and Astrakhan’ had altered the balance of power in the Pontic and Caspian steppe, large numbers of Tatars, mostly presumably Nogai, migrated to Muscovy and became conditional-land owners and Ivan’s military servitors. Some retained their Muslim faith, others converted and became *Novokrekshcheny*, who had to be carefully segregated from their former Muslim Tatar environment lest they backslide into Islam. As a whole they were assigned to live in the Northwest, the Novgorod region, as far away as possible from their confrères in the steppe. While they could not remain nomads, the influence of the pastoral life-style affected their sedentary economic pursuits, which tended more to animal husbandry than agriculture [16].

Muscovy did not conquer the Nogai Tatars outright. It is uncertain if Moscow could project permanent military pressure and direct administration deep into the steppe over all the nomadic Nogai camps. The government lacked sufficient administrative resources to do so. However, the conquest of Kazan’ and Astrakhan’ enabled Moscow to put enough economic pressure on the Nogais via control of access to nomad pastures and trade that Moscow did not need to proceed beyond the vassal-relationship stage.

The Crimean Khanate

Muscovite relations with the Crimean Khanate had been friendly until they succeeded too well against their mutual foe, the Great Horde, the nomadic successor of the Volga Golden Horde. Once that common interest disappeared, the two former allies became increasingly constant foes. Crimean raids devastated the south and southwest frontiers of Muscovy. The Muscovite government engaged in a furious bidding war with Poland-Lithuania to induce the Crimeans to launch their slave-raiding operations against the other. Of course the Crimean khans played both sides, securing as much “tribute” in the form of “gifts” as they could from both countries, and continued to raid both anyway. Distant Astrakhan’ could still be reached by sailing or rowing down the Volga River, but the arid and unpopulated Pontic steppes separated Moscow and Bakhchisarai.

Muscovite conquest of Kazan’ and Astrakhan’ had a deleterious effect upon Russian-Crimean relations. Crimea vigorously resented Muscovite expansion, although, fearful of excessive Ottoman power in the region, they unwillingly participated in and simultaneously sabotaged the Ottoman campaign to retake Astrakhan’ in 1569. The Crimean perception of the threat posed by Muscovy’s push down the Volga River will be discussed below.

Crimean slave-raiding was an annual threat to the Muscovite border and even center. Thousands of Russians captives were eventually sold in Ottoman slave markets. In addition, some prisoners-of-war remained incarcerated in Crimea awaiting ransom. Vasilii Griaznoi, Ivan’s drinking buddy, spent five years in Crimean captivity before Ivan and his captors could agree on a ransom price.

The path from Muscovy to Crimea could also be more circuitous. Boyar Semen Bel’skii defected to Lithuania in 1534 during Ivan’s minority, was captured by the Nogai Tatars, and was then ransomed by the Crimean Khan. Bel’skii entered the khan’s service and advised him on his 1541 raid into Muscovy [14, p. 23].

Other Muscovites defected directly to Crimea. Several Muscovite gentry from the south and southeast assisted Devlet-Girei to find his way to Moscow in 1571. Some thought it best thereafter not to remain in Muscovy and joined the Crimeans on their return home. One later petitioned to be allowed to return to Muscovy, but the outcome of his petition is unknown [7, p. 202].

Another Muscovite, Semen Mal’tsev, was captured by the Nogais and sold to the Ottoman governor of Azov. His peripatetic life after that included stays in Kaffa in the Crimea, administered by the Ottomans, and Bakhchisarai. Along the way he wrote a valuable account of the 1569 Ottoman-Crimean campaign against Astrakhan’ [24].

To interdict Crimean raids Moscow eventually developed a system of border lookout posts and scouts to warn Muscovite forces of the approach of Crimean raiding parties. This system was not in place before the 1571 Crimean raid that burned Moscow, but became increasingly effective after the Muscovites defeated the Crimeans at Molodi in 1572, the last time Crimea launched a major raid against Muscovy. During Ivan’s entire reign a major Muscovite field army was mobilized almost every year to stand guard on the Oka River crossings to interdict Crimean incursions.

Embassies traveled back and forth between Muscovy and Crimea. The Crimean diplomatic papers demonstrate convincingly how closely Moscow followed developments, not just political, in Crimea. Bad weather or epidemics in Crimea

impugned the khanate's ability to launch raids; civil war among the Gireed Chingissids, especially if the Ottomans felt the need to intervene, had the same effect. The Muscovite diplomatic establishment, which included Ivan personally, acquired enormous amounts of intelligence information on Crimea, all to be put to good use in checking the Crimean threat to Muscovy [8]. Of course, the Crimeans stayed equally well-informed of developments in Muscovy. As mentioned, they knew about the disruption of the country by the *oprichnina*. Earlier, they tried to take advantage of Ivan's minority but were repulsed by Grand Princess Elena [7, p. 31]. In 1571 when the Crimeans captured two of Ivan's in-laws, two brothers of his late second wife, the Kabarda Circassian Mariia Cherkasskaia, they knew exactly who they were [7, p. 69].

In the late 1550s Muscovite forces crossed the steppe, and even reached the Crimean peninsula. A base was established on the Psel' River to interdict Crimean raiding parties. However, lack of fodder for horses and provisions for men made maintaining such outposts well-nigh impossible, not to mention severe Ottoman displeasure at Muscovite intrusion into the domain of an Ottoman vassal. Ivan pulled his forces back. In the opinion of some historians Ivan contemplate at least converting Crimea into a vassal khanate on the order of Kasimov, as had been attempted and failed in Kazan' and Astrakhan'. Of course Ivan did not rationalize his strategic plans in geopolitical terms. According to him the Muscovite troops were defending Russian Christians from Muslin Tatars. Historians can only infer his goal. It is open to question whether Ivan's intentions were as ambitious as installing a puppet khan in Crimea. Certainly outright conquest was out of the question for logistical reasons. It seems more likely that Ivan appreciated the military and political obstacles to projecting Muscovite force of arms across the steppe to Crimea. Rather, the purpose of the campaigns of the late 1550s was to neutralize the Crimean threat sufficiently to allow Ivan to reallocate his main military forces toward Livonia without worrying about a second front. Of course he miscalculated catastrophically; the burning of Moscow testified to his underestimation of the extent of the Crimean threat. Ivan had stripped too many troops from the southern border [7, p. 154–156, 170, 201–202; 18, p. 101, 103–104, 236].

The Khanate of Sibir'

Last and definitely least among the successor states of the Golden Horde during Ivan's reign was the Western Siberian khanate of Sibir'. In 1555 the non-Chingissid bii (called "prince" in the Muscovite sources) Yadigar, who had taken control over the Sibir' Khanate, asked to become Ivan's vassal and promised an unrealistic tribute in furs. The Shaybanid Chingissid khan Kuchum, whose relatives conquered Bukhara, overthrew him. At first Kuchum promised to pay the tribute, but later reneged. As a result of border warfare between Kuchum and the possessions of the Stroganovs, those merchants hired Ermak and his Cossacks to invade the Sibir' Khanate, which they conquered, although Ermak and most of them died without returning home. After the fact Ivan "accepted" the conquest and sent reinforcements, who initially did not do well either. It was only after Ivan's death, during the reign of Ivan's son Tsar Fedor, that Muscovy actually established a viable presence in Siberia, and it took most of the seventeenth century for Muscovite expansion to reach the border of the Manchu Empire in Eastern Siberia. Therefore, although Ivan had rather little contact with the Sibir' Khanate, Muscovite-Sibir'

relations began with a vassal relationship, like Muscovy and Kazan' in 1487, and progressed to military conquest [19, p. 248; 7, p. 151; 4, p. 257].

Muscovy as a Golden Horde Successor State

Muscovite relations with the successor states of the Golden Horde were conducted with great expertise and considerable flexibility. Vassalage and conquest were used as and when necessary. Commerce and warfare were not mutually exclusive. Most of all, Muscovy – and Ivan – possessed, and worked hard at continuing to possess – reliable intelligence information and access to all Golden Horde successor states, those already friendly, those sometimes friendly, and those almost always hostile. Muscovy played steppe politics with the professionalism of a Tatar insider. This feature of Muscovite culture has suggested to some historians that Muscovy under Ivan was also a successor state of the Golden Horde. Of course concluding that Muscovy was a successor state of the Golden Horde, like Tatar successor states, depends upon how one defines the criteria that qualify an entity as a successor state.

Muscovite expertise on Poland-Lithuania was just as great as on the Tatars. Knowledge about the successor states of the Golden Horde did not make Ivan IV's Muscovy a successor state of the Golden Horde.

It has been argued that Ivan was crowned "tsar" in 1547 in order to make him eligible to conquer Kazan' [4, p. 255–254]. The logic derives from the fact that ever since the Mongol conquest of Rus' in 1237–1240 the Rus' translated "khan" as "tsar'." However, "tsar'" also translated "basileus," the title of the Byzantine emperor, and Ivan's 1547 coronation was based upon a Byzantine coronation ordo. Ivan was not awarded the title "tsar" in a Mongol fashion; he was not thrown in the air on a blanket. A Byzantine coronation rite could not make Ivan a khan and Muscovy a successor state of the Golden Horde.

Although the extent of Muscovite institutional borrowing from the Mongol Empire and the Golden Horde is disputed, the fact that Muscovy did borrow some administrative, military, and fiscal institutions cannot be denied [12, p. 90–95; 10]. Such institutional borrowing does demonstrate Mongol/Tatar influence on Rus' and later Muscovy, but in and of itself, even though the borrower had been conquered by the borrowee, does not identify a successor state [11]. To be a successor state of the Golden Horde Muscovy had to consider itself a successor state of the Golden Horde. Being a successor state is a matter of identity. Even when seemingly acting like a successor state of the Golden Horde, by conquering territory that had belonged to the Golden Horde, Muscovy under Ivan made no such assertions. Ivan claimed Kazan' and Astrakhan' by right of conquest and various fabricated claims, but never because they had belonged to the Golden Horde. Ivan's titles proclaim him as "Tsar' of Kazan'" and "Tsar' of Astrakhan," but never "Tsar' of the Juchid ulus" or "Tsar' of the Great Horde," the name of the last incarnation of the nomadic Volga Horde or "Tsar' of the Golden Horde." Even if Ivan had attempted to conquer Crimea, he was still not trying to recreate the Golden Horde. To do so he would first of all have had to conquer Kiev and Galicia-Volhynia, and then the territories in the Balkans that had been ruled by Horde power-broker Nogai in the late thirteenth and early fourteenth centuries, and probably Azerbaijan and Khwarezm. Ivan had no such aspirations.

If we define being a successor state as a matter of consciousness and mentality, then we can dismiss out of hand the argument that Muscovy was a successor state of the Golden Horde but was unaware that it was a successor state of the Golden Horde, or that Muscovy was aware of that it was a successor state of the Golden Horde but denied it. To be a successor state of the Golden Horde Muscovy had to acknowledge itself as such. Muscovy did precisely that in articulating its relationship to Kievan Rus'. Ivan repeatedly invoked his Kievan ancestors and Kievan history to justify his coronation as tsar and his territorial expansion. Of course there are cases of would-be successor states who proclaimed they were but were not, but we do not have to deal with any such case here.

Numerous Nogai leaders called Ivan "the White Tsar," perhaps meaning Western Khan in the steppe color schema, but Ivan never used the title himself. Indeed, although he did not forbid the Nogais to accord him that title, he never even acknowledged it. Only Khan Kuchum of Sibir' addressed Ivan as "White Tsar'," and he did so only once, and very much under duress [11, p. 15]. No other Chingissid ever elevated Ivan to the status of "khan."

Similarly the Nogai Belek Bulat Mirza called Ivan a direct descendant of Chinggis Khan, but Ivan never claimed to be a dynastic heir of Chinggis Khan [6]. There is no evidence that Ivan punished Belek Bulat Mirza for doing so, but there is considerable evidence that Ivan did not legitimize this phoney genealogy. In Muscovite diplomatic discourse Ivan claimed to be a direct heir of Prus, brother of Augustus Caesar, via Riurik, founder of the Rus' dynasty, an equally fictitious descent, but one which left no place for Chinggis on Ivan's family tree². Ivan might have been flattered by Belek Bulat Mirza's rewriting of Daniilovich genealogy, but he was not convinced.

Ivan's self-proclaimed descent from Prus via the male line obviated any need, let alone necessity, for Ivan to indulge the legendary genealogy of his female line, included in the Muscovite genealogy books. Supposedly the Glinskii clan of his mother, Elena Glinskaia, descended from Mamai, who himself descended from Chinggis Khan, who had invaded Rus' and attacked Kiev. Batu, Chinggis Khan's grandson, attacked Kiev and Mamai was not a Chinggisid, as anyone familiar with the descriptions of the Mongol invasion and the battle of Kulikovo Field in Rus' chronicles and tales would know. In addition anyone familiar with Mongol society would know that Chinggisid descent devolved only in the male line. A mother who was a Chingissid could not confer Chinggisid status on her son. Despite these gross historical and social flaws, Ivan could still have endorsed his Chinggisid origin if he wanted to; after all, the theory of his descent from Prus via Riurik was equally ludicrous. Fortuitously, for Ivan claiming Chinggisid origin was superfluous. Roman Imperial descent sufficed.

Medieval Rus' ambivalence at even admitting that the Mongols had conquered Rus' would surely have inhibited the development in Muscovy of a consciousness as a Golden Horde successor state. The at best uneasy admission that the Tatars had altered Rus' sovereignty persisted in the 1530s when the Nikon Chronicle re-wrote the history of Rus'-Tatar relations from 1223 to 1480 [5]. A passage in Muscovite-Lithuanian negotiations in 1566 demonstrates the glaring persistence of East

² Why Ivan wished to have Roman ancestry remains a mystery. If he hoped to impress his European neighbors, he failed. Regardless, on numerous occasions in conversations with Europeans Ivan claimed various European origins, including Scandinavian and German.

Slavic denial of the Mongol conquest. Lithuanian representatives, objecting to Muscovite claims in the Lithuanian view that because Muscovy had attacked Livonia, Livonia was a Muscovite patrimony, commented that according to their (the Lithuanians') "chronicles" (*khroniki*) the Tatars had attacked (*voevali*, "made war on") Moscow, and asked the Muscovite boyars sitting across the table if that made Moscow the patrimony of the Tatars. The boyars replied that the Lithuanians could write whatever they wanted in their chronicles, but the Tatars had not attacked Moscow, and that it was not written anywhere that they had [25, p. 392–395]. In 1566, having established the *oprichnina*, Ivan was in firm control of the Muscovite government, including foreign affairs. We may very safely infer that Ivan shared his boyars' willingness to lie about the passages in Rus' chronicles that listed the city of Moscow among those cities that fell to Batu in 1237–1238 and that described in graphic detail the sack of Moscow by Khan Toqtamys̄h in 1382, among the more notable cases confirming the Lithuanians' chronicles.

Gerasimov et al. assert that Crimea, Astrakhan', the Nogais and Muscovy interpreted Moscow's conquest of Kazan' as a manifestation of Muscovite pretensions to the entire Golden Horde inheritance. If Moscow had conquered Crimea, they continue, Ivan could have claimed to occupy the throne of a Golden Horde khan. Ivan had as much right to the throne of the Golden Horde as the Gireeds of Crimea, who were not Chingissids [4, p. 257, 262]. Haci I Giray, founder of the Crimean khanate in 1441, descended from Toqa Temür, thirteenth son of Jochi, son of Chingis. The Muscovites called the rulers of Crimea "khans," which could only have applied to Chingissids. As we have seen, the Muscovites knew Yadigar of Sibir' was not a Chingissid; they could hardly have been ignorant of the putatively non-Chingissid status of an entire dynasty in Crimea. Various Gireed khans sat on the thrones of the Kasimov and Kazan' Khanates, which they could not possibly have done if they were not Chingissids. The issue of the Chingissid status of the Gireeds aside, Muscovy interpreted the conquest of Kazan' as the triumph of Russian Orthodox Christianity over Islam, not as Moscow's ascension to the legacy of the Golden Horde.

During Ivan's reign Muscovy demonstrated great respect for the Chingissid lineage. After the conquest of Kazan' a widow of the last adult Kazan' khan, Suyun bike, was married to the Muscovite pretender to the Kazan' throne, Shah ali, a fellow-Muslim Chingissid. The boy-heir to Kazan', Utiamys̄h, was converted to Orthodox Christianity. He died young, and was buried in the Moscow dynasty's necropolis, the Archangel Cathedral. As we have seen, at this time the Muscovites permitted only legitimate Chingissids to become khans of Kasimov. Ivan and Muscovite diplomats never questioned Crimea's claim to be heir of the Volga Horde. Perhaps the only two rulers whom Ivan did not insult at least once in his colorful diplomatic correspondence were the khans of Crimea and the sultans in Istanbul, neither of whom, to repeat, ever addressed Ivan as "White Khan" [7, p. 46, 75].

Ivan's selection of Simeon Bekbulatovich, a converted Chingissid, to sit on the throne of Moscow in 1575–1576 reflected just that respect for the Chingissid dynasty [7, p. 245–247]. Gerasimov et al. insist that Ivan's action did not result from his mental degeneration. Simeon's official coronation was quite logical. The "unprecedented arbitrariness" of Ivan's masquerade demonstrated his unlimited authority, but also legitimized that authority by the sanction of Muscovy's Horde inheritance [4, p. 267]. In fact Simeon was never crowned, officially or unofficially. If Simeon's as-

cent personified Horde legitimation of Moscow's ruler, then Ivan's choice of Simeon could not be considered "unprecedented" or "arbitrary." Rather it was a retro throw-back to the "pre-1480" relationship of Rus' to the Tatars when a Chinggisid khan ruled Rus' and chose which Rus' princes could sit on which thrones. Unfortunately for this line of thought implicit in the argument of Gerasimov et al., Simeon, a tsar because he had been khan of Kasimov, did not hold the title of Tsar' of All Rus'. He was "Grand Prince of All Rus'". The Simeon episode reflects Tatar influence but not Muscovy's succession to the Golden Horde [13].

There are two pieces of evidence that the Muscovite dynasty considered itself to be on a par in terms of status with the Chingissids. After 1480 Ivan III's name in Arabic, *Ibak*, replaced that of the khan on Muscovite coinage. Michael Cherniavsky interpreted that change as a signal of the accession of a new khan from a new and legitimate dynasty [2, p. 73]. Cherniavsky also asserted that the concept of Ivan's dynasty pictured in the frescoes of the Archangel Cathedral of the Moscow Kremlin, the dynasty's family church, imitated the biological dynastic conception of the Chingissids [1]. I would argue that the "new" Muscovite dynasty ruled Muscovy and only Muscovy, that Muscovy was no longer a vassal of the Tatar Horde, not that Muscovy had replaced the Golden Horde as rightful ruler of all territory subservient to the Golden Horde khans.

Ivan's frequent socializing with Tatars probably did not result in his becoming fluent in the Turkic (Tatar) language. We know only of two words in Turkic that Ivan ever spoke. As a boy he uttered, "*tabug salam*", a traditional polite greeting [19, p. 104]. We cannot therefore demonstrate that he was conversant in Tatar, but certainly he would have been exposed to hearing it on more than one occasion³. The prevalence of interpreters – mostly Turkic-speaking nomads in Muscovite service who learned Russian – made communication easy. No doubt some Muscovite servitors who frequented the steppe acquired a smattering of Tatar.

Of course Crimea, and behind Crimea's back, the Ottoman Empire, opposed and resented Ivan's conquest of Kazan' and Astrakhan'. Such opposition was more than verbal, although no more efficacious: the 1569 Ottoman-Crimean campaign to recapture Astrakhan' failed, and Devlet Giray's attempts to reacquire Kazan' and Astrakhan' (both thrones which various Gireeds had sometimes occupied) were equally futile. The Nogais might have perceived Muscovite annexation of Kazan' and Astrakhan' as legitimate expressions of the rights of the White Khan, although no Nogai communication to Moscow ever voiced such a theory explicitly. Crimea, on the other hand, never recognized Moscow as a legitimate candidate to become the successor of the Golden Horde. To Crimea, Muscovite annexation of Chingissid yurts in Kazan' and strakhan' was unjustified aggression by a Horde vassal who was still obligated to pay Crimea tribute, if more politely in the form of "gifts".

To conclude, the Tatars were a constant and not always friendly presence in Ivan's reign. Militarily it took Ivan three major campaigns to conquer Kazan' and decades of punitive expeditions to repress native revolts and definitively install Muscovite rule. Annually Ivan had to mobilize troops to defend the "shore", the Oka River crossings, from Crimean incursions. His armies failed to stop the Crimeans from reaching and burning Moscow in 1571 but did defeat the Crimean

³ For a more positive assessment of the possibility of Ivan's linguistic familiarity with Tatar, see [3, p. 104].

khan in 1572 before he could duplicate his achievements of the past year. On the other hand, serving Tatars from the Kasimov Khanate and other Tatar enclaves, and even from conquered Kazan', aided Ivan's armies on the northwest front against Livonia and Lithuania. Diplomatically during Ivan's entire reign he had to expend considerable financial and human resources carrying out communications and negotiations with multiple Nogai leaders, and his ambassadors and envoys to Crimea spent considerable time there, not always voluntarily. Nogai envoys to Moscow brought with them the merchants who sold tens of thousands of horses to the Muscovite army. Ivan's Tatar servitors, not just senior advisors and tools like Shah ali, were frequently visible in Moscow and on the roads between Moscow and their enclaves. All in all, Tatars were a part of Ivan's life. He probably could not have imagined a world in which he did not have Tatar servitors and Tatar enemies.

REFERENCES

1. Cherniavsky M. Ivan the Terrible and the iconography of the Kremlin Cathedral of Archangel Michael. *Russian History*. 1975, no. 2, pp. 3–28.
2. Cherniavsky M. Khan or Basileus: An aspect of Russian mediaeval political theory. *The Structure of Russian History*. Cherniavsky M. (ed.). New York: Random House, 1970, pp. 65–79.
3. de Madariaga I. *Ivan the Terrible. First Tsar of Russia*. New Haven: Yale University Press, 2006. xxii + 484 p.
4. Gerasimov I. (ed.). *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii*, Chast' 1: *Konkuriruyushchie proekty samoorganizatsii VII–XVII vv.* [New Imperial History of Northern Eurasia, Part 1: Competing Projects of Self-Organization from the seventh to seventeenth century]. Kazan: "Ab Imperio", 2017. 656 p. (In Russian)
5. Halperin C.J. The East Slavic response to the Mongol conquest. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1998–1999, vol. 10, pp. 98–117.
6. Halperin C.J. Ivan IV and Chinggis Khan. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003, no. 51, pp. 481–497.
7. Halperin C.J. *Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2019. xii + 365 p.
8. Halperin C.J. Khan i elita: moskovskoe vospriyatie politicheskoy kul'tury Krymskogo khanstva v period pravleniya Ivana IV [The Khan and the Elite: Muscovite perception of the political culture of the Crimean Khanate during the reign of Ivan IV]. Kopylova M.E. (tr.). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies]. 2019, no. 1 (75), pp. 18–22. (In Russian)
9. Halperin C.J. The Muscovite attitude toward the outside world during the reign of Ivan IV: Stepenaia kniga. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury tatarskogo naroda. Materialy k uchebnym kursam: v chest' yubileya akademika AN RT M.A. Usmanova* [Actual Problems of the History and Culture of the Tatar People. Materials for Training Courses: In Honor of the Anniversary of Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan M.A. Usmanov]. Mustafina D.A., Gatin M.S., and Giliyazov I.A. (eds). Kazan: Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, 2010, pp. 188–201.
10. Halperin C.J. Muscovite political institutions in the fourteenth century. *Kritika*. 2000, no. 1, pp. 237–57.
11. Halperin C.J. Muscovy as a Successor State of the Juchid ulus. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2011, no. 18, pp. 5–20.

12. Halperin C.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington: Indiana University Press, 1985. xii + 180 p.
13. Halperin C.J. Simeon Bekbulatovich and the Mongol influence on Ivan IV's Muscovy. *Russian History*. 2012, no. 39, pp. 306–330.
14. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p.
15. Martin J. The Mongol elite in Muscovy, rhetoric and reality: The portrayal of Tsar Shah Ali in the Book of Degrees of the Royal Genealogy. *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness*. Lenhoff G. and Kleimola A. (eds). Bloomington: Slavica Publishers, Inc., 2011, pp. 217–229.
16. Martin J. The Novokshcheny of Novgorod: Assimilation in the 16th century. *Central Asian Studies*. 1990, no. 9, pp. 13–38.
17. Minnegulov Kh. Literature of the Ulus of Jochi and the Post-Golden Horde Tatar Khanates. *The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph*. Gibatdinov M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 515–523.
18. Penskoï V. *Ivan Groznyy i Devlet-Girey* [Ivan the Terrible and Devlet-Girey]. Moscow: "Veche", 2012. 236 p. (In Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: "Science", 1965, vol. 13. 532 p. (In Old Russian)
20. Rakhimzianov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). History Essays]. Kazan: Tatar Bok Publishing House, 2009. 207 p. (In Russian)
21. Rakhimzianov B.R. *Moskva i tatarskiy mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar World: Cooperation and Confrontation in an Era of Change, fifteenth and sixteenth centuries]. St. Petersburg: "Eurasia", 2016, 396 p. (In Russian)
22. Romaniello M.P. *Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671*. Madison: University of Wisconsin Press, 2012. 297 p.
23. Romaniello M.P. Mission delayed: The Russian Orthodox Church after the conquest of Kazan'. *Church History*. 2007, no. 76, pp. 511–540.
24. Sadikov P.A. Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. [Campaign of Tatars and Turks to Astrakhan in 1569]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. 1947, no. 22, pp. 132–166. (In Russian)
25. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balashev, 1892, vol. 71. 955 p. (In Russian)
26. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoi Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: "Oriental literature", 2001 751 p. (In Russian)

About the author: Charles J. Halperin – Ph.D. (History), Research Fellow of the Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, Indiana, USA); chalperi@iu.edu

*Received November 24, 2020 Accepted for publication March 4, 2021
Published March 29, 2021*

ИВАН IV И ТАТАРЫ

Чарльз Дж. Гальперин

Индианский университет

Блумингтон, США

chalperi@iu.edu

Цель исследования: дать всесторонний обзор взаимодействия московитов с татарами во время правления Ивана IV, как с каждым государством-преемником улуса Джучидов, так и с татарами, которые перешли в Московию и поступили на службу к Ивану IV.

Материалы исследования: это исследование основано на русских источниках времени правления Ивана IV, касающихся татар, включая такие нарративные источники, как летописи, а также такие документальные свидетельства, как дипломатические отчеты.

Результаты и новизна исследования: политика московитов по отношению к татарам не проистекала из единого доминирующего мотива, ни из враждебности, как, например, религиозной неприязни к мусульманам или стремления к имперской территориальной экспансии; ни из желания сотрудничать с татарами в интересах торговли или из надобности в степных военных союзниках. Иван адаптировал свою политику в зависимости от индивидуальных обстоятельств по отношению к вассальным марионеточным правителям или в стремлении к прямому завоеванию по мере необходимости. Татары из вассального ханства Касимова помогли Ивану завоевать Казань и Астрахань и сражаться с Крымом. Ногайские купцы продавали московитам армейских коней. Московиты хорошо знали чужеземных татар, но также жили в непосредственной близости от «коренных» татар, которые жили на московской земле или приезжали в Москву в качестве послов или купцов. Однако близкое знакомство с татарами, заимствование татарских институтов, наем служилых татар и завоевание государств-преемников Золотой Орды не сделали Московию государством-преемником Золотой Орды. Тем не менее татары были жизненной реальностью в Московии Ивана IV в качестве союзников и врагов.

Ключевые слова: Иван, татары, Касимов, Казань, Астрахань, Сибирь, ногаи, Крым, наследник Золотой Орды

Для цитирования: Halperin Ch.J. Ivan IV and the Tatars // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 188–200. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.188-200

Благодарности: Хотелось бы выразить огромную признательность рецензентам за ценные замечания.

Сведения об авторе: Чарльз Дж. Гальперин – Ph.D. (история), внештатный научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, Индиана, США). E-mail: chalperi@iu.edu

Поступила 26.11.2020 Принята к публикации 04.03.2021

Опубликована 29.03.2021

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА СИБИРСКОГО ХАНСТВА: ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С.Ф. Татауров

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Российская Федерация
tatsf2008@rambler.ru*

Цель исследования: статья посвящена определению возможности использования археологических материалов в изучении истории тюрко-татарских государственных образований в Западной Сибири. Представляемое исследование направлено на поиск решения по датировке археологических комплексов и соотношении их с конкретными сибирскими ханствами.

Материалы исследования: при отсутствии письменных источников археологические материалы могут играть существенную роль при воссоздании государственной структуры, социально-экономических отношений и облика населения второй половины II тыс. н.э. Созданная дендрохронологическая шкала, по данным раскопок исторического центра города Тары, работающая с середины XVI в., позволяет точно датировать археологические объекты. Тем самым, появилась возможность точного датирования древностей Сибирского ханства, сопоставления предметных комплексов. Археологические исследования пограничных городков ханства дали несколько категорий материалов – фортификация, жилые комплексы, пути сообщения, которые ранее не всегда учитывались при определении датировки сибирских древностей. Другим направлением пополнения данных по истории сибирского ханства является привлечение материалов XVII–XVIII вв., когда сибирские татары еще во многом сохраняли традиционную материальную и духовную культуру.

Результаты исследования: проведенные изыскания в Тарском Прииртышье позволяют более точно определить границы Сибирского ханства и выделить археологические памятники, относящиеся к охране границ этого государственного образования. Еще одним интересным моментом является выход на конкретные исторические события, в частности на штурм тарским отрядом служилых людей Тунусского городка весной 1595 года. Фактически это одно из немногих событий, полностью подтвержденных археологическими раскопками.

Ключевые слова: Сибирское ханство, археология, история, сибирские татары, Тунусский городок

Для цитирования: Татауров С.Ф. Археологическая карта Сибирского ханства: вопросы датировки и интерпретации // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 201–209. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.201-209

ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE SIBERIAN KHANATE: DATING AND INTERPRETATION ISSUES

S.F. Tataurov

*Institute of Archaeology and Ethnography
of Siberian Branch of the RAS
Omsk, Russian Federation
tatsf2008@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* Turkic-Tatar state formations have left significant traces in the history of Western Siberia in the last 500 years. Due to their small number, the surviving written sources do not fully explain their state structure, borders, levels of production and development, etc. The way out of this situation may be the use of research materials from archaeological sites dated to the relevant time.

Research materials: Many years of excavations of settlements, burial grounds, cities, and cult sites have provided significant material for the scholarly community, but up to the present there is a problem with their dating, and with correlation to specific khanates. To solve the question of dating of archaeological complexes of this time, it is proposed to use the method of dendrochronological analysis on the same scale, regarding materials, as that seen in the study of Tara – one of the first Russian cities in Siberia. Another way to determine the materials related to the Siberian Khanate is a study of the complexes of the seventeenth and eighteenth centuries which belonged to Siberian Tatars. After the annexation of Siberia to the Russian state, the local population preserved its traditional culture for a long time, elements of which were formed during the period of existence in Turkic-Tatar state formations.

Results and novelty of the research: This article offers approaches that allow one to single out several blocks of information – on fortifications, dwellings, ways of communication, weapons – which could become certain chronological repeaters for the Siberian Khanate. The conducted research allows us to both draw connections between several fortified complexes in Tara's Cis-Irtysh region and to show the presence of a border line, consisting of several towns on the borders of the Siberian Khanate. Such an approach will allow us to identify and explore similar lines in other territories of this state formation.

Keywords: Siberian Khanate, archaeology, history, Siberian Tatars, town of Tunus

For citation: Tataurov S.F. Archaeological Map of the Siberian Khanate: Dating and Interpretation Issues. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 201–209. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.201-209

В 1994 году новосибирский археолог В.И. Соболев защитил докторскую диссертацию «История сибирских ханств (по археологическим материалам)», где впервые была представлена археологическая карта памятников, соотносимых с сибирскими тюрко-татарскими государственными образованиями. К большому сожалению, тяжелая болезнь и безвременная кончина помешали ученому развить свои исследования, и многие высказанные им предположения так и остались нерешенными. Диссертационное сочинение было опубликовано только в 2008 году, и по настоящий день эта монография является определяющей в плане дальнейшего археологического изучения сибирских древностей этого периода средневековья [9].

На данной карте указано 135 археологических памятников, которые группируются по нескольким районам лесостепной полосы Западной Сибири:

Прииртышье от устья Ишима (и нижнее течение реки) до устья Тобола, Тарское Прииртышье, Барабинская лесостепь в среднем течении Оми и у системы Чановских озер, Среднее течение р. Тобол у впадения р. Исети и Левобережье Петропавловского Приишимья. На остальной территории лесостепной полосы Западной Сибири зафиксированы только отдельные памятники. Эта картина отражает не столько действительную схему расселения тюркоязычного населения в XV–XVI веках, сколько степень изученности данного региона. Следует отметить, что за прошедшие четверть века картина ненамного изменилась, так как археологические обследования в Западной Сибири существенно сократились, а интерес к комплексам средневековья упал до минимума. В 2017 г. на V всероссийском археологическом съезде в г. Белокуриха Алтайского края председатель секции «Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья» И.Л. Кызласов на итоговом заседании отметил, что по Западной Сибири не было сделано ни одного доклада.

Карта В.И. Соболева не имеет хронологической легенды, на момент ее создания, да и сейчас для большей части комплексов невозможно определить время их функционирования. Хронологическая шкала для памятников постмонгольского времени в Западной Сибири отсутствует. Можно сказать больше: за исключением Южной Сибири, где определенные исследования проведены [14], в лесостепи и южной тайге нет нормально исследованных и датированных памятников монгольского времени. По этой причине нет деления археологических материалов на конкретные государственные образования – применяется универсальный термин – сибирские ханства. Для Тюменского и Сибирского ханств и других государственных образований, которые существовали, по историческим меркам, очень короткое время, данный вопрос очень важен, так как без его решения к некоторым из них мы не можем привязать ни одного комплекса. Учитывая полулегендарность сведений о некоторых из них, без археологического материального наполнения можно ставить вопрос о правомерности их существования.

Проблема хронологии археологических комплексов этого периода кроется в отсутствии датирующих материалов. Лесостепная полоса Западной Сибири, вошедшая в общую территорию тюркского мира еще в конце I тыс. н.э., всегда оставалась его крайней периферией, что в итоге выразилось в его крайне слабом влиянии на жизнь местного населения. Это выразилось в неразвитости ремесленного производства и, как следствие, невысоком уровне социально-экономических отношений между отдельными районами проживания сибирских татар (что потом выразилось в их делении на локальные группы). Если добавить нерешенность вопроса о денежной системе ханства, то становится ясно, что выстроить хронологическую колонку для памятников, относящихся к тюрко-татарским государственным образованиям фактически не на чем. Практически все оружие, конская упряжь, украшения и предметы роскоши во II тыс. н.э., то есть датирующие предметы, поступали на эту территорию либо из Средней Азии и Китая, либо с севера Западной Сибири. Поэтому обычным является ситуация, когда в одном погребении с угорскими шумящими подвесками соседствуют тюркские наборные пояса [13]. Предметы импорта являются определяющим фактором для соотнесения памятников с известными по письменным источникам комплексами. Так, В.А. Могильников считал, что Кизил-Тура – это городище Новоникольское I

(Голая сопка), а не городище Красноярка II, на том основании, что в культурном слое первого больше импортных вещей [6].

Импортные предметы выступают в какой-то мере датирующим материалом, но следует учитывать значительный период обращения этих предметов. В материалах поселений и могильников XVII–XVIII вв. мы фиксируем украшения, бытовавшие несколько веков назад, вплоть до X–XII вв. – как оригиналы, так и копии, изготовленные в более позднее время. Например, на Тунусском городке была найдена сердечковидная подвеска из железа – ее аналоги мы находим у населения начала II тыс. н.э. По этой причине импорт в полной мере не может выступать в качестве датирующего материала.

Из данной ситуации есть несколько выходов, и в первую очередь это касается комплексов, относящихся к Сибирскому ханству. Это государственное образование существовало во второй половине XVI века и в своем финале по времени стыкуется с первыми русскими комплексами. Многолетние археологические исследования одного из первых русских городов в Сибири – Тары, основанной в 1594 году, позволили создать дендрохронологическую шкалу для Тарского Прииртышья, работающую с середины XVI века [10]. Тем самым мы получили инструмент для точного датирования практически всех объектов, возникших в период существования этого ханства. Построение шкалы позволяет нам датировать все объекты – от поселенческих комплексов до погребальных и культовых комплексов. Для последних это особенно важно, так как без определения времени существования комплексов «астана» мы не сможем решить проблему их основания и функционирования. Современные технологии позволяют определять дату не только архитектурных объектов, но и отдельных предметов, изготовленных из древесины. При отсутствии датирующих материалов эти определения могут играть основную роль в датировании памятников сибирских ханств.

Вторым направлением исследований по точной датировке комплексов, относящихся к сибирским тюрко-татарским государственным образованиям, является соотнесение конкретных памятников с историческими событиями, зафиксированными в письменных источниках. У нас нет возможности определения времени существования археологического комплекса или культурного горизонта с точностью до одного или нескольких лет на основе археологических материалов. Поэтому использование исторических данных позволяет нам выделять хронологический срез достаточно точно. В данном случае речь идет не о столицах ханств, как, например, Чимги-Туре, которая существовала длительное время, или Искере, где за период существования сменилось несколько правителей. Хотя мы знаем попытки соотнесения на этих комплексах определенных горизонтов культурного слоя с достаточно узкими хронологическими периодами [2]. Но отметим, что без дендрохронологических определений полученные выводы не работают. В данном исследовании речь идет о пограничных городках, поставленных ханом Кучумом на границе Сибирского ханства в Барабе и Прииртышье. Городки просуществовали очень короткое время и оставили комплексы, относящиеся к 70–90 гг. XVI века. Археологические раскопки этих комплексов дали сравнительно небольшие коллекции предметов, но, тем не менее, они позволяют выделить материальный срез этого времени и проследить его на других комплексах.

Например, Тунусский городок на реке Таре, который был взят штурмом отрядом тарских служилых людей в конце марта 1595 года [12]. Археологические исследования данного комплекса позволили выделить ряд данных, позволяющих соотнести с этим городком, а значит и с этим временем, ряд памятников – городков, поселений и могильников в Тарском Прииртышье и в других частях ханства. В данной статье будет показано несколько блоков данных, по которым можно сравнивать материалы Тунусского городка.

Укрепления можно считать визитной карточкой этого памятника. Значительная часть укрепленных комплексов на карте В.И. Соболева основана на более ранних городищах раннего средневековья и раннего железного века. Удобство расположения, значительно повышающее их обороноспособность, или на пересечении торговых путей были притягательными для тюрко-татарских государств. Но для Сибирского ханства, в данном случае мы говорим только о нем, мы имеем ряд городков – на границах ханства и военных центров пограничных улусов, которые были основаны в целях защиты рубежей, то есть по другим критериям. Зачастую стратегическое положение было приоритетным над удобствами природного ландшафта, поэтому их строители вводили дополнительные элементы защиты. Городки Сибирского ханства отличаются своими размерами (компактностью), геометризмом укрепленных линий, эскарпированием склонов, наличием предмостных укреплений, вынесением за общую линию обороны башен-быков, то есть элементами фортификации, заимствованными у более развитых государств Средней Азии и Европы. Тунусский городок расположен на относительно невысоком останце террасы р. Нижняя Тунуска, но благодаря практически отвесным склонам и мощному предмостному укреплению попасть непосредственно к городку было (и в настоящее время) очень сложно, а наверху находились основные укрепления из вала и рва.

Жилищные комплексы Тунусского городка представлены легкими каркасными жилищами, площадью около 50 кв. м. установленными на углубленных на 0,3–0,4 м от дневной поверхности площадках. Внутри жилищ вдоль стен располагались лежанки из тонких жердей и досок. В центре жилищ – небольшие открытые очаги, устроенные в округлых неглубоких ямах. В пользу того, что это были легкие каркасные жилища, свидетельствует и то, что следы пожара на месте их стен крайне незначительны. В одном из жилищ уцелел фрагмент стены, примыкающей к валу, по нему видно, что каркас жилища был сделан из жердей и небольших бревен. Подобные жилые конструкции фиксируются на всех исследованных комплексах, которые ученые относят к финалу существования Сибирского ханства: Большой Чуланкуль-I [7], Кучум-Гора [1], Екатерининское V (Ананьинское городище) [4]. Какое-то время такие жилищные комплексы были у разных групп сибирских татар и после присоединения территории Сибири к российскому государству, об этом свидетельствуют как раскопки комплексов XVII–XVIII вв. – Черталинское I поселение [16], так и этнографические исследования [8].

Еще один элемент, присущий всем пограничным городкам, зафиксирован в ходе исследований Тунусского городка: это оборудованный подъезд к въезду на укрепленный комплекс. Гарнизону была необходима маневренность при обнаружении неприятеля, поэтому вдоль склона террасы р. Нижней Тунуски к предмостному укреплению была прорыта дорога, укрепленная дере-

вом с внешней стороны. Подобную дорогу мы зафиксировали при исследовании татарского Бергамаского городка в 50 км ниже по Таре [11]. Система путей сообщений между административными центрами и пограничными городками позволяла оперативно реагировать как на возможные набеги, так и готовить свои походы на сопредельные территории. Дорожная сеть способствовала развитию социально-экономических связей между отдельными районами ханства и торговых отношений. По этой причине совмещение археологических и исторических источников делает возможным накладывание известных нам по письменным источникам путей сообщений на расположение данных комплексов, тем самым, превращать дороги в еще один источник по изучению этого государственного образования [5].

В ходе археологических исследований Тунусского городка была получена коллекция керамики, оружия, немного производственных инструментов и украшений. Городок не был предназначен для проживания гражданского населения, только к моменту штурма на нем укрылось 40 семей местных татар, но это был только эпизод. Исходя из размеров городка и его функций, гарнизон его вряд ли превышал 20–25 человек и, исходя из данных остеологических определений, питался только кониной за счет пригнанных с собой лошадей. Без данного контекста информации о памятнике найденные предметы могут только относительно свидетельствовать об отношении комплекса к Сибирскому ханству и о его датировке. Но, учитывая специфику пограничных городков и сравнительно небольшое время их существования, данные коллекции служат определенным отражением не просто населения, а государства.

С начала 90-х годов XX в. группа ученых – этнографов и археологов под руководством Н.А. Томилова начала изучать этнографо-археологические комплексы сибирских татар в Тарском Прииртышье. В течение четверти века были проведены археологические исследования на почти двух десятках поселенческих и погребальных комплексах сибирских татар XVII–XVIII вв. Главным итогом стало изучение социально-экономических процессов в указанный период и воссоздание облика населения этого времени. Одним из ключевых моментов стало изучение элементов традиционной культуры, оформившихся задолго до прихода русских и сохранившихся в новых условиях. Это позволило выделить предметы, позволяющие показать ситуацию в первое столетие после присоединения Сибири и создать культурно-хронологическую характеристику как отдельных этнических групп, так и в целом сибирских татар. Благодаря этому удалось, в определенной мере, наложить археологические памятники на карту расселения локальных этнических групп сибирских татар. Выделение Н.А. Томиловым девяти основных групп татар позволило выйти на более высокий уровень их изучения, выделить ключевые моменты в их этногенезе и специфику их социально-экономического развития [15]. На основании этого у нас появилась возможность соотнесения археологических данных с конкретными локальными группами сибирских татар. Фиксировать элементы материальной культуры, маркирующие как эту группу, так и в целом тюркоязычное население Западной Сибири. Полученные в ходе исследований материалы позволили поставить вопрос о единстве тюркоязычного населения лесостепной полосы Западной Сибири и, тем самым, об уровне связей между провинциями Сибирского ханства, и, как следствие об определенной прочности ханства. Анализ расположения админист-

ративных центров ханства и путей сообщения между ними позволяет утверждать о наличии устойчивых социальных и торгово-экономических связей между отдельными группами тюркоязычного населения. Наличие многих общих черт в материальной культуре и духовной культуре всех групп сибирских татар подтверждает предположение Д.М. Исакова о том, что тюркоязычное население было более единым накануне присоединения Западной Сибири к России [3, с. 141–145].

В настоящий момент назрела необходимость создания новой карты древностей Сибирских ханств. Учитывая материалы В.И. Соболева, следует провести ревизию всех нанесенных на нее археологических памятников, нанести известные пути сообщения, показать пограничные линии, установить, по возможности, хронологию комплексов. Появление историко-археологической карты для XV–XVI вв. настоящий момент является первоочередной задачей в плане изучения истории сибирских тюрко-татарских государственных образований. Это позволит увеличить объем информации при изучении известных археологических памятников и организовать работы по поиску доселе не открытых исторических комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 138–158.
2. *Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.* Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование) М.: Наука, 2017. 559 с.
3. *Исаков Д.М.* История и специфика формирования населения (до середины XVI в.) // Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. С. 141–145.
4. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Средневековое городище Екатерининское V (итоги работ 2005 г.) // Тарское Прииртышье и проблемы сохранения историко-культурного наследия малого исторического города России. Тара, 2006. С. 65–66.
5. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. Омск, 2011. №3. С. 95–101.
6. *Могильников В.А.* О локализации Кизил-Туры // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001. С. 258–261.
7. *Молодин В.И., Соболев В.И., Зах В.А., Полосьмак Н.В., Елагин В.С., Мартынов Н.И.* Раскопки в центральной Барабе // Археологические открытия. 1978 г. М., 1979. С. 256.
8. *Селезнев А.Г.* Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994. 176 с.
9. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
10. *Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Мыглан В.С.* Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. 2019. № 2. С. 134–144.
11. *Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Могильник Бергамак II // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1996. Т. 1. С. 58–84.
12. *Татауров С.Ф.* Тунус – последний город Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных сообществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-

этнографической конференции. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2005. С. 210–212.

13. *Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2019. Т. 47. № 1. С. 103–112.

14. *Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников) // Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

15. *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1980. 276 с.

16. *Цуканов Е.Г.* Жилище Черталинского поселения // *Прошлое Прииртышья*. Омск, 1990. С. 18–20.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (644024, пр. К. Маркса, 15/1, Омск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6824-7294. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Поступила 10.11.2020 Принята к публикации 24.02.2021

Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Goldina R.D. Gorodishche Kuchum-Gora [Ancient settlement Kuchum Gora]. *Voprosy arkheologii Urala* [Archaeology Issues of the Urals]. Sverdlovsk, 1969, iss. 8, pp. 138–158. (In Russian)

2. Zykov A.P., Kosintsev P.A., and Trepavlov V.V. Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) [The City of Sibir: Isker Ancient Settlement (historical and archaeological research)]. Moscow: “Science”, 2017. 559 p. (In Russian)

3. Iskhakov D.M. Istoriya i spetsifika formirovaniya naseleniya (do serediny XVI v.) [History and specificity of formation of population (up to the middle of sixteenth century)]. *Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva: kollektivnaya monografiya* [Tyumen and Siberian Khanates: Collective Monograph]. Kazan: Kazan State University, 2018, pp. 141–145. (In Russian)

4. Matveev A.V. and Tataurov S.F. Srednevekovoe gorodishche Ekaterininskoe V (itogi rabot 2005 g.) [The medieval settlement Ekaterininskoye V (results of 2005)]. *Tarskoe Priirtysh'e i problemy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya malogo istoricheskogo goroda Rossii* [The Tara Cis-Irtysh Region and the Problems of Preserving Historical and Cultural Heritage of a Small Historical Town in Russia]. Tara, 2006, pp. 65–66. (In Russian)

5. Matveev A.V. and Tataurov S.F. Puti soobshcheniya Sibirskikh khanstv [Ways of communication of Siberian khanates]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin]. Omsk, 2011, no. 3, pp. 95–101. (In Russian)

6. Mogil'nikov V.A. O lokalizatsii Kizil-Tury [About the localization of Kizil-Tura]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Annual of the Tyumen Regional Local History Museum]. Tyumen, 2001, pp. 258–261. (In Russian)

7. Molodin V.I., Sobolev V.I., Zakh V.A., Polos'mak N.V., Elagin V.S., and Martynov N.I. Raskopki v tsentral'noy Barabe [Excavation in central Baraba]. *Arkheologicheskie otkrytiya*. 1978 g. [Archaeological Discoveries, 1978]. Moscow, 1979, p. 256. (In Russian)

8. Seleznev A.G. Barabinskije tatary: istoki etnosa i kul'tury [The Barabinsk Tatars: Origins of Ethnos and Culture]. Novosibirsk: “Science”, 1994. 176 p. (In Russian)

9. Sobolev V.I. *Istoriya sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam)* [History of Siberian Khanates (according to archaeological materials)]. Novosibirsk: "Science", 2008. 356 p. (In Russian)
10. Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Tataurova L.V., Tataurov S.F., and Myglan V.S. Kalendarnaya datirovka arkheologicheskikh ob"ektov Tarskogo Priirtysh'ya (Omskaya oblast') [The calendar dating of archeological sites of the Tara Cis-Irtysh region (the Omsk region)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2019, no. 2, pp. 134–144. (In Russian)
11. Tataurov S.F. and Tikhonov S.S. Mogil'nik Bergamak II [Burial ground Bergamak II]. *Arkheologo-etnograficheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma (kul'tura tarskikh tatar)* [Archaeological and Ethnographic Complexes: Problems of Culture and Society (culture of the Tara Tatars)]. Novosibirsk, 1996, vol. 1, pp. 58–84. (In Russian)
12. Tataurov S.F. Tunus – posledniy gorod Sibirskogo khanstva [Tunus – the last city in the Siberian Khanate]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh soobshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Materialy XIII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii* [Problems of Historical and Cultural Development of Ancient and Traditional Communities of Western Siberia and Adjacent Territories: Proceedings of the Thirteenth West-Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk: Tomsk State University, 2005, pp. 210–212. (In Russian)
13. Tataurov S.F. and Tikhonov S.S. Srednevekovye drevnosti Tarskogo Priirtysh'ya (genezis, khronologicheskaya prinadlezhnost', kul'turno-etnicheskaya interpretatsiya) [Medieval antiquities of the Tara Cis-Irtysh region (genesis, chronological belonging, cultural and ethnic interpretation)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia]. 2019, vol. 47, no. 1, pp. 103–112. (In Russian)
14. Tishkin A.A. *Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai during the Mongol Time (according to materials of archaeological sites)]. Barnaul: "ABC", 2009. 208 p. (In Russian)
15. Tomilov N.A. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [Turkic-speaking Population of the West Siberian Plain from the end of sixteenth to first quarter of nineteenth century]. Tomsk: Tomsk State University, 1980. 276 p. (In Russian)
16. Tsukanov E.G. Zhilishche Chertalinskogo poseleniya [Housing of the Chertalinsky settlement]. *Proshloe Priirtysh'ya* [Past of the Cis-Irtysh Region]. Omsk, 1990, pp. 18–20. (In Russian)

About the author: Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15/1, K. Marx Ave., Omsk 644024, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6824-7294. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

*Received November 10, 2020 Accepted for publication February 24, 2021
Published March 29, 2021*

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КАЗАХСКИМИ
ХАНСТВАМИ, ЦИНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЯМИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: NODA J., ONUMA T. A COLLECTION OF
DOCUMENTS FROM THE KAZAKH SULTANS TO THE QING DYNASTY**

Хироюки Нагаминэ

*Национальный институт технологии, Ояма колледж
Ояма, Япония*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин». Документы, включенные в этот сборник, написаны в XVIII–XIX веках на ойратском (монгольском) языке с тодским шрифтом и на тюркском языке с арабским шрифтом. В сборнике, помимо текстов самих документов, представлены их транскрипция и переводы, а также включены две статьи исследователей, использовавших эти документы. Большая часть цинских документов хранится в коллекции Первого исторического архива (第一歷史檔案館) в Пекине. Часть материалов, относящихся к казахам, были опубликованы в «Сборнике архивных документов, касающихся китайско-казахских отношений во времена династии Цин» (清代中哈關係檔案彙編) и введены в научный оборот.

Всего в сборнике 16 документов, 14 из них выявлены в «Справочной копии Дворцового меморандума на маньчжурском в Большом совете» (軍機處滿文副奏摺) Первого исторического архива; один – в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, и еще один взят из сборника документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел» (Москва: Изд-во Наука, т. 11–12, 1979–80).

Один из составителей сборника, Такахиро Онума, на основе выявленных документов выяснил, что международный мировой порядок между Цин и казахскими кочевниками в Средней Азии основывался не на «отношениях сюзерен-вассал (кит. *цзун-фань* 宗藩)», под влиянием конфуцианства, а на «отношениях хозяин-раб (монг. *эджен-альбату*)», берущих свое начало из монгольского кочевого общества. Второй составитель, Дзин Нода, утверждает, что титул казахских султанов, который первоначально считался как итог политики пособий Цин, на самом деле появился, с одной стороны, в результате требования казахских султанов, с другой стороны, благодаря «системе дарования титулов» династии Цин в процессе установления отношений; но эта система постепенно изживала себя из-за влияния России.

В данном исследовании отображена «двусторонняя дипломатическая политика» Казахских ханств, которые колебались между Цинской и Российской империями; а также различия между политикой обеих империй в отношении Казахских ханств. Мы надеемся, что использование этого исследования будет способствовать дальнейшему изучению истории взаимоотношений между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями.

Ключевые слова: казахи, династия Цин, Российская империя, документы, ойратский язык с тодским шрифтом, тюркский язык с арабским шрифтом, «отношения *эджен-альбату*», «двусторонняя дипломатическая политика»

Для цитирования: Нагаминэ Х. К вопросу о взаимоотношениях между Казахскими ханствами, Цинской и Российской империями. Рецензия на книгу: Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 210–223. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.210-223

Благодарности: Эта статья была поддержана JSPS KAKENHI; номер гранта JP19K01029.

**ON THE MUTUAL RELATIONS BETWEEN THE KAZAKH
KHANATES AND THE QING AND RUSSIAN EMPIRES.
BOOK REVIEW: NODA J., ONUMA T. A COLLECTION OF DOCUMENTS
FROM THE KAZAKH SULTANS TO THE QING DYNASTY**

Hiroyuki Nagamine

*National Institute of Technology, Oyama College
Oyama, Japan*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Abstract: This study, titled *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*, deals with 16 documents addressed from Kazakh sultans to the Qing Dynasty (and the Russian Empire/Governor-General of Siberia). These were written in the Oyrat (Mongol) language with Tod script or in the Turkic language with Arabic script from the eighteenth to nineteenth century, and come complete with text, transcription, and translation. In addition, this study includes two essays written by the authors who made use of these documents. The majority of Qing documents are preserved in a collection of the First Historical Archives (第一歷史檔案館) in Beijing. Many of these documents related to the Kazakhs have started to be published as *The Collection of the Archival Documents Concerning Sino-Kazakh Relations at the Time of the Qing Dynasty* (清代中哈關係檔案彙編) and so on, and to be used for historical research. Of the documents dealt with in this study, 14 are from the *Manchu Language Reference Copy of Grand Council Palace Memorial* (軍機處滿文副奏摺) of the First Historical Archives, one is from *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan*, and one is from *Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka* (Moskva: Izd-vo Nauka, t. 11–12, 1979–1980). However, most of these documents are not included in the published collection mentioned above. Therefore, this study, together with the above-mentioned collection, represents another major step in the study of these documents.

In addition, by utilizing these documents, Takahiro Onuma clarifies that the international world order between the Qing dynasty and Kazakh nomads in Central Asia was not based on the “suzerain-dependency (Ch. *zong-fan* 宗藩) relationship”, which was heavily influenced by Confucianism, but rather, on the “master-slave (Mon. *ejen-albatu*) relationship”, which originated in Mongol nomadic society. Jin Noda, who also utilized these documents, states that the title of Kazakh sultans, which has been regarded as a product of the Qing benefit policy, was in fact a result of both the Kazakh sultans and Qing requiring the “title-bestowal system” in the process of the establishment of relations. This system was gradually becoming a mere formality, partly because of the influence of Russia. These findings suggest that the Kazakh khanates were independently developing a “bilateral diplomatic policy” while mediating between the Qing and Russian empires, and they highlight

the policy differences of both empires toward the Kazakh khanates. We hope that the findings from this study will further advance the study of the history of the mutual relations between the Kazakh khanates and the Qing and Russian empires.

Keywords: Kazakhs, Qing dynasty, Russian empire, documents, Oyirad language with Tod script, Turkic language with Arabic script, “*ejen-albatu* relationship”, “bilateral diplomatic policy”

For citation: Nagamine H. On the Mutual Relations between the Kazakh Khanates and the Qing and Russian Empires. Book Review: *Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 210–223. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.210-223

Acknowledgements: This paper was supported by JSPS KAKENHI; Grant Number JP19K01029.

В XVIII веке Казахские ханства направили свои миссии как в Российскую империю, так и ко двору династии Цин после ее победы над Джунгаром, и стали действовать в соответствии с «двусторонней дипломатической политикой», как если бы они принадлежали обеим сторонам¹. Привлечение только русских исторических материалов с российской стороны, как и китайских и маньчжурских материалов с цинской стороны, не отображают реальную картину положения Казахских ханств и не раскрывают полностью их отношения с Цин и Российской империей. Для максимального изучения взаимоотношений этих государств необходимо использовать документы Казахских ханств, направленные в династию Цин и Россию. Большим подспорьем для исследователей этих взаимоотношений является «Сборник документов от казахских султанов к династии Цин», изданный в Токио в 2010 г. В него включены 16 документов от казахских султанов к династии Цин и Российской империи (генерал-губернатору Сибири), написанные в XVIII–XIX вв. на ойратском (монгольском) и тюркском языках, на тодском и арабском шрифтах, соответственно. На основе этих материалов составители сборника Дзин Нода (Исследовательский институт языков и культур Азии и Африки, Токийский университет международных исследований) и Такахиро Онума (Университет Тохоку Гакуин) уже провели некоторые исследования [5; 6; 10]² и т.д.

Большинство цинских документов хранится в коллекции Первого исторического архива (第一歷史檔案館) в Пекине. Из них многие материалы, относящиеся к казахам, были опубликованы в «Сборнике архивных документов, касающихся китайско-казахских отношений во времена династии Цин (清代中哈關係檔案彙編)»³ и введены в научный оборот⁴. Однако, как

¹ Казахские ханства пытались поддерживать отношения с обеими сторонами, используя разные дипломатии для каждой; и Цин, и Россия это допустили. Такое неоднозначное положение Казахских ханств между Цин и Россией сделало возможным «двустороннюю дипломатическую политику» [3; 5, p. 85–118; 6, p. 101–143].

² [6] является англоязычной и пересмотренной версией [5].

³ Qingdai zhongha guanxi dang'an huibian 清代中哈關係檔案彙編 [Сборник архивных документов, касающихся китайско-казахских отношений во времена династии Цин] / eds. Zhongguo diyi lishi dangangan and Hasakesidan dongfangxue yanjiusuo

утверждает Нода, выбор документов был произвольным [4, p. 169]. Материалы, не вошедшие в выше упомянутый сборник, были включены впоследствии в «Сборник документов от казахских султанов к династии Цин», среди них четырнадцать источников из «Справочной копии Дворцового меморандума на маньчжурском в Большом совете (軍機處滿文副奏摺)» Первого исторического архива, один из Центрального государственного архива Республики Казахстан, и еще один из книги «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (М.: Изд-во Наука, т. 11–12, 1979–80). Все эти документы представляют большое значение для изучения истории взаимоотношений между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями.

Содержание «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин» следующее:

Introduction [Введение] (NODA Jin)

Chapter 1. Documents from Kazakh Sultans to the Qing Dynasty [Первая глава. Документы от казахских султанов к династии Цин]

Chapter 2. Political Relations between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads in the Mid-18th Century: Promotion of the '*ejen-albatu* Relationship' in Central Asia [Вторая глава. Политические отношения между династией Цин и казахскими кочевниками в середине XVIII века: продвижение «отношений *эджен-альбату*» в Средней Азии] (ONUMA Takahiro)

Chapter 3. An Essay on the Title of Kazakh Sultans in the Qing Archival Documents [Третья глава. Очерк о титулах казахских султанов в цинских архивных документах] (NODA Jin)

Chapter 4. Kazakh Missions to the Qing Court [Четвертая глава. Казахские миссии ко двору Цин] (ONUMA Takahiro)

Glossary [Глоссарий]

Bibliography [Библиография]

Во введении составители сборника раскрыли исследовательские направления в отношении этих документов. Они отметили, что предшествующие исследователи проявляли интерес к языку документов. По мнению последних, ойратский язык с тодским шрифтом использовался в более ранних документах, а тюркский язык на арабице – более поздних. Использование ойратского языка было обусловлено наличием ойратов (калмыков) в казахском обществе [7, p. 101–102; 9, p. 49]. Причина замены ойратского языка на тюркский до сих пор не выявлена и ожидает своего исследования. Также окончательно не определено, какой именно тюркский язык использован в документах – чагатайский или татарский, но при этом он отличается от современного казахского языка⁵. Однако известно наличие в казахском обществе переводчиков/секретарей татарского происхождения, которые, возможно, оказали определенное влияние на развитие и изменение языка документации казахов, связанной с династией Цин. Таким образом, можно предположить, что в язы-

中国第一歷史檔案館・哈薩克斯坦東方學研究所. Vol. 1–2. Beijing: Zhongguo dang'an chubanshe, 2006–07 (in 5 vols). Нода вкратце представляет этот сборник [4].

⁴ О документах от казахских султанов к России и положении дел в их публикациях см. [5, p. 12; 6, p. 14–15; 7, p. 1–2].

⁵ Что касается грамотности казахов во второй половине XVIII века, сообщается, что никто, кроме султанов, которых обучали татарские секретари, не знал письменности [7, p. 3, n. 17].

ке документов отражены особенности кыпчакской (северо-западной) группы тюркских языков. Однако в то же время встречаются случаи, сходные с типами языков юго-восточной группы (например, современного уйгурского).

Также во введении рассмотрены формы тюркских документов к России, ойратские документы к Цин и тюркские документы к Цин. На формат тюркских документов к России большое влияние оказала официальная русская документация, а формат ойратских документов к Цин аналогичен формату ойратских документов к России. Интересен тот факт, что, по сравнению с первыми двумя видами, тюркские документы к Цин не имеют фиксированного формата, содержат много грамматических и орфографических ошибок, что, вероятно, отражает грамотность писарей. По крайней мере, в начальный период сторона Цин не могла полностью понять тюркский документ от казахов, так что разговоры лицом к лицу между чиновниками провинции Цин и казахскими посланниками были неизбежны на северо-западной границе Цин.

В конце введения есть рисунок о потоке казахской корреспонденции в соответствии с системой Дворцовых меморандумов Цин, поэтому мы приводим его здесь (рис. 1).

Рис. 1. Поток казахской корреспонденции в соответствии с системой Дворцовых меморандумов (奏摺) Цин [7, p. 8]

Fig. 1. The flow of Kazakh correspondence in accordance with the system of Palace Memorandums (奏摺) of the Qing

Первая глава является ядром этого исследования, которое содержит тексты, транскрипции, переводы и комментарии к документам. Три из них написаны на ойратском языке, а остальные тринадцать – на тюркском. Здесь также даны факсимиле, которые были изданы в других публикациях и для которых составители смогли получить разрешение на переиздание; а для тюркских документов без факсимиле были предоставлены тексты на арабском шрифте. Кроме того были добавлены транскрипции и переводы меморандума на маньчжурском языке. Как транскрипция, так и переводы выполнены тщательно и точно, комментарии помогают глубже понять документ. Немаловажно, что личные имена в печати были прочитаны.

Ниже приводится краткая характеристика шестнадцати документов [7, р. 10].

документ	дата	отправитель	адресат	язык / шрифт
A	1757 (ЦЛ22)	Аблай	И. Цяньлун	ойрат / тодо
B	1758 (ЦЛ23)	Абулфейз	Нусан	ойрат / тодо
C	1769 (ЦЛ34)	Абулфейз	Юнгуй, ВГИ	тюрк / араб
D	1773 (ЦЛ38)	Аблай	Илету, ВГИ	ойрат / тодо
E	1775 (ЦЛ40)	Абулфейз	Кингуй, СТ	тюрк / араб
F	1779 (ЦЛ44)	Хан Ходжа	Кингуй, СТ	тюрк / араб
G	1779 (ЦЛ44)	Аблай	Илету, ВГИ	тюрк / араб
H	1781 (ЦЛ46)	Абулфейз	Хуилин, СТ	тюрк / араб
I	1781 (ЦЛ46)	Даир	Илету, ВГИ	тюрк / араб
J	1788 (ЦЛ53)	Бопу	Юнбоо, СТ	тюрк / араб
K	1800 (ЦзЦ5)	Джучи	Гунчукджап, СТ	тюрк / араб
L	1800 (ЦзЦ5)	Джучи	Боонин, ВГИ	тюрк / араб
M	1800 (ЦзЦ5)	Джучи	И. Цзяцин	тюрк / араб
N	1824 (ДГ4)	Губайдулла	Харшан, СТ	тюрк / араб
O	1828 (ДГ8)	Алтынсары	И. Даогуан	тюрк / араб
P	1820 (ЦзЦ25) ⁶	Бопу	Сперанский, ГС	тюрк / араб

* ЦЛ=Цяньлун; ЦзЦ=Цзяцин; ДГ=Даогуан; И=Император; ВГИ=Военный губернатор Или; СТ=Советник Тарбагатай; ГС=Губернатор Сибири.

** Д. Нода отвечает за документы C, D, H, I, N и P.

Т. Онума отвечает за документы A, B, E, F, G, J, K, L и M.

Вторая и третья главы – это статьи составителей, основанные на документах сборника.

Т. Онума (вторая глава) использует источники на маньчжурском языке, чтобы пересмотреть порядок статуса между Цин и казахами, который до сих пор рассматривался на основе китайских источников.

Во время завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана (Кашгарии) в середине XVIII века Цин вступил в контакт с казахами, киргизами, Кокандским ханством. Основной целью Т. Онумы было выяснить, как были выстроены статусные взаимоотношения между Цином, казахскими и другими среднеазиатскими силами. Как известно, в цинско-казахских отношениях эпохальным было то, что Аблай среднего *джуза* продемонстрировал волю подчинения императору Цяньлун в 1757 году. Это подчинение Аблая было описано в китай-

⁶ Несмотря на то, что в оригинальной таблице это ЦзЦ5, должно быть ЦзЦ25.

ском источнике «Запись об умиротворении Джунгара (平定準噶爾方略)»: Аблай направил посланников, предоставил свою дань и потребовал, чтобы он стал «подданным (кит. *чэньпу* 臣僕)» «Великого императора центральной нации (кит. *чжунго да хуанди* 中国大皇帝)», возглавляя всех казахов; император Цяньлун провозгласил, что «они называют себя [моими] подданными (кит. *чэнь* 臣) и платят дань уважения», а затем объявил, что он проводит по отношению к казахам «политику свободнее-узды (кит. *цзими* 羈縻)» и относится к ним как к юго-восточным «вассалам (кит. *фаньшу* 藩属)», таким как «Аннан/Аннам (т.е. Вьетнам), Люцю/Рюкю (т.е. Окинава) и Сянлуо/Сиам (т.е. Таиланд)». На основе этих данных некоторые исследователи сделали вывод, что между Цин и казахами были заключены традиционные «отношения сюзерен-вассал (кит. *цзун-фань* 宗藩)», на которые сильное влияние оказало конфуцианство, и для поддержания этих отношений были подготовлены правила «системы дани» и «дарования титулов». Таким образом, цинско-казахские отношения были поняты в рамках китайско-конфуцианского мировоззрения. Однако Т. Онума утверждает, что в рамках китайско-конфуцианского мировоззрения суть цинско-казахских отношений не может быть понята. В своих рассуждениях он опирается на маньчжурскую «Запись об умиротворении Джунгара», которая отражает лексические особенности оригинального текста, и документах, включенных в «Сборник документов от казахских султанов к династии Цин».

В маньчжурской «Записи об умиротворении Джунгара» Аблай говорит: «Я надеюсь подчиниться со всеми казахами, чтобы навсегда стать *альбату* Великого *эджена*». «*Эджен*» – монгольское слово, и его первоначальное значение – «хозяин»; «*альбату*» – «простой человек, подчиненный человек, раб»⁷. Цин использует понятие «отношений хозяин-раб (мон. *эджен-альбату*)» в установлении своего господства над монголами, рассматривая их как «*альбату*» императора Цин и настаивая на легитимности его правления [8, р. 16–21]. В «Сборнике документов от казахских султанов к династии Цин» в документе А, являющемся копией письма Аблая, написанном по-ойратски на тодском шрифте, отражено понимание казахами из подчинения Цин. По словам Аблая, казахи стали «*альбату*» «Верховного великого хана (т.е. императора Цин)», т.е. Аблай подразумевал об установлении «отношения *эджен-альбату*» в монгольском стиле. Этого же мнения придерживалась цинская сторона, о чем свидетельствует заявление связанного с этим процессом Чжаохуй, командира Цин, зафиксированное в маньчжурском меморандуме: «Аблай подчинился [Цин] со всеми казахами, чтобы стать *альбату* Великого *эджена*».

На основе этих документов Т. Онума выясняет, что статусные взаимоотношения между Цин и казахами основывались на «отношениях *эджен-альбату*», берущих свое начало в монгольском кочевом обществе, а не на «отношениях *цзун-фань*», основанных на конфуцианском мировоззрении. Кроме того, об этом свидетельствует указ императора Цяньлун, специально написанный на китайском языке для китайско-конфуцианского общества. В указе сказано, что Цин относится к казахам как к «*фаньшу*» и контролирует их посредством «политики свободнее-узды»; указывает на то, что Цин, ловко

⁷ Об «эджен» и «альбату» см [1, с. 158–159; 2].

меняя языки, логику, последовательно объяснял отношения с казаками тем, кто принадлежал к китайско-конфуцианской культуре.

«Отношения *эджен-альбату*» подтверждаются и в других документах «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин». Более того, эти отношения применялись и к другим среднеазиатским народам и регионам, таким как киргизы, кокандцы и Памирский горный регион. Это является важным указанием на то, что после распада Джунгара Цин пытался урегулировать беспорядки в Средней Азии и выстроить новый порядок. Тем не менее, несмотря на то, что Цин стремился распространить «отношения *эджен-альбату*» на другие среднеазиатские народы и установил связи с ними, неясно, были ли отношения заключены по взаимному согласию, и, как отметил Т. Онума, каждое обстоятельство требует дальнейшего изучения.

В 1760–1762 гг. Цин установил «посты охраны (кит. *каруны* 卡倫)» вдоль границы и тем самым ввел принцип внутреннего и внешнего разделения владения в Средней Азии (рис. 2). Это стало первым шагом на пути внедрения

Рис. 2. Карун-линии в Северном Синьцзяне [7, р. 116]

Fig. 2. Karun Lines in Northern Xinjiang

* Через Тарбагатай (①) линия, проходящая к северной (нижней) стороне, показывает «летнюю карун-линию» (②), а линия, проходящая к северо-восточной (нижней левой) стороне, – «зимнюю карун-линию» (③). Пастбища инкорпорированных казахов находились вокруг «гор Барлик» (④) на юге (вверху) на Тарбагатае.

«территориального принципа» в кочевое общество. Однако, основываясь на анализе случая, когда некоторые казахи на основании своего статуса «*альбату*» императора Цин требовали позволить иммигрировать внутрь *карун*-линии, и Цин разрешил им, Т. Онума говорит, что в этот период вдоль северо-западной границы Цин идея разделения территории на внутреннюю и внешнюю часть еще не была абсолютной. Действительно, были случаи, когда «отношения *эджен-альбату*», другими словами, «личные принципы», получали большее значение. Кроме того, когда в Средней Азии возникали споры, император Цяньлун рассматривал их с позиции «*эджена*» и призывал к миру и согласию.

Таким образом, на основании источников Т. Онума окончательно отходит от концепции «отношений *цзун-фань*», основанных на конфуцианском мировоззрении, и приходит к выводу, что международный мировой порядок между Цин и другими среднеазиатскими регионами и народами, включая казахов, основывался на «отношениях *эджен-альбату*». Такой порядок взаимоотношений свидетельствует в свою очередь, что империя Цин сочетала в себе элементы как среднеазиатского/евразийского государства⁸, так и китайского государства.

В третьей главе Д. Нода рассматривает отношения между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями через призму описаний титулов казахских султанов. Предыдущие исследователи рассматривали казахские титулы, в основном, как следствие политики пособий Цин или их наследования, однако Д. Нода обращает внимание на требования к титулам казахов, т.е. на значение, которое придавалось титулам от Цин для казахов. Также он рассматривает понимание Россией казахских титулов и различия между политикой Цин и России в отношении Казахских ханств.

Во-первых, рассматривается ранний период (1757–80) в титулатуре казахско-цинских отношений⁹. Подчинение Аблая Цин в 1757 году сблизило их, и, возможно, примерно с этого времени началось дарование титулов с данью. Д. Нода выделяет следующие мотивы Цин и казахских султанов. Империя Цин, противостоявшая в этот период непокоренным джунгарам, стремилась успокоить казахов, и по аналогии с наделением титулами монголам¹⁰, Цин решил даровать титулы казахским султанам и тем самым обязать их отправлять делегации по системе «*няньбань*» (年班. ежегодные поездки в Пекин). Кроме того был утвержден уже существовавший у казахов титул хана¹¹. Казахские султаны в свою очередь попросили императора Цин даровать титулы, потому что они надеялись установить свое превосходство в казах-

⁸ О дискуссии по поводу аспектов среднеазиатского/евразийского государства Цин, особенно сфокусированной на восьмизнаменной системе, см. [11, р. 251–301].

⁹ Титулы казахов были «хан (汗)», «ван (王)», «гун (公)», «тайцзи (台吉)», и обычно они наследовались [5, р. 151; 6, р. 184].

¹⁰ Несмотря на то, что казахские султаны получали титулы, они не брали на себя военные обязанности. Таким образом, титулы, данные казахам, несколько отличаются от титулов монголов в системе «*джазагов*». Это означает, что в отличие от монголов и мусульман в Синьцзяне, казахи в строгом смысле не считались «внешними вассалами (кит. *вайфань* 外藩)» [5, р. 152–153; 6, р. 186].

¹¹ Однако казахский «*хән*» и человек, получивший титул «*хана* (汗)» от Цин, не обязательно совпадали [5, р. 154; 6, р. 187].

ском обществе; раньше на переговорах с Россией в качестве представителей выступали казахские «ханы», а казахские султаны представляли свои племена, если они носили титул «хана (汗)» от Цин, который был очень похож на русский «хан-ранг» (документы I, N)¹². Мы видим в этом указание на то, что Цин даровал титулы казахским султанам случайным образом. Это может быть связано с неустойчивым положением казахов, чьи пастбища находились как на территории империи Цин, так и за ее пределами; одним словом, они рассматривались как неоднозначные вассалы империи (рис. 3). Кроме того, этот вопрос связан и с ситуацией на северо-западной границе Цин, на которую указал Т. Онума. В целом, колебание «личного принципа» и «территориального принципа» на границе Цин, а также неоднозначность положения казахов должны стать темой будущих исследований.

Рис. 3. Перекрывающееся пространство между казахами и территорией Цин [7, p. 132]

Fig. 3. Overlapping space between Kazakhs and Qing territory

Анализ документов (С, D, Н) показывает, что документами обменивались при возникновении проблем между империей Цин и казахами, что отправителем и получателем на казахской стороне обычно был султан, которому был дарован титул. Эти документы гарантировали ответственность титул-обладателя по отношению к администрации своих соплеменников. Интересен тот факт, что оригинальный документ хранился у потомка, т.е. этот документ служил символическим подтверждением его авторитета. Титул, полученный от империи Цин, возлагал на его казахского обладателя ответственность за поддержание мира среди казахов. Таким образом, Д. Нода показывает, что нельзя воспринимать титул казахских султанов односторонне, расценивая их

¹² Д. Нода говорит: «здесь мы должны быть осторожны с разницей между традиционным ханом в тюркском языке, титулом Цина – хана (汗), который происходит от китайского языка, и русским словом “хан”» [7, p. 145, n. 79].

только как результат политики пособий Цин: на самом деле «система дарования титулов» была выгодна обеим сторонам для установления отношений.

В средний период (1781–1821) среди казахских султанов начались ссоры из-за наследования титулов. Анализ этих ссор (документ Г) показывает, что легитимность казахской аристократической власти основывалась на генеалогии, и что сторона Цин проводила исследования по происхождению семьи казахских ханов.

В последний период (1822–) «система дарования титулов» постепенно становилась простой формальностью, частично из-за влияния России. Здесь Д. Нода обращает внимание на случай, когда после смерти своего отца Губайдулла пытался унаследовать его титул *хана* (汗), но потерпел неудачу из-за вмешательства России (1824)¹³. В 1822 году, в России был утвержден «Устав о сибирских киргизах», и казахи среднего *джуза* были включены в состав Омской губернии, а вместо хана была создана должность *ага-султана*. Документ Н – письмо Губайдуллы, в котором он заявляет Цин о своем отречении от титула: «Это правда, что я (т.е. Губайдулла) дал клятву Белому хану, Великому русскому императору, искренне поцеловал священный Коран и стал его подданным (*албату*)...Я хотел бы сообщить Вашему величеству, что я хочу покинуть *Эджен* хана (т.е. императора Цин), я не ищу позицию *хана*». Несмотря на то, что Цин одобрил наследование титула хана Губайдулле, последний отказался от него и стал *ага-султаном*¹⁴. В 1826 г. был еще случай наследования титула *хана* Алтунсаром (Документ О), но это было простой формальностью, поскольку признание Россией «хан-ранга» было прекращено уставом 1822 года. Россия не могла допустить того, чтобы Цин даровал титул *хана* казахам, которые были подданными России. Здесь прослеживаются различия между политикой Цин, которая основывалась на невмешательстве к казахам, и политикой России, активного продвигавшейся в казахскую степь.

Также Д. Нода рассматривает различия подчиненности казахов России и Цин. Подчиненность казахов России была выражена словами «подданство» или «подданный», и постепенно они стали использоваться и в тюркских документах. Д. Нода сравнивает эти понятия с «*альбату*» в «отношениях *эджен-альбату*», которые освещает Т. Онума в цинско-казахских отношениях (глава вторая). В документе О для обозначения того, что казахи были подданными Коканда и России, используется термин «*бодам*», что соответствует русскому слову «подданный». И в документе Н Губайдулла заявил: «Я уже был *альбату* (России)». Согласно Д. Ноде, казахские султаны были далеки от правильного понимания «отношений *эджен-альбату*», «*альбату*» имело для них относительно простое значение (вероятно, то же значение, что и «*бодам*»). Это интересный взгляд, но, к сожалению, таких примеров в документах мало, поэтому он еще требует подтверждения. Развитие и трансформация «отношений *эджен-альбату*», а также сравнение «*альбату*» и «*бодам*», должны стать темами будущих исследований.

¹³ О деталях этого случая, в том числе о понимании Россией титула, см. [5, р. 149–179; 6, р. 181–212].

¹⁴ Несмотря на то, что желание Губайдуллы не было реализовано, его намерение наследовать титул *хана* было очевидно по его печати: «Губайдулла **хан**, сын Вали хана» [7, р. 143].

Важно также отметить, что Россия считала *ага-султана* официальной должностью¹⁵, выплачивала им зарплаты и пенсии, в результате чего казахские султаны вошли в российскую административную систему в качестве имперских чиновников. В отличие от российской администрации, Цин продолжал даровать титулы казахским султанам, которые были представлены внешними вассалами империи.

Таким образом, изучая титулы казахских султанов в этих документах, Д. Нода четко отображает основные колебания казахско-цинско-российских отношений в этот период; другими словами, переворот казахской «двусторонней дипломатии».

Наконец, в четвертой главе приведен список миссий от казахов ко двору Цин (1757–1824), где указаны даты, отправители, члены и источники. Он составлен на основании «Записи о казахах на маньчжурском (滿文哈薩克檔)» и представляет собой историческую значимость.

Анализ «Сборника документов от казахских султанов к династии Цин» показал, что он представляет большую ценность как источник для изучения истории взаимоотношений между казахскими султанами, империей Цин и Россией. На основании этих источников были пересмотрены существовавшие ранее мнения о характере отношений между Цин и его среднеазиатскими вассалами, о наличии во внешней политике империи Цин одновременно аспектов среднеазиатского/евразийского и китайского государства. Также были выявлены особенности и различия титулов, дарованных казахским султанам империей Цин и Россией, что дает возможность по-новому взглянуть на казахско-цинско-российские отношения. Мы надеемся, что введение в научный оборот этого сборника документов будет способствовать дальнейшему изучению истории взаимоотношений между Казахскими ханствами и Цинской и Российской империями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1934. xii + 224 с.
2. Ishibashi H. Shinsho no ejen: Taiso, Taisō chō wo chūshin ni // Shinchō to higashi ajia. Tokyo: Yamakawa shuppansha, 1992. P. 3–16.
3. Noda J. Roshin no hazama no kazafu hān koku: Surutan to shinchō no kankei o chūshin ni // Tōyō gakuhō. 2005. Vol. 87. № 2. P. 29–59.
4. Noda J. Shindai tō'an shiryō to chū'ō ajia shi kenkyū: Qingdai zhongha quanxi dang'an huibian no shuppan ni yosete // Manzokushi kenkyū. 2007. Vol. 6. P. 162–173.
5. Noda J. Roshin teikoku to kazafu hankoku. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2011. vi + 292 p.
6. Noda J. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relation during the eighteenth and nineteenth centuries. Leiden; Boston: Brill, 2016. xx + 350 p.

¹⁵ После 1822 года казахи продолжали избирать ханов между собой; однако титул *хан* от Цин больше не был средством легитимации, и «хан-ранг» от России прекратил свое существование, замененный позицией *ага-султана*. Восприятие казахских султанов, возможно, лучше всего отражено в заявлении Курбан али: «ага-султан эквивалентен позиции бывшего *хāна*» [5, p. 175; 6, p. 208].

7. Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. iii + 176 p.
8. Onuma T. Shinchō ni yoru ōroto kaku otoku shihai no tenkai: mongoru shobu ni taisuru 'ki' shihai no dōnyū // Tōyō gakuho. 2004. Vol. 85. № 4. P. 1–26.
9. Onuma T. Shinchō to kazafu yūboku seiryoku tonō seijiteki kankei ni kansuru ichi kōsatsu: chū'ō ajia ni okeru ejen-albatu kankei no fuen to tenkai // Ajia Afurika gengo bunka no kenkyū. 2006. Vol. 72. P. 39–63.
10. Onuma T. Shin to chū'ō ajia sōgen: yūbokumin no sekai kara teikoku no henkyō e. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2014. vii + 311 p.
11. Sugiyama K. Daishin teikoku no keisei to hakkisei. Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 2015. xii + 541 + 19 p.

Сведения об авторе: Хироюки Нагаминэ – магистр литературы, лектор, отделение общего образования, Национальный институт технологии, Ояма колледж (771 Накакуки, Ояма, Точиги 323-0806, Япония). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Поступила 10.12.2020 Принята к публикации 25.02.2021
Опубликована 29.03.2021

REFERENCES

1. Vladimirtsov, B.Ya. *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm* [Social Structure of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. xii + 224 p. (In Russian)
2. Ishibashi H. Shinsho no ejen: Taiso, Taisō chō wo chūshin ni [Ejen in the Early Qing Period: The Taizu and Taizong Reign]. *Shinchō to hīgashi ajia* [The Qing Dynasty and East Asia]. Tokyo: Yamakawa shuppansha, 1992, pp. 3–16. (In Japanese)
3. Noda J. Roshin no hazama no kazafu hān koku: Surutan to shinchō no kankei o chūshin ni [The Kazakh Khanate between the Russian and Qing Empires: Particularly the relations between the Kazakh Sultans and the Qing Dynasty]. *Tōyō gakuho* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. 2005, vol. 87, no. 2, pp. 29–59. (In Japanese)
4. Noda J. Shindai tō'an shiryō to chū'ō ajia shi kenkyū: Qingdai zhongha quanxi dang'an huibian no shuppan ni yosete [Qing archival documents and recent research of Central Asian history: An introduction of the Qingdai zhongha quanxi dang'an huibian]. *Manzokushi kenkyū* [Journal of Manchu and Qing Studies]. 2007, vol. 6, pp. 162–173. (In Japanese)
5. Noda J. *Roshin teikoku to kazafu hankoku* [The “Kazakh Khanate”: Between Russian and Qing Empires]. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2011. vi + 292 p. (In Japanese)
6. Noda J. *The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires: Central Eurasian International Relation during the eighteenth and nineteenth centuries*. Leiden; Boston: Brill, 2016. xx + 350 p.
7. Noda J. and Onuma T. *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, the University of Tokyo, 2010. iii + 176 p.

8. Onuma T. Shinchō ni yoru ōroto kaku otoku shihai no tenkai: mongoru shobu ni taisuru ‘ki’ shihai no dōnyū [Banner rule over the Mongolian tribes by the Qing Dynasty: The case of Oyrad Otoks]. *Tōyō gakuho* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. 2004, vol. 85, no. 4, pp. 1–26. (In Japanese)

9. Onuma T. Shinchō to kazafu yūboku seiryoku tonō seijiteki kankei ni kansuru ichi kōsatsu: chū’ō ajia ni okeru ejen-albatu kankei no fuen to tenkai [The political relations between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads: Promotion of the “ejen-albatu relationship” in Central Asia]. *Ajia Afurika gengo bunka no kenkyū* [Journal of Asian and African Studies]. 2006, vol. 72, pp. 39–63. (In Japanese)

10. Onuma T. *Shin to chū’ō ajia sōgen: yūbokumin no sekai kara teikoku no henkyō e* [The Qing and the Central Asian Steppe: From the Nomadic Arena to the Imperial Frontier]. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2014. vii + 311 p. (In Japanese)

11. Sugiyama K. *Daishin teikoku no keisei to hakkisei* [The Formation of the Great Qing Empire and the Eight Banner System]. Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 2015. xii + 541 + 19 p. (In Japanese)

About the author: Hiroyuki Nagamine – Master of Arts, Lecturer, Department of General Education, National Institute of Technology, Oyama College (771 Nakakuki, Oyama, Tochigi 323-0806, Japan). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

*Received December 10, 2020 Accepted for publication February 25, 2021
Published March 29, 2021*

**INTERNATIONAL ONLINE CONFERENCE
“THE MONGOLS IN CENTRAL EUROPE:
THE PROFILE AND IMPACT OF THEIR THIRTEENTH-CENTURY
INVASIONS” (BUDAPEST, NOVEMBER 26–27, 2020)**

Aleksandar Uzelac

*Institute of History, Belgrade
Belgrade, Serbia
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Abstract: On November 26 and 27, 2020, an international online conference, “The Mongols in Central Europe: The Profile and Impact of Their thirteenth-century Invasions”, took place in Budapest. The conference was organized within the framework of the Project “The Mongol Invasion of Hungary in Its Eurasian Context”, led by Balázs Nagy. The conference gathered approximately twenty participants from ten countries. Its proceedings will be published in 2021. This volume is expected to be a useful addition to the existing literature in the field of the relations between of the Mongol Empire and Medieval Europe, especially with consideration toward the importance of the closer mutual collaboration between historians and archaeologists from various countries of Central and Southeast Europe. This was emphasized as one of the primary goals of the event.

Keywords: online conference, Mongol invasion of Europe, Medieval Hungary, Central Europe historical sources, archaeology

For citation: Uzelac A. International Online Conference “The Mongols in Central Europe: The Profile and Impact of Their thirteenth-century Invasions” (Budapest, November 26–27, 2020). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 224–226. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.224-226

The conference titled “The Mongols in Central Europe: The Profile and Impact of Their thirteenth-century Invasions” was planned to be held in late March 2020 in Budapest, but it had to be postponed due to the COVID-19 pandemics. However, thanks to the efforts of the organizers, gathered around the project “The Mongol Invasion of Hungary in Its Eurasian Context” (A tatárjárás Magyarországon és a mongol hódítás eurázsiai összefüggései) and led by Balázs Nagy (Eötvös Loránd University, Budapest), it was rescheduled as an online event, hosted in Budapest on November 26 and 27, 2020. The conference, held via the Zoom platform, gathered some twenty participants from ten countries (Hungary, Czechia, Slovakia, Poland, Bulgaria, Croatia, Serbia, the USA, Canada, and China), and many observers – scholars, researchers and students from Hungary and abroad. All presentations at the conference were in English language.

The opening speeches were given by Balázs Nagy and His excellency Batbayar Zeneemyadar, ambassador of Mongolia to Hungary. The keynote lecture by Christopher Atwood (University of Pennsylvania) titled "Mongolian Sources on the Great Western Expedition: Some Analytical Comments" closed the first day of the conference. The remaining papers were divided into seven sessions – the three took place on the first, and rest on the second day of the conference.

The papers covered various topics and themes related to the Mongol Invasion of the Central Europe in 1241–1242 and its historical importance, including the problems of the written sources (papers presented by Balázs Nagy, Stephen Pow, Zsuzsanna Papp Reed, Adam Lubocki, Tomaš Somer, and Mirko Sardelić), Cuman migrations on the eve of the Mongol invasion (presentations of Alexander Nikolov and Konstantin Golev), archaeological, climatological and geographic aspects of the Mongol invasion (Zsolt Pinke, József Laszlovszky, Michal Holeščák, Beatrix Romhányi, and Béla Zsolt Szakács), oral tradition (Ágnes Birtalan), nomadic customs (Dorottya Uhrin), relations between the Christian Europe and the Tatar world in the years following the Mongol invasion (Attila Bárány, Ning Ya, and Aleksandar Uzelac), and educational online materials about the Mongol Empire (Jack Wilson). Uzelac also used the opportunity to share information about the newly launched International Association of the Researchers of the Golden Horde.

All lectures, presentations and fruitful discussions that followed them will be posted online at the website of the Project (<http://tatarjaras1241.elte.hu>) in December 2020.

At the closing of the conference, the organisers announced that the proceedings are intended to be published during the next year. This volume is expected to be a useful addition to the existing literature in the field of the relations between the Mongol Empire and Medieval Europe, especially considering the importance of the closer mutual collaboration between historians and archaeologists from various countries of Central and Southeast Europe, which was emphasized as one of the primary goals of the event.

About the author: Aleksandar Uzelac – Ph.D. (History), Senior Research Associate, Institute of History, Belgrade (36/II, Kneza Mihaila Str., Belgrade 11000, Serbia); ORCID: 0000-0003-0626-2928. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Received December 17, 2020 Accepted for publication February 26, 2021
Published March 29, 2021*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ
«МОНГОЛЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ: ПРОФИЛЬ И ВЛИЯНИЕ
ИХ ВТОРЖЕНИЙ В XIII ВЕКЕ» (БУДАПЕШТ, 26–27 НОЯБРЯ 2020 г.)**

Александар Узелац

*Институт истории, Белград
Белград, Сербия
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

26–27 ноября 2020 г. в Будапеште состоялась международная онлайн-конференция «Монголы в Центральной Европе: профиль и влияние их вторжений в XIII веке». Конференция была организована в рамках проекта «Монгольское вторжение в Венгрию в его евразийском контексте», возглавляемого проф. Балажем Надь. На конференции собралось около двадцати участников из десяти стран. Сборник материалов будет опубликован в 2021 г. и будет полезным дополнением к существующей литературе в сфере отношений между Монгольской империей и средневековой Европой, особенно учитывая важность более тесного сотрудничества между историками и археологами из разных стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Это было представлено как одна из основных целей конференции.

Ключевые слова: онлайн-конференция, монгольское нашествие в Европу, средневековая Венгрия, Центральная Европа, источниковедение, археология

Для цитирования: Uzelac A. International Online Conference “The Mongols in Central Europe: The Profile and Impact of Their thirteenth-century Invasions” (Budapest, November 26–27, 2020) // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 224–226. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.224-226

Сведения об авторе: Александар Узелац – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории, Белград (11000, ул. Кнеза Михаила, 36/II, Белград, Сербия); ORCID: 0000-0003-0626-2928. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Поступила 17.12.2020 Принята к публикации 26.02.2021
Опубликована 29.03.2021*

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҖӘМ ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2020–2023 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2023)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Филактерий – футляр для свитков, рукописей или амулетов.
Серебро, ковка, графировка. Улус Джучи. XIV – начало XV в.

On the cover: Phylacterium – case for scrolls, manuscripts or amulets.
Silver, forging, engraving. Ulus of Jochi. Fourteenth or early fifteenth century

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2021. Т. 9, № 1
GOLDEN HORDE REVIEW. 2021, vol. 9, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 15.03.2021 г. Дата выхода в свет 29.03.2021 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,25 Тираж 500 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>